

ISSN 2686-8288

Том 232
2026

ТРУДЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

**СИСТЕМА
«КНИГА –
КНИЖНОЕ ДЕЛО –
ЧИТАТЕЛЬ»
В НОВОЙ
МЕДИЙНОЙ СРЕДЕ**

СПБГИК

Том 232
2026

Министерство культуры Российской Федерации
Санкт-Петербургский государственный институт культуры

ТРУДЫ
Санкт-Петербургского
государственного института культуры

2026 • Том 232

**СИСТЕМА «КНИГА – КНИЖНОЕ ДЕЛО – ЧИТАТЕЛЬ»
В НОВОЙ МЕДИЙНОЙ СРЕДЕ**

Материалы международной научной конференции
«XXIV Смирдинские чтения»
посвященной памяти Р. С. Гиляревского (1929–2025)

23–24 апреля 2026 г., Санкт-Петербург

ТРУДЫ
Санкт-Петербургского государственного института культуры
2026 • Том 232

Система «книга – книжное дело – читатель» в новой медийной среде

Материалы международной научной конференции
«XXIV Смирдинские чтения»,
посвященной памяти Р.С. Гиляревского (1929–2025)

Научный журнал. Издается с 1956 г.

Публикуется по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного института культуры

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Редакционная коллегия 232-го сборника научных трудов:
В. А. Мутьев, Д. А. Эльяшевич, Е. С. Жилене, М. К. Лопачева,
О. А. Александрова, А. С. Крымская, М. Н. Колесникова,
А. С. Шитова (отв. секретарь)

Библиографическое редактирование: В. Д. Васильева
Редактура и верстка: А. А. Якушева
Обложка: Е. А. Соловьева
Выпускающий редактор: А. С. Шитова

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 2. СПбГИК. каб. 2556, тел. 318 97 16.
www.spbgik.ru • e-mail: book-izdat@spbgik.ru • Лиц. ИД № 05313 от 09.07.2001
Подписано в печать 16.04.2026. Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 21,25. Тир. 80. Зак. ____

Отпечатано с готового оригинал-макета

ISSN 2308-0051

Сайт: <http://spbgik.ru/works/>

РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=37883

Киберленинка: [http://cyberleninka.ru/journal/n/
trudy-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kultury-i-iskusstv](http://cyberleninka.ru/journal/n/trudy-sankt-peterburgskogo-gosudarstvennogo-universiteta-kultury-i-iskusstv)

Цена свободная

© Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный институт культуры», 2026

СОДЕРЖАНИЕ • CONTENTS

Памяти Р. С. Гиляревского	9
-------------------------------------	---

РАЗДЕЛ 1. КНИГА И ЧТЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ: ДИНАМИКА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАКТИК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ • SECTION 1. THE BOOK AND READING IN THE MEDIA COMMUNICATION SPACE: THE DYNAMICS OF CULTURAL-HISTORICAL PRACTICES AND RESEARCH APPROACHES

А. Ю. Самарин. Р. С. Гиляревский – оппонент на защите первой кандидатской диссертации по специальности «книговедение» (Alexandr Yu. Samarin. R. S. Gilyarevsky – Opponent at the Defense of the First Candidate's Dissertation in Book Studies)	11
Г. В. Михеева. Крупные хищения в Императорской Публичной библиотеке в XIX в. (Galina V. Mikheeva. Major thefts from the Imperial Public Library in the 19 th century)	19
А. Н. Воропаев, Н. В. Лопатина. Интеллектуальная собственность как условие инновационного развития книжного рынка (Alexandr N. Voropayev, Natalya V. Lopatina. Intellectual property as a condition for the innovative development of the book market)	27
Л. А. Овсянникова. А.-Ж. Мартен. История «новой истории книги» во Франции (Larisa A. Ovsyannikova. Henri-Jean Martin: A history of "the new history of the book" in France)	33
М. Я. Хакимова. Чтение как важнейший элемент культуры (Muborakhon Ya. Khakimova. Reading as an essential element of culture).	39
Е. Ю. Иконникова. Педагогическая деятельность В. С. Люблинского в Московском заочном полиграфическом институте (Ekaterina Y. Ikonnikova. V. S. Lyublinsky's pedagogical activity at the Moscow Correspondence Polygraphic Institute).	43
В. Д. Васильева. Книговедческая концепция А. И. Барсука (Vlada D. Vasilyeva. The bibliological theory of A. I. Barsuk)	48
Н. Г. Патрушева. Цензура императорского двора в циркулярах цензурного ведомства Российской империи (Natalya G. Patrusheva. Imperial Court Censorship in Circulars of the Censorship Department of the Russian Empire)	56
К. В. Петров. Функции цензуры в свете теории книжных связей (Kirill V. Petrov. The Functions of Censorship in Light of the Theory of Book Contacts)	62

Д. А. Липатова. Благотворительные издания как ответ на голод 1891–1892 гг. (Daria A. Lipatova. Charity publications as a response to the famine of 1891–1892).	67
Н. А. Гринченко. Книжная торговля на железнодорожных магистралях в начале XX в. (аренда, конкуренция, ассортимент) (Natalya A. Grinchenko. Book trade on railway lines in the early 20 th century (renting, competition, assortment)).	73
С. В. Перекрестова. Издательские проекты А. С. Лаппо-Данилевского в Императорской Академии наук (Sofia V. Perekrestova. A. S. Lappo-Danilevsky's publishing projects in the Imperial Academy of Sciences).	81
Н. Г. Донченко. Страницы истории издательства «Советская Россия» (от Госкультпросветиздата до «Русской книги-XXI века») (Natalya G. Donchenko. Pages of the history of the publishing house "Soviet Russia" (from Goskultprosvetizdat to the "Russian Book of the 21st century"))	88
И. А. Лисицына. Книжные памятники научной библиотеки в культурном пространстве России (Irina A. Lisitsyna. Book Monuments of a Scientific Library in the Cultural Space of Russia)	91
О. А. Старковская. Проблемы книгоиздания на миноритарных языках Ленинградской области (Olga A. Starkovskaya. Problems of minority languages book publishing in the Leningrad Region).	97
Д. А. Лисенко. Аспекты процесса создания книги в фан-сообществе (Daria A. Lisenko. Aspects of the book creation process in fan communities)	104
А. В. Сапанжа. Литературная карта как инструмент развития читательской активности подростков в общедоступных библиотеках (Anna V. Sapanzha. Literary Map as a Tool for Developing Reading Engagement among Teenagers in Public Libraries).	111
Е. В. Явщиц. RuAphasiaBank – информационный ресурс для изучения практики чтения пациентов с афазией (Ekaterina V. Yavshits. RuAphasiaBank: an Information Resource for Studying Reading Practices in Patients with Aphasia).	116

РАЗДЕЛ 2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРЫ, ЕЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ • SECTION 2. SOCIOCULTURAL ASPECTS OF LITERATURE: THEORY AND PRACTICE

Г. Н. Боева. Щедринские традиции в творчестве Леонида Андреева (Galina N. Boeva. Shchedin's traditions in the work of Leonid Andreev).	123
--	-----

М. К. Лопачева. Бестиарий Михаила Булгакова: уроки М. Е. Салтыкова-Щедрина (Maria K. Lopacheva. Mikhail Bulgakov's Bestiary: Lessons from M. E. Saltykov-Shchedrin)	131
Е. С. Жилене. Влияние творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина на современный литературный процесс в освещении критики (Ekaterina S. Zhilene. The Influence of M. E. Saltykov-Shchedrin's Oeuvre on the Contemporary Literary Process in Critical Reception)	139
Е. В. Gladkova. Литературная судьба поэта и мыслителя П. А. Кускова (Ekaterina V. Gladkova. The literary fate of poet and thinker P. A. Kuskov).	148
С. А. Петрова. Интермедиаальный диалог в писательской практике: А. П. Чехов и В. В. Маяковский (Svetlana A. Petrova. Intermediate dialogue in writing practice: A. P. Chekhov and V. V. Mayakovsky)	153
М. А. Жиркова, А. А. Сарафанникова. Образ мертвеца и макабрический сюжет в стихотворении А. А. Блока «Как тяжело мертвецу среди людей...» из цикла «Пляски смерти» (Marina A. Zhirkova, Anna A. Sarafannikova. The image of the dead man and the macabre plot in A. A. Blok's poem "How Hard It Is for a Dead Man Among the Living..." from the "Dances of Death" cycle)	159
М. А. Жиркова. Особенности организации хронотопа в «Дневнике фокса Микки» Саши Черного (Marina A. Zhirkova. The Specifics of chronotope organization in "Mickey the Fox's Diary" by Sasha Chyorny).	167
А. В. Шаравин, И. Л. Старцева, Я. О. Резаков. Л. Добычин как читатель: опыт чтения и критерии художественной подлинности (Andrey V. Sharavin, Irina L. Startseva, Yaroslav O. Rezakov. L. Dobychin as a reader: reading experience and criteria of artistic authenticity)	177
Л. И. Вигерина. Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича в отечественной публицистике 1942 года: своеобразие восприятия и воплощения музыкального произведения в словесном виде искусства (Lyudmila I. Vigerina. D. D. Shostakovich's Seventh Symphony in Russian Publicism of 1942: The Unique Perception and Embodiment of a Musical Work in the Verbal Art Form)	184
К. И. Шарафадина. «Армянский текст» русской поэзии в метакнижной экспликацией (на материале книжной серии М. Д. Амирханяна) (Klara I. Sharafadina. "Armenian text" of russian poetry in a metabook Explication (based on the book series by M. D. Amirkhanyan))	191
Л. А. Есауленко. Экфрасис постмодернизма (картина Т. Жерико в романе Дж. Барнса «История мира в десяти с половиной главах») (Larisa A. Esaulenko. Ekphrasis of postmodernism (a painting by t. Géricault in The novel by J. Barnes "The history of the world in ten and a half chapters"))	196

РАЗДЕЛ 3. БИБЛИОГРАФИЯ: РЕСУРСЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ • SECTION 3. BIBLIOGRAPHY: RESOURCES, TOOLS, AND CONTEMPORARY FORMS

Н. В. Пономарева. Архивы деятелей библиотечно-информационной сферы: значение, проблемы, поиски решений (Nina V. Ponomareva. Archives of figures in the library and information sphere: meaning, problems, search for solutions)	204
А. С. Крымская. Марина Константиновна Архипова – представитель ленинградской школы отраслевой библиографии (Albina S. Krymskaya. Marina Konstantinovna Arkhipova as a representative of the Leningrad school of subject bibliography)	207
А. И. Исаченкова. М. К. Архипова – мой наставник и научный руководитель (Anna I. Isachenkova. M. K. Arkhipova as my mentor and academic supervisor)	214
Е. Н. Буринская. Имя, достойное памяти (Elena N. Burinskaya. A name worthy of memory)	222
Т. А. Белогорская. Марина Константиновна Архипова (Штрихи к портрету) (Tatyana A. Belogorskaya. Marina Konstantinovna Arkhipova (Strokes for a Portrait))	224
Н. Г. Кузьмина. Указатели, каталоги литературы по библиографии, книговедению и полиграфии 1920-х гг. К 100-летию выпуска (Nina G. Kuzmina. Indexes and Catalogs of Literature on Bibliography, Book Science, and Printing in the 1920s. Celebrating the 100 th Anniversary of the Publication).	231
М. С. Маадыр. Библиографическое раскрытие журналов Тувинской Народной Республики в современной электронной среде (Maja S. Maadyr. Bibliographic disclosure of journals of the Tuvan People's Republic in the modern electronic environment).	237
В. Э. Кулев, А. В. Русаков. Обеспечение сохранности и доступности фондов. Проблемы перевода фонда в электронный формат (Vladimir E. Kulev, Alexey V. Rusakov. Ensuring the Preservation and Accessibility of Collections: Challenges of Converting Holdings into Digital Format)	243
Т. Д. Байтураев. Библиография изданий о походе Александра Македонского в Бактрии и Согдиане (Touychibay D. Baituraev. Bibliography on the Campaign of Alexander the Great in Bactria and Sogdiana)	248

Н. М. Мустафаева. Оценка качества электронных ресурсов Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки средствами вебометрии (Natalya M. Mustafaeva. Quality assessment of electronic resources of the St. Petersburg state theatrical library by webometrics)	254
Д. А. Арутюнян. Информационное обеспечение культурологического образования (Diana A. Arutunyan. Information support of cultural studies education)	263

РАЗДЕЛ 4. КЛАССИКИ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ НАУКИ • SECTION 4. CLASSICS OF LIBRARY AND INFORMATION SCIENCE

Классики библиотечно-информационной науки (общая ред. и сост. проф. М. Н. Колесниковой)	271
Е. Г. Ахти. Методическая деятельность библиотек в эпоху цифровизации (Elena G. Ahti. Methodological activity of libraries in the era of digitalization)	273
А. И. Балковский. Методологический дискурс библиотековедения: современный взгляд (Andrey I. Balkovsky. Methodological discourse of library science: a contemporary perspective)	278
Н. С. Беляев. Основные направления научной работы Отдела Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы РАН на современном этапе (Nikolay S. Belyaev. The main directions of scientific work of the Library Department of the Academy of Sciences at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences at the present stage)	284
Н. Г. Донченко. Вклад профессора А. Н. Ванеева в подготовку кадров для Северо-запада России (1995–2010) (Natalya G. Donchenko. Professor A. N. Vaneev's contribution to the training of personnel for the North-West of Russia (1995–2010))	290
И. Д. Кадыров. Критическое мышление библиотекарей как инструмент повышения устойчивости к информационным атакам и манипуляциям (Ildar D. Kadyrov. Critical thinking of librarians as a tool to increase resilience to information attacks and manipulation)	294
И. Е. Кознова. Мир чтения советского школьника (по дневникам Ивана Хрипунова, 1937–1941 гг.) (Irina E. Koznova. The World of reading for a Soviet schoolboy (based on the diaries of Ivan Khripunov, 1937–1941))	299

М. Ю. Матвеев. Проблемы семейного чтения в XXI в.: необходимость сохранения традиций и преемственности поколений (Mikhail Yu. Matveev. Problems of family reading in the 21 st century: the need to preserve traditions and continuity of generations)	308
Е. А. Плешкевич. Вклад А. Н. Ванеева историю библиотековедения и библиотечного дела (Evgeny A. Pleshkevich. Contribution of A. N. Vaneev to the history of library science and librarianship).	316
Е. С. Русинова. Оцифровка книжного культурно-исторического наследия: позитивные представления и противоречивые практики (болгарский опыт) (Evgenia S. Rusinova. Digitization of the book cultural and historical heritage: positive ideas and contradictory practices (Bulgarian experience))	327
Сведения об авторах (Information about authors)	335

Памяти Р. С. Гиляревского

В тексте, посвященном Руджеро Сергеевичу Гиляревскому, очень сложно использовать глаголы прошедшего времени. Хочется сказать: «Как пишет Р. С. Гиляревский», «Как говорит Р. С. Гиляревский», а не «Как писал» и «Как говорил». Однако действительность неумолима: Руджеро Сергеевича больше нет с нами.

Невозможно переоценить вклад Р. С. Гиляревского в развитие той сферы гуманитарного знания, которая связана с отечественным книговедением и библиографоведением. Его работы неизменно были шире этих дисциплин и всегда оказывали существенное влияние на их развитие. Именно Р. С. Гиляревскому принадлежит первая удачная попытка книговедческого осмысления феномена электронной книги, именно он неустанно писал и говорил об информационно-коммуникативной сущности книговедения, предугадывая тем самым новый этап развития этой дисциплины.

Несомненная заслуга Р. С. Гиляревского состоит в том, что он на протяжении многих десятилетий играл роль медиатора между российской гуманитарной наукой и передовыми зарубежными исследованиями, с которыми был хорошо знаком и которые пропагандировал в своих монографиях, статьях и учебниках. Такое посредничество позволяло части отечественных исследователей своевременно знакомиться с достижениями иностранных коллег и использовать их результаты в собственных работах.

С начала 70-х гг. Р. С. Гиляревский постоянно поддерживал контакты с кафедрой общей библиографии и книговедения ЛГИК им. Н. К. Крупской, а затем и с кафедрой медиалогии и литературы СПбГИК. Его друзьями были И. Л. Полотовская, И. А. Шомракова, А. В. Блюм. С момента учреждения Смирдинских чтений он постоянно принимал в них участие и выступал с докладами, которые во многом определяли общую направленность этих научных форумов.

Те, кому посчастливилось лично общаться с Руджеро Сергеевичем, всегда отмечали его рафинированную интеллигентность, умение рассказывать о самых сложных вещах просто и понятно, принципиальность и нетерпимость ко всякого рода лженаучным теориям. Его критика подчас могла быть очень

суровой, но всегда облекалась в безупречно корректную форму. О том, что Р. С. Гиляревский не принимал всерьез как ученый, он предпочитал высказываться с неиссякаемым юмором.

Интересы Р. С. Гиляревского были удивительно разносторонними. Помимо информатики и информационных технологий, он занимался проблемами библиографического описания, научной эвристики, библиометрии, анализом состояния и перспектив развития книжного и библиотечного дела за рубежом, журналистикой, историей литературы и многими другими темами. Названный в честь Руджеро Леонкавалло, он был выдающимся знатоком оперного искусства и мог часами говорить о постановках опер на различных сценах или о качестве аудиозаписей тех или иных музыкальных спектаклей. Заядлый автомобилист, он часто добирался до Ленинграда, а потом и до Санкт-Петербурга не на поезде или самолете, а на машине, и весело рассказывал, как с течением времени меняются нравы на дорогах.

Работы Р. С. Гиляревского давно стали классикой отечественной гуманитаристики. На них выросло уже не одно поколение исследователей. Нет сомнений в том, что и в будущем они будут служить путеводной нитью для тех, кто прокладывает свой путь в науку.

Широкая тематическая палитра настоящего сборника трудов, в котором представлены работы как известных ученых, так и тех, кто только вступает на научное поприще, в какой-то мере соответствует широте научных интересов Р. С. Гиляревского. Мы с благодарностью посвящаем это издание его памяти.

Д. А. Эльяшевич

РАЗДЕЛ 1. КНИГА И ЧТЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ: ДИНАМИКА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРАКТИК И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПОДХОДОВ • SECTION 1. THE BOOK AND READING IN THE MEDIA COMMUNICATION SPACE: THE DYNAMICS OF CULTURAL- HISTORICAL PRACTICES AND RESEARCH APPROACHES

УДК 378.245.3:002.2(470)''1964''

А. Ю. Самарин

Р. С. Гиляревский – оппонент на защите первой кандидатской диссертации по специальности «книговедение»

Рассмотрено участие выдающегося российского специалиста в области информатики Р. С. Гиляревского (1929–2025) в защите первой в нашей стране диссертации по специальности «книговедение», состоявшейся в 1964 г. Ее автор Е. Л. Немировский (1925–2020) посвятил свою работу источниковедению и историографии раннего русского книгопечатания. Не будучи глубоким специалистом в данной теме, Р. С. Гиляревский подготовил содержательный отзыв второго оппонента. Он хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В нем Р. С. Гиляревский представил взгляд на раннее отечественное книгопечатание как на этап в развитии распространения информации, провел глубокий анализ диссертационной работы, сделал ряд содержательных замечаний как библиографического, так и конкретно-исторического характера.

Ключевые слова: Р. С. Гиляревский, Е. Л. Немировский, книговедение, защита диссертации, отзыв научного оппонента, научное наследие

Alexandr Yu. Samarin

R. S. Gilyarevsky – Opponent at the Defense of the First Candidate's Dissertation in Book Studies

This article examines the participation of the distinguished Russian specialist in information theory, R. S. Gilyarevsky (1929–2025), in the defense of the first dissertation in the country in book studies, which took place in 1964. Its author, E. L. Nemirovsky (1925–2020), devoted his work to source studies and the historiography of early Russian book printing. Although not a deep specialist in this topic, R. S. Gilyarevsky prepared a substantive review for the second opponent. It is housed in the Manuscript Department of the Russian State Library. In it, R. S. Gilyarevsky presented his view of early Russian book printing as a stage in the development of information dissemination, conducted an in-depth analysis of the dissertation, and made a number of insightful comments of both a bibliographical and historical nature.

Keywords: R. S. Gilyarevsky, E. L. Nemirovsky, bibliography, dissertation defense, review of a scientific opponent, scientific heritage

Выдающийся отечественный ученый, один из отцов-основателей информатики как самостоятельной научной дисциплины Руджеро Сергеевич Гиляревский (1929–2025)¹ постоянно был в центре научной коммуникации с широким кругом коллег. Одним из ее проявлений было его участие в подготовке научных кадров, он часто выступал в роли официального оппонента на защитах диссертаций (более 100 раз)², писал отзывы на авторефераты. Несомненно, что тексты отзывов на диссертационные исследования являются частью научного наследия и заслуживают отдельного изучения, а в некоторых случаях и публикации. Представляется знаковым событием участие Р. С. Гиляревского в первой нашей стране защите кандидатской диссертации по специальности «книговедение».

Наука о книге в нашей стране переживала очень серьезные перепады. После периода расцвета в 1920-х гг. и острых дискуссий в 1930-х гг. наступило время затишья, полузапрета книговедения, продолжавшегося почти два десятилетия. Только в конце 1950-х – начале 1960-х гг. началось «второе рождение» книговедения, ознаменовавшееся ростом исследовательской активности, появлением специализированных изданий (в первую очередь, сборника «Книга: исследования и материалы» в 1959 г.). Среди признаков возрождения отмечается также создание аспирантуры и введение ученых степеней кандидата и доктора наук по специальности «книговедение»³.

Первым ученым, вышедшим на защиту по новой специальности, стал Евгений Львович Немировский (1925–2020)⁴. Уже к моменту защиты он был заметной фигурой в мире книговедения и истории книги, а позднее стал научной фигурой первой величины в нашей отрасли знания. Из воспоминаний Е. Л. Немировского явствует, что инициатором его защиты стал заведующий кафедрой редактирования Московского полиграфического института, главный редактор сборника «Книга: исследования и материалы» Николай Михайлович Сикорский (1919–1997)⁵. Е. Л. Немировский писал: «Ценой огромных усилий Сикорский «пробил» в Высшей аттестационной комиссии учреждение степеней кандидата и доктора филологических наук по специальности „книговедение“. И когда это свершилось, сразу же предложил мне готовиться к защите. Я к этому времен увлекся историей славянского кирилловского книгопечатания и к 400-летию русского книгопечатания, которое собирались отмечать в 1964 г., написал книгу „Возникновение книгопечатания в Москве. Иван. Федоров“. При этом вышел за рамки объема, оговоренного авторским договором. Пришлось выкинуть главу, посвященную источниковедению и историографии русского первопечатания. Ее-то, даже не перепечатывая, я и отнес к Николаю Михайловичу. Он прочитал и одобрил»⁶.

Диссертация Е. Л. Немировского получила название «Источниковедение и историография русского первопечатания»⁷. Защита Е. Л. Немировского, состоявшаяся 23 марта 1964 г., прошла не без проблем. Незадолго до нее на прилавках книжных магазинов появилась его фундаментальная книга «Возникновение книгопечатания в Москве. Иван. Федоров». В предисловии «От автора» можно было, в частности, прочитать следующий пассаж: «Мы твердо убеждены в том, что все попытки воскресить „историю книги“ и „книговедение“, которые делаются в последнее время, обречены на провал. Мы вовсе не против этих терминов. Но мы рассматриваем их как условные понятия, обозначающие комплекс отраслей, объединить которые в рамках одной науки невозможно. „История книги“ имеет право на существование лишь в собирательном смысле, так же, впрочем, как например, условное „история кино“ в противовес вполне конкретным „истории кинотехники“ или „истории киноискусства“. Будущее, несомненно, принадлежит „истории книгопечатания“, входящей в общее русло „критической истории технологии“, о необходимости разработки которой говорили К. Маркс и В. И. Ленин»⁸. Столь явное отрицание книговедения вызвало гневную реакцию некоторых коллег. По инициативе доцента В. И. Безъязычного было собрано внеочередное за-

седание кафедры редактирования Московского полиграфического института, которая ранее рекомендовала Е. Л. Немировского к защите. На нем Безъязычный выдвинул требование отменить данное решение. «Немировский написал хорошую работу, – сказал он, – но если он отрицает книговедение, пусть идет защищать в другое место»⁹.

Только твердая позиция Н. М. Сикорского оставила все в силе. Но дрогнул первый оппонент, член корреспондент АН СССР Алексей Алексеевич Сидоров (1891–1978). Будучи крайне осторожным человеком, в день защиты он не явился на нее, сославшись на нездоровье. По воспоминаниям Е. Л. Немировского: «Положение и на этот раз спас Николай Михайлович (Сикорский. – А. С.). Он попросил оппонировать члена Ученого совета, известного литературоведа Юлиана Григорьевича Оксмана. Тот никогда не занимался историей книгопечатания, но был превосходным оратором и экспромтом произнес блестящую речь. Затем, в соответствии с инструкцией ВАКа, зачитали положительный отзыв А. А. Сидорова»¹⁰.

После него настала очередь выступать Р. С. Гиляревскому. «Второй мой оппонент Руджеро Сергеевич Гиляревский тоже не был специалистом по истории славянского книгопечатания. Но и он написал положительный отзыв», – вспоминал Е. Л. Немировский¹¹.

Из вышеприведенного свидетельства становится понятно, что роль Р. С. Гиляревского в процессе защиты была одной из ключевых. Каким же был его отзыв? Его текст сохранился в личном архивном фонде Е. Л. Немировского, который ныне хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки¹². Из него следует, что Р. С. Гиляревский, несмотря на небольшой на тот период опыт в написании подобного рода документов, подошел к подготовке отзыва профессионально. Начал он с обоснования актуальности темы, связав ее не только с проводившемся в тот момент юбилеем русского книгопечатания, но и историческим значением появления печатной книги вообще: «Диссертационная работа Е. Л. Немировского посвящена исключительно актуальной и важной теме. Ее актуальность определяется не только юбилеем 400-летия русской печатной книги, который только что был отпразднован в СССР. Важность ее заключается не только в том, что начало книгопечатания в каждой стране является значительной вехой ее культурного развития, хотя одного этого обстоятельства достаточно, чтобы вести непрерывные исследования по истории первопечатания» (Л. 1).

Очень важно, что Р. С. Гиляревский отметил значение темы в контексте общей истории распространения информации, указав, что возникновение книгопечатания радикально изменило мир информации, подобно происходившей в период защиты Е. Л. Немировского «революции в мире книг», которую, и диссертант, и оппонент, по всей видимости, трактовали в духе Р. Эскарпи¹³. Р. С. Гиляревский писал: «В настоящий момент, впервые за последние полтысячелетия в книжном деле происходят глубокие революционные изменения. Они характеризуются не только появлением новых методов производства и распространения книги, но и существенным изменением общественных функций книги. Возникли и развиваются новые научные дисциплины».

плины в области практической деятельности, такие как научная информация и документация. Их задачей является изыскание новых путей в обслуживании человечества информацией, что выполнялось до сих пор почти исключительно книгой. В связи с этим во многих сферах человеческой деятельности, и в первую очередь в книговедческих дисциплинах, библиотековедении и библиографии идет переосмысление общественного значения книги.

Совершенно естественно, что в этих условиях изучение книгопечатания, т. е. предыдущего революционного момента в истории книги, приобретает особо важное значение» (Л. 1–2).

Следует отметить, что такой широкий подход одобрялся в 1964 г. далеко не всеми специалистами. Так, известный ленинградский историк русской книги Татьяна Александровна Быкова (1893–1975)¹⁴ в своем отзыве на автореферат диссертации Е. Л. Немировского была категорична: «В самом первом абзаце автореферата имеется вычурная фраза, не имеющая никакого реального содержания: «Чтобы выйти из мрака средневековья, люди прежде всего должны были революционизировать средства регистрации и распространения информации». Какую регистрацию и информацию выполняла в те времена рукописная книга? И как этим целям служили первопечатные Евангелия и Апостолы?»¹⁵.

Похожую позицию занял и другой коллега из города на Неве, автор трудов по истории возникновения европейского книгопечатания Владимир Сергеевич Люблинский (1903–1968)¹⁶. В своем отзыве на автореферат он утверждал: «В данном автореферате имеются формулировки, вызывающие возражения. Так, в самом его начале делается попытка связать вопрос о введении книгопечатания в России с одной стороны с проблемой изобретения книгопечатания, о которой говорил Маркс (что далеко не одно и то же!), а с другой стороны – с новейшим научно-техническим воззрением на сущность информации. „Чтобы выйти из мрака средневековья, – пишет диссертант, – люди прежде всего должны были революционизировать средства регистрации и распространения информации“. Но, во-первых, идеологический сдвиг, поворот к гуманизму от схоластики вызывается – и вообще обусловлен – отнюдь не изменением средств информации и во всяком случае не „прежде всего“ этим фактором; а во-вторых – если бы даже дело обстоило так, какую новую информацию содержали – по сравнению с письменностью прошлых столетий все „Апостолы“, „Псалтыри“, „Триоди“ и прочие чисто церковные книги, до начала XVIII века почти безраздельно исчерпывающие тематику русской печати?»¹⁷. Поразительно, но всего тремя годами позже, в 1967 г., В. С. Люблинский написал большую статью, которая впервые увидела свет в 1968 г., а в полном авторском варианте в 1972 г. Называлась она – «Ранняя книга как ступень в развитии информации»¹⁸.

Указав на глубокую и всестороннюю разработку Е. Л. Немировским темы диссертации, Р. С. Гиляревский приступил к характеристике отдельных глав. Относительно первой из них автор отзыва специально отметил: «Е. Л. Немировский проделал большую работу по обследованию архивов, в которых могут содержаться документы по его теме. Вполне естественно, что одному

человеку такая работа не под силу. Автор добросовестно указывает, какие именно архивы из тех, которые он сумел охватить, могут дать новые материалы. Нельзя не отметить как положительный факт методические советы автора по разысканию документов в архивах (вплоть до расшифровки зарубежной системы номеров указателей), предостерегающие от возможных ошибок будущих исследователей данного вопроса.

Основная мысль, проходящая через всю первую главу, заключается в том, что при решении тех или иных запутанных вопросов первопечатания, предпочтение не должно отдаваться той или иной группе источников, а они должны рассматриваться в совокупности. Верность этой мысли не подлежит сомнению. Автор диссертации с успехом реализует ее при изложении дискуссионного вопроса о дате возникновения первой московской типографии и начале русского книгопечатания в связи с разночтением в послесловии к „Апостолу“ 1564 года и некоторых других вопросов» (Л. 2–3).

Заслужила одобрение и вторая глава диссертации, посвященная историографии начального периода русского книгопечатания. «В ней последовательно рассматриваются работы, посвященные исследуемой теме: начиная с XVII века вплоть до наших дней. Отличительной особенностью этой главы является монографический характер изложения. Прежде чем рассмотреть взгляды того или иного автора на вопросы ранней истории русского книгопечатания, диссертант дает краткий очерк его жизни и деятельности, его мировоззрения и общую оценку его научным трудам. Такой подход позволяет понять социальную обусловленность позиций историков русского первопечатания и является вполне плодотворным.

Положительным моментом этой главы является стремление диссертанта определить собственное отношение к ряду спорных вопросов, которыми избилует избранный им предмет. Краеугольным камнем в оценке позиции того или иного автора в диссертации служит введение в научный оборот новых фактов или идей и критическое отношение к источникам. Следует особо отметить в этом отношении справедливо высокую оценку малоизвестным трудам А. Е. Викторова о так называемых безвыходных изданиях», – писал Р. С. Гиляревский (Л. 3–4).

Вместе с тем, Р. С. Гиляревский обозначил свою позицию по поводу некоторых выводов Е. Л. Немировского: «Нельзя не отметить, однако, что отсутствие достаточного материала и возможность новых находок как самих первопечатных изданий, так и исторических документов, проливающих свет на историю их создания, не дает оснований для категорических суждений по ряду вопросов. Это с достаточной ясностью вытекает из всего текста диссертации. Между тем, диссертант иногда грешит такой категоричностью, особенно в последнем разделе главы: «Советская историография русского первопечатания». Его несогласие с некоторыми положениями таких крупных ученых как А. С. Орлов и М. Н. Тихомиров нуждаются в более подробной аргументации» (Л. 4).

Как специалист по иностранной библиографии Р. С. Гиляревский не мог не отметить привлечение в диссертации Е. Л. Немировского зарубежных ма-

териалов и составленную для нее библиографию: «Важной чертой историографической главы диссертации является широкое привлечение зарубежных материалов. Они органически входят в текст исследования и показаны во взаимосвязях с трудами отечественных ученых. Особо ценным в этой главе представляется специфичность методики, которая характеризуется не только историческим, но и библиографическим подходом к вопросу. Историография дается на основе тщательного библиографического учета всех публикаций, относящихся к теме исследования.

Следует особо сказать, что библиографический подход к изучению ряда книговедческих вопросов может оказаться эффективным и заслуживает серьезного внимания. Диссертация Е. Л. Немировского служит этому хорошим примером. Третьей главой, а, по существу, приложением к диссертации является библиография исследуемого вопроса на русском и иностранных языках, содержащая свыше тысячи записей. В основу этого указателя, представляющего самостоятельную ценность, положен известный труд А. П. Лебедянской, который был критически пересмотрен и значительно дополнен автором диссертации» (Л. 4–5).

Хотя Р. С. Гиляревский не был профессиональным историком книгопечатания, его замечания к работе показывают его широкий научный кругозор. Так, он подверг критике раздел диссертации, называвшийся «Свидетельства современников». Оппонент писал: «Автор подчеркивает, что „важным ... источником по ранней истории русского книгопечатания являются записки путешественников, посещавших в XVI–XVII вв. Московскую Русь“. С этим нельзя не согласиться. Действительно, опубликованные в свое время высказывания итальянца Р. Барберени, побывавшего в Москве в 1565 году – на следующий год после выпуска в свет первопечатного Апостола, – Записки немца Генриха Штадена, относящиеся к 1565–1570 гг., книги иезуита Антонио Поссевино, англичанина Джильса Флетчера и др. ввели в оборот науки немало чрезвычайно ценных фактов и наблюдений. Автор критически относится к этим материалам, подчеркивает как сильные, так и слабые стороны их.

Плохо другое. Приведенные в разделе имена давно уже известны науке. Е. Л. Немировский подчеркивает, что ему известны высказывания иностранных авторов XVIII века, сообщающие факты, которые не имеют параллелей в известных нам русских или иностранных источниках. Автор высказывает предположение, что такие сообщения могут иметь неизвестные нам иностранные источники. Было бы естественно поискать эти источники. Библиографические сводки „сказаний иностранцев“, предпринятые еще в прошлом веке Ф. Аделунгом, С. Р. Минцловым и В. О. Ключевским, далеко не полны. Это подтвердила последующая публикация таких важных источников, как, например, записки Генриха Штадена „О Москве Ивана Грозного“ или „Сказание“ Альберта Шлихтинга.

Автор, который в остальных частях своей работы вводит в оборот науки существенно новый материал, в рассматриваемом случае пошел по наиболее легкому пути, ограничившись систематизацией и анализом уже известных до него источников. Об этом нельзя не пожалеть» (Л. 5–6).

Еще два замечания касались библиографической составляющей диссертации: «1) В пояснениях к библиографии не указано, какими источниками

пользовался диссертант для выявления зарубежных изданий. Это не дает возможность оценить полноту иностранной части библиографии.

2) В самой библиографии допущены некоторые излишества. Вряд ли, например, стоило приводить сведения о нескольких десятках перепечаток в местных газетах статьи Л. Теплова „Великое начало“ от 19 апреля 1963 г.

Значительно затрудняет использование диссертации отсутствие указателя к ее основному тексту. Алфавитный указатель имен к библиографическому списку только отчасти исправляет эту недоработку» (Л. 6–7).

Как и принято в заключении к отзыву Р. С. Гиляревский дал ей высокую оценку и рекомендовал присудить Е. Л. Немировскому ученую степень кандидата филологических наук.

Как видим, участие Р. С. Гиляревского в первой защите диссертации по специальности «книговедение» имело важное значение как по формальному статусу (официальный оппонент), так и по реальному вкладу в условиях трудностей ее сопровождавших. Его отзыв дает представление о большой культурной эрудиции Р. С. Гиляревского, умении вписать конкретную историческую тему в общий процесс развития инфосферы в человеческом обществе. Именно тогда начался вырабатываться тот уникальный стиль Гиляревского-оппонента, о котором И. Л. Полотовская писала: «Почему Гиляревского так любят видеть в оппонентах? Мне не раз приходилось слушать его выступления, и говорит он, действительно, нетривиально и интересно. Но думаю, что дело не только и не столько в этом. Он подходит к этому процессу творчески, ему интересны мысли диссертанта: указывая на недостатки, он умеет говорить о них как о продолжении достоинств работы»¹⁹.

Примечания

¹ О нем см.: Полотовская И. Л. От книгоописания к гипертексту. К 65-летию Р. С. Гиляревского // Историко-библиографические исследования: сборник научных трудов. СПб., 1995. Вып. 5. С. 82–89; Скворцов В. В. Провидец информационного общества // Научные и технические библиотеки. 1999. № 9. С. 56–60; Чуйкова Н. А. В память о Р. С. Гиляревском (1929–2025) // Научные и технические библиотеки. 2025. № 10. С. 46–61.

² Полотовская И. Л. Указ. соч. С. 88.

³ Беловицкая А. А. Книговедение. Общее книговедение: учебник. М.: МГУП, 2006. С. 137.

⁴ Евгений Львович Немировский. Страницы воспоминаний. Автобиобиблиография. М.: Наука, 2005; Самарин А. Ю. Самый знаменитый книговед (к 90-летию Е. Л. Немировского) // Библиотековедение. 2015. № 6. С. 66–70; Он же. Памяти Евгения Львовича Немировского (21.IV.1925 – 2.VII.2020) // Вопросы истории естествознания и техники. 2020. Т. 41, № 4. С. 865–869.

⁵ Немировский Е. Л. Николай Михайлович Сикорский – книговед и историк книги. М.: Наука, 2008. 48 с.

⁶ Евгений Львович Немировский. Страницы воспоминаний. Автобиобиблиография. С. 97–98.

⁷ Немировский Е. Л. Источниковедение и историография русского первопечатания: диссертация ... канд. филологических наук. М., 1964. 383 с.; Он же. Источниковедение и историография русского первопечатания: автореферат дис. ... канд. филологических наук. М., 1964. 23 с.

⁸ Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван. Федоров. Москва: Книга, 1964. С. 8.

⁹ Евгений Львович Немировский. Страницы воспоминаний. Автобиобиблиография. С. 98.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 894 (Е. Л. Немировский). Карт. 32. Ед. хр. 41. Далее ссылки на этот документ приводятся в скобках в тексте.

¹³ Эскарпи Р. Революция в мире книг. М.: Книга, 1972. 127 с.

¹⁴ Альбина Л. Л., Враская О. Б. Памяти Татьяны Александровны Быковой // Книга: исследования и материалы. М., 1976. Сб. 32. С. 223–225; Ткаченко М. И. Быкова Татьяна Александровна // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь. Санкт-Петербург, 1999. Т. 2: Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде 1918–1930. С. 149–154.

¹⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 894 (Е. Л. Немировский). Карт. 32. Ед. хр. 39. Л. 2.

¹⁶ О В. С. Люблинском см.: Сидоров А. А. В. С. Люблинский как книговед // Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М.: Книга, 1972. С. 3–13; Вахтина П. Л. Люблинский Владимир Сергеевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: биографический словарь. СПб., 1999. Т. 2: Российская Публичная библиотека – Государственная Публичная библиотека в Ленинграде 1918–1930. С. 412–416.

¹⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 894 (Е. Л. Немировский). Карт. 32. Ед. хр. 47. Л. 1–2.

¹⁸ Люблинский В. С. Ранняя книга как ступень в развитии информации // Книга в истории человеческого общества. М.: Книга, 1972. С. 85–183.

¹⁹ Полотовская И. Л. Указ. соч. С. 88.

Г. В. Михеева

Крупные хищения в Императорской Публичной библиотеке в XIX в.

Воссоздана история двух крупнейших хищений, произошедших в Императорской Публичной библиотеке в XIX в. Охарактеризованы личности преступников, совершивших кражи. В научный оборот введены подробные данные о хищении, совершенном Т. Чацким, ранее не привлекавшие пристального внимания исследователей. Раскрыты подробности «дела А. Пихлера». Приведена историческая оценка библиомании.

Ключевые слова: Императорская Публичная библиотека, хищения в библиотеках, Т. Чацкий, А. Пихлер, Российская национальная библиотека, библиомания

Galina V. Mikheeva

Major thefts from the Imperial Public Library in the 19th century

The story of two major thefts that occurred at the Imperial Public Library in the 19th century is recreated. The identities of the guards who committed the thefts are described. Detailed information about the theft committed by T. Chatsky, previously overlooked by researchers, has been introduced into scholarly discourse. Details of the "A. Pikhler case" are revealed. A historical assessment of bibliomania is provided.

Keywords: Imperial Public Library, library thefts, T. Chatsky, A. Pichler, National Library of Russia, bibliomania

Как заметил в свое время наблюдательный В. В. Стасов, «нет такой общественной библиотеки в Европе, где бы не пропадали книги (так точно, как нет на свете хлебного амбара без крыс и без мышей, несмотря ни на какие меры и предосторожности)»¹. Не удалось избежать этого и Императорской Публичной библиотеке (ИПБ). Более того, крупнейшая кража произошла еще в самом начале организации первой национальной библиотеки, до открытия ее для читателей.

Известно, что в основу ее создания было положено одно из самых богатых в то время собраний видных польских аристократов, государственных и церковных деятелей братьев А.-С. и Ю.-А. Залуских, приобретенное в ноябре 1794 г. в качестве военного трофея при занятии Варшавы А. В. Суворовым. К концу своего существования в Польше библиотека Залуских обладала книжным и рукописным собранием общим объемом около 400 тыс. томов². Однако, по сведениям А. Н. Оленина, в 1795 г. в Петербург было доставлено 262 640 книг и 24 574 листовых эстампа (гравюры)³, т. е. в целом поступление составило 287 214 документов. Разница составляла около 113 тыс. единиц. Такие цифры не могли не волновать и современников ее поступления в столицу Российской империи, и историков. Бытовали разные слухи и предположения: книги небрежно укладывали для транспортировки, толпа казаков варварски обращалась с захваченными книжными сокровищами⁴, «о дороге из Варшавы в Россию книги продавались желающим „корзинами“»⁵, «весьма значительные хищения были сделаны лицами, отлично знавшими библиотеку»⁶. Кто же и где совершил такое беспрецедентное хищение? Попытаемся найти ответы на эти вопросы.

Трофейное собрание в ящиках поступило в Санкт-Петербург летом и осенью 1795 г. и было помещено в садовый павильон Аничкова дворца, поскольку строительство специального, первого в истории России предназначенного

для библиотеки здания только началось. Необходимо было весь этот огромный книжный склад превратить в национальную библиотеку Российской империи. Для разбора привезенного собрания была выделена небольшая группа чиновников Кабинета Е. И. В., 8 человек, во главе которой по поручению управляющего Кабинетом В. С. Попова, был назначен М. И. Антоновский – писатель, историк, переводчик, один из образованнейших людей своего времени и создателей ИПБ. Основополагающая роль М. И. Антоновского в формировании фондов национальной библиотеки, его патриотические устремления, разработка уникальной для своего времени системы классификации, подготовка первых уставных документов Библиотеки лишь в недавнее время получили беспристрастную и должную оценку исследователей⁷.

Прежде всего Антоновский посчитал необходимым тщательно и скрупулезно пересчитать привезенные из Варшавы книжные и рукописные собрания. Точные сведения о книгах, распределенных по языкам, отражены в его «Записках», опубликованных в 1885 г.⁸. По его подсчетам, в столицу поступили 430 579 единиц, включая и материальные объекты (гербарии, монеты и др.)⁹. Отметим, что эти данные в целом подтверждаются и современными историками Библиотеки, посчитавшими необходимым перепроверить сведения М. И. Антоновского. По точным подсчетам, проведенным Л. С. Семеновой, всего поступления составили 404 714 единиц без учета не книжных предметов¹⁰. Эти данные свидетельствуют, что масштабная пропаша произошла не при транспортировке собрания из Варшавы, сколь бы трудным ни была доставка библиотеки Залуских в столицу.

Разбор фондов привезенной библиотеки продолжался, а тем временем было замечено, что в Библиотеке стали пропадать книги. Служители сообщили М. И. Антоновскому об этом, указав, что кражи происходят во время прихода в Библиотеку графа Т. Чацкого с сопровождавшими его лицами.

Граф Тадеуш Чацкий – польский публицист, автор ряда исторических работ, общественный, экономический и государственный деятель, библиофил. С молодости все свободное время занимался самообразованием, часто посещал библиотеку Залуских. По поручению Королевской канцелярии приводил в порядок королевский личный архив. Впоследствии состоял в Эдукационной комиссии, руководившей просвещением в Речи Посполитой до 1794 г., участвовал в восстании под руководством Т. Костюшко. После Второго раздела Польши был лишен части имений. В Петербург приехал со стремлением добиться возврата утраченного имущества. Император Павел I, сочувствовавший полякам и пытавшийся завоевать их симпатии, частично удовлетворил его просьбу о возврате конфискованного. В начале 1800-х гг. Т. Чацкий организовал Волынский лицей в Кременце, ставший впоследствии основой Киевского университета¹¹.

В работах, посвященных этнографической, исторической, просветительской деятельности Т. Чацкого, недостаточно освещается его «деятельность» во время пребывания в Петербурге, когда Чацкий был подключен к описанию польских и латинских рукописей привезенной библиотеки Залуских. Попробуем восполнить этот пробел.

Граф приходил в любое время дня в помещения, где хранились для разбора книги и рукописи, часто с сопровождающими его лицами, объясняя эти визиты тем, что они консультируют его по ряду вопросов.

Вот как отразил впоследствии эту ситуацию М. И. Антоновский в своих «Записках»: главный директор императорских библиотек, которым в то время был французский эмигрант граф М.-Г. Шуазель-Гуффье, принял решение «о допущении к соучаствованию в разборе библиотеки некоего, именующегося графом, польского дворянина Чацкого, весьма хорошо знавшего в Варшаве все редкие сей библиотеки книги, который едва успел быть впущен в библиотеку, как и стал с наглостью приводить (якобы по словесному ему позволению от графа Шуазеля-Гуффье, которого он всегда именовался другом) с собою своих служителей, под видом нужной ему помощи при вынимании из ящиков книг, и им книги редкие, отбирая украденное, всовывать в карманы и рукава, как и сам тоже делал; почему и был Антоновским в том пойман»¹².

М. И. Антоновский отправил Чацкому следующее послание: «Я сделал всем дежурным чиновникам библиотеки свое предписание, чтобы они пускали в библиотеку вас одних в утренние часы (ибо трудиться там после обеда по многим причинам запрещено)... Между тем мне весьма жаль, что Ваше Сиятельство в небытность мою в библиотеке за болезнью, смешали несколько тысяч приведенных уже в порядок рукописных и печатных книг, и чрез то многие труды, на разбор их чиновниками употребленные, сделав бесполезными... Присяжные сторожа из инвалидов, бывшие вчера в библиотеке дневальными, донесли мне, что Ваше Сиятельство, приехав туда вчера в четвертом часу после обеда... отослали из оной дежурного чиновника домой... а между тем в их глазах взяли две латинские книги в синем бумажном переплете и положили их в свои карманы...»¹³.

Одновременно М. И. Антоновский подал главному директору императорских библиотек рапорт следующего содержания: «Служащий при Библиотеке г. Семигиновский доносил мне словесно, что ему известно стало, что г. Чацкий похищенных из Библиотеки книг несколько ящиков отправил из Петербурга в свои деревни на нанятом нарочно фурмане»¹⁴. Весьма негативно оценивал Антоновский роль и самого Шуазеля-Гуффье в произошедших кражах: «...тайный советник граф Шуазель-Гуффье есть похититель Государева интересу... <...> он... допустил своего приятеля польского дворянина, именующегося графом Чацким, действительно для покражи самых редких и драгоценных рукописей, как сие после явно открылось»¹⁵.

Можно только предполагать причину столь небрежного отношения директора императорских библиотек к подобному беспрецедентному случаю, произошедшему во вверенной ему Библиотеке. «Получив рапорт, Шуазель-Гуффье, видимо, отчитал Антоновского и не дал хода его бумаге»¹⁶. Есть предположение о том, что у Чацкого были особые отношения при дворе и отсутствие реакции Шуазеля-Гуффье объяснялось «негласной договоренностью на самом высоком уровне»¹⁷. О происшедших при разборе собрания Залуских хищениях писал в своем донесении министру народного просвещения и А. Н. Оленин: «... до 1808 года невозбранно его (привезенное собрание. – Г. М.) расхищали... посетители, в числе коих был один весьма знаменитый¹⁸, наконец, расхищение би-

блиотеки продолжалось и при графе Шуазель-Гуффье и при шевалье д'Огаре: ибо они никакого за нею смотра не имели»¹⁹.

Убедительные факты о наклонностях Т. Чацкого приведены в упомянутой статье Е. Меламеда. В ней справедливо указано, что «о библиофильских увлечениях польского просветителя писали мало, а если и упоминали, то как-то мельком. Между тем эта сторона его деятельности, тесно связанная с просветительской, – также по-своему интересна и поучительна»²⁰. Известно, что книги, рукописи, древние манускрипты граф собирал всю жизнь, «не жалея средств на приобретение произведений писателей древности»: «Случалось, что, отойдя на время от общественной деятельности, пан Тадеуш месяцами занимался исключительно составлением своей библиотеки»²¹, пополнявшейся «за счет книг и рукописей, которые Чацкий во множестве приобретал во время своих путешествий, и за счет копий, которые он снимал с уникальных документов в различных архивохранилищах Европы»²². По сведениям А. Осинского, первого биографа Т. Чацкого, библиотека польского просветителя насчитывала 8508 старопечатных произведений (с учетом брошюр – свыше 20 000 единиц) и 1558 рукописных томов, содержащих 146 258 различных исторических документов²³. Е. Меламед считает возможным сделать следующий вывод: «Как и большинство собирателей, пан Тадеуш был человеком пылким и увлекающимся и, чтобы добыть недостающий раритет, готов был на все. Поговаривали, что иной раз в таких случаях он не гнушался хитрости и обмана. Не знаю, сколько здесь правды, но тем не менее считаю нужным упомянуть об этом»²⁴.

Благодаря стараниям Т. Чацкого Волынский лицей в Кременце славился своей богатейшей библиотекой²⁵, дальнейшую судьбу которой проследил Е. Меламед, отмечавший, что наиболее ценная ее часть собрания «осела в пулавской библиотеке Чарторыйских» и «после 1831 года эта библиотека распалась и большая ее половина была привезена в Петербург. Здесь часть книг была передана в библиотеку Генерального штаба, 7228 томов поступили в Публичную библиотеку, остальное разошлось по самым различным учреждениям»²⁶. В истории ИПБ, подготовленной к 100-летию ее открытия для читателей, отмечалось: «до 30 000 томов было похищено гр. Чацким – впоследствии книги это оказались частью в Варшавской библиотеке, частью в библиотеке Кременецкого лицей; частью их удалось возвратить в Библиотеку»²⁷. Близость Т. Чацкого к обосновавшимся в Петербурге иезуитам позволяет предположить, что он был не одинок в своих стремлениях «опустошать» фонды Императорской Публичной библиотеки. Так, после издания в конце 1815 г. указа императора Александра I о высылке представителей ордена иезуитов из Петербурга²⁸ в их помещении был произведен обыск, в результате которого в «Отчете» Библиотеки за 1816 г. появилась запись о «возвращении Библиотеке принадлежащих ей книг», «отысканных в доме бывших здесь иезуитов»²⁹. Подробности не разглашались.

Остается вспомнить существенное различие в количестве привезенных из Варшавы фондов, которую приводили М. И. Антоновский (430 579 ед.), А. Н. Оленин (287 214 ед.) и Л. С. Семенова (404 714 ед.). Какой бы ни была разница в подходах к учету привезенного собрания, столь существенное расхож-

дение (около 113 тыс.) вызывает неизбежное подозрение, что утраты, нанесенные графом Чацким Библиотеке, были историками, скорее, приуменьшены, чем преувеличены. Близость Т. Чацкого ко двору императора, сложные исторические обстоятельства того периода не позволили широко обнародовать это беспрецедентное событие, но оно в значительной степени повлияло на совершенствование охранных мер, предпринимаемых для пользования привезенными фондами, и запрещение выносить книги за пределы Библиотеки.

Тем не менее упомянутые В. В. Стасовым «крысы и мыши» не переставали появляться в Публичной библиотеке. К их числу относится получившая мировую известность история с А. Пихлером.

С конца 1869 г. в Библиотеке было замечено, что в ней вновь в значительных объемах стали пропадать книги. Только что поступившие и оформленные библиотекарем, они на следующий день бесследно исчезали, кражи приобрели массовый характер и происходили в самых разных отделениях, пропадали редкие и ценные издания даже с витрин³⁰, в Отделении полиграфии исчезло 73-томное собрание сочинений Вольтера в больших сафьяновых переплетах. Одновременно в каталогах не обнаруживали и карточек на украденные тома, чтобы скрыть сам факт хищения. Было ясно, что вор скрывается в самой Библиотеке, подозревали служителей и даже младших чиновников, им запрещено было входить в залы Библиотеки без присутствия там заведующего, а книги все исчезали и исчезали...³¹

Благодаря бдительности одного из старейших ее сотрудников, заведующего Отделением изящных искусств и архитектора В. И. Соболевцова удалось обнаружить преступника. Он жил тогда в доме по Сенной, 20, принадлежавшем ИПБ, и вечерами оставался в ней, обходя ее залы. Соболевцов-то и обратил внимание на странное поведение и манеры внештатного библиотекаря Богословского отделения Алоиза Пихлера, работавшего в Публичной библиотеке с 1869 г.: тот приходил в Библиотеку и уходил из нее по нескольку раз в день и часто заглядывал в отделения, когда в них не было заведующих, листая книги. Вызывал подозрение и костюм Пихлера: «Казалось странным, что этот господин и зиму, и лето, и весну, и осень постоянно бродит по Библиотеке в резиновых калошах и кошачьей неслышною походкой вечно двигается по всем этажам Библиотеки... никогда не снимал, ни зиму, ни лету, верхнего длинного пальто своего, и карманы этого пальто казались иной раз что-то необыкновенно оттопыренными»³².

По распоряжению В. И. Соболевцова швейцар при выходе попросил «странного богослова» расстегнуть пальто, под которым обнаружился «увесистый фолиант сочинений св. Амвросия»³³. Не теряя времени, сотрудники Библиотеки отправились на квартиру Пихлера и обнаружили поразительную картину: повсюду стояли ящики с украденными из Библиотеки книгами, на них были стерты, срезаны, заклеены библиотечные шифры и штампы, вместо них были наклейки «Ad bibliothecam Pihler». Вор был полностью изобличен.

10 марта 1871 г. директор Библиотеки И. Д. Делянов сообщал в своем доносении министру народного просвещения: «Определенный с высочайшего соизволения сверхштатным библиотекарем при Императорской Публичной

библиотеке... доктор богословия Пихлер обличен 3-го сего марта в намерении тайно унести книги из Библиотеки. Вследствие чего был произведен чинами Библиотеки обыск в его квартире; в ней оказалось большое количество принадлежащих Библиотеке книг; квартира же его была опечатана при содействии полиции»³⁴. При этом обнаружилось, что за 19 месяцев его пребывания сверхштатным сотрудником, пользующимся, в частности, доверием И. Д. Делянова³⁵, Пихлер похитил в Библиотеке 4478 книг и 427 гравюр, многие из которых были редкие издания³⁶. По выражению В. В. Стасова, Пихлер «тщательно продолжал облегчать Библиотеку от ее разнообразных сокровищ», не пропуская не единого дня без «полезных занятий»³⁷, похищая из каталога и карточки на украденные книги. Будучи пойманным с поличным В. И. Соболевщиковым, Пихлер был изобличен и предан суду. Потребовалось 7 огромных возов, чтобы вернуть украденное в Библиотеку.

Летом 1871 г. весь просвещенный Петербург был взволнован судебным процессом «о неслыханной доселе краже» из фондов ИПБ (напомним, что еще более масштабная по объемам кража Т. Чацким так и не была обнародована).

Общественное значение совершенного Пихлером преступления охарактеризовал на суде прокурор А. А. Кобылин: «Наша Публичная библиотека есть одно из самых замечательных учреждений Петербурга... и может быть названа хранилищем русской науки и просвещения, которое есть достояние всего русского народа. Поэтому виновный в краже книг из этого учреждения посягал на одно из самых дорогих народных достояний»³⁸. Его поддержал и И. Д. Делянов: «Мое глубокое убеждение заключается в том, – заявил он на суде, – что если бы не задержали Пихлера вовремя, то вся наша библиотека вскоре была бы отправлена на пароходе за границу»³⁹.

Поступок баварского богослова нашел отражение и в «Отчете» ИПБ за 1871 г.: «Произведенное на суде следствие вполне раскрыло, до какой степени этот ученый, но безнравственный и ослепленный гнусною корыстью человек недобросовестно воспользовался доверием к нему правительства вообще и начальства Библиотеки в особенности»⁴⁰.

В. И. Соболевщиков и после окончания судебного процесса продолжал занимать непримиримую позицию по отношению к книжному вору, настоял на переводе на немецкий язык и издании материалов суда над Пихлером и широко распространял их за границей⁴¹.

Проходят века, меняются библиотеки, на которые посягают недобросовестные «любители книг», однако независимо от стран и времен кражи в библиотеках можно с полным основанием признать актами варварства и вандализма по отношению к книге – величайшему духовному средству распространения добра, истины и знаний.

Примечания

¹ Стасов В.В. Странный библиоман // Стасов В.В. Собрание сочинений : в 4 т. СПб., 1894. Т. 3. Стб. 1532.

² Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. СПб., 1914. С. 12; ОР РНБ. Ф. XVIII. Ед. хр. 32. Л. 2.

- ³ Оленин А. Н. Опыт нового библиографического порядка для С.-Петербургской Императорской библиотеки. СПб., 1809. С. 91.
- ⁴ Жоржель Ж.-Ф. Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I / пер. Н. Соболевского. М., 1913. С. 204.
- ⁵ Трагедия Польши: как погибла библиотека Залуских? URL: <https://masterok.livejournal.com/1244731.html> (дата обращения: 30.12.2025).
- ⁶ Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. С. 12.
- ⁷ Михеева Г.В. Михаил Иванович Антоновский. СПб., 2021. 233 с.
- ⁸ Антоновский М.И. Записки Михаила Ивановича Антоновского // Русский архив. 1885. Кн. 2. С. 143–178.
- ⁹ Там же. С. 166–167.
- ¹⁰ Семенова Л.С. Организация комплектования фонда первой национальной библиотеки России (1795–1801) // История библиотек : исслед., материалы, док. СПб., 1998. Вып. 7. С. 83.
- ¹¹ С. 118.
- ¹² Антоновский М.И. Записки ... С. 168.
- ¹³ ОР РНБ. Ф. 603. Ед. хр. 107. Л. 41 об.–42 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 41–41об.
- ¹⁵ Там же. Л. 43.
- ¹⁶ Вольфцун Л.Б. 1797–1800. Мари-Габриель-Флоран-Огюст де Шуазель-Гуффье // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005. СПб., 2006. С. 21–22.
- ¹⁷ Там же. С. 22.
- ¹⁸ Так иносказательно назван А. Н. Олениным граф Т. Чацкий, совершивший крупнейшее хищение из фондов привезенного собрания.
- ¹⁹ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1815. Ед. хр. 15. Л. 9.
- ²⁰ Меламед Е. Меламед Е. Порицкий библиофил // Альманах библиофила. 1978. Вып. 5. С. 118.
- ²¹ Там же. С. 119.
- ²² Там же. С. 120.
- ²³ O życiu i pismach Tadeusza Czackiego / przez k. A. Osieńskiego. Krzemieniec, 1816. S. 218.
- ²⁴ Меламед Е. Порицкий библиофил. С. 121.
- ²⁵ Руссов С.В. Волынские записки, сочиненные С. Руссовым в Житомире. СПб., 1809. С. 119–120; Меламед Е. Порицкий библиофил. С. 124.
- ²⁶ Меламед Е. Порицкий библиофил. С. 126.
- ²⁷ Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814–1914. С. 12.
- ²⁸ 1815. Декабря 20. О выселке всех иезуитского ордена монахов из С.-Петербурга и о воспрещении им въезда в обе столицы // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I, 1802–1825. СПб., 1864. Стб. 779–781.
- ²⁹ Отчет в управлении Императорскою Публичною библиотекою, представленный за 1816 год ... СПб., 1817. С. 32.
- ³⁰ Голубева О. Д. Автографы заговорили... М., 1991. С. 51.
- ³¹ Подробности «библиоманской деятельности» Пихлера изложил в своей книге В. В. Кунин «Библиофилы и библиоманы» (М., 1984. С. 287–320).
- ³² Стасов В.В. Станный библиоман. Стб. 1533.
- ³³ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1871. Ед. хр. 17. Л. 17.
- ³⁴ Цит. по: Михеева Г.В. Иван Давыдович Делянов. СПб., 2022. С. 67.
- ³⁵ Дело Пихлера // Человек и закон. 1974. № 2. С. 121–122.
- ³⁶ ОАД РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1871. Ед. хр. 19. Л. 53.
- ³⁷ Стасов В.В. Станный библиоман. Стб. 1534.

³⁸ [Новости] // Судебный вестник. 1871. 29 июня. № 134.

³⁹ [Информация о процессе над А. Пихлером] // Там же. 27 июня.

⁴⁰ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1871 год. СПб., 1872. С. 81.

⁴¹ Dr. Alois Pichler und der Bücherdiebstahl aus der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek in St. Petersburg. SPb., 1871. 98 S.

А. Н. Воропаев, Н. В. Лопатина

Интеллектуальная собственность как условие инновационного развития книжного рынка

Рассматривается комплекс научно-практических вопросов, связанных с применением прав интеллектуальной собственности в книжном деле. Раскрывается специфика экономики книжной отрасли в условиях цифровой трансформации и определяются возможности целенаправленного применения механизмов интеллектуальной собственности для инновационного развития издательского дела и книжного рынка на современном этапе.

Ключевые слова: книжная культура, книжное дело, издательская деятельность, книжный рынок, интеллектуальная собственность, экономика книжного дела

Alexandr N. Voropayev, Natalya V. Lopatina

Intellectual property as a condition for the innovative development of the book market

The complex of scientific and practical issues related to the application of intellectual property rights in the book business is considered. The article reveals the specifics of the economy of the book industry in the context of digital transformation and identifies the possibilities of targeted application of intellectual property mechanisms for the innovative development of publishing and the book market at the present stage.

Keywords: book culture, book business, publishing, book market, intellectual property, economics of book business

Цифровая трансформация книжной культуры, рассматриваемая многими авторами как магистральная тенденция развития книжного дела, демонстрирует отличительные черты, позволяющие определять современный период как особый этап истории книги на основе целого комплекса взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимоопределяемых критериев периодизации: социально-экономических, технологических, культурных, политических. В рамках настоящей работы акцент делается на экономическую специфику производства, распространения и бытования книги в условиях цифровой экономики с целью определения экономических и регулятивных инструментов, обеспечивающих воспроизводство книжной культуры как социального института¹ на новом витке исторической спирали. Постановка научной задачи обусловлена не просто изменением архитектуры книжного дела (издательской системы, книжного рынка, контентных экосистем). Масштабный характер и глубина изменений, которые объективно раскрывает статистика печати², позволяет говорить о становлении новой системы книжного дела, сменяющей систему предыдущего типа³, и необходимости выработки методологии управления социальными явлениями и процессами макроуровня, регулирования цифровой трансформации отрасли, ее направленного и проактивного развития в новых условиях⁴.

Экономика современного книжного дела включает новые характеристики и качества товара (мультиформатность товарной номенклатуры, выход за границы привычных представлений о книге); трансформацию производственного процесса, в том числе, его структуры и технологических циклов; цифро-

вые механизмы и новые каналы дистрибуции; изменение потребительских моделей – явлений, которые в должной мере не изучены в предметном поле как наук о книге, так и экономических наук. Публичные обсуждения в рамках отраслевых конференций и иных деловых мероприятий, создают иллюзию разработанности вопросов интеграции книжной индустрии в цифровую экономику, вместе с тем, дискурсивные практики не выходят за рамки обсуждения новых технологических решений и бизнес-моделей, механизмов хозяйственной деятельности современного издателя, не позволяя выработать обоснованную методологию управления книжным делом на макроуровне, объединяющую экономические, политические, международные, социокультурные, технологические и другие компоненты с системой государственных интересов и приоритетов, закрепленных в нормативных и стратегических документах⁵.

Принципиальное значение имеют следующие явления:

- во-первых, изменение границ отрасли в результате конвергенции форматов представления смыслов (технологическое русло) и социальных процессов и инициатив, обусловленных политическими и культурными процессами. В современный период изменение границ книжного дела определяется его участием в креативных индустриях, включение в активный культурный процесс национального уровня;
- во-вторых, отсутствие единого федерального закона, не просто регулирующего книгоиздание и книгораспространение в проекции хозяйственно-экономической деятельности и авторского права, но и определяющего позиции отрасли в современной общественной системе, аккумулирующего комплекс принципов, целей и мер, которые государство разрабатывает и реализует для функционирования книжной культуры как социального института (государственная политика), а также отражающего и закрепляющего современную систему убеждений, основных принципов, «философии книги», которая целесообразна для разработки стратегической повестки, политических и идеологических оснований книжного дела в текущий исторический период.

Издательская деятельность и книжный рынок реализуются в поле достаточной и эффективно действующей нормативной базы, регламентов и стандартов. Федеральный закон №330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в РФ»⁶ интегрирует книжное дело в определенную экосистему, оформляющуюся на современном этапе развития и связывающую отраслевых игроков, процессы и результаты логикой, в основе которой – творческий процесс. Вместе с тем, новые акторы книжной культуры – сетевые издательства, платформы для самопубликаций (самиздата), маркетплейсы и электронные библиотеки как новые игроки книгораспространения, литературные агентства, крупные технологические компании, которые осуществляют издательскую деятельность – по сути, в полной мере не осмыслены в современных правовых системах и вписаны в отраслевые границы де-факто, интуитивно;

- в-третьих, развитие книжной индустрии в цифровой экономике определяет высокую социальную значимость регулирования изменений под влиянием цифровых технологий образа жизни, культурных норм и практик, ценностных ориентиров современного человека, отдельных социальных групп и общества

в целом посредством направленной диффузии разнообразия новых технологий, информационно-коммуникативных форматов, форм и направлений социальной активности населения, стимулируемых книжным делом.

В этих условиях принципиальное значение приобретает разработка книжного дела в методологической коммуникации экономических наук и наук о книге. Цифровые трансформации книги как информационного товара катализируют переосмысление прав интеллектуальной собственности в книжном деле, выводя понимание новых возможностей и рисков за привычные рамки авторского права в зону методологической классики книговедения и социальной информатики (например, понимание синтаксического, семантического, прагматического компонентов произведений печати, суверенных информационных объектов – смысла, текста, документа, автора, контекста и т. д. – и механизмов их оперирования⁷ и др.), которая уже на этапе становления новых режимов информационного оперирования не менее четверти века назад сформировала теоретический арсенал, необходимый для объяснения и разрешения сегодняшнего проблемного комплекса. Упомянутые методологические разработки аргументируют приоритет смыслов в ценностном анализе продуктов книжного дела, выводят смысл на уровень «сущности товара», инварианта, приобретающего различное реальное воплощение (знаковые системы и коммуникативные форматы). Именно отечественный теоретический багаж эвристичен для разработки продуктов книжной индустрии как креативного продукта, то есть «результата интеллектуальной деятельности.., а также продукции, работ, услуг, добавленная стоимость которых обусловлена использованием результатов интеллектуальной деятельности и (или) средств индивидуализации»⁸, и определения эффективных правовых и экономических механизмов бытования социально значимого контента, его уникальных смыслодержающих компонентов в условиях кризиса креатива, «плагиата смыслов» и неконтролируемого тиражирования идей, текстов, образов, сюжетов посредством новых, широко доступных технологий и процедуральных моделей творчества и чтения.

Традиционно вопросы этого проблемного комплекса разрабатываются в нормативном поле авторского права, между тем, специфика современного этапа развития книжной культуры, в том числе, литературного процесса, включает задачи обеспечения и защиты национальных интересов в сфере охраны, оборота и коммерциализации интеллектуальной собственности. В настоящее время фиксируется рост патентных споров, связанных с пиратством, плагиатом, патентным троллингом. Это объясняется недостаточной разработанностью нормативной базы, в том числе, в силу теоретической неосмысленности многих явлений современной книжной культуры, низким уровнем IP-культуры игроков книжной отрасли, наличием «серой» зоны в контентных индустриях.

Сегодня наиболее значимыми способами применения прав интеллектуальной собственности в книжном деле, выходящими за рамки авторского права, выступает регистрация права собственности на дизайн (дизайнерское решение) обложки книги или серии книг, серийного изданий как промышленного образца, если они обладают новизной по существенным признакам; правовая охрана на-

звания книги и/или имени автора, зарегистрированных в качестве товарного знака, которая действует 10 лет и может быть продлена неограниченное количество раз; шрифт как объект интеллектуальной собственности. Особыми направлениями применения прав и механизмов интеллектуальной собственности выступает охрана и защита форматов представления контента и новых технических решений, относящихся к способу его производства и распространения, а также устройствам и программным средствам их реализующим.

Вместе с тем, развитие междисциплинарной теории интеллектуальной собственности позволяет говорить о поиске и выработке новых методологических оснований для интерпретации категорий и объективных явлений книжного дела, а также выявления новых механизмов и моделей правоприменения, открывающих дополнительные возможности для развития книжного рынка в условиях цифровой экономики.

Инновационное развитие книжной индустрии базируется на интеграции новых цифровых решений, вместе с тем, современные геополитические реалии ставят вопрос об информационно-технологической независимости издательского дела и дистрибуции, о необходимости создания патентоспособных решений, исследований и разработок технического характера. Особенно остро в контексте национальной безопасности, в том числе, противодействия деструктивному контенту, встает вопрос контроля высоких технологий, используемых отечественных книжной индустрией для производства контента, его тиражирования и дистрибуции. Интенсивность патентования в сфере производства книги и книгораспространения, количественные показатели патентной активности, регистрации программ для ЭВМ и баз данных, создаваемых книжными индустриями, уровень коммерциализации этих объектов интеллектуальной собственности являются объективным критерием анализа развития отрасли в цифровой экономике. Важным аспектом в данном контексте выступает анализ средств индивидуализации (товарных знаков и др.), регистрируемых и поддерживаемых в издательском, полиграфическом и книготорговом секторе экономики, проведенный авторами данной публикации на основе источниковой базы Федерального института промышленной собственности. Экстраполируя методологические позиции универсальной теории интеллектуального суверенитета⁹ на отраслевой уровень, можно говорить о способности книжного дела «обеспечивать задачи производства продукции и благ в качестве и количестве, необходимом населению, на основе отечественных инновационных разработок»¹⁰ как о ключевом признаке устойчивого развития отрасли в условиях цифровой экономики, а также о применении патентной аналитики в качестве параметров оценки современного состояния и перспектив развития книжного дела как отрасли экономики.

Рассматривая механизмы интеллектуальной собственности как драйвер инноваций книжного дела, можно выстроить патентный ландшафт отрасли и определить наиболее значимые направления исследований и разработок в отрасли: генеративные технологии создания, адаптации, распознавания контента; новые форматы представления контента и литературной коммуникации; технологии информационно-аналитической деятельности и рекомендатель-

ных сервисов; технологические решения, позволяющие реализовывать бизнес-модели нового поколения (мультиплатформенные решения, технологии, реализующие новые модели подписки, монетизации контента, сервисной и контентной аренды, краудфандинг и т. д.), технические средства защиты авторских прав (блокчейн-технологии, DRM-технологии (Digital Rights Management) и т. д.); технологии библиографического учета, статистики печати, импорта и экспорта контента; технологии информационной безопасности в книжном деле (фильтрации контента, противодействия несанкционированному доступу и копированию, нелегальному распространению) и многое другое. Новые разработки должны соблюдать равновесие между правами авторов и издателей; интересами коммерческих организаций и общества.

Таким образом, механизмы прав интеллектуальной собственности не просто защищают интересы авторов, издателей, «креаторов», но закладывают архитектуру книжного рынка будущего, формируют условия для инвестиции в отраслевые инновации, для развития новых форм литературной коммуникации, для повышения стоимости бизнеса посредством нематериальных активов, новых механизмов государственной поддержки. В данном случае мы говорим о создании базы для инноваций в структуре государственной политики в книжном деле и отмечаем особую актуальность задачи совершенствования взаимодействия науки и практики, кооперации исследовательских центров и промышленных игроков, развития партнерства государства и рынка в исследованиях и разработках отрасли. Вместе с тем, это требует разработки комплексного и социально ответственного подхода, сочетающего правовые, технологические и образовательные меры, который позволит превратить интеллектуальную собственность из инструмента защиты в мощный катализатор инноваций на книжном рынке.

Примечания

¹ Лопатина Н. В. Книжная культура информационного общества // Культура: теория и практика. 2016. № 5–6 (14–15). С. 8.

² Книжный рынок России. Состояние, тенденции. Отраслевой доклад / под общ. ред. В. В. Григорьева. М.: Минцифры РФ, 2022. 91 с.; Книжный рынок России. Состояние, тенденции. Отраслевой доклад / под общ. ред. В. В. Григорьева. М.: Минцифры РФ, 2023. 106 с.; Книжный рынок России. Состояние, тенденции. Отраслевой доклад / под общ. ред. В. В. Григорьева. М.: Минцифры РФ, 2025. 102 с.

³ Ленский Б. В. Основные факторы становления и развития книгоиздательской системы современной России: книговедческие аспекты: дис. ... докт. филол. наук. М., 2001. 91 с.

⁴ Лопатина Н. В. Управление информатизацией: теоретико-социологический подход: монография. М.: МГУКИ, 2006. 236 с; Информация и инновации. 2018. Т. 13. № 2. С. 32–38.

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 25.03.2026); Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий: указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755> (дата обращения: 25.03.2026); О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755>

www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 25.03.2026); О развитии креативных (творческих) индустрий в РФ: Федер. закон № 330-ФЗ [принят Гос. Думой 30.07.2024]. URL: <https://www.zakonrf.info/doc-38417971> (дата обращения: 25.03.2026).

⁶ О развитии креативных (творческих) индустрий в РФ: Федер. закон № 330-ФЗ ... (дата обращения: 25.03.2026).

⁷ Сляднева Н. А. Библиография в системе Универсума человеческой деятельности: опыт системно-деятельностного анализа : монография. М.: Изд-во МГИК, 1993. 226 с.

⁸ О развитии креативных (творческих) индустрий в РФ: Федер. закон № 330-ФЗ.

⁹ Неретин О.П. Интеллектуальный суверенитет экономики России : монография. М.: Изд-во ФИПС, 2022. 166 с.

¹⁰ Там же. С. 6.

Л. А. Овсянникова

А.-Ж. Мартен. История «новой истории книги» во Франции

Французский историк книги Анри-Жан Мартен является общепризнанным в западном научном сообществе основателем новой научной дисциплины – истории книги, изучающей развитие книжной культуры, ее влияние на развитие общества и роль в историческом процессе. Мартен – соавтор основополагающего труда «L'Apparition du livre» («Появление книги», 1958 г.), темой которого стала эволюция структуры и функций книги как общественного «посредника» и книжной коммуникации. Новаторские работы А.-Ж. Мартена оказали значительное влияние на многочисленные исследования в русле французской историко-книжной школы, разработавшей новые исследовательские подходы в рамках междисциплинарного синтеза современных направлений гуманитарной науки.

Ключевые слова: А.-Ж. Мартен, история книги, книговедение, Р. Шартье, книжная коммуникация, исследовательские подходы

Larisa A. Ovsyannikova

Henri-Jean Martin: A history of "the new history of the book" in France

Henri-Jean Martin is a French historian of the book studies recognized by the Western scholarship as the founder of a new scientific field – the history of the book, which studies the development of book culture, its impact on the development of society and its role in the historical process. Martin is the co-author of the seminal work "L'Apparition du livre" ("The Coming of the Book", 1958), which the theme was the evolution of the structure and functions of the book as a social "medium" and book communication. The innovative works of A.-J. Martin had a significant influence on numerous studies in line with the French school of history and books, which developed new research approaches within the framework of an interdisciplinary synthesis of modern areas of the humanities.

Key words: A.-J. Martin, history of the book, book studies, R. Chartier, book communication, research approaches

Основатель французской историко-книжной школы Анри-Жан Мартен широко известен у себя на родине и за ее пределами, но практически неизвестен в России.

50-летие выхода в свет знаковой исторической монографии Люсьена Февра и Анри-Жана Мартена «Появление книги» («L'Apparition du livre»)¹ довольно широко отмечалось в 2008 г. во Франции и ряде других стран. Именно этот труд французских историков стал отправной точкой для становления новой дисциплины – истории книги².

В российском научном сообществе эта годовщина была отмечена в Москве осенью 2007 г. состоялась научная конференция «История западноевропейской книги» под патронажем Государственной публичной исторической библиотеки в сотрудничестве с французскими коллегами Национальной Школой хартий (Париж)³. В рамках этой международной встречи было организовано заседание памяти А.-Ж. Мартена (1924–2007), на котором были представлены доклады, посвященные «Появлению книги», и дальнейшему развитию истории книги.

Позже, в ноябре 2008 г., также в ГПИБ, прошла международная научная конференция «Библиотека и история» с участием французских ученых. Конференция проходила в год 50-летия выхода в свет «Появления книги» Л. Февра и А.-Ж. Мартена. Российская исследовательница, ведущий научный сотрудник Отдела редких книг РГБ Т. А. Долгодрова⁴ напомнила, что в нашей стране пер-

ую подробную рецензию на новаторское исследование французских историков написал советский книговед В. С. Люблинский. Она была напечатана на русском языке в 1959 г. в № 4 «Вестника истории мировой культуры»⁵ и на французском языке в 1960 г. в № 91 научного междисциплинарного журнала французской коммунистической партии «La Pensée»⁶. Анализ недочетов и достоинств работы западных историков, представленный В. С. Люблинским, не мог не носить идеологической окраски.

Во Франции именно Анри-Жан Мартен (1924–2007) считается самым видным представителем французской историко-книжной школы. Мартен получил высшее образование в Национальной школе хартий (выпуск 1947 г.), став обладателем престижного диплома архивиста-палеографа. 50 лет спустя его бывший ученик Клод Жолли в своей речи, произнесенной в зале парижского ректората по случаю презентации юбилейного сборника статей о профессоре Мартене, подчеркнул исключительную важность ключевой фигуры своего учителя в его трех ипостасях для расширения исследовательского поля истории книги: в качестве директора знаменитой муниципальной библиотеки в Лионе и одного из основателей лионского Музея книгопечатания и графической коммуникации⁷, профессора высшей школы (в Высшей национальной школе библиотечно-информационных наук ENSSIB, Практической школе высших исследований EPHÉ и в своей alma mater – Национальной школе хартий) и ученого-исследователя⁸. Школа хартий и последователи А.-Ж. Мартена считают своим долгом всемерно подчеркивать свою преемственность наследию знаменитого шартиста. Так, в его честь, с 2021 г. (год 200-летия Национальной школы хартий), в сети Интернет доступна виртуальная выставка, в которой представлены архивные материалы из Национального и семейного архивов, осветившая карьеру А.-Ж. Мартена и его пути студента, библиотекаря и профессора в Школе хартий⁹.

Наиболее полно и подробно становление ученого и его достижения представлены в книге-интервью «Метаморфозы книги» (2004 г.)¹⁰. Эта книга является одновременно личной биографией, интеллектуальной биографией и изложением целого ряда исследовательских вопросов, которыми занимался автор. А.-Ж. Мартен рассказывает о сложной работе над «Появлением книги», о знакомстве, сотрудничестве и дружбе с Л. Февром, обо всех последующих монографиях и новых научных векторах в европейской историко-книжной проблематике. Он подытоживает, как постепенно, благодаря его многочисленным ученикам и последователям во Франции, сформировалось новое авторитетное направление в историко-книжных исследованиях, обогатившее книговедение значительным количеством публикаций в западном научном мире.

Научный интерес к фундаментальному труду Февра и Мартена уже ставшему универсальной классикой, до сих пор не иссякает. Намечаются новые, ранее не затронутые темы¹¹, к ней обращены междисциплинарные исследования, в том числе и в России¹².

Малоизвестные подробности плодотворного и непростого сотрудничества А.-Ж. Мартена с Л. Февром над «Появлением книги» представлены в статье известного историка книги и коллеги Мартена – Роже Шартье «Paradoxes d'un historien: Henri-Jean Martin» («Парадоксы историка», 2020 г.)¹³.

В первую очередь историк обратил внимание на скептическое восприятие, в частности и самим Мартеном, утвержденного названия книги, которое продолжает вызывать полемику среди историков книги и переводчиков. Подобный вывод напрашивается при внимательном прочтении фразы соавтора во вступительном слове. По его мнению, вполне резонно не соглашаться с названием *L'Apparition du livre* (Появление книги? Возникновение? Явление? Вопрос, как правильнее перевести это заглавие на русский язык, остается открытым), поскольку такая формулировка «несправедливо затмевает существование давней традиции рукописных книг задолго до изобретения книгопечатания». Р. Шартье приводит цитату из вступительного слова Л. Февра об эволюции книги, вызывающее недоумение: «Книга, этот новичок в западном мире; Книга, деятельность которой началась в середине XV в.»¹⁴. Очевидно, что Февр рассматривает книгу исключительно печатную, связывая ее появление с деятельностью Гутенберга. Напомним, что изначально название этого исследования было утверждено А. Берром¹⁵, и, по мнению Л. Февра, оно безусловно соответствовало цели работы: «изучить культурное действие и влияние книги [на общество] в течение первых трехсот лет ее существования». Отсюда акцент на связи между печатной книгой и новыми идеями.

Тезис о том, что книга появилась лишь вместе с печатным станком, не соответствовал видению А.-Ж. Мартена, дипломированного шартиста. Его скрытое несогласие проявилось прежде всего в том, что по его просьбе коллега из Национальной библиотеки Франции Марсель Тома написал «Введение», посвященное периоду с середины XIII в. по конец XV в. и отразившее значение для истории Запада рукописной книги, являвшейся на протяжении веков «единственным инструментом распространения письменной мысли».

Р. Шартье выявил, что новаторство А.-Ж. Мартена в исследовании роли печатной книги в истории проявляется прежде всего в рассмотрении трансформаций материальных характеристик книги. Эти преобразования состоялись в течение первого столетия существования печатной книги, в результате постепенного отхода от первоначальной модели – манускрипта, и благодаря приобретению собственных характеристик, использованию новых шрифтов, созданию титульного листа, появлению нумерации страниц, использованию переносных форматов и введения гравюр на меди. Этот анализ предвосхитил более поздние исследования А.-Ж. Мартена сорок лет спустя. Ему удалось доказать свершение двоякой революции в истории книги, толчком для которой стала новая концепция «построения текста» в XVI и XVII вв.: повсеместное распространение романского шрифта и введение в типографскую композицию красной строки и абзацев.

В дальнейшем творчестве А.-Ж. Мартена, подчеркивает Р. Шартье, появляются новые векторы. Речь идет о работах, посвященных истории чтения. Фактически именно исследование истории практик чтения в их исторической канве и социальной дифференциации, побудило ученого обратить более пристальное внимание на материальность текстов. С этой точки зрения книга больше не является исключительно «товаром» и «ферментом» (по определению Л. Февра); она становится «хранилищем чтения». Мартен выдвигает ги-

потезу, что взаимоотношение «книга – чтение» определяет специфику книжного оформления. В 1980-е гг. он исследует старинные практики чтения, отмечая, что оформление текста определяет способы чтения и «упорядочивания мыслей» у читателей, начиная с раннего Нового времени¹⁶. Обнаружив таким образом, что материальные формы книги в значительной степени способствуют созданию смысла текстов читателями, Мартен столкнулся с «социологией текстов», как ее определил Д. Ф. Маккензи в своей книге «Библиография и социология текстов» (*«Bibliography and Sociology of Texts»*)¹⁷. Эта тема заслуживает отдельной публикации. Заметим лишь, что в 1969 г., в своей диссертации «Книга, власть и общество в Париже XVII века», он уже подчеркивает значение приемов материальной библиографии, в частности, для выявления контрафактных экземпляров по особым орнаментам печатной мастерской.

Наконец, еще один аспект исследовательской деятельности А.-Ж. Мартена, важный для изучения его трудов, заключается в том, что его работы, положившие начало истории книги, сыграли большую роль для формирования нового научного поля, в котором, как писал Шартье, «сама эта дисциплина как бы уходит на второй план». Благодаря многочисленным исследованиям ученого стали возможны переходы от изучения социальной истории книги к рассмотрению эволюции письменного слова, а от одной лишь национальной французской истории книги – к синергии междисциплинарных и разнообразных национальных традиций в других странах. Таким образом, Мартен вступил в диалог со множеством наук и подходов: социологией текстов, основанной на материальной библиографии, когнитивными науками, с теорией восприятия и феноменологией чтения Яюсса и Изера, антропологией письма Дж. Гуди, долговременной истории письменной или «графической» культуры, которую изучали А. Петруччи и Г. Кавалло.

Многочисленные научные выступления и встречи А.-Ж. Мартена способствовали преодолению противоречий между книгами и «не-книгами», между печатными и рукописными изданиями, между каноническими произведениями и обычными сочинениями, между материальностью текстов и практикой чтения. «История французского книгоиздания» Мартена и Шартье¹⁸ была основана на подобных «гибридизациях». Современная история книги обязана А.-Ж. Мартену, отмечает Р. Шартье, упрочением междисциплинарности за счет взаимодействия филологического, библиографического и социокультурного подходов, позволяющим связывать в одном и том же исследовательском процессе текстовые варианты, способы атрибуции произведений, материальные трансформации их публикации в развитии жанров и языков и их способов чтения.

Таким образом, еще в начале XXI в. делая вывод, что история книги как научная дисциплина, уже прочно утвердилась, и не только во Франции, но и за ее пределами, А.-Ж. Мартен уже тогда размышлял о дальнейших путях ее развития: «должна ли история книги оставаться независимой дисциплиной или интегрироваться в исследования коммуникации, «которые однажды придется развивать»¹⁹? Очевидно, что время показало, насколько его размышления были провидческими. Неоспорим тот факт, что в настоящее время исто-

рия книги или историческое книговедение продолжает развиваться в междисциплинарном синтезе перспективных направлений гуманитарной науки: коммуникативистики, социологии, медиалогии²⁰, что не может не способствовать дальнейшему развитию науки о книге, одной из важнейших задач которой является изучение книжной коммуникации.

Примечания

¹ Febvre L., Martin H.-J. *L'Apparition du livre*. 3e éd. Paris : Albin Michel, 1999. 588 p.

² Mellot J.-D. De L'apparition du livre à l'histoire de l'édition française et au-delà : un moment historiographique // 50 ans d'histoire du livre : 1958–2008. Villeurbanne : Presses de l'enssib, 2014. P. 16–26.

³ С 2008 по 2022 г. РГГУ и Ecole nationale des chartes осуществляли международную магистерскую программу «История и новые технологии». См. https://rsuh.ru/news/detail.php?ncc=1&auth_service_id=Twitter&check_key=d928d5daad62e1d89531fc95d75d1a6b&backurl=%2Fnews%2Fdetail.php%3Fnc%3D1%26amp%3Bcheck_key%3D941daca4a5cc7437e5cc65666b442c4e%26amp%3Bbackurl%3D%252Fnews%252Fdetail.php%253FID%253D185927%26amp%3BID%3D185927&check_key=941daca4a5cc7437e5cc65666b442c4e&backurl=%2Fnews%2Fdetail.php%3FID%3D185927&ID=185927.

⁴ См.: Долгодрова Т. А. *Историография западноевропейской книги XV века в России во второй половине XX века* // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2012. № 1. С. 80–87.

⁵ См.: Люблинский В.С. *Книга в истории человеческого общества* // Вестник истории мировой культуры. 1959. № 4. С. 162–167.

⁶ См.: Lublinsky V. *Le livre et la société* // La Pensée : revue du rationalisme moderne. 1960, mai-juin. N 91. P. 118–122; Compte-rendu : Febvre L., Martin H.-J. *L'apparition du livre*. Paris : Albin Michel, 1958.

⁷ См. Martin H.-J. «Les bibliothèques publiques de Lyon et le Musée de l'imprimerie» // Bulletin des bibliothèques de France (BBF). 1965. n° 12. P. 401–408. URL: <https://bbf.enssib.fr/consulter/bbf-1965-12-0401-001> (дата обращения: 05.02.2026); *Hommage à Henri-Jean Martin* // Impressions premières La page en révolution de Gutenberg à 1530. URL: <https://www.bm-lyon.fr/expositions-en-ligne/impressions-premieres/exposition/du-modele-manuscrit-au-modele-imprime/article/hommage-a-henri-jean-martin> (дата обращения: 05.02.2026).

⁸ Цит. по: Le Ray E. *Henri-Jean Martin : fondateur de l'Ecole française de l'histoire du livre* // Communication et langages. 2008. N°155. P. 145–154. URL: www.persee.fr/doc/colan_0336-1500_2008_num_155_1_5381 (дата обращения: 04.02.2026). (текст речи: Claude Jolly, «Henri-Jean Martin, bibliothécaire, professeur et savant», Paris, Bulletin des bibliothèques de France, t. 42, N° 6, 1997, p. 82–84.) К. Жолли был учеником А.-Ж. Мартена, позже возглавлял департамент публичных библиотек Министерства культуры (1983–1985), был литературным директором издательства «Промодис» (1985–1986), а затем директором библиотеки Сорбонны (1987–1994). В качестве заместителя директора Министерства высшего образования и науки был заведующим библиотечно-информационного сектора (1994–2006), программы послевузовского образования (2006–2009), а затем руководителем по стратегии высшего образования и профессиональной интеграции (2009–2012).

⁹ См.: Виртуальная выставка «Henri-Jean Martin, un itinéraire chartiste»: URL: <https://bibnum.chartes.psl.eu/s/hjm/page/presentation> (дата обращения: 03.02.2026).

¹⁰ Martin H.-J. *Les métamorphoses du livre : entretiens avec Jean-Marc Chatelain et Christian Jacob*. Paris : Albin Michel, 2004. 296 p.

¹¹ См.: *Histoire et civilisation du livre : Revue internationale, un volume annuel depuis 2005* : site. Genève, 2024. URL: <https://www.droz.org/europe/section/Sujets/Bibliographie+-+Histoire+du+livre/1/10> (дата обращения: 06.02.2026).

¹² См. Стаф И. К. История книги и история литературы: проблемы взаимодействия // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217. С. 99–111; Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Магистерский учебник по книговедению: основные проблемы и перспективы подготовки // Библиосфера. 2022. № 3. С. 5–16; Овсянникова Л. А. «Появление книги» Л. Февра и А.-Ж. Мартена: французская историко-книжная школа в XX – начале XXI в. // Книга. Чтение. Медиасреда. 2024. Т. 2(1). С. 27–39.

¹³ Chartier R. Paradoxes d'un historien : Henri-Jean Martin // Histoire et civilisation du livre. 2020. N 16. P. 243–247.

¹⁴ См. Febvre L., Martin H.-J. L'Apparition du livre. 3e éd Paris : Albin Michel, 1999. С. 12.

¹⁵ Barbier F. Écrire L'Apparition du livre // L. Febvre, H.-J. Martin. L'apparition du livre. 3e éd. Paris: Albin Michel, 1999. P. 537–579.

¹⁶ Martin H.-J. La naissance du livre moderne (XIVe-XVIIe siècles) : mise en page et mise en texte du livre français. Avec la collaboration de J.-M. Chatelain, I. Diu, A. Le Dividich et L. Pinon. [Paris]: Editions du Cercle de la Librairie, 2000. VI, 493 p.

¹⁷ См.: McKenzie D. F. Bibliography and the Sociology of Texts. London: British Library, 1986. (The Panizzi Lectures 1985). Réédition: Cambridge, Cambridge University Press, 1999. 130 p.

¹⁸ Histoire de l'édition française. Sous la dir. de R. Chartier et de H.-J. Martin. Paris : Promodis. T. I-IV, 1983–1986.

¹⁹ См. : Martin H.-J. Une vision totale du livre // Bulletin des bibliothèques de France. 2004. T. 49, N° 5. P. 21–23. URL: <http://bbf.enssib.fr/consulter/bbf-2004-05-0021-003> (consulté le 03.02.2026).

²⁰ Эльяшевич Д. А., Мутьев В. А. Новое книговедение: взгляд в будущее. // Библиосфера. 2021. № 1. С. 43–53.

М. Я. Хакимова

Чтение как важнейший элемент культуры

Рассмотрена сущность культуры, как непрерывной сознательной творческой деятельности, которая связана с созданием материальных и духовных богатств, их сохранением и передачей будущим поколениям. Рассматривается процесс возникновения и развития культуры чтения как структурного, важного элемента общей культуры. Поясняется, что это совокупность специальных знаний, умений и опыта, необходимых для изучения публикаций и электронных ресурсов, а также даются рекомендации по формированию культуры чтения в сотрудничестве семьи, школы и библиотеки.

Ключевые слова: культура, чтение, творческая деятельность, мышление, социализация, информационные технологии, умственное развитие, информация, знания, научные знания

Muborakxon Ya. Khakimova

Reading as an essential element of culture

The scientific article talks about culture as a continuous conscious creative activity, which is associated with the creation of material and spiritual riches, their preservation and transmission to future generations. The process of emergence and development of reading culture as a structural, important element of general culture is considered. It is explained that it is a set of special knowledge, skills and experience necessary to study publications and electronic resources, and recommendations are given on the formation of reading culture in cooperation of family, school and library.

Keywords: culture, reading, event, creative activity, thinking, socialization, information technology, mental development, information, knowledge, scientific knowledge

Культура – это постоянная, непрерывная, осознанная творческая деятельность, связанная с созданием материального и духовного богатства, его сохранением, защитой и передачей будущим поколениям. В процессе этой творческой деятельности было сделано множество открытий, а изобретение письменности и книги послужило основой для всех последующих открытий. Хотя книга является продуктом материальной сферы общества, она оказывает огромное влияние на самую тонкую сферу человеческой личности, то есть на её духовный мир. Под влиянием книги в каждом человеке формируются идеи, образы и мысли, образуя комплекс знаний, влияющий на развитие общественного сознания. Хотя в настоящее время библиотеки обозначаются такими терминами, как «информационно-ресурсный центр», «информационно-библиотечное учреждение», изначально они означали «место, где хранятся книги». В современных условиях для библиотек принципиально важно формировать фонды, аккумулирующие разнообразные источники информации и знаний, создавать современные условия для их освоения и творческого использования, а также обеспечивать деятельность учреждений профессиональным персоналом, обладающим специальными компетенциями в сфере формирования культуры чтения¹.

В настоящее время проблема чтения занимает центральное место в профессиональном сознании всех, кто занимается созданием и распространением книг. Все более очевидной становится необходимость объединения усилий работников издательств, книготорговых организаций, библиотекарей, учителей,

родителей и воспитателей детских учреждений для повышения культуры чтения. Чтение для каждого человека является основой его духовного и интеллектуального развития, а чтение для нации – фактором, обеспечивающим духовное и материальное развитие всей страны. Вследствие того, что многие пользователи не умеют корректно формулировать свои потребности в данных, информации и знаниях, а также не обладают навыками оперативного поиска и анализа необходимой информации, значительная часть ресурсов, хранящихся в библиотечно-информационных учреждениях, остаётся неиспользованной. В таких случаях может помочь рекламная деятельность, например, с помощью «Справочника по электронному фонду библиотеки», «Ежемесячника для студентов первого курса», «Ежемесячника для учащихся первого класса». Проявление чтения как важного эстетического элемента в культурной структуре отражается в духовном, интеллектуальном обогащении, творческой и социальной активности студентов. Чтение как процесс и деятельность – чрезвычайно сложное явление². Анализ проблемы изучения чтения в Узбекистане и других зарубежных странах показывает, что в настоящее время оно изучается в таких областях, как социология и психология, педагогика и филология, герменевтика и лингвистика, история и литературоведение, философия и культурология, журналистика и медицина.

На разных исторических этапах развития нашей страны изучалось чтение различных демократических и социальных групп (школьников, студентов-молодежи, городских жителей, сельских жителей, инвалидов и др.), а также роль книг и чтения в жизни разных регионов, мотивация к чтению, влияние чтения на социальную активность, влияние чтения на физическое и психологическое состояние человека, соотношение читательского и аудиовизуального каналов получения информации, соотношение чтения в библиотеке и вне библиотеки, художественная и другая литература. При этом были выявлены специфические особенности чтения литературных жанров, роль чтения в досуге различных групп пользователей. В зарубежном опыте чтение детей, роль чтения в семейной и общественной жизни, а также другие направления чаще изучаются в культурно-социальном и образовательном направлениях. С 1990-х гг. и по настоящее время исследования изменений в чтении американцев проводятся непрерывно. Сегодня исследования в западных странах в основном проводятся в области повышения культуры чтения и улучшения качества чтения в рамках программ по организации чтения среди нечитающих слоев населения. Сегодня такие программы действуют более чем в 30 странах мира. Программы поддержки и развития чтения, принятые во многих странах, требуют от всех вышеупомянутых специалистов знаний и навыков, направленных на привлечение всех слоев населения к чтению, повышение его качества и уровня. В этой связи особое внимание следует уделить следующим областям:

1. Чтение – это глобальное явление, как письмо и литература;
2. Формирование мировоззрения, уровня образования, эмоционального и интеллектуального развития достигается только посредством чтения;
3. Чтение является одним из основных средств социализации человека.

Благодаря чтению формируется социально полезная личность, в результате социализации улучшается социальный климат в обществе и формируется

толерантность. Сегодня много говорится и проводятся исследования об информационной культуре человека. Но можно ли говорить о формировании информационной культуры в обществе, которое не читает? Само собой разумеется, что основой информационной культуры является культура чтения, формирующаяся в семье, школе и библиотеке. Поскольку формирование культуры чтения считается одной из социальных проблем, определяющих уровень общего культурного развития общества, библиотекари нашей страны провели определенные работы в этом направлении. В частности, О. Касимова, Е. А. Охунджонов, М. А. Рахимова. В исследованиях Е. Исломова, М. М. Туропова и М. Г. Махмудова культура чтения рассматривалась вместе с общими проблемами библиотечного дела.

В. А. Бородина, ученые Содружества Независимых Государств, по вопросу формирования и развития личной культуры чтения, теоретических и методологических направлений также работали над этой темой. Некоторые работы по этой теме выполнили Ю. П. Мелентьева, Н. В. Збаровская, Л. В. Тананакина. В своих трудах они рассматривают культуру чтения как феномен, процесс и деятельность, а деятельность библиотечно-информационных учреждений анализируют как необходимое условие формирования культуры чтения. Широко изучены вопросы формирования культуры чтения у учащихся (М. И. Губанова), вопросы руководства детским чтением в библиотечно-информационных учреждениях (В. П. Чудинова, В. Д. Стельмах, Н. Н. Житомирова, В. А. Воронеж).

Сегодня в научных исследованиях понятие чтения интерпретируется не только как чтение книг или других печатных материалов, но и как процесс получения информации из различных информационных источников. В частности, в книге профессора А. Умарова «Культура чтения: личность, общество, развитие» подчеркивается, что «Чтение – это феномен познания, обучения и приобретения знаний. В его основе лежит деятельность, целенаправленное чтение и усвоение информации из текста в соответствии с различными потребностями социального субъекта»³. Обобщая идеи о культуре чтения в вышеупомянутой литературе, можно дать следующее определение: понятие культуры чтения в широком смысле – это способность организовывать время чтения планомерно; читать систематически и непрерывно; самостоятельно отбирать и сортировать книги и информацию; способность правильно осмысливать различную информацию, будь то научную, популярную или художественную, критически оценивать и делать правильные выводы; способность находить необходимую литературу и информацию с помощью библиографических указателей и других источников информации; способность с осторожностью использовать книги и другие печатные издания; способность соблюдать гигиену чтения, регулировать скорость чтения в соответствии с целью; способность рекомендовать другим лучшие книги и ценную информацию.

Культура чтения – это совокупность специальных знаний, навыков и опыта, необходимых для изучения печатных изданий и электронных источников. Управление чтением пользователей – одно из главных направлений нашей национальной идеи – единая система влияния на содержание массовой культуры чтения с целью формирования целостной личности. Библиотечно-информационные учреждения должны уметь предлагать новые формы предоставления

услуг, используя новые технологии информационного обеспечения, расширять возможности сбора электронных ресурсов и использования удаленных источников наряду с популяризацией традиционных книг.

Библиотечно-информационные учреждения должны сочетать широкое использование новых технологий с традиционными формами и методами традиционной библиотечной работы и уделять внимание следующим обстоятельствам для формирования культуры чтения:

- широкое использование новых форм и методов привлечения пользователей в библиотечно-информационные учреждения;
- активное участие в практической реализации программ по чтению и книжной культуре, реализуемых в нашей стране;
- формирование у пользователей навыков самостоятельного использования информационно-библиографического аппарата библиотеки;
- разработка методов оптимизации научно-теоретических возможностей процесса чтения;
- формирование навыков и культуры использования Интернета;
- постоянное повышение квалификации сотрудников библиотечно-информационных учреждений.

Независимо от формы чтения (с книжной страницы, экрана, монитора), оно определяет интеллектуальный уровень нации в обществе и конкурентоспособность государства. В настоящее время внимание всех, кто вовлечен в чтение, и специалистов (родителей, учителей, библиотекарей) должно быть сосредоточено на выполнении следующих задач: влиять на реализацию издательской политики, обеспечивающей соответствие каждой изданной книги жизненной стратегии человека; способствовать созданию базы данных, отвечающей целям этой политики; обеспечить доступ к книгам в самых отдаленных районах; добиться устранения всех существующих барьеров на пути обслуживания всех групп пользователей и людей с особыми потребностями; создавать методы, средства и технологии для вовлечения пользователей в чтение, независимо от их возраста, пола, психологического состояния и уровня образования, эффективно используя достижения современной педагогики и психологии; формирование высокого уровня культуры чтения и информационной грамотности у всех групп пользователей с целью решения проблем, связанных с получением информации, освоением профессиональных факторов и самообразованием. Реализация этих задач связана с координацией усилий всех заинтересованных сторон, и библиотеки играют в этом ключевую роль.

Примечания

¹ Умаров А. О. Культура чтения: Индивид, общество, развитие. Ташкент: «Фан», 2004. С. 15.

² Мелентьева Ю. П. Чтение: явление, процесс, деятельность. М.: Наука, 2010. 182 с.

³ О мерах по развитию библиотечной культуры и повышению интереса к чтению среди населения : постановление Президента Республики Узбекистана от 15.01.2026 № ПК-9.

Е. Ю. Иконникова

Педагогическая деятельность В. С. Люблинского в Московском заочном полиграфическом институте

Впервые рассматривается деятельность В. С. Люблинского как преподавателя в Ленинградском отделении Московского заочного полиграфического института (МЗПИ), где он читал курс всеобщей истории и вел дисциплины по книжному делу. Внимание уделяется методике преподавания предметов и занятиям со студентами на основе документов личного архива В. С. Люблинского, хранящимся в Российской национальной библиотеке.

Ключевые слова: В. С. Люблинский, книжное дело, преподавательская деятельность, Ленинградское отделение Московского заочного полиграфического института (МЗПИ), личный архив

Ekaterina Yu. Ikonnikova

V. S. Lyublinsky's pedagogical activity at the Moscow Correspondence Polygraphic Institute

For the first time, the article examines the activities of V. S. Lyublinsky as a teacher at the Leningrad Branch of the Moscow Correspondence Polygraphic Institute (MPPI), where he taught a course on universal history and conducted book studies. Attention is paid to the methodology of teaching subjects and classes with students based on the documents of V. S. Lyublinsky's personal archive, stored in the National Library of Russia.

Keywords: V. S. Lyublinsky, book business, teaching, Leningrad branch of the Moscow Correspondence Polygraphic Institute (MPPI), personal archive

В послевоенном 1946 г., в Ленинграде, открылся учебно-консультационный пункт (УКП) для студентов-заочников Московского полиграфического института (МЗПИ). УКП давал возможность получить квалификацию редактора, художника-графика, инженера-технолога и механика. Для чтения лекций по книговедческим дисциплинам приглашались преподаватели других вузов города и специалисты в области книжного дела, одним из которых был В. С. Люблинский, к концу 1940-х гг. зарекомендовавший себя как прекрасный историк книги и один из выдающихся отечественных исследователей французского Просвещения, более четверти века прослуживший в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

В институт В. С. Люблинский был приглашен в 1947 г. на должность старшего преподавателя как профессиональный историк, а также для чтения лекций по книжному делу. В тот же год он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Вольтеровские фонды Ленинграда», после чего был утверждён в звании доцента. Преподавательская нагрузка и ритм работы ученого зафиксированы в документах, отложившихся в его личном архивном фонде, ныне хранящемся в Российской национальной библиотеке¹. Среди них – бланки расчёта нагрузки, индивидуальные календарные планы, отражающие распределение часов, тематику занятий и организационные детали учебного процесса, рецензии на работы студентов.

Для первокурсников реставрационного факультета В. С. Люблинский вел курс по всеобщей истории, предполагающий лекции по новой и новейшей

истории. В календарном плане лекционно-лабораторных занятий за 1953–1954 учебный год нагрузка распределялась на два семестра, где в первом полугодии было запланировано четырнадцать часов лекций и пять групповых консультаций. По сути, консультации представляли собой продолжение лекций, но в более диалоговом формате: студенты могли задавать вопросы, уточнять детали, обсуждать спорные моменты. Учебный курс начинался с разбора истории английской революции XVII в. После этого лекционный цикл охватывал эпоху французских революций XVIII–XIX вв.: от Великой французской революции 1789 г. до революционных потрясений 1830 и 1848 гг. Во второй половине первого семестра студенты изучали исторические процессы XIX в. Второй семестр, включавший шестнадцать часов лекций и лишь одну групповую консультацию, был полностью посвящён истории XX в.²

На редакционно-издательском факультете института В. С. Люблинский вёл несколько дисциплин для студентов специальностей «Художественное оформление книг и журналов» и «Редактирование политической и художественной литературы». Преподавание осуществлялось на условиях почасовой нагрузки. Внимания заслуживает курс «Всеобщая история», который ученый читал будущим редакторам на первом, втором и третьем курсах. Программа была рассчитана на 30 лекций, завершавшихся экзаменом. В содержание курса входили не только фундаментальные события мировой истории, но и их взаимосвязь с развитием книжного дела, издательской практики и культуры чтения – темы, особенно близкие самому лектору.

Помимо лекций, в преподавательскую нагрузку входили групповые и индивидуальные консультации, позволявшие студентам глубже осмыслить материал и получить ответы на вопросы, возникавшие в ходе подготовки к занятиям. Численность учебных групп варьировалась: на первом курсе обучалось двадцать восемь человек, на втором – одиннадцать, а на третьем – десять студентов. Такая динамика отражала специфику заочного обучения, где к старшим курсам оставались наиболее мотивированные слушатели, готовые к углубленному изучению дисциплин³.

Для студентов, обучавшихся по специальности «Художественное оформление книг и журналов», В. С. Люблинский читал углубленный курс лекций по истории оформления книги. Этот цикл, насчитывавший 15 академических часов, стал для будущих художников-оформителей настоящим путеводителем по эволюции книжного искусства – от его истоков до новейших на тот момент тенденций. Согласно сохранившемуся календарному плану, обучение разделялось на два семестра – первый включал всего три лекционных занятия, но они закладывали фундамент всего последующего изучения предмета⁴.

Вводная лекция задавала общее направление для всего курса. В. С. Люблинский раскрывал взаимосвязь между техническим прогрессом, культурными традициями и художественным решением книги. Он подчёркивал, что оформление – это не украшение, а способ коммуникации между автором, издателем и читателем. «Оформление ранних произведений печати» – лекция, погружавшая слушателей в эпоху инкунабул и первых типографий. На примерах первопечатных изданий В. С. Люблинский показывал, как традиции рукопис-

ной книги превращались в новые формы, как формировались правила оформления текста, титульного листа и орнаментики. «Оформление русской книги XVI–XVIII веков» – тема, где особое внимание уделялось взаимодействию европейских влияний и национальной традиции. Лектор анализировал эволюцию шрифтов, роль гравюры в книжной иллюстрации, специфику церковно-печатной продукции и становление светской книги при Петре I⁵.

Второй семестр был значительно более насыщенным – он состоял из десяти часов лекционных занятий и прослеживал развитие оформления в эпоху, когда книга стала важнейшим инструментом просвещения и идеологии. Первая лекция была посвящена русской книге первой половины XIX в. В. С. Люблинский акцентировал внимание на юридическом и социально-правовом положении русской книги как отражении экономической и политической ситуации в стране. Последующие лекции последовательно раскрывали эволюцию оформления русской книги вплоть до 1917 г. Здесь рассматривались: стилистические поиски эпохи эклектики и модерна; вклад крупнейших издательств (Сытин, Суворин, Маркс) в демократизацию книжного оформления; новаторские решения художников «Мира искусства» в книжной графике. Затем курс переходил к оформлению советской книги – периоду, насыщенному экспериментами и идеологическими установками. В. С. Люблинский анализировал конструктивистские обложки, роль фотомонтажа, решения эпохи «большого стиля» 1930–1950-х и т. д. Завершающая лекция выходила за рамки отечественной традиции и была посвящена оформлению книг в странах западной демократии и Китае. Лекции В. С. Люблинского отличались не только глубиной содержания, но и яркой формой подачи. Он охотно прибегал к наглядности – демонстрировал иллюстрации, приводил примеры из собственных исследований, сопоставлял издания разных стран и эпох. Его рассказы о мастерах книжного дела, о влиянии технологий на эстетику, о символике орнаментов и шрифтов превращали сухие факты в живую историю культуры. Этот курс не просто давал будущим художникам-оформителям набор знаний – он воспитывал вкус, учил видеть книгу как целостный организм, как продукт культурного наследия, где каждая деталь имеет значение⁶.

Ещё одной важной дисциплиной, которую В. С. Люблинский вел в институте, стала «История письменности и книгопечатания». Особенностью этого курса являлся наглядный метод, который предполагал обязательные экскурсии в ГПБ по каждому разделу. Для редакторов он читался на первом курсе, а для художников-оформителей – уже на третьем, что подчеркивало его универсальную ценность для разных специальностей. При этом программа курса различалась в зависимости от специализации студентов. Для редакторов курс был более объемным и насыщенным, поскольку закладывал основы представления о материальной стороне книги. Ключевые разделы программы для редакторов – «Эволюция письма»: от пиктограмм и клинописи к алфавитам Средиземноморья и кириллице, где ученый показывал, как форма знаков отражала не только инструменты письма, но и мировоззрение эпохи. На лекции «Рукописная книга» особое внимание уделялось оформлению и палеографическим особенностям, а также содержанию и функции рукописных книг в обществе.

Отдельная лекция была посвящена изобретению книгопечатания, вкладу Гутенберга, первым типографиям Европы.

«Основы типографского дела» – отдельный блок лекций, выделявший программу для редакторов. Здесь В. С. Люблинский знакомил студентов с классификацией шрифтов, принципами верстки, особенностями работы с иллюстративным материалом. Этот раздел не был сухим перечнем правил: ученый умел показать, как типографика становится инструментом авторского замысла – от парадного стиля книг петровской эпохи до сдержанной простоты обложек в духе модернизма. Кульминацией курса для редакторов были две экскурсии в Государственную публичную библиотеку⁷. В. С. Люблинский считал необходимым зрительные представления о внешнем виде старой книги, ее оформлении и развитии шрифта. Первая экскурсия была посвящена редким изданиям. Студенты вживую видели инкунабулы, альдины, эльзевиры, сравнивали их с русскими первопечатными книгами. В. С. Люблинский обращал внимание на детали: формат, качество бумаги, расположение текста, заставки, инициалы. Он показывал, как даже мелкие элементы оформления влияли на внешний облик и восприятие книги. Вторая экскурсия фокусировалась на типографских технологиях. В фондах библиотеки демонстрировались образцы разных шрифтов – от готических до гротесков, корректурные листы с правками издателей, экспериментальные издания XX в., где особое оформление текста становилось частью художественного замысла. Ученый считал экскурсии крайне важным видом практических занятий, так как они давали возможность студентам наглядно оценить вес пергамена, сравнить текстуру бумаги разных эпох, рассмотреть следы литер на оттисках.

Программа для художников-оформителей (третий курс) была более лаконичной, поскольку к этому времени студенты уже владели базовыми навыками композиции и графики. В. С. Люблинский делал акцент не на технических деталях, а на эстетических закономерностях книжного дизайна.

Здесь в центре внимания оказывались символика орнаментов и их трансформация в разных культурах, взаимодействие текста и изображения – от средневековых миниатюр до модернистских коллажей, роль цвета в книжном оформлении; национальные традиции книжного искусства (включая восточные школы, которые часто оставались за рамками стандартных курсов).

Такой подход позволял будущим художникам увидеть в истории письменности не набор фактов, а источник вдохновения – многообразие идей, которые можно переосмыслить в современных изданиях⁸.

Серьезным недостатком, усложняющим преподавание этих дисциплин, было отсутствие специальной учебной литературы для студентов. Еще в начале 50-х гг. В. С. Люблинский говорил о необходимости «знания истории развития искусства книги, ее производства, распространения, понимания ее социальной роли и оценке технологического совершенства» советским работникам печати, издательств, книготорговой и библиотечной сети. Он подчеркивал, что существующие программы и пособия практически не уделяют внимание этой стороне истории культуры⁹. Ученый предлагал составить учебное пособие «Начальные сведения по истории книги» с приложением в виде иллюстрирован-

ного атласа с образцами полиграфии, в котором бы суммировались все важнейшие даты в истории книги и печати, полиграфические термины, таблицы статистических сведений о советской печати, примеры оформления и т. д.¹⁰. К сожалению, на тот момент его замысел так и не был осуществлен, только в 1959 г. вышло его учебное пособие «На заре книгопечатания» (1959) – подлинно научный труд знатока мировой культуры, сумевшего показать важнейшую роль печатного станка и распространения книги в Европе¹¹.

В. С. Люблинский проработал в Ленинградском отделении Московского заочного полиграфического института до 1962 г. Его преподавательская деятельность стала значимой страницей в истории отечественного книговедения и профессионального образования в области книжного дела. Ключевая особенность его педагогического подхода заключалась в синтезе теории и практики, историко-культурного анализа и профессиональной направленности. Он не просто излагал факты, а показывал, как эволюция письменности, книгопечатания и оформления книги отражает изменения в обществе, идеологии и технологиях. В. С. Люблинский демонстрировал преемственность традиций: в его трактовке средневековые приёмы построения текста остаются актуальными для редакторов, а орнаментальные мотивы прошлого могут вдохновить художников-оформителей. Важнейшую роль играли экскурсии в Государственную публичную библиотеку, где студенты могли вживую изучать редкие издания, материалы разных эпох, анализировать шрифты, что превращало абстрактные знания в практический навык.

Обладая богатым опытом профессионального историка, библиографа и палеографа, В. С. Люблинский сумел создать целостную систему преподавания дисциплин, связанных с книгой и ее историей.

Примечания

¹ Люблинский В. С. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф 1268. Оп. 1. Ед. хр. 210.

² Там же. Л. 40–41.

³ Там же. Л. 2–3.

⁴ Там же. Л. 37.

⁵ Там же. Л. 38.

⁶ Там же. Л. 39.

⁷ Там же. Л. 53.

⁸ Там же. Л. 54.

⁹ Там же. Ед. хр. 122. Л. 1.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Люблинский В. С. На заре книгопечатания: Пособие для учителей. Ленинград: Учпедгиз. Ленингр. отд-ние, 1959. 160 с.

В. Д. Васильева

Книговедческая концепция А. И. Барсука

Определяется значение работ А. И. Барсука для развития отечественного книговедения и библиографоведения позднесоветского периода. Автор анализирует основные идеи и взгляды ученого, акцентируя внимание на «внутренних» задач книговедения: разработке методологии, понятийного аппарата, выяснении отношений со смежными научными дисциплинами и т. д. Новаторство функциональной концепции книговедения, разработанной А. И. Барсуком совместно с И. Е. Баренбаумом, выражено в выдвижении функционального критерия как важнейшего и определяющего при изучении книги. По мнению ученого, книга должна изучаться не отдельно от общества, но в контексте динамики ее взаимодействия с человеком, ее роли в передаче знаний, формировании культуры и идеологии.

Ключевые слова: А. И. Барсук, советское книговедение, теория книговедения, методология, функциональный подход, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Vlada D. Vasilyeva

The bibliological theory of A. I. Barsuk

The article assesses the contribution of A. I. Barsuk's research to the development bibliography and bibliographic studies in the late Soviet period. It examines his key ideas, with a focus on the internal tasks of bibliography methodology, conceptual apparatus, and interdisciplinary relations. The innovative functional approach of bibliography, co-developed with I. E. Barenbaum, prioritises the functional criterion in book studies. A. I. Barsuk argues that a book must be understood not in isolation but through its dynamic interaction with individuals and its role in knowledge transmission, cultural formation, and ideological influence.

Keywords: A. I. Barsuk, soviet bibliography, theory of bibliography, methodology, functional approach, Sankt-Petersburg State University of Culture

Процесс развития российской книговедческой мысли в XX в. имел прерывистый характер. Периоды бурного роста, обусловленные социально-культурными и институциональными факторами, сменялись этапами стагнации, вызванными как внешними ограничениями, так и внутренними методологическими проблемами научного знания.

Первый период небывалого подъема науки о книге пришелся на 1920-е – начало 1930-х гг. Координационным центром книговедческих исследований стал Петроград (ныне Санкт-Петербург). В 1920 г. в городе на Неве был открыт Институт книговедения, при котором читались специализированные учебные курсы¹. После присоединения института к Государственной публичной библиотеке (ныне Российская национальная библиотека), ему был присвоен статус научно-исследовательского центра. В разные годы в Научно-исследовательском институте работали С. А. Венгеров, М. Н. Куфаяев, А. М. Ловягин, А. Д. Торопов, А. Г. Фомин и другие видные ученые, чьи фундаментальные труды, сыграли определяющую роль в осмыслении теоретических основ книговедения².

В эти годы ученые, представители других областей научного знания, также проявляли живой интерес к книговедческим проблемам, среди них – Н. Я. Марр, Н. К. Пиксанов, М. К. Азадовский и др. В ранних работах А. И. Барсука, посвященных книговедческому дискурсу, ученый выделял труды Н. Я. Марра, П. Н. Беркова и И. В. Новосадского. В них А. И. Барсука особенно привлекала возмож-

ность реализации марксистской идеологии посредством методологических принципов книговедения³. Принципиальным для себя А. И. Барсук находил стремление П. Н. Беркова и И. В. Новосадского «подчеркнуть социально-классовую роль книги в обществе». Это стремление выразилось в намерении подходить к книге (как явлению), «не с точки зрения ее формы, материала и техники, а функции», определяющей потребностями общества⁴. К идеям П. Н. Беркова и И. В. Новосадского А. И. Барсук еще не раз будет возвращаться в процессе работы над функциональной концепцией книговедения.

Середина 1930-х гг. ознаменовалась начавшимся в стране идеологическим разгромом книговедческой науки, одним из следствий которого стало закрытие Научно-исследовательского института книговедения⁵. Попытки принять более активное участие в идеологической борьбе, происходившие в молодом советском книжном деле, не стали предтечей нового подъема научного знания, но привели к прекращению книговедческих исследований в последующие 30 лет.

Следующим этапом стремительного роста книговедения по праву можно считать 1960-1980-е гг., в научном сообществе встречается неофициальное его название, как «золотого»⁶ или «серебряного»⁷ времени отечественной науки о книге. На фоне послабления цензурного режима и освобождения науки от непререкаемых догм в профессиональном сообществе возобновились библиографические и книговедческие дискуссии. К общеизвестным успехам советского книговедения 1960-х гг. А. И. Барсук относил «выпуск солидных научно-книговедческих изданий, <...> создание книговедческих факультетов и кафедр», а также «присуждение соответствующих ученых степеней»⁸.

В начале 1960-х г. видные книговеды и библиографоведы высказывали диаметрально противоположные точки зрения при попытке определения узловых параметров науки о книге. Причину противоречивости взглядов ученых в вопросе оптимальной структуры книговедения А. И. Барсук видел в методологической неразработанности некоторых основополагающих аспектов книговедения в целом, и в частности, состава и границ составляющих его отраслей и степени их взаимодействия⁹.

Издание продолжающихся тематических сборников¹⁰, в которых рассматривались актуальные проблемы библиотекovedения, библиографоведения, книговедения и других смежных областей научного знания, главным образом, отвечало на необходимость обобщения многолетнего опыта книговедческих исследований и привлечения внимания широких кругов научных работников к разработке теоретических и методологических аспектов науки.

Примером «солидного научно-книговедческого издания» может служить продолжающийся сборник «Книга. Исследования и материалы», который издается с 1959 г. Материалы сборника не раз становились объектом исследования крупных ученых¹¹. Так, И. А. Шомракова отмечала, что «в 1970-е гг. ожесточенную дискуссию вызвали некоторые вопросы методологии: методы книговедческих дисциплин, состав книговедения и взаимоотношения книговедения и библиотекovedения и библиографоведения», существенную роль в обсуждении сыграли статьи И. Е. Баренбаума, А. С. Мыльникова и А. И. Барсука¹². От-

дельно публикации, посвященные вопросам библиографии и библиографоведения, исследовала Т. Ф. Лиховид. По результатам статистического анализа «наиболее авторитетно в сборнике представлен корифей книговедческой концепции библиографии А. И. Барсук, опубликовавший девять статей»¹³, к числу наиболее репрезентативных трудов автора можно отнести следующие публикации: «О книговедении как комплексной науке (Книговедение и библиография)» (1968), «К вопросу о методах книговедческих дисциплин» (1972, в соавт. с И. Е. Баренбаумом), «Основные виды библиографии и общекниговедческая типология литературы» (1975).

Помимо создания книговедческих факультетов и кафедр, в 60-80-е гг. XX в. в книговедении сформировались две основные научные школы: ленинградская (функциональная) школа, её основоположниками стали А. И. Барсук и И. Е. Баренбаум; московская (системно-типологическая) школа, созданная усилиями А. А. Беловицкой¹⁴. Примечательно, что обе школы возникли в преподавательской среде (ЛГИК им. Н. К. Крупской; МПИ им. И. Федорова) и период их формирования и развития совпал с увеличением общего числа фундаментальных исследований в области книговедения, библиотековедения и библиографоведения¹⁵.

Функциональная школа основывалась на трудах П. Н. Беркова и И. В. Новосадского, значительный вклад в развитие их идей внесли Н. М. Сомов, А. Г. Фомин, А. А. Сидоров, в более поздние годы – Н. М. Сикорский, А. И. Барсук, И. Е. Баренбаум, А. С. Мыльников, за рубежом – К. Гломбиевский, К. Мигонь и Р. Эскарпи¹⁶. Важно отметить, что существенное влияние на процесс обогащения советского книговедения оказали теоретические и исторические работы ученых 1920-х гг. – А. М. Ловягина, М. Н. Куфаева и М. И. Шелкунова¹⁷. Подытоживая, можно утверждать, что научные интересы представителей ленинградской школы сосредотачивались «в четырех основных направлениях: теоретическое книговедение, история книги и книжного дела, история российской цензуры различных периодов, теория и история международных книжных связей»¹⁸.

А. И. Барсук, как и И. Е. Баренбаум, будучи выпускниками филологического факультета ЛГУ (ныне СПбГУ), с феноменом комплексности науки сталкивались ещё в начале своей научной деятельности¹⁹. В те годы в литературоведении также велись содержательные дискуссии о структуре, составе и вспомогательных дисциплинах науки.

Общегуманитарное образование позволило по-новому осмыслить многолетний опыт коллег – книговедов и библиографоведов. По мнению А. И. Барсука и И. Е. Баренбаума, в профессиональном сообществе могло сложиться ошибочное впечатление о книговедении как «заменителе» книговедческих дисциплин²⁰, в действительности же – это «комплексная наука, объединяющая группу родственных дисциплин, и это единство отнюдь не обезличивает отдельные книговедческие дисциплины и не стирает грани между ними»²¹.

Общеизвестно, что книговедение в силу своего положения в системе наук зачастую оказывается в тесном взаимодействии с другими гуманитарными областями научного знания – историей, литературоведением, библиографоведением, текстологией²². Данное наблюдение поспособствовало формированию

отличительных черт книговедческого изучения объекта в сравнении с подходами других наук гуманитарного цикла.

В одной из наиболее известных своих работ, «О книговедении как комплексной науке», А. И. Барсуку разграничивает исторический и историко-литературный подходы и указывает на существенную разницу между текстологией и книговедением: историков книги «интересует процесс кристаллизации самого замысла, его эволюция под влиянием общественных факторов как выражение творческой эволюции автора»²³.

Максимальное количество точек соприкосновения А. И. Барсуку отмечает между книговедением, библиотековедением и библиографией, поскольку их связывает общность объекта, цели и общественного назначения, а также методы и закономерности изучения материала²⁴.

Друг и коллега А. И. Барсука – И. Е. Баренбаум, определяя место библиотековедения и библиографоведения в системе наук, рассматривает существующие точки зрения и выделяет четыре концепции, преобладающие в научном сообществе (книговедческая; информационно-документалистская; психолого-педагогическая; социально-культурная)²⁵. Сам И. Е. Баренбаум являлся сторонником книговедческой концепции, в русле которой вопросы библиотековедения и библиографоведения исследуются в контексте книговедения.

К 1970-м гг. ученые-книговеды – сторонники книговедческой концепции определили оптимальный состав объекта комплексной науки как систему «книга – книжное дело – читатель»²⁶. По мнению И. Е. Баренбаума, библиотековедение и библиография, как специализированные области, наиболее органично и естественно вливаются в книговедение, поскольку их предмет и задачи тесно связаны с системой «книга – читатель» как центральным объектом книговедческого исследования.

В научных трудах А. И. Барсука существенное место занимало изучение фундаментальных проблем библиографии и библиографоведения. Ученый считал библиографию универсальным научным знанием, но в 1960–1970-е гг. ее развитие как самостоятельной научной дисциплины ограничивалось вследствие дефицита научного интереса к формированию единого терминологического аппарата и разработке непротиворечивой и общепринятой теоретической концепции этой сферы знания. В 1975 г. в свет выходит монография А. И. Барсука «Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин: методологический очерк», в которой ученый ставит своей главной целью «разработать теорию связей, действующих внутри комплекса, изучив их гораздо конкретнее и глубже, чем это делалось до сих пор», поскольку консолидация книговедческих дисциплин благотворна не только для них самих, но и для практики развития всего книжного дела²⁷. Вторым, но не менее важным, результатом данного исследования является теоретическое обоснование функционального метода изучения произведений печати в качестве фундаментальной научной категории. Специфика функционального подхода к объекту изучения, в первую очередь, выражается в содействии родственных книговедческих дисциплин в процессе создания, распространения и использования книги (в широком ее понимании) с целью наилучшего выполнения ею её социального назначения.

Как итог, функциональный метод позволяет уточнить все узловые параметры науки: предмет, цели, закономерности, гипотезы и прогнозы, методы, границы, и всю общую направленность книговедческих исследований.

И. Е. Баренбаум, соглашаясь с А. И. Барсуком, относит к особенностям функционального подхода при изучении книги как то, что «книга воспринимается как особая целостность, в которой слиты воедино внешняя форма, текст и его содержание»²⁸, так и то, что книга рассматривается не отдельно от общества, но в контексте динамики ее взаимодействия с человеком.

Еще одним фундаментальным методом, применяемым в книговедении для составления предварительной классификации и систематизации полученных данных, является типологический метод²⁹. Приобретение этим методом существенного научного влияния непосредственно связано с деятельностью московской книговедческой школы под руководством А. А. Беловицкой. Согласно системно-типологической концепции³⁰, типологический метод представляет собой многоступенчатый подход к классификации и анализу объектов книговедческого изучения на основе выявления устойчивых типологических признаков и закономерностей их функционирования в рамках коммуникативного процесса. Среди определяющих типологических признаков А. А. Беловицкая выделяет «общий замысел произведения, читательский адрес и целевое назначение»³¹. С его помощью ученые выявляют типы изучаемых ими явлений и фактов, распределяют их по сущностным, или типологическим, критериям.

К сожалению, к началу 1970-х гг. научным сообществом не были разработаны те общие принципы типологии книги, которые могли бы стать общими для всего комплекса книговедческих дисциплин³². Приоритетной задачей ученых оставалось определение исходных понятий книговедения, где к наиболее трудноразрешимым проблемам относилась дефиниция фундаментального понятия «книга».

По мнению А. И. Барсука, книга – это «произведение письменности и печати или определенная их совокупность, являющееся продуктом общественного сознания, идейно-духовной жизни общества, одним из основных средств сохранения, распространении и развитии всех форм идеологии (политических взглядов, науки, морали и т. д.), орудием социальной борьбы, воспитания, организации и формирования общественного мнения, орудием научного и технического прогрессов»³³. Эту попытку ученого дать дефиницию основного понятия науки, несомненно, трудно назвать удовлетворительной, но А. И. Барсук сознательно ограничивает трактовку книги ее содержательной стороной, исключая характеристику материальной формы. Вместе с тем А. И. Барсук указывает на необходимость «дальнейшей работы над формой книги»³⁴. Это еще раз доказывает, насколько проблематично предложить емкую и одновременно точную формулировку сложного объекта.

И. Е. Баренбаум видел основной недостаток всех предложенных ранее определений «книги» в том, что «авторы не включая какую-либо из существенных сторон книги как единого целого – либо духовную (содержательную), либо материальную (формальную)»³⁵. Сам И. Е. Баренбаум, определяя книгу как «произведение письменности или печати, имеющее любую читаемую знаковую форму (идеографическую, алфавитную, нотную, цифровую), зафиксирован-

ную на любом материале (камень, глина, кожа, папирус, шелк и т. д.), выполняющее одновременно ряд функций (информационно-коммуникативную, идеологическую, познавательную, эстетическую, этическую и иные) и адресованное реальному или абстрактному читателю»³⁶.

При сравнении определений базового понятия «книга», предложенных основоположниками ленинградской школы книговедения, становится очевидной существенная разница в их подходах. Определение А. И. Барсука построено вокруг роли и общественного назначения книги в обществе как инструмента идеологии, воспитания, социальной борьбы и научно-технического прогресса, иными словами, предложенная ученым формулировка идеально укладывается в рамки ортодоксально понимаемого функционального подхода. Дефиниция же И. Е. Баренбаума, несмотря на его очевидную принадлежность к этой же научной школе, выглядит более целостной, поскольку в ней ученый стремился учесть все существенные стороны книги – материальную, знаковую, функциональную и коммуникативную. Кроме того, трактовка И. Е. Баренбаума может быть применена ко всем формам книги.

Эволюция российской книговедческой мысли в XX в. характеризовалась прерывистой динамикой. Обращаясь к истории книговедения, А. И. Барсук отмечал заслуги В. Г. Анастасевича, В. С. Сопикова, Н. М. Лисовского, А. М. Ловягина, Л. Н. Троповского, М. Н. Куфаева, Н. В. Здобнова и других ученых. Противоречивость взглядов этих специалистов в вопросе оптимальной структуры книговедческих дисциплин была обусловлена отсутствием общей теории книговедения, и, в частности, неразработанным терминологическим аппаратом, следствием чего стала полисемия базовых дефиниций нескольких областей научного знания. По мнению А. И. Барсука, возрождение книговедения как комплексной науки о книге потребовало научного осмысления ее многолетней практики, «углубленной разработки теории и методологии, методики и проблем организации, её истории в национальных, региональных и международных границах»³⁷.

Предложенные А. И. Барсуком и И. Е. Баренбаумом теоретические положения функциональной школы книговедения во многом поспособствовали развитию советской и российской науки о книге. Основными подходами при дальнейшей разработке книговедческого знания ученые предлагали считать комплексный и функциональный. Значительным общетеоретическим достижением ленинградской школы следует признать идею восприятия книги как целостной системы и ее неразрывной связи с читателем: по мнению А. И. Барсука и И. Е. Баренбаума, книга должна рассматриваться не отдельно от общества, но в контексте динамики ее взаимодействия с человеком. Однако применение теоретических постулатов функционального подхода обеспечило получение значимых результатов, прежде всего, в сфере исторического и социологического изучения читателя и чтения, а не в области истории книги и книжного дела.

Примечания

¹ Колесникова М. Н. Опережавшие время : монография : к 100-летию Института книговедения, Петроград–Ленинград, 1920–1933 гг. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 292 с.

² Эльяшевич Д. А., Мутъев В. А. Н. М. Сикорский, А. И. Барсук, И. Е. Баренбаум и становление отечественного теоретического книговедения позднесоветского периода // Библиосфера. 2025. № 1. С. 8.

³ Барсук А. И. Вопросы общей теории книговедения // Книга. Исследования и материалы. М.: Наука, 1971. Сб. 22. С. 15.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Колесникова М. Н. Опережавшие время : монография : к 100-летию Института книговедения, Петроград–Ленинград, 1920–1933 гг.

⁶ Эльяшевич Д. А., Иконникова Е. Ю. Теоретическое наследие ленинградской школы книговедения // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2024. № 2 (59). С. 165.

⁷ Эльяшевич Д. А., Мутъев В. А. Н. М. Сикорский, А. И. Барсук, И. Е. Баренбаум и становление отечественного теоретического книговедения позднесоветского периода. С. 9.

⁸ Барсук А. И. Вопросы общей теории книговедения. С. 5.

⁹ Барсук А. И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин : монография. М.: Изд-во «Книга», 1975. С. 37.

¹⁰ Столяров Ю. Н. Профессионализм как главная характеристика журнала : на примере публикаций 1960–1980-х годов // Научные и технические библиотеки. 2011. № 12. С. 85–97; Лапшин М. Книга о книгах // Вопросы литературы. 1963. № 8. С. 178–182.

¹¹ Лиховид Т. Ф. Вопросы библиографии и библиографоведения на страницах сборника «Книга. Исследования и материалы». Статистический анализ // Научные и технические библиотеки. 2010. № 5. С. 91–97; Шомракова И. А. Книговедение на страницах сборника «Книга. Исследования и материалы» (к выходу в свет юбилейного сотого выпуска сборника) // Библиосфера. 2014. № 4. С. 88–90; Морева О. В. Сборник «Книга. Исследование и материалы» и изучение истории чтения в России в 1959–1991 гг. Часть первая // Библиосфера. 2025. № 4. С. 5–14.

¹² Шомракова И. А. Книговедение на страницах сборника «Книга. Исследования и материалы» (к выходу в свет юбилейного сотого выпуска сборника). С. 88.

¹³ Лиховид Т. Ф. Вопросы библиографии и библиографоведения на страницах сборника «Книга. Исследования и материалы». Статистический анализ. С. 95.

¹⁴ Эльяшевич Д. А., Мутъев В. А. Н. М. Сикорский, А. И. Барсук, И. Е. Баренбаум и становление отечественного теоретического книговедения позднесоветского периода. С. 9.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Проблемы теории и методологии книговедения: сборник избранных работ / сост. Д. А. Эльяшевич. СПб.: СПбГИК, 2023. С. 87.

¹⁷ Там же. С. 88.

¹⁸ Эльяшевич Д. А., Иконникова Е. Ю. Теоретическое наследие ленинградской школы книговедения. С. 165.

¹⁹ Васильева В. Д. А. И. Барсук: судьба и наследие выдающегося книговеда и библиографа // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2025. № 1 (23). С. 177.

²⁰ Барсук А. И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. С. 27.

²¹ Цит. по: Васильева В. Д. Вклад А. И. Барсука в развитие книговедения и библиографоведения // Двадцать первые Денисьевские чтения: материалы науч.-практич. (с междунар. участ.) конф. Орел: ОГИК, 2024. С. 43.

²² Барсук А. И. О книговедении как комплексной науке (Книговедение и библиография) // Книга. Исследования и материалы. М.: Наука, 1968. Сб. 17. С. 40.

²³ Там же. С. 41.

²⁴ Там же. С. 40.

²⁵ Баренбаум И.Е. Место библиотековедения и библиографоведения в системе книговедения // Книга. Исследования и материалы. М.: Наука, 1972. Сб. 24. С. 5.

²⁶ Там же. С. 10.

²⁷ Барсук А.И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин: монография. С. 39.

²⁸ Баренбаум И.Е. Место библиотековедения и библиографоведения в системе книговедения // С. 18–19.

²⁹ Документоведение. Ч. 2. Книговедение и история книги : учебник / под ред. Д. А. Эльяшевича. СПб.: Профессия, 2013. С. 15.

³⁰ Беловицкая А. А. Системно-типологический метод книговедения // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2016. № 5. С. 30–37.

³¹ Цит. по: Куприянова Т. Г. Алиса Александровна Беловицкая – организатор науки о книге // Труды ГПНТБ СО РАН. 2023. № 3 (19). С. 110–111.

³² Моргенштерн И. Г. Информационный и книжный мир. Библиография : (избранное). СПб.: Профессия, 2007. С. 284.

³³ Барсук А. И. К определению понятия «книга» // Издательское дело. Книговедение. 1970. № 6. С. 6.

³⁴ Цит. по: Моргенштерн И. Г. Информационный и книжный мир. Библиография : (избранное). С. 285.

³⁵ Баренбаум И. Е. Функциональный подход и его применение в книговедении // Книга. Исследования и материалы. М.: Наука, 1986. С. 122.

³⁶ Там же.

³⁷ Барсук А. И. Библиографоведение в системе книговедческих дисциплин. С. 3.

Н. Г. Патрушева

Цензура императорского двора в циркулярах цензурного ведомства Российской империи

В циркулярах цензурного ведомства, выпускавшихся для информирования цензоров и губернаторов о том, как следует цензурировать тексты и для разъяснения цензурных законов, затрагивались проблемы одной из ведомственных цензур – цензуры Министерства императорского двора. Цензорам объясняли специфику функционирования этой цензуры; оповещали о запрещенных сочинениях, о темах, которые не следовало затрагивать в печати; сообщали об особенностях освещения театральных постановок.

Ключевые слова: история цензуры, цензурное законодательство, циркуляры, ведомственные цензуры, цензура императорского двора

Natalya G. Patrusheva

Imperial Court Censorship in Circulars of the Censorship Department of the Russian Empire

The censorship department's circulars, issued to inform censors and governors on how to censor texts and to clarify censorship laws, addressed the problems of one of the departmental censorship bodies – the Ministry of the Imperial Court. Censors were explained the specifics of this censorship; they were informed of banned works and topics that should not be covered in print; and they were informed of the specifics of theatrical coverage.

Keywords: History of censorship, censorship legislation, circulars, censors, censorship of the Imperial Court

Продолжая изучать циркуляры цензурного ведомства, – один из источников по истории российской цензуры¹, – обратимся к циркулярам, затрагивавшим проблемы одной из ведомственных цензур – цензуры Министерства императорского двора (или придворной цензуры).

Деятельность этой цензуры, существовавшей в 1831–1917 гг., направленная на создание в печати имиджа российских императоров и членов императорской фамилии, всестороннее исследована в монографии С. И. Григорьева². В работе на основе большого массива документов показано создание, организация, структура, функционирование и кадровый состав цензуры императорского двора. Используются законодательные акты; делопроизводственные документы Кабинета его императорского величества и Канцелярии Министерства иностранных дел; материалы личных фондов государственных чиновников; документы мемуарного характера.

Для дальнейшего исследования этой темы рассмотрим циркуляры цензурного ведомства, которые не получили достаточного освещения в книге³. В циркулярах, собранных нами в сборнике⁴ (на основе изучения материалов, опубликованных в ведомственной печати и фондов цензурного ведомства), кроме прочего затрагиваются вопросы, касающиеся придворной цензуры. Циркуляры были адресованы цензурным комитетам, отдельным цензорам и губернаторам, разъясняли положения законов и инструктировали чиновников цензурного ведомства о порядке работы и актуальных вопросах деятельности придворной цензуры.

В циркулярах прежде всего разъяснялось, как функционирует цензура императорского двора. Так, в циркуляре от 19 марта 1841 г.⁵ отмечалось, что газетные статьи и известия об императоре и особах императорской фамилии подлежат предварительному просмотру министра императорского двора, все остальные статьи, в которых упоминаются члены высочайшей фамилии, а также стихотворения, написанные в их честь, рассматриваются в цензурных комитетах по внутренней цензуре и могут быть представлены на окончательное решение в Главное управление цензуры. Циркуляры с подобным содержанием периодически повторялись (см., например, циркуляр от 26 января 1870 г. № 267⁶). Еще одно уточнение относительно действий цензоров Министерства народного просвещения содержалось в циркуляре от 30 декабря 1858 г.⁷ Цензорам предписывалось посылать на рассмотрение министра императорского двора выписки из сочинений, в которых описывались события с участием императора или членов императорской фамилии, а чиновникам, назначенным от Министерства императорского двора – статьи, относящиеся к ведению этого министерства. В случаях, когда авторы писали о каком-либо событии, основываясь на опубликованных статьях, этот материал необходимо было вновь представлять на утверждение министра двора. Если автор хотел поднести свое сочинение или стихотворение императору, вначале следовало получить разрешение общей цензуры, а затем придворной. Если же такое сочинение по содержанию затрагивало не только сферу наук и литературы, то автор должен был обращаться за цензурой в соответствующее ведомство.

Циркуляр от 28 февраля 1869 г. № 659⁸ обращал внимание цензоров Петербургского цензурного комитета на неточные и неверные сведения, относительно членов императорской фамилии, встречавшиеся особенно часто в бесцензурных изданиях. Цензурному комитету было предложено объявить редакторам этих изданий о необходимости брать нужные сведения из «Правительственного вестника» или проверять их в Министерстве императорского двора.

Циркуляр от 7 октября 1871 г. № 4258⁹ приглашал губернаторов присылать сведения о путешествиях высочайших особ для публикации в «Правительственном вестнике». Спустя несколько лет губернаторам объявили, чтобы «при настоящих обстоятельствах» в печати не появлялось никаких известий о предстоящих переездах из одного места в другое императора и членов императорской фамилии, что было связано с террористической деятельностью радикально настроенных оппозиционеров (см. циркуляр от 18 мая 1879 г. № 1839¹⁰). Циркуляром от 30 мая 1901 г. № 4360¹¹ губернаторам было подтверждено распоряжение не допускать к печати никаких слухов, заметок, известий и статей «по поводу каких-либо сухопутных или морских путешествий его императорского величества государя императора, о которых не будет сообщено в „Правительственном вестнике“».

Содержание императорского указа от 28 апреля 1870 г.¹² разъяснялось в циркуляре от 19 мая 1873 г. № 2947¹³: все статьи, в которых описывались действия или приводились слова императора и членов императорской фамилии, или приводились речи, обращенные к ним, а также статьи о высочайших особах, могли быть напечатаны только с разрешения министра императорского двора. На перепечатку статей из других периодических изданий (кроме «Правительственного вестника» и «Русского инвалида») следовало получить такое же разрешение.

В конце 1895 г.¹⁴ Министерство императорского двора обратилось к министру внутренних дел с просьбой собрать материалы периодической печати (статьи и иллюстрации), посвященные будущей коронации Николая II. Кроме того, было принято решение с 1 января 1896 г. посылать в Министерство императорского двора в двух экземплярах книги, оттиски статей и иллюстраций, а также издания для народа и брошюры, в которых содержались сведения, имевшие отношение к высочайшему двору.

Цирюляры сообщали темы, которые Министерство императорского двора считало не подходящими для освещения. Так, циркуляром от 6 декабря 1860 г.¹⁵ было предложено «не одобрять к печати слухов по делам государственным». Цирюляром от 19 ноября 1894 г. № 6752¹⁶ губернаторам сообщалось о запрещении обнародовать материалы о болезни и лечении умершего Александра III. В 1900 г.¹⁷ цензоры предупреждались о запрете публикаций портретов и биографических сведений «преступников, покушающихся на жизнь особ царствующих домов и глав государств».

Часть циркуляров знакомила цензоров с сочинениями, не допущенными к печати или увидевшими свет, но обратившими на себя внимание. Так, например, в циркуляре от 2 февраля 1849 г.¹⁸ говорилось о статье для первого номера журнала «Современник» с описанием царствования Василия Шуйского и «бедственных событий, совершившихся при народном восстании за самозванца Лжедмитрия». В целом к статье не было претензий, но приводились некоторые цитаты, в которых сообщалось о сочувственном отношении части населения к восстанию И. И. Болотникова. Цензорам объяснили, что такие подробности можно было печатать лишь в сочинениях, рассчитанных на образованных читателей, а не в статьях популярного журнала, который расходился в большом количестве среди населения. В циркуляре от 27 сентября 1860 г.¹⁹ цензорам было объявлено о запрещении печатать рукопись сочинения В. Р. Зотова «Пятилетие царствования Императора Александра II» и впредь не допускать к печати «никаких исторических сочинений о настоящем и слишком близком к настоящему времени царствовании».

Сведения, касавшиеся императора, необходимо было тщательно проверять. В 1867 г.²⁰ И. С. Аксакову было предписано поместить опровержение к статье, опубликованной в его газете «Москва», в которой говорилось о предполагаемом строительстве железной дороги от Орла до Витебска. В статье сообщалось, что список акционеров будущего предприятия будут возглавлять император, цесаревич и другие члены императорской фамилии. Поскольку никто из перечисленных лиц не приобрел акции железной дороги, известие, которое затем было перепечатано во многих газетах, оказалось ложным.

Цирюляром от 19 февраля 1893 г. № 996²¹ цензорам сообщалось о том, что в Главном управлении по делам печати заметили, что во многих календарях, ежегодно выпускаемых частными лицами и учреждениями, в разделе «Российский императорский дом» допускалось много неточностей (вплоть до ошибок в датах рождения и смерти). Чтобы впредь избежать этого, было принято решение о том, что при Главном управлении по делам печати будет издаваться ежегодный официальный Перечень сведений о российском императорском доме. Первый такой

Перечень, рассмотренный и утвержденный министром императорского двора, был разослан во все цензурные учреждения вместе с текстом циркуляра. Изменения и дополнения было решено публиковать в «Правительственном вестнике». Примерно через год циркуляр от 23 марта 1894 г. № 1694 и № 1695²² сообщал цензорам и губернаторам о сохранившихся ошибках в календарях, несмотря на разосланный Перечень. Отмечалось, что сведения о российском императорском доме печатались «с непозволительными отступлениями от официального <...> текста, с которым они не имеют даже сходства».

Цензура императорского двора занималась не только рукописями, содержание которых было связано с императором и особами императорской фамилии, но и предметами обихода с их изображением. Так, например, циркуляр от 8 июля 1866 г. № 1389²³ сообщал цензорам о запрещении продавать ввезенную из-за границы шелковую материю с портретами императора и императрицы. А циркуляр от 13 сентября 1856 г. № 5900²⁴ предоставил право отдельному цензору по иностранной цензуре в Ревеле пропускать получаемые из-за границы вещи с изображением портретов высочайших особ под свою ответственность. На рисунки медалей, которые изображали здравствующих высочайших особ, необходимо было получить разрешение министра императорского двора до их изготовления. Об этом цензорам сообщалось в циркуляре от 25 сентября 1903 г. № 9017²⁵. Российские садоводы стремились называть некоторые растения, цветы и плоды именами членов императорской фамилии. В циркуляре от 26 января 1898 г. № 700²⁶ губернаторы предупреждались, что в каталогах и прейскурантах подобные названия могли помещаться лишь в случае согласия на это той особы, чьим именем названо растение или плод.

В циркулярах уделялось внимание вопросам об императорских театрах. Описывая период царствования Николая I, А. И. Рейтблат подчеркивал, что «любой отзыв в прессе о театральных представлениях в императорских театрах представлял собой публичное обсуждение действий императорской власти»²⁷. В циркуляре от 19 июля 1856 г.²⁸ отмечалось, что статьи о спектаклях и концертах, представляемых на сценах императорских театров для журналов и газет должны рассматриваться министром императорского двора. Если в статьях говорилось о спектаклях других театров, (даже если в них были задействованы артисты императорских театров), то такие статьи не подлежали придворной цензуре (содержание циркуляра было повторено в циркуляре от 19 июля 1858 г.²⁹).

По указу от 23 января 1858 г. статьи об императорских театрах стал рассматривать чиновник Министерства императорского двора, назначенный для взаимодействия с Петербургским цензурным комитетом³⁰. В ноябре 1858 г. в новом циркуляре³¹ уточнялось, что статьи о петербургских и московских театрах рассматривают назначенные в Петербурге и Москве чиновники, вне зависимости от того, в каком издании они будут печататься.

В циркуляре от 14 марта 1867 г. № 713³² сообщалось, что в некоторых периодических изданиях, освобожденных от предварительной цензуры (назывались газеты «Народный голос» и «Петербургский листок»), были напечатаны статьи «имеющие явною целью распространение в публике ложных и предосудительных слухов об управлении императорскими театрами и наглое порицание дей-

ствий театральной администрации». Главное управление по делам печати предупредило цензоров и редакторов периодических изданий, что в дальнейшем в случае публикации подобных материалов, виновные будут наказаны³³.

Изучение циркуляров, касавшихся одной из ведомственных цензур – цензуры Министерства императорского двора – и введение их в научный оборот предоставит дополнительные сведения о ее функционировании, материал для изучения запрещенных сочинений, тем, которые не следовало затрагивать в печати, об особенностях освещения театральных постановок и в целом будут способствовать более углубленному исследованию политики правительства в области печати.

Примечания

¹ См.: Организация цензурного надзора в Российской провинции во второй половине XIX – начале XX века в циркулярах цензурного ведомства. / публ. Н. Г. Патрушевой и И. П. Фута // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. 2008. Вып. 4. С. 197–253; Циркуляры цензурного ведомства о надзоре за библиотеками / публ. Н. Г. Патрушевой и И. П. Фута // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований : сб. ст. 2010. Вып. 6. С. 43–77; Патрушева Н. Г., Фута И. П. Циркуляры цензурного ведомства XIX – начала XX вв. // История книги и цензуры : материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти Арлена Викторовича Блюма, 29–30 мая 2012 г. / науч. ред. М. В. Зеленов. 2013. С. 123–130; Патрушева Н. Г. Циркуляры цензурного ведомства как источник по истории периодической печати России в XIX – начале XX века // Историография и источниковедение отечественной истории. 2015. Вып. 8: Историк, документ, цензура: источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики : сб. ст. к 60летию со дня рождения докт. ист. наук Валерия Федоровича Блохина. С. 27–34; Патрушева Н. Г. Циркуляры цензурного ведомства о надзоре за типографиями и книжной торговлей во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник СанктПетербургского университета культуры и искусств. 2016. № 3 (28). С. 10–14; Патрушева Н. Г. Писатели в циркулярах цензурного ведомства Российской империи // Книга: исследования и материалы. 2016. Сб. 3/4 (108–109). С. 89–95; Патрушева Н. Г. Циркуляры цензурного ведомства о способах обхода цензуры и нарушении цензурных правил (XIX – начало XX века) // История книги и цензуры в России: Четвертые Блюмовские чтения : материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Арлена Викторовича Блюма, 2 июня 2015 г. / науч. ред. М. В. Зеленов. 2018. С. 121–129; Патрушева Н. Г. Медицинская цензура в циркулярах цензурного ведомства // Труды СанктПетербургского государственного института культуры. 2018. Т. 217: Книга и книжное дело в XIX–XXI веке : материалы Междунар. науч. конф. «XX Смирдинские чтения», 26–27 апреля 2018 г., Санкт-Петербург. С. 146–151; Патрушева Н. Г. Циркуляры цензурного ведомства о военной цензуре в России // Книжное дело в России в XIX – начале XX века : сб. науч. тр. 2026. Вып. 23 (принято к печати).

² Григорьев С. И. Придворная цензура и образ верховной власти, 1831–1917. СПб.: Алетейя, 2007. 480 с.

³ Патрушева Н. Г. Исследование о цензуре Императорского Двора: (рецензия на книгу С. И. Григорьева «Придворная цензура и образ верховной власти, 1831–1917. СПб.: Алетейя, 2007. 480 с.)) // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. 2008. Вып. 4. С. 479–482.

⁴ Патрушева Н. Г., Фута И. П. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи : сб. документов / науч. ред. Д. И. Раскин ; ред. Г. А. Мамонтова. Санкт-Петербург, 2016. 721 с.

- ⁵ Там же. С. 66.
- ⁶ Там же. С. 220–221.
- ⁷ Там же. С. 122–123.
- ⁸ Там же. С. 218.
- ⁹ Там же. С. 227.
- ¹⁰ Там же. С. 293–294.
- ¹¹ Там же. С. 515.
- ¹² ПСЗ. Собр. 2. Т. 45. № 48297.
- ¹³ Патрушева Н. Г., Фут И.П. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи. С. 245–246.
- ¹⁴ См. циркуляры от 30 декабря 1895 г. № 7980, 18 января 1896 г. № 494, 14 июня 1896 г. № 3780 // Там же. С. 435, 437, 440–441.
- ¹⁵ См. циркуляр от 27 сентября 1860 г. // Там же. С. 135.
- ¹⁶ Там же. С. 427.
- ¹⁷ См. циркуляр от 24 июля 1900 г. № 5630 // Там же. С. 505.
- ¹⁸ Там же. С. 82–83.
- ¹⁹ Там же. С. 135.
- ²⁰ См. циркуляр от 8 и 10 марта 1867 г. № 100 // Там же. С. 201–202.
- ²¹ Там же. С. 396–397.
- ²² Там же. С. 415–416.
- ²³ Там же. С. 190–191.
- ²⁴ Там же. С. 110.
- ²⁵ Там же. С. 546.
- ²⁶ Там же. С. 469.
- ²⁷ Рейтблат А. И. Цензурование театральных рецензий в Николаевскую эпоху // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. 2008. Вып. 4. С. 64–80.
- ²⁸ Патрушева Н.Г., Фут И.П. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи. С. 109–110.
- ²⁹ Там же. С. 119–120.
- ³⁰ Циркуляр от 12 февраля 1858 г. // Там же. С. 115. См. подробнее: Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века / ред. Г.А. Мамонтова. СПб., 2013. С. 71–73.
- ³¹ Циркуляр от 13 ноября 1858 г. // Патрушева Н.Г., Фут И.П. Циркуляры цензурного ведомства Российской империи : сб. документов / науч. ред. Д.И. Раскин ; ред. Г.А. Мамонтова. Санкт-Петербург: 2016. С. 121.
- ³² Там же. С. 202–203.
- ³³ См. подробнее: Зубков К. Ю. Иван Грозный на русской сцене 1860-х гг.: репрезентация монархической власти и драматическая цензура // Цензура в России: история и современность : сб. науч. тр. 2017. Вып. 8. С. 91–111.

К. В. Петров

Функции цензуры в свете теории книжных связей

По результатам анализа источников перечислены функции цензуры, выявленные отечественными исследователями и свойственные различным периодам истории России. Предложены авторская типология и определения универсальных функций цензуры в контексте теории книжных связей. Охарактеризованы корреляции между книжной коммуникацией и функциями цензуры.

Ключевые слова: цензура в России, книжное дело в России, история цензуры, функции цензуры, книжные связи, типология книжных связей, цензура и коммуникация, цензура и книжные связи, цензура и книжное дело

Kirill V. Petrov

The Functions of Censorship in Light of the Theory of Book Contacts

This article reviews main functions of censorship in various periods of Russian history identified by researchers in scientific works and publications. The author proposes a typology with definitions of universal functions of censorship in the context of book contacts and also describes correlations between book communication and censorial functions.

Keywords: censorship in Russia, book business in Russia, history of censorship, functions of censorship, book contacts, typology of book contacts, censorship and communication, censorship and book contacts, censorship and book business

Разные формы цензурного надзора существовали в России на протяжении нескольких веков, поэтому совокупность функций цензуры различных периодов истории неоднократно становилась одним из предметов социально-гуманитарных исследований.

И. Е. Левченко отметил в числе основных функций цензуры *контролирующую, регламентирующую, охранительную, репрессивную, манипулятивную, профилактическую, санкционирующую, эталонизирующую, функцию стимуляции общественного интереса, регулятивную, коммуникативную и трансляционную*¹. С. А. Дианов, помимо перечисленных, указал на *формирующую* функцию, которая подразумевает «искусственный отбор социально значимой информации»². М. В. Зеленов определил в качестве основной функции цензуры «*соблюдение безопасности*»³.

Функции играли важную роль, в частности, в цензурной политике дореволюционной России. По мнению Н. Г. Патрушевой, главной целью и основанием деятельности цензуры в Российской империи был *контроль*, направленный на *ограничение* нежелательной информации в обществе⁴.

Т. М. Горяева, рассматривая советскую цензуру, выделила в ряду цензурных функций тоталитарного государства *контрольно-запретительные, полицейские и манипулятивные*⁵.

С нашей точки зрения, цензура – *коммуникационная* система. Соответственно, функции цензуры реализуются в процессах коммуникации со всеми сферами книжного дела. Опираясь на предшествующие исследования и разработанную нами типологию книжных связей⁶, представляется возможным выделить ряд функций цензуры.

Поскольку книга есть двуединство знаково-смыслового содержания и материальной конструкции, основными типами книжных связей являются содержательно-текстовые и формально-структурные.

В рамках содержательно-текстовых связей, то есть взаимодействий субъектов цензуры друг с другом и с субъектами книжного дела, объектом которых является текст и его содержание, реализуются *идеолого-охранительные* и *оценочные* функции.

Идеолого-охранительные заключаются преимущественно в соотношении семантического пространства текста книги с нормами главенствующей идеологии для предотвращения распространения нежелательной с этой точки зрения информации. Охранительные функции всегда были присущи государственной цензуре, однако их характер изменялся вместе с историческим, политическим и географическим контекстом. Они осуществляются по-разному и обусловлены действующим политическим режимом в каждом отдельном государстве. Цензура может быть формально запрещена, но при этом могут применяться ограничения и меры, способствующие охране государственной или военной тайны. Это обычно приводит к наказанию авторов, издателей и распространителей информации, запрещенной уголовным или административным законодательством, которое не должно противоречить гарантированным конституцией правам и свободам граждан⁷. В тоталитарных и авторитарных государствах цензура играет роль одного из главных политических институтов и ориентирована в первую очередь на борьбу с инакомыслием.

Оценочные функции в значительной мере подчинены идеолого-охранительным и материализуются в отзывах, рапортах, решениях и прочих документах, фиксирующих в первую очередь характеристики содержания любого цenzурируемого текста. В зависимости от тематики рассматриваемых текстов книг функции их оценки в дореволюционной России разделялись между органами светской и духовной цензуры, а в зависимости от места их издания – между учреждениями внутренней и иностранной цензуры.

Выполняя данные функции, цензура обеспечивает защиту ценностей той или иной идеологии, охрану государственной безопасности, оценивает тексты книг путем применения в цензурной практике регламентирующих и юридических оформленных правил. Критерии оценки идейной стороны текстов произведений содержатся, в частности, в уставах, циркулярах и других правовых актах Российской империи. Так, Устав о цензуре 1826 г. провозглашал «ограждение святыни, престола, постановленных от него властей, законов отечественных, нравов и чести народной и личной от всякого, не только злонамеренного и преступного, но и неумышленного на них покушения»⁸. В цензурном законодательстве утверждалась необходимость уделять внимание и стилистическим, лексико-грамматическим характеристикам рассматриваемых текстов. Это также зафиксировано в Уставе о цензуре 1826 г.: «Сочинения и рукописи на языке отечественном, в коих явно нарушаются правила и чистота русского языка или которые исполнены грамматических погрешностей, не пропускаются к напечатанию без надлежащего со стороны сочинителей или переводчиков исправления»⁹.

Формально-структурные связи, то есть взаимодействия субъектов с книгой как материальным объектом, предполагают исполнение *регулятивных* и *формирующих* функций цензуры.

Регулятивные функции – это контроль и надзор за циркуляцией потоков рукописей и печатной продукции в обществе с целью их упорядочения через принятие тех или иных цензурных мер: частичных и полных разрешений, запрещений, изъятий из обращения. По способам контроля различают предварительную и последующую (карательную) цензуру. Переход к последней начался в России приблизительно с середины XIX в.

С регулятивными функциями связаны формирующие. Их суть состоит в формировании потоков благонадежной в политическом, религиозном и социально-культурном аспектах информации путем ограничений на опубликование «вредных» произведений, а также санкционирования выпуска в свет благоприятных для политической власти изданий. При этом нередко преследуется цель манипуляции общественным сознанием. Данные функции могут сопровождаться не только послаблениями, но и определенной поддержкой книгоиздания и книгораспространения со стороны цензуры. В качестве примера цензурного содействия можно привести рекомендательные библиографические списки (каталоги) «книг официозных или рептильных издательств» для библиотек второй половины XIX в. в России, о которых писал А. В. Блюм¹⁰.

По характеру воздействия на развитие книжного дела книжные связи могут быть конструктивными или деструктивными. Конструктивные книжные связи способствуют процессам книгоиздания, книгораспространения и использования книги. Деструктивные книжные связи оказывают разрушающее воздействие на качественные и количественные характеристики данных процессов.

Деструктивным книжным связям с участием цензуры сопутствует исполнение *репрессивных* функций, направленных на подавление государством политических противников через массовые запреты книг, их физическое уничтожение, уголовное преследование авторов, издателей, распространителей. Наиболее полное и отчетливое выражение репрессивные функции цензуры в России получили во времена деятельности так называемого Бутурлинского комитета 1848–1855 гг., чисток фондов библиотек СССР, а также за рубежом: к примеру, в период сожжения многочисленных книжных изданий властями нацистской Германии¹¹.

Несмотря на то, что цензура всегда сущностно играла роль коммуникационного барьера, соответствующее ведомство частично задействовалось в конструктивных книжных связях, породивших *внеотраслевые* (*внецензурные*) функции цензуры. Согласно нашей типологии, этим функциям соответствуют внеотраслевые контакты, которые подразумевают книжные связи, развивающиеся вне профильных отраслей книжного дела. Данное явление характерно для цензурного ведомства Российской империи XIX – начала XX в. По причине отсутствия специальных учреждений оно среди прочего осуществляло регулирование сферы авторского права, прием и учет печатной продукции, коммуникацию с типографиями и библиотеками в рамках системы обязательного экземпляра¹². По словам Н. Г. Патрушевой, «только одна из функций дореволю-

ционной цензуры – учет отечественной издательской продукции и снабжение национальных книгохранилищ обязательным экземпляром изданий – является необходимой для правового государства. И только в связи с этим можно говорить о просветительской роли цензуры»¹³. Однако некоторые исследователи также связывали «просветительскую» функцию цензуры с конструктивной деятельностью известных цензоров: А. В. Никитенко, И. А. Гончарова, Ф. И. Тютчева, В. Н. Бекетова и других¹⁴.

Исходя из того, что при исполнении всех функций и осуществлении коммуникации с субъектами книжного дела государственная цензура так или иначе руководствуется специальным законодательством, следует также выделить *регламентирующие* функции, заключающиеся в разработке и утверждении профильных правовых актов цензуры.

Основными и системообразующими свойствами цензуры как социального и политического института, на наш взгляд, являются коммуникационность и всеохватность. Следовательно, функции цензуры построены на взаимодействии, реализуются на различных уровнях социальной коммуникации и во всех формах взаимоотношений субъектов и объектов, а также в прямых и опосредованных контактах. Система институционально и юридически оформленной государственной цензуры предполагает наличие различных форм внутриведомственной и межведомственной коммуникации чиновников при осуществлении цензурных функций. Цензура, наделенная профессиональным и официальным статусом, при субъект-объектном взаимодействии с представителями книжного дела уполномочена формулировать императивные нормы и правила, обязательные к соблюдению, принимать меры против изданий, привлекать к ответственности виновных с ее точки зрения лиц и так далее.

Таким образом, роль цензуры в области книжного дела сводится к следующим функциям: *идеолого-охранительные* и *оценочные* – производные от содержательно-текстовых книжных связей, *регулятивные* и *формирующие* – от формально-структурных, деструктивные книжные связи цензуры обусловили появление *репрессивных* функций, конструктивные связи – *внеотраслевых* (внецензурных) функций. Все эти функции тесно переплетены между собой и с *регламентирующими* функциями, основополагающими для всего круга деятельности цензуры и взаимодействий ее субъектов и объектов.

Необходимо отметить, что деятельность цензуры не ограничивается книжным делом, поэтому обозначенными нами функциями не может исчерпываться ее назначение в других общественных сферах, таких как периодическая печать, изобразительное искусство, театр, кинематограф, телевидение и радиовещание.

Примечания

¹ Левченко И. Е. Цензура как социокультурный феномен // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 88–89.

² Дианов С. А. Функции цензуры в политической системе СССР // Материалы VII междунар. науч.-практ. конференции «Актуальные достижения европейской науки». 2011. Т. 26. История. С. 41.

³ Зеленов М. В. Цензура: подходы к определению понятия // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1 (31). С. 102.

⁴ Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. С. 465.

⁵ Горяева Т. М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М.: РОС-СПЭН, 2009. С. 8.

⁶ См. подробнее: Петров К. В. Теоретические аспекты исследования книжных связей // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 4 (25). С. 91–95; Он же, Эльяшевич Д. А. Цензура как коммуникационное явление и тип взаимодействия в книжном деле России XIX – начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2016. № 4. С. 122–128.

⁷ См.: Горяева Т. М. Указ. соч. С. 8–9.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 1. 1825 – 1826 гг. № 403. С. 550–551.

⁹ Там же. С. 563.

¹⁰ Блюм А. В. Система правительственной регламентации круга народного чтения во второй половине XIX в. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: сб. науч. тр. 1983. [Вып. 1]. С. 125–133.

¹¹ Для характеристики такого рода явлений А. В. Блюм употреблял термин «библиоцид». См. подробнее: Он же. Советская цензура в эпоху тотального террора, 1929 – 1953. СПб.: Акад. проект, 2000. С. 94.

¹² См. подробнее: Петров К. В. Деструктивное и конструктивное взаимодействие субъектов российской цензуры и книжного дела XIX – начала XX вв. // Труды СПбГИК. 2025. Т. 230 : Книжная культура в системе современного социогуманитарного знания. С. 19–24.

¹³ Патрушева Н. Г. Указ. соч. С. 466.

¹⁴ См., например: У мысли стоя на часах...: Цензоры России и цензура / Под ред. Г. В. Жиркова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. С 60–157.

Д. А. Липатова

Благотворительные издания как ответ на голод 1891–1892 гг.

Рассмотрены благотворительные издания, выпущенные в 1892 г. с целью помощи пострадавшим от неурожая. Изучен их состав и обстоятельства публикации. Сделан вывод, что 1892 г. стал поворотным в развитии отечественного благотворительного книгоиздания.

Ключевые слова: благотворительные издания, благотворительные сборники, голод 1891–1892 гг., помощь пострадавшим от неурожая

Darya A. Lipatova

Charity publications as a response to the famine of 1891–1892

The article examines the charitable publications issued in 1892 to help those affected by the crop failure. It studies their composition and publication circumstances. The author concludes that 1892 was a turning point in the development of Russian charitable book publishing.

Keywords: charity publications, charity almanacs, the famine of 1891–1892, assistance to those affected by crop failures

Голод 1891–1892 гг. явился огромным потрясением для общества. Масштаб бедствия, ужасающие картины голодных смертей, бездействие (а точнее – недостаточные действия) со стороны властей не могли не вызвать сочувствия образованных слоев населения. Хотя голод к тому моменту не был чем-то невиданным в истории России, именно в 1891–1892 гг. появляется большой резонанс в прогрессивной прессе, приведший к небывалому до того количеству частных благотворительных инициатив. Одним из способов помощи голодающим и пострадавшим от неурожая стал выпуск благотворительных изданий.

Примеры книгоиздательских предприятий с благотворительными целями в Российской империи уже были. Первая попытка сбора денег в пользу голодающих путем выпуска литературного сборника относится к 1874 г. Писатель А. Ф. Погосский и художник М. О. Микешин выступили инициаторами альманаха «Складчина»¹, доход от продажи которого предназначался пострадавшим от неурожая крестьянам Самарской губернии. Деятельное участие в «Складчине» принял князь В. П. Мещерский, Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров. Редактором сборника стал библиограф и историк литературы Петр Александрович Ефремов (1830–1907). Редакции удалось собрать произведения около 50 авторов, среди которых были такие имена, как: И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. Н. Майков, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков (Щедрин), А. К. Толстой.

«Складчина» разошелся тиражом 10 000 экземпляров (сначала были напечатаны 2 000 экз., затем еще 8 000). Цена сборника составила 3 и 4 руб. при условии доставки по России. При этом в подписке отмечалось, что суммы, высланные свыше указанных, будут расцениваться как благотворительное пожертвование в пользу голодающих. К 31 марта 1875 г. в Самарскую губернию было отправлено «пожертвование от литературы» в размере 22 464 руб.² Успех альманаха натолкнул организаторов на идею создания особого художественно-музыкального сборника с тем же названием³.

Очевидно, что сборники «Складчина» являлись весьма любопытным, но скорее единичным опытом. Неурожай 1891–1892 гг. пробудил к жизни гораздо большее число благотворительных изданий. В ходе библиографических разысканий было обнаружено 11 изданий, в выходных сведениях которых указаны филантропические цели.

Характерной особенностью благотворительных изданий рассматриваемого периода является их тесная связь с органами периодической печати. В одно и то же время редакции нескольких газет («Русская жизнь», «Русские ведомости», «Одесский листок»), а также журнала «Русская мысль» выпускают целый ряд сборников «в пользу голодающих» и «пострадавших от неурожая».

Петербургская ежедневная газета «Русская мысль» (1890–1895 гг., редактор А. А. Пороховщиков) инициировала сразу два благотворительных издания: альбом автографов писателей, художников, артистов и общественных деятелей «Голодному на хлеб»⁴ и экономический очерк этнографа И. С. Левитова «Сибирские монополии»⁵.

Альбом «Голодному на хлеб» включал около 150 автографов известных российских и иностранных персон. Среди них государственные и общественные деятели (королева румынская Елизавета, великий князь Константин Константинович, американские дипломаты Дж. У. Вердс, Г. Т. Аллен и Дж. М. Кроуфорд), поэты и писатели (В. Г. Короленко, Н. С. Лесков, В. П. Авенариус, В. И. Немирович-Данченко, Я. П. Полонский, Д. С. Мережковский), композиторы (П. И. Чайковский, Ц. А. Кюи), художники (И. К. Айвазовский, В. В. Верещагин, И. И. Шишкин). Иллюстрированную обложку издания подготовил Альберт Бенуа.

Брошюра И. С. Левитова менее примечательна, однако интерес вызывает текст, помещенный на обложке издания: «Вырученные от продажи деньги, а также излишне внесенные при покупке одной брошюры, будут переданы Редакцией <...> в Особый комитет под председательством Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича». Особый комитет по оказанию помощи населению губерний, пострадавших от неурожая цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II) был создан 23 ноября 1891 г. при Министерстве внутренних дел, в его задачи входило согласование различных видов благотворительной помощи путем сбора частных пожертвований и их дальнейшего распределения среди нуждающихся.

Еженедельный либерально-народнический журнал «Русская мысль» (1880–1918) – выпустил «Сборник в пользу голодающих»⁶. В этом заглавии присутствует определенная дерзость, поскольку в прессе того времени запрещалось использовать слово «голод». По воспоминаниям князя В. А. Оболенского, цензоры «вычеркивали из газетных столбцов слова „голод“, „голодающие“ и заменяли их словами – „неурожай“ и „пострадавшие от неурожая“»⁷.

«Сборник в пользу голодающих» был отпечатан тиражом 3000 экземпляров, бумагу на безвозмездной основе предоставила Троицко-Кондровская бумажная фабрика В. Говарда и К°, а типография И. Н. Кушнерев и К° сделала скидку на свою работу. В издание вошли беллетристические произведения русских и зарубежных писателей (стихотворение Д. С. Мережковского «Сила человека», повесть И. А. Салова «Скупой рыцарь», рассказ Г. Сенкевича «Сахем» в переводе

редактора журнала «Русская мысль» В. М. Лаврова, очерк В. Короленко «Черкес» и др.), статьи на политико-экономические и аграрные темы («Что сделали Тургенев и Григорович для русской экономической мысли» А. А. Исаева, «Право и политическая экономия» В. А. Гольцева, «Метеорологические условия неурожая 1891 года» В. Соколова), а также ряд других материалов.

Не испугалась вынести в заглавие благотворительного издания упоминание голода и газета «Русские ведомости» (1863–1918), которую, по воспоминаниям В. А. Гиляровского, либеральная московская интеллигенция называла «наша профессорская газета»⁸. В 1892 г. ею был предпринят выпуск научно-литературного сборника «Помощь голодающим»⁹. Издание 6 100 экземпляров профинансировано редакцией газеты, при этом в предисловии к сборнику упоминалось, что Писчебумажное Товарищество М. Г. Кувшинова, а также фототипии М. Шерер, Г. Наболец и К^о и Р. Тиле предоставили значительную скидку.

Ответственным за составление сборника был назначен географ, этнограф, профессор Московского университета Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923). Сложность своей работы он характеризовал следующим образом: «Мысль о помощи голодающим <...> вызвала такое большое число предложений, в форме безвозмездных статей и рисунков, что для редакции оказалось невозможным воспользоваться всем предложенным материалом»¹⁰. В доказательство горячего отклика со стороны творческой интеллигенции приводился тот факт, что даже после отказа от части поступивших в редакцию материалов, объем благотворительного сборника превысил запланированные первоначально 30 печатных листов.

Помимо современных беллетристических произведений и научных статей, в содержание вошли «неизвестные отрывки и письма литературных деятелей прошлого времени» (например, Я. К. Грот предоставил письмо Е. А. Баратынского к П. А. Плетневу; в издании публиковались отрывки из неизданной переписки В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Т. Н. Грановского). Среди авторов сборника: В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин (Сибиряк), Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт, И. М. Сеченов, В. И. Немирович-Данченко, А. П. Чехов, И. И. Мечников, А. Н. Плещеев, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой. Французский романист Альфонс Доде предоставил рукопись мемуарного очерка «Провинциальный клуб», а Жюль Леметр – новеллу «Бретонская легенда».

Художественный отдел сборника был так же богат: рисунки В. Е. Маковского «Помощь голодающим» и «Плохи дела!», В. М. Васнецова «На льдине», И. Е. Репина «Солдатка», автограф В. Г. Белинского (первая страница его письма к М. В. Орловой) и многие другие.

Московская профессура инициировала выпуск двухтомного рекомендательного библиографического указателя «Книга о книгах»¹¹. Его составители поставили перед собой нетривиальную задачу: найти такую «форму благотворительного предприятия», которая бы «лучше всего соответствовала достоинству представителей науки» и при этом «могла оказать наиболее плодотворной для общих интересов народного образования»¹². Таким образом, было решено подготовить систематический указатель универсального характера, содержащий «точный список учебников и важнейших монографий» по каждой специальности, читаемой в Московском университете¹³. В общей сложности были

собраны списки литературы по 112 специальностям от 130 ученых и педагогов. При таком объеме материала поражает скорость подготовки издания – менее 3 месяцев (приглашения к участию в указателе разосланы 30 января, а предисловие подписано 25 апреля 1892 г.).

Благотворительные сборники выпускались не только в Санкт-Петербурге и Москве. Группа киевской интеллигенции во главе с историком, одним из основателей «русской аграрной школы» Иваном Васильевичем Лучицким (1845–1918) задумала в конце 1891 г. издание «в помощь пострадавшим от неурожая»¹⁴. Были привлечены местные «ученые и литературные силы»: психиатр И. А. Сикорский предоставил очерк «Голод и его последствия», С. А. Бердяев (брат Н. А. Бердяева) – стихотворение «Снова – синяя ночь над родимым Днепром!», профессор геодезии Р. Н. Савельев – статью «К вопросу о предсказании неурожая» и т.д. Редакция хотела придать сборнику, «насколько то было возможно, международный характер», поэтому И. В. Лучицкий и его жена Мария Викторовна (1852–1924) вели переписку о сотрудничестве с иностранными писателями. «Надо сказать, что наиболее охотно и быстро откликнулись скандинавы – каждый, к кому я обращалась, прислал свое произведение – кто повесть, кто оттиск. Немцы тоже отозвались. Наименее отзывчивыми оказались французы, у них, по их словам, ничего не было готового, а написать что-нибудь новое не было времени»¹⁵. В сборник вошли: рассказ Арне Гарборга «Смерть», стихотворение Бьернстjerne-Бьернсона, воспоминания А. К. Леффлер о Софье Ковалевской, стихотворения К. Ю. Г. Сноильского «Солдатка» и «Сон», «эскиз» Г. аф Гейерстама «История двух орлов», рассказ А. Стриндберга «Укоры совести», рассказ Ионаса Ли «Орлица». Помимо этого, в сборнике опубликованы переводы произведений Поля Гейзе, Пьера Лоти, Макса Нордау, Леопольда Захера Мазоха и др.

Купец 1-й гильдии и известный меценат Н. Г. Хряков оплатил расходы на бумагу для сборника (издание вышло тиражом 2000 экземпляров). Типограф С. В. Кульженко принял на себя печатание почти всего сборника (его объем в ходе сбора материала вырос с планируемых 22–25 печатных листов до 27) и изготовление всех фототипий на льготных условиях. Часть издания была отпечатана в Москве (1,5 печатных листа изготовила типография Н. И. Кушнерев и К°). Несколько киевских типографий (типография Императорского Университета св. Владимира В. И. Завадского, типография Д. С. Повальского, И. И. Чоколова и Г. Т. Корчак-Новицкого) внесли свой вклад, отпечатав рекламные объявления. Таким образом, редакции удалось максимально уменьшить свои расходы и пообещать, что «весь доход с продажи сборника поступит полностью в пользу пострадавших от неурожая» (отпускная цена издания составила 2 руб. 50 к.).

Среди других провинциальных благотворительных изданий того времени стоит упомянуть литературный сборник «Отклик»¹⁶, выпущенный газетой «Одесский листок» (1880–1920). В предисловии от редакции утверждалось, что их идея возникла раньше, чем «Киевский сборник» или благотворительные альманахи «Русских ведомостей» и «Русской мысли». Подчеркивался также «чисто местный характер» издания, выполнявший двоякую роль: «не перебивать <...> дороги задуманным в столице сборникам» и «предоставить возможность провинциальным, вернее, южнорусским журналистам привнести и свою лепту делу облегче-

ния нынешнего народного бедствия»¹⁷. Тем не менее, в «Отклике» опубликованы специальные «письма о голоде» и автографы столичных литераторов (Я. П. Поллонова, Н. С. Лескова, А. К. Шеллера (Михайлова), К. С. Баранцевича и др.) и профессоров (Н. Я. Грота, А. Веселовского, И. И. Янжула и др.).

Интерес для дальнейших исследований представляет сборник «Помочь: Вологодский сборник в пользу пострадавших от неурожая»¹⁸, отпечатанный, несмотря на свое заглавие, в Санкт-Петербурге. В сборнике нет предисловия, поясняющего обстоятельства издания и принцип подбора материала. Возможно, это было совместное творчество оказавшихся в вологодской ссылке публицистов и писателей. В пользу этой версии говорит наличие в авторском составе А. А. Тарутин – просветителя и краеведа, который 1892 г. отбывал ссылку в родном Великом Устюге¹⁹. В 1891 г. за речь, произнесенную на похоронах революционера-народника Н. В. Шелгунова, был выслан из столицы еще один автор сборника «Помочь» – П. В. Засодимский – и до октября 1892 г. находился под надзором полиции в Вологодской губернии²⁰. С другой стороны, Тарутин и Засодимский, а также Л. Ф. Пантелеев, П. И. Добровольский и В. А. Гиляровский были уроженцами «подстоличной Сибири», поэтому подзаголовок «вологодский сборник» мог указывать на этот краеведческий аспект. Вместе с тем, обе выдвинутые версии не могут объяснить, почему в сборнике помещены произведения других лиц, не связанных с Вологдой: например, Д. С. Мережковского, Н. А. Соловьева-Несмелова и многих других.

Помимо сборников, выпускались и авторские произведения, заявленные как благотворительные: уже упомянутый очерк И. С. Левитова, анонимный сборник стихов «В пользу пострадавших от неурожая»²¹ (в том же году и в той же типографии вышла брошюра «В пользу пострадавших от огня»²²), беллетризованные повести историка-византиста П. В. Безобразова²³, работа геолога и почвоведом В. В. Докучаева²⁴.

Несмотря на разнообразие благотворительных изданий 1892 г., можно выделить ряд их характерных черт: тесная связь с периодическими изданиями последней четверти XIX в., эклектичный состав (соседство произведений художественной литературы и научных трудов, привлечение отечественных и зарубежных авторов, наличие текстовых и изобразительных материалов), попытки снизить себестоимость изданий (привлечение на безвозмездной основе или льготных условиях бумажных фабрик и полиграфических фирм).

Учитывая беспрецедентное количество благотворительных изданий, выпущенных в течение одного календарного года, не будет преувеличением сказать, что 1892 г. стал поворотным в развитии отечественного благотворительного книгоиздания. Выработанные в это время стратегии и принципы найдут отражение в благотворительных издательских предприятиях начала XX в.

Примечания

¹ Складчина: лит. сб., сост. из тр. Рус. литераторов в пользу пострадавших от голода в Самар. губ. СПб.: тип. А. М. Котомина, 1874. [4], IV, 708 с.

² Беляева В. «Складчина»: уникальный благотворительный проект русских писателей, который объединил всех / ред. Е. Отрощенко // Милосердие.ru. 29.11.2024.

URL: <https://www.miloserdie.ru/article/skladchina-unikalnyj-blagotvoritelnyj-proekt-russkih-pisatelej-kotoryj-obedinit-vseh/> (дата обращения: 19.02.2026).

³ Художественная складчина / Участники: Адамов, Бреже, Брюллов и др. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1875. [3] с., 16 л. ил.

⁴ Голодному на хлеб: Альбом автографов писателей, художников, артистов и общественных деятелей / изд. ред. газеты «Русская жизнь» в пользу голодающих. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1892. 40 с.: ил., факс.

⁵ Левитов И. С. Сибирские монополисты : в пользу голодающих Западной Сибири / Изд. газеты «Русская жизнь». СПб.: тип. Я. И. Либермана, 1892. 20 с.

⁶ Сборник в пользу голодающих / Изд. ред. ж-ла «Русская мысль». М.: Типо-литогр. Высоч. утвержд. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1892. [4], 279 с.

⁷ Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Париж: Ymca-Press, 1988. С. 103.

⁸ Гиляровский В. А. Москва газетная; Друзья и встречи. Минск: Наука и техника, 1989. С. 9.

⁹ Помощь голодающим : Науч.-лит. сб. с приложением фототипий и цинкографий. М.: Изд. «Рус. вед.», 1892. [2], II, IV, 593 с., 9 л. ил.

¹⁰ Там же. С. I.

¹¹ Книга о книгах. Толковый указатель для выбора книг по важнейшим отраслям знаний / сост. многими специалистами под ред. И. И. Янжула, при ближайшем участии П. Н. Милюкова, П. В. Преображенского и Л. З. Мороховца. М.: Изд. на средства Д. И. Тихомирова; Тип. Д. И. Иноземцева, 1892. Ч. 1. XX, 290 с.; Ч. 2. 2, XII, 178 с.

¹² От редакции // Книга о книгах. Ч. 1. С. III.

¹³ Там же. С. V.

¹⁴ Киевский сборник : в помощь пострадавшим от неурожая / Под ред. И.В. Лучицкого. Киев: Типография С. В. Кульженко, 1892. 433 с.

¹⁵ Лучицкая М. В. Мемуары. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 114.

¹⁶ Отклик: лит. сб. в пользу голодающих. Одесса: Тип. и литогр. «Одесского листка», 1892. 276 с.

¹⁷ От редакции «Отклика» // Отклик. С. VI–VII.

¹⁸ Помощь : Вологод. сб. в пользу пострадавших от неурожая. СПб.: Типо-лит. А. М. Вольфа, 1892. 366 с.

¹⁹ Вологодская ссылка (XIX – начало XX в.) / ГУК Вологодский гос. историко-архитектурный и художественный музей-заповедник ; текст, подбор лит. материалов и ил. – В.В. Есипов. Вологда: Издательский Дом Вологжанин, [2009]. С. 14.

²⁰ Фалина П. Н. Усадьба Горка, где неоднократно бывал писатель П. В. Засодимский // Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. Вологодская область : [сборник]. М.: [НИИ культуры], 1979. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/mat/eri/aly/19.htm> (дата обращения: 19.02.2026).

²¹ В пользу пострадавших от неурожая : Стихотворения / Н. Ф. СПб.: Воен. тип., 1892. 15 с.

²² В пользу пострадавших от огня : Стихотворения / Н. Ф. СПб.: Воен. тип., 1892. 15 с.

²³ Исторические повести П. В. Безобразова. В пользу голодающих. М.: Тип. П. Е. Астафьева, 1892. [4], 277 с.

²⁴ Докучаев В. В. Наши степи прежде и теперь: изд. в пользу пострадавших от неурожая. СПб.: Тип. Е. А. Евдокимова, 1892. IV, 128 с.

Н. А. Гринченко

Книжная торговля на железнодорожных магистралях в начале XX в. (аренда, конкуренция, ассортимент)

Торговля произведениями печати на станциях железных дорог как одна из форм нестационарной книжной торговли осуществлялась на основе договоров (в них оговаривались стоимость и срок аренды, ассортимент и цены изданий, станции торговли, найм и работа приказчиков, наложение штрафа), заключавшихся между Правлениями железных дорог и книготорговцами. Основными конкурентами в начале XX в. стали контрагентства А. С. Суворина, В. А. Грингмута, фирма «Гуттенберг».

Ключевые слова: книжная торговля, договор аренды, книготорговля на железнодорожных магистралях, книготорговый ассортимент, А. С. Суворин, В. А. Грингмут, фирма «Гуттенберг»

Natalya A. Grinchenko

Book trade on railway lines in the early 20th century (renting, competition, assortment)

The sale of printed works at railway stations, as one of the forms of non-stationary book sales, was carried out on the basis of contracts (which stipulated the cost and term of rent, the range and prices of publications, the stations of sale, the hiring and work of salesmen, and the imposition of fines), concluded between the railway administrations and book dealers. In the early 20th century, the main competitors were the counteragents of A. S. Suvorin, V. A. Gringmut, and the Gutenberg firm.

Keywords: book trade, lease agreement, book trade on railway lines, book trade assortment, A. S. Suvorin, V. A. Gringmut, Gutenberg Company

В конце XIX – начале XX в. по мере расширения железнодорожного строительства в России и в соответствии со спросом населения на печатную продукцию книжная торговля производилась на станциях многих частных и казенных железнодорожных магистралей. Продажа произведений печати осуществлялась на основе договоров, заключавшихся между Правлениями железных дорог и арендаторами. В этих документах оговаривались обязательства сторон по следующим пунктам: стоимость и срок аренды, ассортимент и цены изданий, станции торговли, найм и работа приказчиков, доставка печатной продукции и обеспечение оборудования, наложение штрафа и выплата залога. Арендатор книжной торговли устанавливался в ходе торгов.

В этот период книготорговля на железнодорожных магистралях Европейской части России была сосредоточена в руках нескольких крупных фирм, конкурировавших между собой. Среди них главными были «Контрагентство А. С. Суворина по торговле произведениями печати на линиях железных дорог¹, до начала XX в. принадлежавшее издателю газеты «Новое время»; «Контрагентство по торговле произведениями печати на станциях железных дорог В. А. Петровского», владелец которого в 1888–1896 гг. был редактором-издателем «Московских ведомостей» (затем его сменил В. А. Грингмут), Акционерное общество печатного дела в С.-Петербурге под фирмой «Гуттенберг» (должность председателя Правления занимал О. К. Нотович – редактор газеты «Новости и биржевая газета»). В 1888 г. начальникам казенных железных дорог было передано

распоряжение министра путей сообщения о предоставлении аренды книжной торговли на железнодорожных линиях предпочтительно редакциям крупных газет – «Московских ведомостей», «Санкт-Петербургских ведомостей», «Нового времени» и некоторых других. При выборе арендатора учитывался не столько размер арендной платы, но, главным образом, надежность фирмы и интересы публики. Министерство путей сообщения было заинтересовано в передаче права торговли солидным фирмам, что обеспечивало контроль за книжной торговлей, оперативное снабжение печатной продукцией местного населения, пополнение сберегательно-пенсионных касс железнодорожных правлений.

В 1896 г. Правление Николаевской железной дороги при выборе арендатора остановилось на «Контрагентстве А. С. Суворина». Многолетняя успешная книготорговля этого предприятия являлась «достаточной гарантией выполнения в точности принятых им на себя конкретных обязательств». В донесении Управлению казенных железных дорог следующим образом обосновывался выбор контрагента: «Состоя издателем газеты „Новое время“, занимающей по солидности и распространенности своей, бесспорно, первое место среди русской периодической печати, г. Суворин является крупным книготорговцем и издателем массы литературных произведений. Такие условия дают ему, несомненно, полную возможность снабжать книжные шкафы всеми новостями отечественной и иностранной литературы и иметь всегда разнообразный и подходящий к требованию публики выбор книг»².

Ассортимент изданий, находившихся в продаже, состоял из различных видов печатной продукции: книг, брошюр, журналов, газет, карт, планов, почтовых марок, распространение которых было разрешено цензурой. Контроль за книжной торговлей был возложен на Жандармские управления на железных дорогах. Продажа изданий осуществлялась внутри зданий и на платформах. Места установки шкафов указывало начальство дороги. Во время движения поездов торговля была запрещена. Приказчики-продавцы, нанятые «из лиц благонадежных и трезвых, прилично одетых», состояли на обеспечении арендатора. Они были обязаны подчиняться всем распоряжениям и требованиям Правлений железных дорог: «быть вежливыми и внимательными к публике, не позволяя себе курить и разговаривать с пассажирами или производить отпуск книг и газет сидя». Продажу газет во время стоянки поездов на станциях и в вагонах следовало производить, «не стесняя публики и пассажиров назойливостью и криками и, проходя по вагонам, затворять двери»³. За нарушение этих условий, а также при совершении продавцами каких-либо беспорядков на станциях или в поездах, они подлежали увольнению.

Договоры содержали перечень обязательных к продаже газет (среди них, «Новое время», «Новая Русь», «Речь», «St.-Petersburger Zeitung», «Санкт-Петербургские ведомости», «Правительственный вестник», «Инвалид», «Московские ведомости», «Голос Москвы», «Русские ведомости», «Русское слово», «Гражданин», «Journal de Saint-Petersbourg», а также «Торгово-промышленная газета», «Промышленный мир», губернские ведомости) с указанием стоимости за номер (она колебалась от 7 до 10 к. на газеты большой прессы и от 3 до 5 к. – малой прессы). Газеты полагалось иметь в наличии в достаточном ко-

личестве экземпляров без предоставления преимущества какой-либо одной. Ассортимент должен был состоять из произведений печати, пользовавшихся спросом населения и касавшихся промышленности региона. Обязательными для продажи являлись издания Министерства путей сообщения (например, «Указатель железных дорог, пароходных и иных пассажирских сообщений». СПб., 1894–1913. Вып. 1–39), Общества грамотности, Комиссии народных чтений, Общества распространения Священного писания в России, а также расписания движения поездов, сборники тарифов.

Цену продаваемых книг, газет и журналов следовало указывать на видном месте на каждом экземпляре «клеяком, а отнюдь не от руки и не карандашом»⁴. Стоимость российских изданий не могла превышать цен, установленных в книжных магазинах С.-Петербурга и Москвы, зарубежные – продавались с надбавкой не свыше 25% от цен столичных книоторговых заведений.

В декабре 1900 г. при утверждении арендатора книжной торговли на Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железной дороге обращалось внимание на предложения претендентов, которые являлись «наивыгоднейшими» «в наибольшем понижении продажной цены газет и журналов, наибольшем числе изданий, обязательных к продаже, наибольшем числе избранных для торговли станций и т. п.»⁵.

С января 1903 г. Правление Общества Рязанско-Уральской железной дороги заключило договор с «Контрагентством А. С. Суворина» сроком на 3 года. Стоимость аренды составила 3500 руб. в год. В Управлении железных дорог Министерства путей сообщения сообщалось: «Мотивами к предположению предоставить этой фирме право производства торговли произведениями печати на станциях Рязанско-Уральской железной дороги послужили, с одной стороны, солидность фирмы и ее опытность в этом деле, а с другой, – те удобства для публики и местного населения, кои предлагаются названной фирмой, а именно: низкая по сравнению с другими конкурентами цена на обязательные к продаже газеты, журналы и иллюстрированные издания, отсутствие надбавки на заграничные издания и, наконец, принимаемое фирмой обязательство продавать по казенной цене почтовые марки и открытые письма, что представляет немаловажное удобство для публики, особливо во время закрытия почтовых отделений на станциях дорог Общества»⁶. Подчеркивалось, что Суворин продавал иллюстрированные издания по ценам заграничных фирм – «только лучшие (здесь и далее выделено в документе. – Н. Г.) издания лучших издателей и при том только книги, вышедшие в текущем году, то есть такие, со дня выхода коих в свет не истек еще годичный срок»⁷. Договор неоднократно продлевался. При заключении контракта в конце 1909 г. было учтено предложенное Сувориным увеличение арендной платы до 5000 руб. в год, а также «солидность фирмы и уже известная Правлению ее опытность и добросовестность в этом деле». Кроме того, были приняты во внимание льготы, предоставляемые фирмой служащим Правления Общества при выписке книг – в виде уступки от 10% до 15% и годовой подписки на газету «Новое время» – в размере 10 руб. вместо 16 руб. При продлении договора осенью 1912 г. учитывалось мнение начальников Московско-Камышинского и Тамбово-Уральского жандармских полицей-

ских управлений, которые, придавая «чрезвычайно важное значение личности арендатора книжно-газетной торговли»⁸, не возражали разрешить ее, как и ранее, – «Контрагентству А. С. Суворина».

В декабре 1915 г. при возобновлении договора между Правлением Северной железной дороги и Контрагентством А. С. Суворина еще раз подчеркивалось, что вопрос об арендной плате занимает второстепенное место: «Управлением рекомендуется отдавать предпочтение не тем лицам, предложения которых представляются наивыгоднейшими в отношении арендной платы, а тем, которые зарекомендовали себя с наилучшей стороны в отношении солидности постановки дела торговли произведениями печати и добросовестностью при выполнении договорных условий и требований, касающихся организации этого дела»⁹. Поскольку к арендатору со стороны Правления дороги не было претензий, договор был продлен без объявления торгов на 5 лет с 1 января 1916 г. Величина арендной платы составила 1500 руб. в год¹⁰.

Препятствием для заключения или продления договора были жалобы на книгопродавцев-арендаторов. В 1890-е гг. недовольство публики вызывало отсутствие в ларях «Контрагентства С. А. Петровского» на Николаевской железной дороге «самых распространенных» периодических изданий, а также «Путеводителя по России» (СПб., 1886–1888). Кроме того, не раз происходили случаи провоза изданий в поездах «поездной прислужой» без соответствующих документов.

В декабре 1900 г. заканчивался срок договора Правления Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железной дороги с «Контрагентством В. А. Грингмута». Состоялись торги, на которые явились: Грингмут, предложивший высшую арендную плату в размере 13 700 руб., Суворин, готовый платить 13 050 руб. ежегодно. Более низкими были предложения других претендентов: дворянин А. П. Емельянов заявил 2000 руб., мещанин Д. П. Ефимов – 2500 руб., московский книгопродавец М. В. Ключкин – 6600 руб., книготорговец из Казани А. И. Миронов – 7200 руб. в год. Участники назвали следующие станции для производства торговли: Москва I, Серпухов, Тула, Орел, Курск, Павлово, Петушки, Владимир, Ковров I, Вязники, Гороховец, Нижний Новгород, Муром; а также дополнительно Люблино, Царицыно, Бутово, Подольск, Кусково, Обираловка, Кудиново, Черное в летнее время с 1 мая по 1 октября. Стоимость одного номера газет, которую предполагал установить Суворин, превышала на 2–3 к. цену Грингмута. Таким образом, предложения последнего были более выгодные. Однако Правление дороги располагало заявлениями «о неудовольствии публики на неимение г. Грингмутом в станционных шкафах газет и книг, пользующихся большим спросом»¹¹. Кроме того, в Управление железных дорог Министерства путей сообщения поступали жалобы о завышенной им цене на отдельные издания. Например, на станции Москва I книга Л. Толстого «Что такое искусство» (М., 1898) продавалась по 60 к., в то время как ее издательская стоимость равнялась 25 к. Сообщалось также о «жалком подборе книг, которыми снабжены книжные шкафы» Грингмута: он «держит в подборе книги с возвышенными на обложках ценами против цен на те же книги в книжных магазинах <...> Одни и те же книги, одного и того же издателя, напечатанные на одной и той же бумаге,

в книжных магазинах продаются с печатными обозначениями от издателя одной цены, например, 1 рубль, а у Грингмута эта же самая книга продается с его штемпелем и с печатной ценой на обложке от издателя совсем другой – 1 р. 50 к.»¹². Совет Правления дороги предпочел заключить договор с «Контрагентством А. С. Суворина», но за высшую предложенную цену – 13 700 руб. в год с условием продажи газет по стоимости, назначенной Грингмутом: 7 к. – за номер для газет большой прессы (вместо 9 к., предложенных Сувориным) и 5 к. – за номер для газет малой прессы (вместо 8 к., заявленных Сувориным).

Часто проигравшая сторона обращалась с заявлением, направленным в Управление железных дорог, а иногда адресованным непосредственно министру путей сообщения, в котором содержалась просьба разобраться в итогах торгов.

С 1899 г. право продажи произведений печати на Курско-Харьково-Севастопольской железной дороге принадлежало Акционерному обществу печатного дела в С.-Петербурге под фирмой «Гуттенберг». Летом 1901 г. состоялись торги, на которых это объединение конкурировало с «Контрагентством А. С. Суворина». Первым арендная плата была заявлена в размере 6 200 руб., вторым – 6300 руб. в год. Право осуществлять книжную торговлю на этой магистрали в 1902–1904 гг. перешло «Контрагентством А. С. Суворина». В июле 1901 г. председатель Правления общества «Гуттенберг» О. К. Нотович, направил заявление начальнику Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги, требуя пересмотра результатов торгов. В документе сообщалось, что в течение трех лет аренды общество получило опыт организации книготоргового дела на железнодорожных станциях и намеривалось «впредь поставить дело на идеальную высоту»¹³. Правление общества предложило: «1. наиболее низкие продажные цены на газеты, журналы и книги <...>; 2. наибольшее количество станций, избираемых для торговли, прибавив буфеты <...>; 3. организацию для удобства публики подписки на газеты и журналы и 4. бесплатное снабжение библиотеки железнодорожных служащих всеми периодическими изданиями и книгами, находящимися в продаже в книжных шкафах. По всем этим пунктам результат конкуренции несомненно должен был склониться на сторону Правления Общества „Гуттенберг“»¹⁴. Единственный пункт, по которому заявление Суворина могло «внешним образом получить перевес», являлось назначение арендной платы, которая была предложена Обществом «Гуттенберг» на 100 руб. меньше конкурента. Однако в действительности стоимость услуг, оказываемых Обществом «Гуттенберг», свидетельствовала о значительном превышении назначенной им платы за аренду, которая по подсчетам, произведенным самим объединением, достигла 7000 руб. В эту сумму была включена стоимость книг, газет и журналов, предложенных Обществу Курско-Харьково-Севастопольской железной дороги на 800 руб. в год. В сентябре 1901 г. в ответ на это обращение Управление железных дорог Министерства путей сообщения уведомило Правление общества «Гуттенберг» об отсутствии оснований для пересмотра принятого решения, тем более, что на проигравшего конкурента была подана жалоба: в продаже отсутствовали «Русские ведомости», в наличии имелась только газета «Новости и Биржевая газета», издателем которой был Нотович.

В начале XX в. практически монопольным владельцем книжной торговли на станциях железных дорог стало «Контрагентство А. С. Суворина». В январе 1903 г. на его основе было образовано самостоятельное неполное товарищество на вере, в котором Суворин был основным пайщиком (в этот период его интересы представлял А. И. Ефремов), а другими вкладчиками – И. Д. Сытин, Д. П. Ефимов, М. В. Ключин, В. И. Игнатов, имевшие опыт самостоятельного ведения книжной торговли на линиях железных дорог и конкурировавшие между собой. В 1907 г. теми же участниками было организовано «Товарищество торговли произведениями печати на станциях железных дорог „Контрагентство печати“», ведущая позиция в котором с 1909 г. принадлежала И. Д. Сытину.

«Московский синдикат книгоиздателей» – так товарищество названо в архивном документе, став в 1910-е гг. арендатором книжных киосков на станциях 30 железнодорожных магистралей¹⁵, отстаивал свои интересы на торгах, вышшая плату за аренду и устраняя тем самым конкурентов; увеличивал залог; стремился продлить сроки аренды. Владельцы других книготорговых заведений, претендовавшие на право торговли, обращались к министру путей сообщения с просьбой пересмотреть результаты торгов, высказывали свой взгляд на деятельность «Контрагентства печати».

В период с 1 июля 1908 г. по 1 июля 1911 г. после проведения торгов аренда книжной торговли на станциях Батум, Самтредиа, Михайлов, Кутаис, Боржом, Тифлис, Александрополь, Улуканлу, Нахичевань Закавказских железных дорог была передана потомственному дворянину Области Войска Донского Андрею Степановичу Яковлеву за 2300 р. в год. Однако договор с ним¹⁶ был заключен только после его обращения к министру. Конкурентом выступило «Контрагентство печати». Автор докладной записки привел ряд фактов, из которых следовало, что деятельность «треста» – так именовалось объединение – происходила «под прикрытием уважаемых имен Суворина и Сытина». Она состояла, по утверждению Яковлева, «в усиленном распространении всевозможных изданий, книг, журналов и открытых писем преимущественно порнографического содержания. Все члены товарищества за исключением И. Д. Сытина и А. С. Суворина, которые, кстати сказать, не вмешиваются во внутренний распорядок товарищества и именами которых остальные члены товарищества прикрываются при малейших неприятностях и столкновениях с начальством, издают и распространяют издания вроде: <...> „Дневник горничной“, „Афинские ночи“, „Коринфские ночи“ и тому подобные порнографические издания, зарабатывая на этом от 50 до 70%»¹⁷. Сам автор записки намеривался «улучшить содержание книжных киосков, совершенно не распространяя порнографические и лубочные издания, а наполнить шкафы здоровой русской литературой, иметь массу справочных книг и каталогов, устроить для удобства публики правильную торговлю книгами и газетами внутри вагонов во время стоянки поездов, а также посылать своих агентов и с идущими поездами <...>»¹⁸. В течение нескольких лет аренды Яковлев понес значительные убытки, и до завершения ее срока торговля на Закавказских железных дорогах была передана Хрисанфу Тимофеевичу Цветкову¹⁹. В дальнейшем право книжной торговли перешло «Контрагентству печати» с выплатой арендной платы по 3740 руб. в год²⁰.

Авторы еще одной записки на имя министра – дворянин К. Л. Михайлов и потомственный почетный гражданин И. А. Александров, заинтересованные в получении права аренды книжной торговли на станциях Северо-Западной железной дороге с 1911 г., задавались вопросом: «Честно ли поступает г. Суворин, что он скрывает своим именем такую компанию, которая забрала в свои руки торговлю почти на всех железных дорогах и через них нет никакой возможности заключить какой-либо договор на продажу печати, ибо, пользуясь именем А. С. Суворина, эта компания идет на все интриги, лишь бы дело не ускользнуло от их рук?»²¹. Договор на 3 года с января 1911 г. был подписан с «Контрагентством печати», в январе 1914 г. на 5 лет до января 1919 г. – продлен. В двух сроков стоимость аренды составляла 25 000 руб. в год²².

Стоимость арендной выплаты для лиц, осуществлявших книжную торговлю на железнодорожных магистралях, была различной. Как правило, с каждым годом она возрастала. В некоторых случаях увеличивался и срок аренды. Так, в 1910 гг. владельцы «Контрагентства печати» высказали пожелание продлить договор аренды на станциях Николаевской железной дороги на 12 лет до 1926 г. на следующих условиях: в первое трехлетие с 1 февраля 1914 по 1 февраля 1917 г. арендная плата оставалась прежней и составляла 10 000 руб. в год; во второе трехлетие – по 11 000 р. в год; в третье – по 12 000 руб. в год; в последнее – с 1 февраля 1923 по 1 февраля 1926 г. – по 13 000 руб. в год²³. Столь продолжительный срок объяснялся намерением «дать возможность шире вести дело не только в своих интересах, но и в интересах публики»²⁴. Совет Правления дороги поддержал прошение фирмы, являвшейся «давшим и исправным контрагентом Николаевской дороги по торговле произведениями печати»²⁵. Однако по решению Управления железных дорог Министерства путей сообщения срок был сокращен вдвое и составил шесть лет²⁶.

Книжная торговля на железных дорогах, развивавшаяся в начале XX в. в условиях жесткой конкуренции, производилась на многих железнодорожных магистралях европейской части России. Благодаря ей произошло ускорение и удешевление доставки изданий читателям. Книга стала более доступной для городского и сельского населения.

Примечания

¹ О Контрагентстве А. С. Суворина по торговле произведениями печати на линиях железных дорог см.: Снегсарев Н. В. Мираж Нового времени: почти роман. СПб., 1914. С. 29, 62–63, 77; Д. М. Сорокалетие газеты «Новое время», 1876–1916 гг. // Исторический вестник. 1916. № 4. С. 178; Динерштейн Е. А. Издательская деятельность А. С. Суворина // Книга : исслед. и материалы. М., 1984. Сб. 48. С. 86–87; Его же. «Контрагентство А. С. Суворина» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века : сб. науч. тр. Л., 1994. Вып. 7. С. 50–66. (То же: Динерштейн Е. А. Российское книгоиздание (конец XVIII – XX в.) : избр. ст. М., 2004. С. 212–224); Его же. А. С. Суворин: человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 283–300 (Серия «Люди России»).

² РГИА. Ф. 265. Оп. 348. Л. 207 об.

³ Там же. Ф. 273. Оп. 10. Д. 4056. Л. 27 об.

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Там же. Л. 18 об.

⁶ Там же. Д. 4138. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 49.

⁹ Там же. Д. 4057. Л. 59.

¹⁰ Там же. Л. 60.

¹¹ Там же. Л. 10.

¹² Там же. Д. 4056. Л. 9.

¹³ Там же. Д. 4182. Л. 14.

¹⁴ Там же. Л. 13.

¹⁵ Там же. Д. 4322. Л. 23.

¹⁶ Там же. Д. 4198. Л. 36–38 об.

¹⁷ Там же. Л. 27. Названы издания: Дневник горничной. М., 1909; Афинские ночи. Альманахи. СПб., 1908. Кн. 1–2; Коринфские ночи. Альманах. [СПб., б. г.]. Кн. 1–2.

¹⁸ РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 4198. Л. 26 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 50.

²¹ Там же. Д. 4220. Л. 108 об.

²² Там же. Л. 120–122.

²³ Там же. Д. 4322. Л. 23.

²⁴ Там же. Л. 22 об.

²⁵ Там же. Л. 23.

²⁶ Там же. Л. 24 об.

С. В. Перекрестова

Издательские проекты А. С. Лаппо-Данилевского в Императорской Академии наук

Исследуется археографическая и издательская деятельность, которую вел академик А. С. Лаппо-Данилевский в Императорской Академии наук. Рассматриваются отдельные издания и крупные проекты, как полностью или частично реализованные, так и приостановленные. Уделяется внимание вкладу академика в их продвижение и осуществление, их научной ценности. Анализируются особенности его работы над ними.

Ключевые слова: А. С. Лаппо-Данилевский, Императорская Академия наук, Российская академия наук, РАН, издания Императорской академии наук

Sofia V. Perecrestova

A. S. Lappo-Danilevsky's publishing projects in the Imperial Academy of Sciences

Archaeographic and publishing activities of academician A. S. Lappo-Danilevsky in the Imperial Academy of Sciences are concerned. Individual publications and large projects are considered, fully or partly realized as well as those which were stopped. Attention is paid to the academician's contribution to their promotion and implementation, and to scientific value of them. Features of his work on them are analyzed.

Keywords: A. S. Lappo-Danilevsky, Imperial Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences, RAS, publications of the Russian Academy of Sciences

А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) закончил Симферопольскую гимназию с золотой медалью в 1882 г., Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета с оставлением для приготовления к профессорскому званию – в 1886 г. В 1890 г. он защитил диссертацию и приступил к преподаванию в университете. Кроме того, он преподавал в Историко-филологическом институте, Тенишевском училище и пр. Основными темами его научных изысканий стали история России различных периодов, в особенности XVIII в., интеллектуальная история, источниковедение, дипломатика частных актов, методология истории и т. д.

В 1899–1905 гг. А. С. Лаппо-Данилевский прошел весь путь от адъюнкта до ординарного академика Императорской Академии наук (ИАН). Со временем он стал руководителем и организатором большей части научных проектов и мероприятий Историко-филологического отделения (ИФО) ИАН. Важнейшим направлением его деятельности стала публикация источников по российской истории.

Прежде всего А. С. Лаппо-Данилевский занялся ревизией и, по возможности, завершением проектов, начатых, но не воплощенных его старшими коллегами. Эта работа требовала от ученого критического подхода: анализа степени актуальности материалов, проведения переговоров с теми авторами, чьи тексты требовалось актуализировать, выяснения истории текста и пр. Особых усилий потребовал разбор наследия академика А. А. Куника, занимавшегося археографической деятельностью ИФО до него. Непременный секретарь ИАН С. Ф. Ольденбург утверждал, что количество незавершенных научных начина-

ний было в России велико как нигде, причем говорил он об этом в отношении не только А. А. Куника, но и А. С. Лаппо-Данилевского. Он объяснял эту ситуацию исключительной добросовестностью и высокими требованиями к себе обоих ученых, что положительно сказывалось на качестве завершенных публикаций, но отрицательно – на скорости работы¹.

В 1900 г. А. С. Лаппо-Данилевский представил «Записку о трудах А. А. Куника и о состоявших под его наблюдением изданиях...», в которой предложил программу их постепенной доработки. Быстрой публикации удалось добиться только для «Заметки о Молодинском кладе» Ю. Б. Иверсена². Работа над иными проектами потребовала от А. С. Лаппо-Данилевского, авторов и составителей гибкости и изобретательности. К примеру, подготовка сборника о Болеславе-Юрии II началась для А. А. Куника в 1883 г. с желания издать перевод статьи чешского ученого И. В. Режабека, которая к моменту обращения к этому проекту А. С. Лаппо-Данилевского, конечно, устарела. Автор отказался ее переписывать, поэтому нужно было искать другие пути актуализации академического издания. Было решено дополнить ее и другие подготовленные для сборника тексты библиографическим обзором. Далее у А. С. Лаппо-Данилевского появилась идея включить в сборник снимки грамот и печатей на них, это потребовало дополнительных изысканий, которые ученый вел самолично, и т. д., так что сборник вышел только в 1907 г.³, спустя 7 лет после начала работы над ним академика и 24 года – с начала работы над ним в ИАН в целом. На публикацию труда А. И. Гиппинга «Нева и Ниеншанц» ушло 10 и 56 лет соответственно. Рукопись исследования приняла форму 2-томной монографии, сборников документов и карт⁴. Все эти и прочие публикации сопровождалась предисловиями или статьями А. С. Лаппо-Данилевского и осуществлялись параллельно с разбором архива А. А. Куника. Особенных усилий потребовала работа над комментариями А. А. Куника к 3 тому труда С. А. Гедеонова «Варяги и Русь». Это были не получившие окончательной правки замечания к труду, который и сам так и не вышел. Собственно, доведением его до публикации когда-то и занимался А. А. Куник. А. С. Лаппо-Данилевскому предстояло завершить этот труд в отношении наработок обоих авторов. В конечном итоге речь пошла о сборнике их трудов, его подготовка велась вплоть до 1917 г. и не была завершена⁵.

Самостоятельно, уже не в рамках разбора наследия А. А. Куника, рекомендованная А. С. Лаппо-Данилевским в 1900 г. к публикации «Доимочная книга мостового и решеточного сборов», подготовленная И. Н. Миклашевским, превратилась к моменту выхода из печати в 1902 г. в сборник, большую часть которого составила работа А. С. Лаппо-Данилевского по истории указанных сборов⁶, вскоре вышедшая и отдельной монографией⁷.

Основными проектами А. С. Лаппо-Данилевского стали многолетние издательские программы, потребовавшие привлечения большого числа специалистов и серьезных усилий самого академика по курированию их работы. Одним из них стала публикация грамот Коллегии экономии. Все началось с одного из первых официальных поручений, полученных им в качестве члена ИАН: нужно было подготовить план публикации архивных документов. В 1900 г. заканчивалось печатание 3-го тома «Актов Московского государства» и было

решено, что после его выхода дальнейший порядок издания ИАН исторических источников должен был быть пересмотрен. На взгляд А. С. Лаппо-Данилевского, основным недостатком прежнего порядка было недостаточное внимание к частным актам, а также низкий уровень публикаций, представлявших собой подборки материалов и выписок из них произвольного характера. Для решения этих проблем он предложил сосредоточиться на конкретном корпусе документов – на грамотах Коллегии экономии, причем, к чему он пришел позже, их пофондовом издании. Этот труд интересен и особенностями участников его подготовки: после начала работы в Санкт-Петербургском университете в 1904/05 учебном году семинара по дипломатике частных актов, академик действовал в работе над изданием своих учеников. Со временем семинар фактически отделился от университета и приблизил его участников к ИАН: в 1911 г. А. С. Лаппо-Данилевский добился того, чтобы работа его учеников оплачивалась ею, объяснив это тем, что он вместе с ними занимался составлением каталога всех опубликованных частных актов, который должен был облегчить подготовку примечаний к грамотам Коллегии экономии. Помимо него коллектив занимался составлением «Терминологического словаря частных актов Московского государства». Работу над каталогом А. С. Лаппо-Данилевскому удавалось удерживать на плаву даже после революций 1917 г.⁸, однако вышел, причем лишь 1936 г., в составе сборника «Проблемы источниковедения», только его фрагмент. Остальное было утрачено в годы блокады Ленинграда⁹. Печатаение терминологического словаря началось в 1917 г., он вышел в 1922 г.¹⁰. Этими и прочими публикациями, которые ученый не застал, занимались его ученики. Это касалось и самих грамот Коллегии экономии. Из печати вышло, в 1922 г. и 1929 г., только 2-го тома, материал которых охватывал лишь несколько уездов¹¹. В 1922 г. также были опубликованы разработанные А. С. Лаппо-Данилевским «Правила издания грамот Коллегии экономии». По словам его учеников и составителей «Правил издания документов XVI–XVII вв.» 1936 г., разработанная академиком система стала образцом для тех, что использовалась в последующих подобных документах¹².

Работа над подготовкой к публикации грамот Коллегии экономии заняла много лет, стала этапом профессионального становления целой плеяды учеников А. С. Лаппо-Данилевского, но хотя и завершилась рядом публикаций, основной ее предмет, грамоты, оказался охвачен очень мало. Еще больше эти тенденции проявились в крупнейшем проекте из инициированных академиком. Речь идет о серии «Памятники старинного русского законодательства». Ее необходимость он обосновывал, указывая на перекосы в российской археологии в сторону средневековых памятников в ущерб памятникам XVII–XVIII вв. Они и должны были составить серию. Для работы над каждым памятником А. С. Лаппо-Данилевский привлекал специалистов по их истории или хотя бы по русскому праву в целом. Серия была запущена в 1902 г., работа над разными памятниками началась в разное время вплоть до 1918 г. В 1909 г. А. С. Лаппо-Данилевский пришел к выводу о необходимости запуска второй серии под названием «Материалы для истории русского законодательства», ее выпуски со сведениями по истории текста памятников и пр. должны были выходить па-

раллельно публикации соответствующих выпусков основной серии¹³. Однако несмотря на большое число занятых в работе над сериями именитых ученых, вторая не была реализована вовсе, а в первой вышел только «Наказ императрицы Екатерины II...», подготовленный Н. Д. Чечулиным в 1902–1907 гг.¹⁴. Работавший в ее же рамках с Духовным регламентом П. В. Верховский, опубликовав памятник и его исследование в 1916 г.¹⁵, никак не обозначил в них свое участие в проекте. Как и в предыдущем случае, достижения занимавшихся серией ученых не ограничились томами с опубликованными памятниками. В ходе работы над «Учреждением о губерниях 1775 г.» к 1904 г. был подготовлен образец предметного указателя, ценный не только тем, что он использовался и в ходе подготовки последующих выпусков серии, но и тем, что этот элемент справочного аппарата был нов для российской археографии. Таким же было для нее параллельное воспроизведение текста памятника на двух языках, предложенное А. С. Лаппо-Данилевским для выпуска «Кормчая книга 1653 г.»¹⁶.

Среди других проектов назовем «Материалы для истории царской библиотеки в XVII и XVIII вв.», мемуары Станислава II Августа Понятовского, «Бумаги князя Меншикова», «Реестр книг князя М. М. Щербатова» и др. Как и в других случаях, даже те из них, что не были реализованы, имеют научную ценность, будь то собранный материал сам по себе или высказанные в ходе работы над ним идеи. Так, предложив в 1915 г. к публикации «Собрание документов, относящихся до крепостного права в вотчинах графа Дмитриева Мамонова в Ярославской и Владимирской губерниях (1763–1861)», А. С. Лаппо-Данилевский стал одним из первых российских ученых, поставивших вопрос о необходимости публикации массовых источников Нового времени¹⁷.

В некоторых случаях археографическая и редакторская работа А. С. Лаппо-Данилевского оказывалась связана с его усилиями добиться переустройства и оптимизации работы ИАН. На их пересечении оказались труды, готовившиеся в рамках Постоянной исторической комиссии (ПИК). ПИК была учреждена в 1903 г. как воплощение идеи о создании в Италии научного учреждения ИАН. Предполагалось открыть учреждение, подобное Русскому археологическому институту в Константинополе, однако эта идея не встретила одобрения министра финансов С. Ю. Витте, он предложил заметно усеченный вариант продвижения научной деятельности ИАН в Риме – создание должности ученого корреспондента. ПИК стала компромиссным вариантом, предложенным членами комиссии при ИФО, среди которых был и А. С. Лаппо-Данилевский. Он стал заведующим делами, а в 1916 г. – председателем ПИК. Он же занимался составлением программы ее деятельности. В центре ее работы он видел издание памятников, связанных с культурными отношениями России и Италии, а также описание итальянских архивов. Он курировал работу выбранного им на пост ученого секретаря Е. Ф. Шмурло по выполнению этой программы в форме серии «Россия и Италия», в выпуски которой входили публикации документов, архивных описей и пр. (Е. Ф. Шмурло успел издать 5 выпусков, первый вышел в 1907 г.¹⁸). Кроме того, А. С. Лаппо-Данилевский предлагал расширить работу ПИК за счет серии «Памятники дипломатических сношений между Россией и Италией». Е. Ф. Шмурло представил правила издания ее выпусков

в 1909 г., но работу над ними, как и над первым проектом ПИК, сорвала Первая мировая война. Первый и единственный выпуск вышел только в 1925 г.¹⁹, когда Е. Ф. Шмурло уже находился в эмиграции.

ПИК не ограничивалась разработкой вопросов русско-итальянских отношений. Президент ИАН великий князь Константин Константинович инициировал передачу в ПИК издательской программы «Письма и бумаги Петра Великого». Работа над ней велась с 1872 г., 1 том вышел только в 1887 г. Передача ее в ПИК в 1909 г. должна была ускорить работу. От имени ПИК ее курировал А. С. Лаппо-Данилевский, который, как мы уже знаем, уделял скорости работы гораздо меньшее внимание, чем ее качеству (к примеру, он настоял на сверке копий писем с вновь обнаруженными подлинниками), хотя он и не стал существенно менять принципы работы над серией. 6 том, в подготовку которого он активно включился, вышел в 1912 г. Он также оказывал техническое содействие при подготовке 7 и 8 томов²⁰, хотя 1 выпуск 8 тома вышел только в 1948 г. И до, и после А. С. Лаппо-Данилевского работа над этим фундаментальным изданием отнимала, очевидно, много усилий и сил, последний на данный момент 1 выпуск 14 тома 2022 г. охватывает отнюдь не последний год царствования Петра I²¹.

С 1909 г. А. С. Лаппо-Данилевский также занимался «Собранием бумаг, сочинений и писем М. М. Сперанского». Первоначально он работал над этим изданием в рамках Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, но в 1916 г. подготовка издания была передана в ИАН. Она осуществлялась под руководством специальной комиссии Исторического общества под председательством А. С. Лаппо-Данилевского. В «Собрание...» должны были войти как архивные материалы, так и документы, изданные без надлежащего научно-критического аппарата. Комиссия разработала специальные правила, инструкции и пр., А. С. Лаппо-Данилевский подготовил «Образец бланка для описи бумаг М. М. Сперанского». Проект остался нереализованным, но проведенная работа ценится специалистами как подготовившая почву для последующих публикаций соответствующего корпуса документов и поставившая перед наукой новые задачи.

Работа над бумагами М. М. Сперанского была прервана революционными событиями 1917 г. и последующими лишениями периода Гражданской войны, та же судьба ожидала последний крупный издательский проект, которым по поручению ИАН руководил А. С. Лаппо-Данилевский (первое заседание возглавленной им комиссии состоялось 25 февраля 1917 г.). Комиссии предстояло издать серию сборников «Русская наука» из очерков по разным научным дисциплинам и соответствующими библиографическими справками. Несмотря на сложные условия, к январю 1919 г. к А. С. Лаппо-Данилевскому как главному редактору поступил 21 очерк, но они так и не вышли в свет²². Подготовленный самим А. С. Лаппо-Данилевским очерк по русской историографии был опубликован его учениками в посвященном его памяти выпуске «Русского исторического журнала»²³, периодического издания, в организации которого он в свое время принимал деятельное участие.

Академик А. С. Лаппо-Данилевский внес существенный вклад в публикацию ИАН целого ряда исторических источников и связанных с ними исследований, подготовку фундаментальных изданий. Некоторые документы он готовил

к публикации сам, для работы над другими привлекал иных специалистов. Это могли быть как одиночные публикации, так и крупные проекты, многолетние исследовательские программы, определявшие облик российской академической археологии (число проектов, которыми он так или иначе руководил, превышало 60). Не все из них были реализованы в полной мере по разным причинам, не всегда зависевшим от него. Однако все же подготовленные его усилиями и под его руководством издания, сопутствующие материалы и наработки, оставшиеся в рукописях, представляют собой важную часть российского научного наследия, высоко оцениваемую специалистами и в наши дни.

Примечания

¹ Ольденбург С. Ф. Работа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского в Академии наук // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 167–168.

² Иверсен Ю. Б. Заметка о Молодинском кладе 1878 года. СПб., 1900.

³ Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907.

⁴ Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. Ч. 1. СПб., 1909; Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. Ч. 2. СПб., 1909; и др.

⁵ В БАН хранится корректурный экземпляр комментариев А.А. Куника из его личной библиотеки со следками его правки и, возможно, А. С. Лаппо-Данилевского: [Геденов С. А. Варяги и Русь. Т. 3. [1878–1899]].

⁶ Материалы и исследования по истории мостовых и решеточных денег в Московском государстве XVII-го века. СПб., 1902.

⁷ Лаппо-Данилевский А. С. «Мостовые и решеточные деньги» в Новгороде и Москве в XVII-м веке. СПб., 1902.

⁸ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 160–163.

⁹ Каталог частных актов Московского государства // Проблемы источниковедения. Сб. 2. М.; Л., 1936. С. 145–186.

¹⁰ Терминологический словарь частных актов Московского государства. Петроград, 1922.

¹¹ Сб. грамот Коллегии экономии. Т. 1 : Грамоты Двинского уезда. Петербург, 1922; Сб. грамот Коллегии экономии. Т. 2 : Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Л., 1929.

¹² Валк С. Н. Советская археология. М.; Л., 1948. С. 44; [Предисловие] // Правила издания документов XVI–XVII вв. // Проблемы источниковедения. Сб. 2. М.; Л., 1936. С. 315.

¹³ Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 163–164.

¹⁴ Екатерина II. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения. СПб., 1907.

¹⁵ Верховский П. В. Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент. Т. 1 : Исследование. Ростов-на-Дону, 1916; Его же. Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент. Т. 2 : Материалы. Ростов-на-Дону, 1916.

¹⁶ Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 166.

¹⁷ Poniatowski S. A. Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski. T. 1. St. Pétersbourg, 1914; Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 174–178.

¹⁸ Россия и Италия : Сб. ист. материалов и исслед., касающихся сношений России с Италией. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1907.

¹⁹ Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Т. 1. Вып. 1. Л., 1925.

²⁰ Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 170–173.

²¹ Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1. СПб., 1887; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 6. СПб., 1912; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8. Вып. 1. М., 1948; Письма и бумаги Петра Великого. Т. 14. Вып. 1. М., 2022.

²² Ростовцев Е. А. Указ. соч. С. 180.

²³ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 5–29.

Н. Г. Донченко

**Страницы истории издательства «Советская Россия»
(от Госкультпросветиздата до «Русской книги-XXI века»)**

Статья посвящена одному из российских издательств, успехи которого пришлись на советское время. Реорганизация и обновление производственной деятельности позволили издательству идти в ногу со временем, выпустить много интересных и полезных изданий. Подробно представлена деятельность издательства в период его основания.

Ключевые слова: история российского книгоиздания, реорганизация издательской деятельности, культурно-просветительная литература, Советская Россия, Русская книга, название, издание, тираж

Natalya G. Donchenko

**Pages of the history of the publishing house "Soviet Russia"
(from Goskultprosvetizdat to the "Russian Book of the 21st century")**

The article is devoted to one of the Russian publishing houses, whose successes occurred during the Soviet era. The reorganization and updating of production activities allowed the publishing house to keep up with the times and release many interesting and useful publications. The activities of the publishing house during its foundation are presented in detail.

Keywords: history of Russian book publishing, reorganization of publishing activities, cultural and educational literature, Soviet Russia, Russian book, title, edition, circulation

Российское книгоиздание в разные периоды переживало не только стремительный рост, но и падение. Открывалось много новых издательств, немало закрывалось, одни окончательно прекращали свое существование, а другие реорганизовывались и возрождались под новым названием. Безусловно, этому способствовали различные события, происходящие в стране: Великая Отечественная война, распад СССР, смена приоритетов в государственной и культурной политике. Одним из таких издательств является «Советская Россия».

В 1957 г. в Москве на базе бывшего Госкультпросветиздата (издательство культурно-просветительной литературы) было открыто государственное издательство «Советская Россия». Госкультпросветиздат был основан в конце 1945 г. на базе сразу двух издающих организаций: государственного библиотечно-библиографического издательства и издательства наглядных пособий¹. Это было связано с планом возрождения книгоиздания после окончания Великой Отечественной войны.

Как отмечали учтние-книговеды профессора И. А. Шомракова и И. Е. Баренбаум «урон, который понесло советское книжное дело в годы войны, был очень велик. В 1945 году названия книг снизились в 2,5 раза, а тираж почти в 2 раза по сравнению с предвоенным годом. Принятые правительством меры позволили в 1947 году увеличить общий тираж на 242 млн. экземпляров и превысить довоенный. Количество названий также увеличилось и составило 30,2 тыс., что было меньше довоенного уровня почти на 15 тыс.»².

Госкультпросветиздат за годы существования с 1945 по 1957 г. внес достойный вклад в развитие книжного дела в стране. Помимо литературы для ра-

ботников культурно-просветительных учреждений издавалась литература для массового читателя по естественно-научной тематике. Выпуск изданий по библиотечному делу и библиографии продолжился, но занимал небольшую часть работы издательства. Значительно увеличился тираж издаваемой продукции: с 40 тыс. до 100–200 тыс. экземпляров каждого названия. Продолжился выпуск наглядных пособий по естествознанию. Так, например, в 1946 году были выпущены альбомы: «Вселенная», «Луна», «Мир звззд» и др., которые составили серию изданий по астрономии³. Для составления альбомов издательство привлекало известных в стране учёных. Издательство оказывало существенную помощь лекционной работе. Начала выходить серия книг «В помощь лектору». Книги данной серии отличались от прежних структурой и содержанием. В изданиях объёмом в 4–5 печатных листов лекционный материал сопровождался методическими указаниями и библиографическими списками⁴. В помощь художественной самодеятельности Госкультпросветиздат выпускал репертуарные сборники для работников клубов и участников драматических кружков. Сборники включали пьесы, рассказы, стихи, песни с нотами, отрывки из повестей и романов. К изданию пьес у Госкультпросветиздата был особый подход: тексты пьес печатались в обработке театров, которые их ставили и обязательно включали статью режиссёра-постановщика. Несмотря на расширение тематики, издательство продолжало выпуск профессиональной литературы для библиотечных специалистов. Были выпущены книги З. Н. Амбарцумяна, В. Е. Васильченко, Ю. В. Григорьева, Л. Н. Троповского, Е. И. Шамурина и др. Большое значение для библиотечной отрасли имели специальные учебные пособия для студентов библиотечных техникумов и библиотечных вузов.

Помимо выпуска книжной продукции издательство занималось подготовкой и изданием печатных аннотированных карточек для библиотек страны⁵.

В 1957 г. на базе Госкультпросветиздата было создано издательство «Советская Россия»⁶. С первых дней основания в репертуаре издательства преобладала массово-политическая, научно-популярная и художественная литература на русском языке и языках народов РСФСР. Уделяло внимание издательство и выпуску литературы по вопросам культурно-просветительной работы. Имея богатый опыт выпуска образцовой продукции в прошлые годы, издательство продолжило издавать книги с богатым иллюстративным материалом. Наиболее популярными были серии «По земле Российской», «Поэтическая Россия», «Писатель и время», «Золотое кольцо».

Издательство «Советская Россия» на протяжении многих лет помимо книг и брошюр издавало такие периодические издания как журналы «Культурно-просветительная работа», «Театральная жизнь», альманах «Памятники Отечества».

«Памятники Отечества» «Советская Россия» начала выпускать в 1980 году. Иллюстрированный альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры выходил 2 раза в год тиражом 50 тыс. экземпляров и пользовался заслуженным вниманием специалистов и любителей истории и культуры.

Наиболее удачными годами для «Советской России» по названиям и тиражу были конец 1970-х и первая половина 1980-х. В этот период издательством выпускалось около 300 наименований книг, общий тираж которых составлял

более 42 млн. экземпляров⁷. За плодотворную и эффективную деятельность издательство было награждено Орденом «Знак Почета».

В 1992 г. на базе издательства «Советская Россия» в Москве было образовано издательство «Русская книга». Не стоит путать с одноимённым издательством, находящемся в Ростове-на-Дону. Повторить успехи «Советской России» новому издательству не удалось. Согласно данным Российской книжной палаты, издательство «Русская книга» по репертуару и тиражу не смогло войти в сотню крупнейших издательств страны⁸. Издательство осуществляло производственную деятельность 13 лет (с 1992 по 2005 г.). Основу репертуара составляли научно-популярная литература, русская классика, современная российская художественная и детская литература, изобразительная продукция.

В 2005 г. на базе прекратившего работу издательства «Русская книга» появилось Издательство «Русская книга-XXI век».

Примечания

¹ Ковалев А. Наше издательство // Библиотекарь. 1947. нenum. вып. (дек.). С. 35.

² Шомракова И. А., Баренбаум И. Е. Всеобщая история книги. СПб: Профессия, 2005. С. 222.

³ Ковалев А. Наше издательство. С. 35.

⁴ Там же. С. 36.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Советская Россия // Книговедение : Энциклопед. словарь / Под ред. Н. М. Сикорского. М.: Сов. энциклопедия, 1982. С. 491–492.

⁷ Печать СССР : статистические материалы / Под ред. В. И. Соловьева. М.: Гос. центр. кн. Палата, 1981. С. 133; Печать СССР : статистические материалы / Под ред. В. И. Соловьева. М.: Гос. центр. кн. Палата, 1991. С. 137.

⁸ Морозовский М. 100 крупнейших издательств России // Книжное дело. 1999. № 3-4. С. 44–49.

И. А. Лисицына

Книжные памятники научной библиотеки в культурном пространстве России

Рассмотрены особенности формирования редкого фонда естественнонаучного профиля на примере БЕН РАН и проведения экспертизы документов с целью выявления книжных памятников и внесения сведений о них в Реестр. Описаны роль и значение книжных памятников в культурном пространстве современной России: сохранение научного знания, культурных традиций, исторической преемственности в сфере науки и образования, популяризация науки и формирование образа ученого на примере трудов М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева.

Ключевые слова: научная библиотека, культурное пространство, книжный памятник, редкий фонд, ученые

Irina A. Lisitsyna

Book Monuments of a Scientific Library in the Cultural Space of Russia

The article examines the development of a rare natural science collection using the example of the Library of Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences (BEN RAS) and the document examination process to identify literary monuments and add information about them to the Register. It also describes the role and significance of literary monuments in the cultural space of modern Russia: the preservation of scientific knowledge, cultural traditions, historical continuity in science and education, the popularization of science, and the formation of the image of scientists, using the works of M. V. Lomonosov and D. I. Mendeleev as examples.

Keywords: scientific library, cultural space, book monument, rare collection, scientist

Трансформация культурного пространства связана с эволюцией книги как социокультурного явления. В контексте исторических изменений сущность основных социальных институтов неотделима от этапов формирования книжной культуры – рукописные книги, появление книгопечатания и – наконец – библиотеки в качестве элемента инфраструктуры. «Образ культуры – это обобщенное представление о состоянии жизненного пространства, ... сложившееся в индивидуальном представлении человека, ... общества, вбирающее переработанные сознанием людей очевидные и только намечающиеся противоречия... в социокультурной реальности... На основе этого образа формируются новые культурные практики и альтернативные модели освоения мира, предлагаются способы реализации жизненных целей и стратегий»¹.

Первые библиотеки складывались в древних городах как центрах общественной и культурной жизни. В наиболее крупных из них постепенно концентрировались культурные и творческие ресурсы². На протяжении нескольких тысячелетий человечество стремилось к образованию, хранению и получению научных знаний с помощью библиотек. Научные библиотеки России располагают фондами, имеющими научную и культурную значимость, впитавшими многовековой опыт, знания, результаты деятельности ученых, усиливая тем самым государство, российскую культуру. Традиционно под «научной» понимается библиотека, обеспечивающая развитие науки, поэтому основное качество научной библиотеки – ее полезность для науки и исследователей³.

Одно из условий сохранения и развития культурного пространства России – изучение фондов отечественных научных библиотек с целью выявления и описания редких и ценных изданий, их соотношение с историческими коллекциями, определение их востребованности у читателей, необходимости перевода в цифровой формат, обеспечения сохранности. Целью изучения редких изданий является установление книжных памятников в соответствии с законодательством Российской Федерации. Редкие и ценные документы – это печатные и рукописные документы, выпущенные или сохраненные до наших дней в малом количестве; с уникальными приметами; отличные от остального тиража и обладающие художественной, научной, исторической и библиографической ценностью. Ценные документы – рукописные документы, печатные издания, обладающие художественной, научной, исторической, библиографической или иной ценностью. Редкие документы – документы, сохранившиеся или выпущенные в малом количестве экземпляров. К ним относятся экземпляры издания, обладающие неповторимыми приметами, отличающими его от остального тиража издания⁴. Чем раньше сформировался фонд научной библиотеки, тем глубже потенциально скрытый среди его документов пласт историко-культурных открытий.

Библиотека по естественным наукам РАН берет истоки в «семье» академических библиотек. Ее фонд имеет специализированный – естественнонаучный – профиль. Основу фонда (около семи миллионов единиц хранения) составляют научные труды отечественных и зарубежных ученых (в том числе из личных библиотек), книги, периодические издания, атласы, диссертации и т.д. Среди массива научной литературы выделяются редкие издания (порядка четырех тысяч единиц), уникальные своей историко-культурной и научной ценностью.

Традиционно в междисциплинарном ракурсе книга рассматривается широким кругом специалистов и исследователей и как хранилище научных знаний, и как объект культурно-исторического наследия, и как художественное отражение эпохи. Причем первоначальную экспертизу документ проходит уже в стенах самой библиотеки. Экспертный совет по книжным памятникам БЕН РАН проводит экспертизу редких и ценных изданий, выявляет книжные памятники и обеспечивает внесение сведений о них в государственный Реестр. Отбор производится в соответствии с установленными законодательством России критериями. В настоящее время экспертные заключения на документы из редкого фонда БЕН РАН оформляются, в основном, по хронологическому признаку, но, каждый книжный памятник имеет «особое историческое, научное, культурное значение»⁵.

Выявленные книжные памятники научной библиотеки обладают уникальными качествами, связанными с достоверным описанием исследований и открытий, личностью авторов-ученых, переводчиков, художников и граверов, оформлением издания, наличием экслибрисов/владельческих знаков, иллюстраций, трудами выдающихся ученых, принадлежащими им собраниями или фрагментами библиотек, а также деятельностью библиотек научных организаций и обществ и т. д. Совокупность упомянутых характеристик содержит разнообразный – историко-культурный, научный, библиографический материал, из-

учение которого исключительно важно сегодня в целях сохранения научного знания, культурных традиций, исторической преемственности в сфере науки и образования, в деле популяризации науки и формирования образа ученого особенно среди подрастающего поколения.

Так, например, в 2023 г. Экспертный совет БЕН РАН выявил в редком фонде книжный памятник – изданную в 1760 г. книгу «Вольфиянская Экспериментальная Физика». Примечательно, что в данном издании М.В. Ломоносов выступил в качестве переводчика с латыни. Ученый нередко переводил художественные и научные произведения с французского, немецкого, греческого, латыни и других языков. Его талант был многогранен. Например, для Ломоносова – ученого и философа – естественным было и обращение к поэзии гражданственной тематики, раскрывающей цели государственного и культурно-просветительского преобразования России⁶.

Экспертам еще предстоит исследовать редкое издание 1760 г. из фонда БЕН РАН «Рассуждение о твердости и жидкости тел», которое представляет собой речь, прочитанную Ломоносовым в публичном собрании Академии наук 6 сентября. Начинается Рассуждение с указания на опыты академика Брауна. Ученым описаны результаты эксперимента по замораживанию ртути. После ознакомления с ними Ломоносов представил свои соображения «о замерзании и растаивании тел». Издание являет собой пример феномена книги как самостоятельного элемента культурного пространства России, запечатлевшего особенность социокультурной ситуации современной Ломоносову эпохи.

Это пространство выстраивается вокруг событий и описывающих их авторов, современников и критиков, издателей и коллекционеров, представителей научной общественности и экспертных сообществ. Возникшее между ними взаимодействие, предметом которого является искомая книга, и есть культурное пространство. Информацию об особенностях этого процесса через десятилетия и века доносит каждый сохранившийся книжный памятник, являющийся отражением эпохи и впитавший ее дух. Например, положение наук в русском обществе XVII в. было таково: научный анализ западных ученых проникал и начинал осваиваться в технических, точных, естественных дисциплинах отечественными исследователями. Эти знания постепенно завоёвывали авторитет в государственно-политической, военной сфере, в промышленности, в светском образовании и др. Так, молодые А. Радищев и П. Чаадаев легко поверили в правоту ученых Европы об «отсталой России», надолго сохранив эту веру. Но выводы европейских ученых об отставании России опровергали М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, Д. И. Менделеев, А. С. Пушкин, опираясь на свои убеждения, аналитический опыт, жизненную практику, русско-российский гнозис⁷.

Этот пласт культурного и научного наследия, раскрывающий динамику трансформации культурного пространства, доступен историкам, культурологам через книжные памятники из библиотечных фондов. Дошедшие до нас документы – научные труды, описания открытий, диссертации – исторически сложившийся национальный фундамент российской культуры. Изучение книжных памятников в русле отечественных традиций сохранения культурного и научного наследия является неотъемлемой частью работы библиотек, нацеленной

на «...формирование единого культурного пространства, скрепленного системой общих духовных ценностей»⁸.

Знания и опыт, сохраненные в творческом и научном наследии, связанные с именами великих ученых, отражают ход истории, развитие культуры и научной мысли. Образ ученого будет неполным, если не привести здесь цитату об отечественных ученых и науке из речи М. В. Ломоносова: «...вскоренится и усилится рачение и превосходство остроумных сынов российских в высоких науках под щедрым покровительством Великой Елисаветы и сей пресветлый день пребудет образ, пример и поощрение к изъявлению истинных преимуществ и бесконечной благодарности господствующего учения в нашем Отечестве во все будущие роды»⁹.

Произведения М. В. Ломоносова, «энциклопедизм <которого> являет собой прототип современного культурологического знания»¹⁰ ценны с точки зрения различных историко-культурных аспектов. В доказательство приведем пример издания «Описание в начале 1744 года явившейся кометы купно с некоторыми учиненными об ней рассуждениями...»¹¹, которое относится одновременно к нескольким коллекциям БЕН РАН: фонд редкой книги; первые прижизненные издания ученых; книжные памятники, одновременно демонстрируя работу Ломоносова-ученого в качестве переводчика зарубежной научной литературы. Книга содержит владельческие знаки, из-за чего обладает дополнительными важными для исследователей истории науки и культуры характеристиками. На страницах издания мы неоднократно встречаем шрифтовой штемпель: «НАРЫШКИНСКАЯ / ОСОБАЯ БИБЛИОТЕКА». В 1890 г. на средства Э. Д. Нарышкина, занимавшегося просветительской и благотворительной деятельностью, в Тамбове учреждено единственное пока в стране Общество для устройства народных чтений, имеющее музей и особую библиотеку. Позже, высочайше утверждена Нарышкинская Читальня (городское здание, построенное на средства этого же благотворителя), куда, как известно, художник В. Д. Polenov передал отцовскую библиотеку. По убеждениям Ломоносова «мысль, ...приняв материальное обличие, становилась условием зарождения новых идей уже в других областях знания. Вещи, созданные человеком, вбирают в себя духовные качества».

Сквозь века проносит своеобразие российский феномен книжной культуры, благодаря хранящим историко-культурное наследие научным библиотекам. Издания ушедших лет описывают научные открытия, воссоздают картину исторических событий и этим дают основания современникам анализировать и выявлять закономерности в трансформации культурного пространства России.

Слова «русская народность дала гениев: в области поэзии – Пушкина и двух в науке – Ломоносова и Менделеева» принадлежат Ольге Эрастовне Озаровской – первой женщине, которую приняли на работу в Главную палату мер и весов на должность лаборанта¹². Ольга Озаровская окончила физико-математическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, работала лаборантом, выполняя задания Д. И. Менделеева, в том числе математические расчеты на счетной машине. Ученый в книге «Опытное исследование колебания весов» упоминает о вкладе Озаровской в проведении вычислений. Для потомков личность ученого, ее значение и влияние на культурное пространство

страны нередко остается скрытым за результатами научных трудов, величиной и масштабностью научных открытий. Написанные и изданные воспоминания современников, единомышленников и соратников, сохранившиеся в книжных памятниках, позволяют исследователям в полной мере осознать глубину и степень воздействия Личности ученого, его деятельности на формирование взглядов и социокультурную трансформацию общества. «Ведь и математический логик...обращается к содержанию, подготовленному для него историей. Историей науки, принципиально невозможной вне истории индустрии, техники, общественных форм труда, истории духовной культуры человечества...»¹³. Такими являются воспоминания О. Э. Озаровской. Изданные отдельной книгой в 1929 г., сохранились ее записи о том, каким был управляющий Главной палатой мер и весов при общении с сотрудниками, его привычках и человеческих качествах, царившей в Главной палате атмосфере. Две страницы занимает только одно перечисление научных титулов ученого. Озаровская писала: «На свою небольшую книгу я смотрю, как на посильный долг принести материалы для биографии Менделеева»¹⁴.

Следование лишь формальным категориям, устанавливающим требования к книжным памятникам соответствовать хронологическим критериям (для печатных изданий – до 1830 г.), создает риск остаться неизученным для массива научной литературы более поздней по временным параметрам. С целью охвата экспертизой подобных изданий введены социально-значимый и количественный критерии отнесения документов к книжным памятникам. К печатным изданиям с автографами, записями, пометами личностей, значимых для российской и/или мировой культуры, науки, истории относится и книга из редкого фонда БЕН РАН «Основы химии: с портретами Лавуазье и 14-ти других безсмертных химиков»¹⁵. Это иллюстрированное, гравированное издание 1895 г. из научного наследия Д. И. Менделеева – с автографом дарителя. На титульном листе имеется дарственная надпись (инскрипт) от 4 июня 1924 г., что позволяет, направив исследование в русло истории культуры, попытаться установить авторство. Далее представляется возможным проследить жизненный путь книги и людей, причастных к нему, на основе анализа скромных данных: «На память Глубокоуважаемому профессору Платону Сергеевичу Панютину от студента-медика К. М. Задерновского». Подобные материалы дают повод для культурологических и исторических исследований. Так, при подготовке сообщения найдена запись о военном враче 3 ранга Казимире Матвеевиче Задерновском, капитане медицинской службы, в картотеке медицинских работников электронного банка документов периода Великой Отечественной войны, составленном по материалам Центрального архива Минобороны России¹⁶.

Изучение и анализ сведений сохранившихся книжных памятников в своем роде воссоздает культурное пространство России, заставляя нас по-новому рассмотреть в лица ушедшей эпохи, осознать огромное значение отечественных социокультурных явлений, формирующих образы и культурные модели. «Форма ...обращений людей друг к другу и к самим себе хранит на протяжении веков их смысловую связность и сопричастность. Что и позволяет... в любой культуре...воспроизводить образный строй смыслов, существуя при этом

столь же реально»¹⁷, опираясь на отечественный фундамент из культурных и научных традиций, безмерной ценности знания, величие военных подвигов, сохранять и развивать культурное пространство России.

Примечания

¹ Астафьева О. Н. Теория и практика культурной политики: смыслы – образы – действия // Государственная служба. 2014. № 1 (87). С. 71–78.

² Лисицына И. А. Проектная деятельность публичных библиотек как инструмент культурной политики в мегаполисе : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. М., 2012. 25 с.

³ Лисицына, И.А. Социально-культурная значимость научных библиотек России // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 3. С. 27–30.

⁴ Приказ БЕН РАН от 04.12.2025 № 103 «Об утверждении методических рекомендаций по формированию фонда редких и ценных документов Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук».

⁵ О библиотечном деле: Федер. закон [принят Гос. Думой 23.11.1994] // Собрание законодательства РФ. 1995. № 1, ст. 2.

⁶ Культурология: люди и идеи. М.: Академический Проект; РИК, 2006. С. 259.

⁷ Аванесова Г. А., Миронов А. В. Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII – начала XXI вв.) // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 5. С.18.

⁸ Астафьева О. Н. Теория и практика культурной политики: смыслы – образы – действия. С. 71–78.

⁹ Ломоносов М. В. Рассуждение о твердости и жидкости тел ради торжественного праздника тезоименитства ее величества всепресветлейшие державнейшие великие государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийские в публичном собрании Императорской Академии наук сентября 6 дня 1760 года, читанное господином коллежским советником и профессором, Королевской Шведской Академии наук членом Михайлом Ломоносовым. СПб.: Имп. Акад. наук, 1760. 21 с.

¹⁰ Культурология: люди и идеи. М.: Академический Проект; РИК, 2006. С. 258.

¹¹ Гейнзиус Г. Описание в начале 1744 года явившейся кометы купно с некоторыми учиненными об ней рассуждениями : Чрез Готфрида Гейнсиуса Имп. Академии наук члена и профессора астрономии, причем на переди предложено сокращенное рассуждение о состоянии и свойствах всех комет переведенное из Шамберовой Циклопедии ; [Перевел М.В. Ломоносов]. СПб.: Имп. Акад. наук, 1744. 142 с.

¹² Озодовская О. Э. Д. И. Менделеев по воспоминаниям О. Э. Озаровской. М.: Федерация, 1929. 163 с.

¹³ Теоретическая культурология. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга; РИК, 2005. С. 138.

¹⁴ Озодовская О. Э. Указ. соч. 163 с.

¹⁵ Менделеев Д. И. Основы химии : с портретами Лавуазье и 14-ти других безсмертных химиков. 6-е изд. СПб.: Тип. В. Демакова, 1895. XVI, 780 с.

¹⁶ Память народа. URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/> (дата обращения: 16.02.2026).

¹⁷ Теоретическая культурология. С.136.

О. А. Старковская

Проблемы книгоиздания на миноритарных языках Ленинградской области

Статья затрагивает проблемы современного книгоиздания на языках коренных малочисленных народов Ленинградской области: водском, ижорском и вепсском. Автор рассматривает основные тенденции, в рамках которых осуществляется реализация издательских проектов, отмечая, что, несмотря на очевидные сложности, процесс не прекращается, что является положительным фактором, способствующим сохранению миноритарных языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Ключевые слова: водь, ижора, вепсы, водский язык, ижорский язык, вепсский язык, коренные малочисленные народы Ленинградской области, миноритарные языки, книгоиздание на миноритарных языках

Olga A. Starkovskaya

Problems of minority languages book publishing in the Leningrad Region

The article touches upon the problems of modern book publishing in the languages of the indigenous peoples of the Leningrad region: Votic, Izhorian and Vepsian. The author examines the main trends within these publishing projects are being implemented, and also mentions that despite obvious difficulties, the process does not stop, which is a positive factor contributing to the preservation of minority languages that are at risk of fading away.

Keywords: Vod, Izhor, Veps, Votic language, Izhorian language, Vepsian language, indigenous peoples of the Leningrad region, minority languages, publishing in minority languages

Ленинградская область – регион, как известно, многонациональный, это территория, где с давних времен соседствовали представители финно-угорских и славянских народов, образовав уникальный симбиоз культур, но сохраняя при этом свою самобытность. Однако в XX в. в связи с внутривнутриполитическими причинами не только традиционная культура, язык, но и само существование этносов оказалось под угрозой. Происходящие сегодня процессы урбанизации и глобализации довершили начатое в 30-х гг. прошлого века: количество представителей отдельных коренных народностей сократилось буквально до нескольких десятков человек. В Ленинградской области насчитывается сразу три таких этнических общности: это вепсы, ижоры и водь (вожане), все они включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

Древнейшими считаются вожане, которые проживают сегодня, главным образом, в Кингисеппском районе (Лужицы, Усть-Луга), они же являются и самыми малочисленными: по данным переписи 2021 г. общее количество вожан, проживающих на территории России, составило всего 99 человек¹. Родственные водь ижоры, ещё на рубеже XIX–XX вв. жившие, в том числе, и на Карельском перешейке, в настоящее время компактно расселились в том же Кингисеппском районе (Сойкинский полуостров). По результатам переписи их немногим больше – 210 человек². При этом говорить на родном языке могут далеко не все представители этих народностей: ижорский язык считают своим родным всего 76 человек, водский – 21³. Наименьшие опасения вызывает сохранность

вепсского языка. Несмотря на то, что этот язык до сих пор числится в группе риска, родным его признают 1276 человек (всего же вепсов, по данным переписи, насчитывается 4534 человека⁴)⁵. Сегодня представители этой народности проживают на территории Вологодской, востоке Ленинградской области и в республике Карелия. Следует обратить внимание на тот факт, что по разным оценкам, полученным в ходе полевых исследований, количество реально владеющих, т. е. использующих язык в быту, гораздо меньше. Так, согласно некоторым данным, водским языком реально владеет не более 7 человек⁶. Таким образом, среди названных миноритарных языков по уровню жизнеспособности, водский признаётся вымирающим, ижорский – крайне угрожаемым, а вепсский – угрожаемым⁷. Подобная ситуация связана не только с количеством этнического населения, но и с историческими условиями, а также с особенностями развития письменности. Вепсский язык стал обретать собственную письменность ещё в начале прошлого века (сначала на кириллице, потом – на латинице), а уже в 20–30-е гг. на нем было организовано школьное обучение, выпускались учебники. Та же ситуация наблюдалась и с ижорским языком, для которого в 1930-е гг. была создана письменность на основе латиницы⁸, с конца 1920-х до 1936 г. выходили буквари, грамматики, хрестоматии, учебники, в том числе и предметные: по географии и арифметике⁹, работали школы, где дети учились на родном – ижорском языке. К слову, в этих школах, т. е. на ижорском языке, учились и водские дети, чей родной язык вплоть до начала XXI в. оставался бесписьменным. Как известно, репрессивная политика государства по отношению к малым народам, проводившаяся со второй половины 1930-х гг. свела к нулю все обозначившиеся перспективы, и столетие спустя это привело к практически полному исчезновению носителей языка. Особенно удручающей представляется ситуация с водью и ижорой.

В силу вынужденной краткости настоящей статьи мы не будем подробно останавливаться на вопросах, связанных с научным изучением языка и культуры этих народов, они исчерпывающе описаны этнографами и краеведами на страницах научных журналов и в монографиях. Отметим только, что начала научного изучения финно-угорских народов Северо-Запада Российской империи были положены еще в XVIII и продолжены в XIX – начале XX вв. Среди трудов, посвященных этнографии и лингвистике, нельзя не вспомнить работы Ф. Туманского, А. И. Шегрена, П. И. Кёппена, Л. Кеттунена, Ф. И. Видемана, Дм. Цветкова. Подробный обзор и анализ этих материалов представлен в монографиях «Водь: Очерки истории и культуры»¹⁰ и «Ижора: Очерки истории и культуры»¹¹ О. И. Коньковой.

Лингвистические исследования ижорского и водского языков вплоть до конца прошлого столетия проводились, главным образом, финскими и эстонскими учёными (ижорским языком занимались финские исследователи, а водский, близкий восточно-эстонским диалектам, интересовал эстонских лингвистов). В начале XXI в. к исследованиям присоединились петербургские и московские лингвисты: М. З. Муслимов, Т. Б. Агранат, Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский, подготовившие к изданию целый ряд научных статей и монографий. С середины XIX в. собирается богатейший фольклорный материал. Внимание

ученых к водскому фольклору привлёк ещё Элиас Лённрот, который узнал от вожанки Анны Ивановой из дер. Каттила (Котлы) и записал 29 свадебных песен. А известные рунопевцы Ларин Параске, чей репертуар насчитывал более 1000 песен, и Онтропо Мельников принадлежали к ижорам. Работа по поиску, записи и публикации фольклорных материалов продолжается и в наши дни благодаря усилиям лингвистов, в частности, Т. Б. Агранат.

Этнографические и лингвистические исследования вепсов в настоящее время ведутся особенно активно в республике Карелия благодаря усилиям этнографов и лингвистов Петрозаводского государственного университета. Кроме того, в Петрозаводске работает издательство «Периодика», выпускающее книги, газеты и журналы, в том числе, на вепсском языке. Это, к примеру, газета *Kodima* («Родная земля»), учреждённая КРОО «Общество вепсской культуры», Правительством и Законодательным собранием республики, выходящая с 1993 г., а также детский иллюстрированный журнал *Kipinä*. Среди особо значимых книжных проектов издательства отметим карело-финский эпос «Калевала» в переводе на вепсский язык Н. Г. Зайцевой: первое, сокращенное, издание для детей вышло в свет в 2006 г., полный текст был издан в 2022 г. При издательстве работает Ресурсный медиацентр карелов, вепсов и финнов, организующий разного рода мероприятия, направленные на сохранения и популяризацию культуры и языка этих народов, в том числе, языковые курсы.

В Ленинградской области проблемами сохранения культурно-исторического наследия финно-угорских народов региона занимаются такие общественные организации как АНО «Центр коренных народов Ленинградской области» (ЦКНЛО), созданный в 2000 г. по инициативе и при активном участии выдающегося этнографа О. И. Коньковой (1958–2020), ижорская община «Шойкула», «Вепсская община». Истории и быту водского народа посвящены экспозиции частных музеев: они открыты в деревнях Лужицы (при «Центре водской культуры») и Моностырьки, а в сельском поселении Вистино работает Ижорский музей.

Переходя непосредственно к теме нашей статьи – проблемам книгоиздания на миноритарных языках Ленинградской области – отметим, что если благодаря столь удачному соседству с Карелией, а также активности карельских творческих, научных, издательских, региональных государственных и общественных организаций, состояние книгоиздания на вепсском языке вызывает минимальные опасения, сказать то же самое о водском и ижорском языках никак нельзя. И тем не менее, несмотря на столь очевидную малочисленность, представители води и ижоры пытаются участвовать в деле сохранения и популяризации своего культурно-исторического наследия и языка посредством разного рода проектов, в том числе издательских.

Рассмотрим книжный репертуар на этих языках более подробно. Он представляет собой, главным образом, публикации фольклора на параллельных языках, а также учебную языковую литературу.

Первыми изданиями на водском языке стали фольклорные сборники: «Vadda Kaazgot. Водские сказки» (2004), подготовленные коллективом авторов: М. З. Муслимовым, Е. П. Кузнецовой, Т. В. и С. К. Ефимовыми, и «Предания и сказки водского народа. Vad'd'aa rahvaa jutud ja kaazgad» (2009), составленное

О. И. Коньковой и выпущенное в академической серии «Фольклор коренных народов Ленинградской области» Музея антропологии и этнографии (МАЭ) РАН. Оба издания с параллельным текстом. Публикация фольклора продолжилась в серии «Культурное наследие коренных народов Ленинградской области» ЦКНЛО изданием книги «Старинные песни води и ижор» (2020). Составитель – О. И. Конькова.

В то время самой главной задачей была подготовка современных учебных пособий для изучения языков. Первыми учебниками стали самоучители В. М. Чернявского по ижорскому (2005) и водскому (2008) языкам. В 2013 г. О. И. Конькова совместно с Н. А. Дьячковым, сотрудником Ижорского музея, автором русско-ижорского разговорника (2021), приступили к созданию и изданию учебников водского и ижорского, которые стали основой для первых открывшихся в то время курсов. При содействии МАЭ РАН были изданы сразу два учебных пособия: «Vad'd'a seeli: учебное пособие по водскому языку» (2014) и «Inkeroin keel: учебное пособие по ижорскому языку» (2014). В 2017–2020 г. были подготовлены новые учебно-методические пособия и рабочие тетради, предназначенные для начинающих и детей, их раздавали бесплатно участникам языковых курсов в Вистино, Лужицах и Усть-Луге. Последним учебным изданием на водском стал букварь «Vadda sonakopittaja» Т. Б. Агранат и З. А. Савельевой, вышедший в издательстве «Инкери» (2025).

Фольклор и традиции ижорского народа нашли отражение в целом ряде изданий. Например, «Luomisruno. Руна о сотворении мира» с иллюстрациями А. Н. Ваганова (2018), сказка Д. Н. Ткачева «Путь к волшебству. Matka noijidoksen maailmaa» (2020), руна «Добывание небесных светил. Paivin ja kuun saamin» (2021), одним из последних изданий является сборник песенного наследия ижор «Напевы Сойкинского края. Soikkolan maan lauluja» (2021). Во всех изданиях тексты параллельные: русский и ижорский.

Безусловным свидетельством того, что язык жив, являются создаваемые на нём литературные произведения. В качестве доказательства тому стал опубликованный в 2025 г. стихотворный сборник на ижорском языке «Suvattu keeleel. На любимом языке», тираж которого составил всего 100 экземпляров. Часть произведений – авторские, созданные на различных диалектах ижорского языка, другая часть – переводы стихотворных произведений русских и зарубежных поэтов. Текст, разумеется, параллельный. В сборник вошли произведения Льва Бабурина, Андрея Киркконена, Жанны Степановой, Сергея Кузнецова, Кеши Блантера.

Ещё одним важным свидетельством жизнеспособности миноритарных языков и этнокультуры малых народов Ленинградской области является их вовлеченность в общий культурный диалог финно-угорского мира России, которая находит отражение и в полиязычных издательских проектах. К примеру, «Fugrics: Комиксы из финно-угорского мира» (2020), книга петрозаводского издательства «Периодика», куда вошли т. н. стрипы (т. е. короткие комиксы), созданные карелами, финнами, коми, саамами, мари, сето, эрзя и мокша, а также вепсами, вожанами и ижорами. Нельзя не отметить и проект М. С. Мигукина, при участии М. Ю. Кузнецова – параллельное иллюстрированное издание

сказки Л. Н. Толстого «Три медведя» (2025) на 5 языках: водском, ижорском, вепсском, карельском и энецком. К подобного рода проектам стоит отнести сборник ингерманландского фольклора «И у смеющегося сердце скорбит. Naigavankii syvan surgo» (2025), выпущенный издательством «Инкери», с параллельным текстом на русском, ижорском и ингерманландском диалекте финского языка.

Вот, пожалуй, и всё, что можно представить в качестве репертуара книжных изданий на водском и ижорском языках. Обратим внимание, что в нем нет ни газет, ни, тем более, журналов – слишком малочисленна аудитория. К слову, с 2005 по 2011 гг. АНО «Общество водской культуры» выпускало русскоязычную газету *Maaväci* («Люди земли»), лишь отдельные материалы которой публиковались на водском. Газета выходила нерегулярно, за 6 лет в свет вышло 13 ее номеров.

Итак, начало книгоизданию, по крайней мере, на водском и ижорском языках было положено в первом десятилетии XXI в. Книги на вепсском стали выходить значительно раньше, с конца 80-х гг. прошлого века, но не в нашем регионе, а в Карелии, где на тот момент уже активно работали вепские авторы и переводчики.

Значительный вклад в издательский процесс внесла О. И. Конькова, которая стала не только автором многочисленных статей, монографий по этнографии коренных народов, учебных пособий по их языкам, составителем и редактором фольклорных сборников и научно-популярных серий, но еще и идейным вдохновителем, а также непосредственным организатором проектов разного уровня. При жизни Ольги Игоревны, а она ушла от нас в 2020 г., все издательские начинания носили системный, плановый характер, их отличали серьезная научно-исследовательская база и высокий уровень подготовки изданий. Благодаря незаурядной энергии и выдающимся организаторским качествам О. И. Коньковой удалось сделать главное – начать выпуск книг на почти забытых языках и сделать это в высшей степени профессионально. К сожалению, сегодняшние книгоиздательские инициативы носят спорадический характер, значительно сократились тиражи изданий, что обусловлено, в первую очередь, отсутствием массового спроса и экономическими сложностями. Как мы заметили, большинство проектов являются некоммерческими и часто осуществляются исключительно за счёт средств авторов или спонсорской поддержки. Интерес читателей и покупателей к ним невелик и зачастую органичен лишь носителями языка и обучающимися на курсах, краоведами и этнографами-любителями, коих очень мало. Отсюда проистекает и проблема отсутствия общедоступной системы распространения изданий, большинство из которых не поступают в торговую сеть, а распределяются через местные библиотеки¹², школы, языковые курсы, ЦКНЛО и другие общественные организации, объединяющие представителей малых народностей. Справедливости ради отметим, что многие из упомянутых выше изданий доступны в РНБ, научной библиотеке МАЭ РАН, Библиотеке национальных литератур МЦБС им. М. Ю. Лермонтова и других массовых библиотеках. Почти все имеют ISBN.

Еще одна проблема заключается в том, что конкретными вопросами сохранения и популяризации наследия малых народов на местах занимаются лишь

несколько энтузиастов, которые одновременно ведут и музейные, и творческие, и издательские проекты, а еще поддерживают жизнеспособность своих этнических сообществ¹³. Очевидно, что ни сил, ни времени на все не хватает. Иногда на помощь приходят петербургские краеведческие издательства, к примеру, «Инкери», принимавшее участие ещё в реализации некоторых проектов О. И. Коньковой. Из самых последних осуществлённых инициатив стоит упомянуть водский букварь, а также собственный коммерческий проект издательства – сборник ингерманландского фольклора, о них шла речь выше. При этом надо понимать, что такое сотрудничество с издательствами в результате выводит книжную продукцию из некоммерческой ниши и способствует ее удорожанию. Еще один вариант – издание книг на средства авторов, реализованный, к примеру, в упомянутом проекте М. С. Мигукина и М. Ю. Кузнецова. Однако и этот путь не является самым удачным с точки зрения выпуска малотиражной книги, поскольку себестоимость издания и, как следствие, отпускная цена (если издание планируется к продаже) будут весьма высоки, особенно учитывая то, что в рассматриваемой нами ситуации тиражи не распространяются через общедоступную розничную торговлю.

Таким образом, вопросы функционирования и оптимизации издательского процесса в рамках миноритарных языков – проблема комплексная. Безусловно положительным фактором представляется то, что книги продолжают издаваться, несмотря на объективные сложности, это необходимо для сохранения языков и культуры исчезающих народов. Очевидно и то, что в силу особенности этих языков (малое количество носителей), книгоиздание на них так и останется малотиражным и некоммерческим, а репертуар не будет разнообразным. Но надо понимать, что в данном случае издание книг – вопрос отнюдь не экономической выгоды, это вопрос социальный, и для его решения необходимо прийти к системности книгоиздания (т. е. тщательному предварительному планированию и стабильному финансовому обеспечению проектов) и книгораспространения. Подобная эффективная система существует и успешно работает в республике Карелия, благодаря чему представители вепсского народа могут читать не только книги, но и периодику на своём родном языке.

Издавать книги на исчезающих языках необычайно сложно, но это очень важное дело, особенно сегодня, когда сохранение этнокультурной самобытности народов России становится одной из приоритетных задач всего общества. В рамках ее решения активно работают курсы по изучению водского, ижорского и вепсского языков. Методические разработки в этой сфере (в том числе консультации, которые ежегодно посещают порядка 160 человек¹⁴) осуществляет РГПУ им. А. И. Герцена. Продолжаются лингвистические исследования. Организуются массовые мероприятия, творческие конкурсы и фестивали разных уровней: от районных до всероссийских. В нашем регионе действует Комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области, который в 2022 г. разработал План мероприятий по проведению <...> Международного десятилетия языков коренных народов, куда, помимо прочего, вошли также мероприятия в сфере книгоиздания¹⁵. Внимание современного общества к материальной и духов-

ной культуре народов, населяющих нашу страну, чрезвычайно велико, и мы надеемся, что предпринимаемые государством меры поддержки положительным образом скажутся на издательской активности представителей коренных этносов Ленинградской области и будут способствовать появлению и реализации новых инициатив в этой сфере.

Примечания

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками (по состоянию на 31.12.2022) // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 26.01.2026).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Данные, представленные на сайте Комитета по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области, уточняют количество коренного малочисленного населения, проживающего в области, на 2020 г.: вепсы – 951 чел., ижоры – 124 чел., водь – 42 чел.

⁵ Там же.

⁶ Богданов И. С. Сохранение водской нематериальной культуры в постсоветский период // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2024. № 3. Т. 26. С. 274–291.

⁷ Агранат Т. Б. Миноритарные языки Европейской части России с точки зрения критериев витальности ЮНЕСКО // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 324–350.

⁸ В настоящее время в письменных ижорском и водском языках используется латиница.

⁹ Большинство из них были выпущены издательством *Kirja*, работавшим с 1923 по 1937 гг. в Ленинграде и Петрозаводске.

¹⁰ Конькова О. И. Водь: Очерки истории и культуры. СПб. 2009. 252 с.

¹¹ Конькова О. И. Ижора: очерки истории и культуры. СПб. 2009. 248 с.

¹² Отметим значительную роль сельских библиотек, например, Вистинской и Кузёмкинской, в деле сохранения и популяризации культуры малых народов.

¹³ Это руководитель Центра водской культуры М. П. Ильина и сотрудник водского музея М. А. Петрова, руководитель общины «Шойкула» Д. В. Харакка-Зайцев, сотрудник Ижорского музея Н. А. Дьячков.

¹⁴ Коренные малочисленные народы Ленинградской области // Комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области : офиц. сайт. URL: <https://msu.lenobl.ru/ru/programmy-i-plany/napravleniya-raboty/mezhnacionalnye-i-mezhkonfessionalnye-otnosheniya/korennye-malochislennye-narody-leningradskoj-oblasti/> (дата обращения: 27.01.2026).

¹⁵ Там же.

Д. А. Лисенко

Аспекты процесса создания книги в фан-сообществе

Издания, создаваемые фан-сообществами, по-прежнему малоизучены, особенно это касается процессов их создания. Рассмотрен аспект выбора темы фаниздания и распределения тем отдельных произведений, предназначенных для фаниздания. Приводятся несколько способов такого распределения, в их числе – недавно появившееся «гача»-распределение, отражающее игривый подход фанов к созданию фаниздания.

Ключевые слова: книговедение, фаниздание, фанзин, создание книги, видеоигры, гача-игры

Daria A. Lisenko

Aspects of the book creation process in fan communities

Books that are made by fan communities are still little-researched, especially it applies to the processes of their creation. The aspect of a fan book's topic choice is considered, as well as assigning topics of individual works created for a fan book. Several types of such assignment are shown, among them the recently-appeared gacha assignment that shows fans' playful approach to fan book creation.

Keywords: book studies, fan book, fanzine, book creation, video games, gacha games

Отношения фан-сообществ с произведениями, на которые направлен их интерес, а также произведения, создаваемые поклонниками на основе других произведений, рассматриваются с разных сторон. Так, в зарубежных исследованиях фан-сообществ выделяются три основные волны подходов¹: наиболее ранняя характеризовалась взглядом на фан-сообщества как маргинализованные группы, активно противостоящие медиаиндустриям и навязываему ими пониманию того или иного произведения. Вторая волна в противоположность первой предполагала, что фан-сообщества и деятельность фанов являются отражением культурных и социальных иерархий, а не только сопротивлением им. Третья – текущая – волна характеризуется распадом прежде единой области на пересекающиеся и взаимодополняющие исследования на стыке наук и подходов, а также интересом к индивидуальному фану, его интересам, желаниям и удовольствию.

Первые исследователи, такие как Генри Дженкинс, посвящали свои работы изучению поклонников телесериалов – так, наиболее ранним фанзином в смысле издания произведений «по мотивам» считается фанзин 1967 г., посвященный сериалу «Звездный путь», – но в настоящее время исследуется более широкий спектр медиапроизведения.

Среди них стоит выделить видеоигры. Еще в 2009 г. Н. Е. Wirman определила несколько видов продуктивности игроков (игра как продуктивность, инструментальная продуктивность, экспрессивная продуктивность, использование игр как инструментов, продуктивность как часть игрового процесса), замечая, что видеоигры сами по себе способствуют созданию чего-либо, так как по своей природе интерактивны². В «Энциклопедии видеоигр» (Encyclopedia of Video Games) это названо со-творчеством (co-creativity) игроков и разработчиков игр³. Появление фан-произведений на их основе закономерно, однако

исследования фанизданий как одного из видов (или формы) таких произведений по-прежнему недостаточны. Причины этого не являются предметом настоящей работы, но стоит отметить, что даже в 2021 г. С. Сокер заметила – в отношении отдельно к изданиям фанфикшена, но это справедливо и по отношению к другим появляющимся в изданиях произведениям, – что уклон в изучении фантекстов все еще литературоведческий и социологический, что издания не исследуются, собственно, как издания⁴. В обзорной работе Л. О. Алгави и А. В. Харченко фанфикшен, во-первых, тоже представлен как основной вид фанатского творчества и, во-вторых, рассматривается только как текст (иногда в сопровождении других текстов, таких как комментарии)⁵. Тем более не рассматривается взаимоотношение фанизданий (а не только текстов в них) и оригинального произведения с точки зрения влияния формы одного на другое. Медиа – окончательная форма, в которую облечено содержание, – существует постольку-поскольку в таких исследованиях, как способ обнародования, с помощью которого можно получить доступ к интересующему ученого тексту, за исключением фан-переpletов, которые однако же рассматриваются в контексте индивидуального сохранения фан-произведений⁶, этики и мотивации их создания⁷, а также их дизайна⁸, а не как собственно книга.

Нужно отметить, что фан-переpleты обычно создаются в очень ограниченном количестве экземпляров, чаще всего двух (для переpleтчика, который и является инициатором создания печатной формы, и для автора того фан-текста, который переpleтается), в отличие от фанизданий, которые более приближены к традиционному изданию; кроме того, часто переpleтаемый фан-текст существует до создания переpleта как самостоятельное произведение, тогда как для фанизданий произведения создаются специально (впрочем, явно выраженного требования присылать в фаниздание только ранее нигде не опубликованные работы нам никогда не встречалось).

Фаниздания, хотя и предназначены для узкого круга («узкого» не в смысле немногочисленности этого круга – некоторые популярные произведения насчитывают тысячи поклонников, – а в смысле, что это аудитория конкретно данного медиапроизведения, которая интересуется фанизданиями), тем не менее более «публичные», чем фан-переpleты или просто фанфикшен и фанарт. Под этим мы подразумеваем, что их аудитория – это, с одной стороны, не один-два человека (как в случае с фан-переpleтами) и, с другой стороны, не случайные поклонники, которые могут и вовсе никогда не найти конкретное произведение (в случае отдельных произведений фанфикшена и фанарта). Это аудитория как минимум самих членов коллектива и более широкая аудитория фанов, которые заранее знают о том, что издание готовится к выходу. Более того, коллектив может предполагать размер аудитории и ее запросы еще до выхода издания: для этого перед созданием фаниздания проводится опрос интереса (обычно в виде онлайн-анкеты), который включает возможность опрашиваемого отметить желание участвовать в проекте в качестве читателя (нередко эта роль так и обозначается «supporter», т. е. тот, кто поддерживает издание). Однако, как и в случае с индивидуальными фан-произведениями, направленность на себя – на собственное удовольствие от процесса творчества, на комму-

никацию с собой – является, на наш взгляд, значительной и влияет на процесс создания таких изданий, причем не только на уровне индивидуальном и подсознательном, но и на уровне организационном.

Одним из таких аспектов организации является выбор темы как в целом, так и для конкретного произведения в составе издания. Выбор общей тематики фаниздания может строиться исходя из различных подходов. В отличие от создателей официальных производных изданий (официальных артбуков, новеллизаций и проч.), где содержание, вплоть до деталей сюжета, оформления, количества изображений и т. п., определяется правообладателем или создается совместно с ним, коллективы фанизданий абсолютно свободны: общая тематика может быть ограничена конкретной сюжетной темой (альтернативные варианты концовки), реальным внесюжетным событием (юбилеем выхода игры, основания студии разработчика), отдельным персонажем, внутриигровым регионом, жанровыми ограничениями (карты Таро с персонажами) и проч. Также встречаются издания, содержание которых можно охарактеризовать как «все что угодно» – в них принимаются произведения без предварительного отбора за исключением соответствия требованию быть «по мотивам» конкретного произведения и/или общей широкой теме (девочки-волшебницы), а также техническим требованиям.

Однако если принцип выбора общей тематики прозрачен (или по крайней мере может быть выявлен по общему описанию будущего издания, требованиям к присылаемым работам и т. д.) и определяется задумкой организаторов, предстоящими юбилеями или запросами аудитории (посредством опроса интереса), то детали внутренней работы, процесса создания издания обычно мало доступны исследователям. В числе таких процессов – способ распределения работ по авторам. Под авторами в данном случае подразумеваются все участники коллектива, создающие какое-либо завершенное произведение для фанзина вне зависимости от его формы, обычно это отдельные художественные тексты и рисунки или иллюстрации к текстам. В противоположность этому технические и оформительские работы (верстка, ведение аккаунтов в социальных сетях – чаще всего это работы, требующие уже существующих навыков и иногда даже подтверждения этих навыков в виде портфолио) обычно заранее четко распределены единственным способом – назначением (или самоназначением) исполнителя работ.

Фаниздания, собирающие произведения по принципу «все что угодно», обычно не требуют от участников предуведомления о том, что именно они будут создавать, – и даже предуведомления, собственно, об участии. Необходимо только в определенный срок выслать саму работу и сведения об авторе.

Другой способ – темы произведений заранее определяются модераторами, перед тем как известен авторский состав, затем уточняются при обсуждении с авторами и распределяются между ними. Модераторы могут также более четко определить необходимое количество произведений и их форму: например, некоторое количество текстов на конкретные темы, несколько иллюстраций к ним и список необходимых отдельных изображений, не связанных с текстами.

Зеркальный вариант – авторы при подаче заявки на участие или уже после принятия заявки модераторами предлагают свои темы, которые утверждаются модераторами. В таком случае общая тема издания также может быть предложена авторами при подаче заявки на участие или выбрана авторами из списка predetermined модераторами.

Автор настоящей статьи участвовал в создании фанизданий с использованием обоих вариантов «контролируемого» способа назначения работ. При таком способе – особенно в его первом варианте – модераторам проще планировать состав и композицию издания, а авторам – создавать произведения, не боясь несоответствия изданию или невозможности найти хорошую идею. Можно предположить, что первый вариант этого способа является наиболее распространенным.

Однако в последние 2–3 года стала встречаться новая разновидность, появление которой мы можем объяснить влиянием оригинальных произведений – видеоигр. Это «гата»-распределение: некоторый набор тем (например, отдельных персонажей, которым должно быть посвящено будущее произведение) является пулом, из которого для каждого автора случайным образом выбирается и назначается тема.

Следует отметить несколько моментов. В первую очередь это само название. В заявках на участие в проекте или в сведениях о проекте этот способ так и называется «гата» (gacha), реже «рандомное/случайное» (RNG – random numbers generator) распределение. Оба термина пришли из видеоигр. Так, RNG обозначается не только собственно некий генератор случайных чисел, но и в принципе алгоритм или игровая механика «случайного» выпадения результатов: например, при окончании сражения в игре список получаемых предметов определяется случайно из некоего пула, возможно, с различной вероятностью выпадения для каждого конкретного предмета. Если не выпал желаемый предмет, игрок может сказать: «RNG меня сегодня ненавидит».

Gacha («гача» или «гата») – механика в видеоиграх, которая позволяет игроку за игровую валюту (которую в том числе можно купить за реальные деньги) получить возможность «вытянуть» определенный приз: игрового персонажа, предметы и т. п.

Являясь успешной моделью привлечения денежных средств игроков (согласно одному исследованию, хотя и с небольшой выборкой (713 респондентов), чем больше лет игрок проводит в такой игре, тем больше времени в день он проводит за ней и тем больше денег тратит⁹), гата и схожие модели (такие как лутбоксы), основанные на случайности, подвергаются критике, однако их статус, в том числе правовой, неоднозначен. Так, например, в работе D. Leahy 2022 г.¹⁰ обозреваются сложности изучения феномена: тогда как некоторые исследования утверждают, что лутбоксы определенно являются формой азартных игр, другие указывают на возможную связь между лутбоксами и игровой зависимостью, но неоднозначных доказательств того, что лутбоксы ведут к зависимости, не находят. Такая связь важна для правового регулирования и защиты уязвимых игроков от хищничества создателей игр. Например, в Бельгии лутбоксы были запрещены в 2018 г. как форма азартных игр, однако в Нидерлан-

дах, после нескольких лет различных правовых исследований, в 2022 г. было сделано заключение, что лутбоксы являются только частью той или иной игры, но не сами по себе азартной игрой. В исследовании, опубликованном в 2025 г., утверждается, что настройка вероятности выпадения желаемого приза (в данном исследовании – сильного персонажа) помогает избежать развития пристрастия игроков¹¹, т. е., возможно, стоит исходить из того, что сама гатя-механика не является проблемной, но проблемно ее конкретное воплощение.

О. Woods в работе 2022 г.¹² утверждает, что одной из причин, по которой гатя-игры привлекательны, является удовлетворение эстетических потребностей и потребностей в самовыражении игроков. Косметические предметы, позволяющие изменять персонажей, часто встречаются среди призов, которые выпадают в гатя-играх, а получение редкого предмета может поднять статус игрока в сообществе или самооценку игрока.

Среди наиболее популярных гатя-игр – Genshin Impact (2020) от китайского разработчика miHoYo; эта игра бесплатно за исключением гатя-механики, и она заработала 2 млрд долларов США только на мобильных платформах в первый же год выпуска¹³. За ней последовали Honkai: Star Rail (2023) того же разработчика, Wuthering Waves (Kuro Games, KHP, 2024) и другие.

Второе, что нужно отметить, – это факт заимствования механики случайного выпадения темы. Использование этой «механики» добровольное: при подаче заявки на участие автор может отказаться от случайного выбора темы. Сам метод, конечно, проще, чем он представлен в видеоиграх: темы в списке можно предположить, имеют равный шанс выпадения, тогда как в играх более ценные предметы имеют меньший шанс выпадения (что и может побуждать игроков снова и снова пытаться получить желаемый предмет).

Факт использования и при этом называние данной особенности тем же термином, которым подобная механика называется в играх, отражают, на наш взгляд, «философию игровости» (P. Booth), характерную для современных фан-сообществ. Они «играют» не только в смысле отношения к оригинальным произведениям как к игрушкам, которыми можно манипулировать по своему вкусу, создавая что-то свое, но и с самими формами такого создания, со своими медиа.

Примечательно, что найденные нами фаниздания, которые использовали этот прием, были посвящены именно Genshin Impact. Однако еще более интересно, что нам встретилось фаниздание с этим опциональным способом распределения работ, которое не только не посвящено видеоигре с гатя-механикой, но и вовсе не связано с видеоиграми – оно создавалось по сериалу *Stranger Things*.

Несмотря на негативный ореол вокруг самой модели, коллективы отказались бы от этого названия, если бы участники относились к нему однозначно негативно. Можно предположить, что для поклонников гатя-игр использование гатя-распределения – не только и не столько возможность приобщиться к внутренним особенностям механики. Участники, очевидно, понимают, что распределение работает не так, как работает сама механика в играх. Кроме того, у модераторов проекта нет задачи «заставить» автора пытаться вытянуть желаемую тему снова и снова. Но это способ самим себе напомнить о том, ка-

кой игрой они вдохновляются, это некая «шутка для своих». Возможно, для некоторых участников это также возможность противодействия токсичности (воспринимаемой как мнение извне или осознаваемой самостоятельно) данной модели, ее «браконьерство» (roaching в терминах ранних работ Г. Дженкинса), присвоение и переименование для собственного удовольствия.

Наконец, наиболее существенно то, что читатель, знакомясь с выпущенным изданием, об этой внутренней «механике» может даже не подозревать. Если причины использования игроками гатя-механики в видеоигре могут быть связаны с желанием завершить коллекцию, улучшить свой статус с помощью демонстрации редкого предмета или с желанием эстетического наслаждения визуальным украшением персонажа, то при участии в издании мотивация, скорее всего, чисто игровая – наслаждение шуткой, удовольствие от самого предвкушения того, что может выпасть, – и, возможно, также желание упражняться в своем выбранном мастерстве: выпасть может тема или персонаж, которых до этого автор в своем творчестве не затрагивал. Произведение, созданное в результате такой игры, вряд ли будет отличаться от произведения, которое автор создал бы, если бы сознательно выбрал определенную тему. Но для выбирающих авторов – и, надо полагать, для предлагающих такой вариант модераторов проекта, – эта игра важна сама по себе, как еще один элемент связи членов сообщества друг с другом (играющих в одну и ту же игру и в процессе создания коллективного фаниздания) и как связь с оригинальным произведением.

Для исследования данного предположения можно в дальнейшем провести интервью с участниками таких проектов или анкетирование членов сообществ, которые не связаны с гатя-играми, но которые участвовали или хотели бы участвовать в создании фанизданий, уточняя, насколько знаком и интересен был бы для них такой способ распределения работ между авторами.

Появление «гатя»-распределения в фанизданиях является примером того, как поклонники осознают не только сюжетные детали произведения, но и жанровые и другие особенности, встраивают их в процессы – что характерно, в данном случае «аналоговые» в противоположность цифровой природе видеоигр – создания фанизданий, получая удовольствие от этих процессов.

Примечания

¹ Sandvoss C., Gray J., Lee Harrington C. Introduction // *Fandom: Identities and Communities in a Mediated World*. Second Edition. New York: New York University Press, 2017. P. 2–7.

² Wirman H. On productivity and game fandom // *Transformative Works and Cultures*. 2009. Vol. 3. URL: <https://journal.transformativeworks.org/index.php/twc/article/view/145> (дата обращения: 15.01.2026).

³ Wirman H. E. Co-creativity // *Encyclopedia of Video Games: The Culture, Technology, and Art of Gaming*. 2nd Edition. Santa-Barbara ; Denver : Greenwood, 2021. P. 177–179.

⁴ Coker C. Defining fan fiction: an exercise in archival and historical research methods // *A Fan Studies Primer: Methods, Research, Ethics* / P. Booth and R. Williams (eds.). Iowa City : University of Iowa Press, 2021. P. 179–192.

⁵ Алгави Л. О., Харченко А. В. Феномен фанатского творчества: основные направления изучения // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 3. С. 531–541.

⁶ Kennedy K. Fan Binding as a Method of Fan Work Preservation // *Transformative Works and Cultures*. Special issue "Fandom Histories". 2022. No. 37. URL: <https://journal.transformativeworks.org/index.php/twc/article/view/2107/2937> (дата обращения: 18.01.2026).

⁷ Buchsbaum S. B. Binding Fan Fiction and Reexamining Book Production Models // *Transformative Works and Cultures*. Special issue "Fandom Histories". 2022. No. 37. URL: <https://doi.org/10.3983/twc.2022.2129> (дата обращения: 18.01.2026).

⁸ Jacobs N., Lowe JSA. The Design of Printed Fan Fiction // *Transformative Works and Cultures*. 2024. No. 43. URL: <https://doi.org/10.3983/twc.2024.2547> (дата обращения: 18.01.2026).

⁹ Lakić N., Bernik A., Čep A. Addiction and Spending in Gacha Games // *Information*. 2023. No. 14. Article 399. URL: <https://doi.org/10.3390/info14070399> (дата обращения: 30.01.2026).

¹⁰ Leahy D. Rocking the Boat: Loot Boxes in Online Digital Games, the Regulatory Challenge, and the EU's Unfair Commercial Practices Directive // *Journal of Consumer Policy*. 2022. Vol. 45. P. 561–592. URL: <https://doi.org/10.1007/s10603-022-09522-7> (дата обращения: 18.01.2026).

¹¹ Thavamuni S., Khalid M. N. A., Iida H. Inherent Addiction Mechanisms in Video Games' Gacha // *Information*. 2025. No. 16. Article 890. URL: <https://doi.org/10.3390/info16100890> (дата обращения: 30.01.2026).

¹² Woods O. (2022). The affective embeddings of gacha games: Aesthetic assemblages and the mediated expression of the self // *New Media & Society*. 2022. Vol. 26. Iss. 2. P. 823–838. URL: <https://doi.org/10.1177/14614448211067756> (дата обращения: 18.01.2026).

¹³ Orr A. Genshin Impact generates \$2 billion on mobile in its first year // *PocketGamer.biz*. 2021. 30 Sep. URL: <https://www.pocketgamer.biz/genshin-impact-mobile-2-billion-year-one/> (дата обращения: 18.01.2026).

А. В. Сапанжа

Литературная карта как инструмент развития читательской активности подростков в общественных библиотеках

Литературная карта является эффективным инструментом развития читательской активности подростков. В общественных библиотеках Санкт-Петербурга особенно большое распространение получили литературные карты, отражающие жизнь и творчество отечественных писателей и поэтов-классиков. Рассматривается методика и программное обеспечение создания литературной карты, посвященной Н. В. Гоголю и предназначенной для подростковой аудитории.

Ключевые слова: общественная библиотека, читательская активность, подростковая аудитория, форматы продвижения чтения

Anna V. Sapanzha

Literary Map as a Tool for Developing Reading Engagement among Teenagers in Public Libraries

A literary map is an effective tool for developing reading engagement among teenagers. In public Saint-Petersburg's public libraries literary maps reflecting the life and work of Russian classical writers and poets have become especially widespread. The paper examines the methodology and software for creating a literary map dedicated to N. V. Gogol and intended for a teenage audience.

Keywords: public library, reading engagement, teenage audience, reading promotion formats

Приобщение подростков к чтению литературы в цифровую эпоху является одной из наиболее острых проблем, находящейся в фокусе внимания как отечественных исследователей, так и библиотечарей-практиков¹.

Общедоступными библиотеками Санкт-Петербурга накоплен большой опыт приобщения подростков к чтению на основе продвижения литературного творчества отечественных писателей и поэтов-классиков. Наиболее эффективными и способствующими развитию читательской активности подростковой аудитории являются экспозиционная, экскурсионная, программно-проектная, игровая деятельность, организация читательских конференций, викторин, квестов, квизов моно-тематического и политематического характера.

В качестве инструмента продвижения художественных произведений писателей и поэтов – классиков широко используются электронные литературные карты. Они получили большое распространение в библиотеках различной типо-видовой структуры: национальных, центральных библиотеках субъектов нашей страны, городских, общедоступных, вузовских, детских, школьных и др.².

Литературная карта, ориентированная на трансляцию подросткам идей и смыслов, заложенных в художественном произведении, всегда разрабатывается с учетом социально-психологических особенностей подростковой аудитории, ее подготовленности к восприятию содержания текстов отечественных классиков. Использование литературной карты в ходе приобщения к чтению стимулирует интеллектуальное развитие подростков, обеспечивает их чувственно – эмоциональную включенность в поднимаемые в художественном произведении проблемы, содействует формированию критического мышления.

Отечественные писатели – классики нацелены на отражение гуманистических идей и явлений, что позволяет молодым читателям, обратившись к их трудам, найти ответы на самые разнообразие этические вопросы. В этой связи литературная карта должна обладать дидактическими и воспитательными средствами воздействия на подростков, побуждать к обсуждению намерений и поступков героев, основных и вспомогательных сюжетных линий, а также, что не менее важно, подводить к анализу исторического и культурного контекста, отраженного в произведении, т. к. литература всегда функционирует в историческом времени и культурном пространстве.

Исследователи отмечают, что основными функциями литературных карт являются информационная, образовательная и досуговая³.

Информационная функция позволяет подросткам получить новые знания о жизни и творческом пути писателя, способствует восприятию его творчества в общем литературном процессе, позволяет вписать содержание художественных произведений в более широкий исторический, социальный и культурный контекст. Образовательная функция способствует более глубокому постижению нравственных, моральных качеств и фундаментальных ценностей человека. Досуговая функция литературной карты особенно ярко проявляется в ходе массовой и групповой работы библиотек, когда она интегрируется в краеведческие и литературно-художественные программы и проекты.

Нами был разработан электронный информационный ресурс краеведческого характера «Жизнь и творчество Н. В. Гоголя в Петербурге: литературная карта», который позволил собрать, проанализировать и систематизировать информацию о жизни и творчестве Н. В. Гоголя в период его жизни в Петербурге с 1928 г. по 1936 г.

В ходе разработки литературной карты мы стремились соответствовать ряду требований, которые, с нашей точки зрения, будут способствовать повышению уровня восприятия подростками информации о Н. В. Гоголе и мотивировать к прочтению художественных произведений писателя. Среди них: полнота информации по теме; структурированность и наличие внутренних ссылок, как средства, способствующего получению большего объема знаний по заинтересовавшему подростка аспекту жизни и творчеству писателя; использование эффективных программных средств: конструктора сайтов, графического редактора интерфейса и др.; соблюдение баланса между текстом (лаконичность и точность изложения материала), наличие анимации (ее функциональность, соответствие содержанию раздела).

Электронный ресурс был разработан на основе использования функциональных возможностей конструктора сайтов Tilda и графического редактора Figma, позволившего создать интерфейс литературной карты.

В структуре литературной карты выделены следующие разделы: навигационная панель, главная страница, интерактивная графическая карта Адмиралтейского и Центрального районов Санкт-Петербурга, адреса и маршруты; творческая деятельность писателя, критика, артефакты.

Навигационная панель, расположенная в верхней части экрана и включающая в себя логотип и названия разделов, обеспечивает оперативное пере-

ключение между разделами. Главная страница содержит информацию об авторе: годы жизни, краткие биографические сведения, список художественных произведений писателя, цитаты и высказывания, свидетельствующие о его отношении к Петербургу.

В разделе «Карта» представлена интерактивная графическая карта Адмиралтейского и Центрального районов нашего города, т.к. именно территории этих районов в большей степени связаны с периодом пребывания Н. В. Гоголя в Петербурге. На карте отмечены места проживания Н. В. Гоголя (например, ул. Малая Морская, д. 17), места, где он предпочитал проводить время (например, библиотека и книжная лавка А. Ф. Смирдина), типографии, в которых издавались произведения писателя (например, типография А. И. Плюшара). При нажатии на иконку пользователь может перейти в раздел, в котором находится более подробная информация по заинтересовавшей его теме.

В разделе «адреса и маршруты» собрана информация (карточка), позволяющая узнать, каким образом имя писателя связано с тем или иным домом/местом. В этом разделе содержится алфавитный список всех выявленных нами мест, которые посещал писатель, с указанием их точных адресов и хэштегов #дом #издательство #досуг. На карточках также представлены фотографии дома, сведения о дате его ввода в эксплуатацию, владельцах, сохранности дома, о причинах разрушения или сноса. Наряду с этим размещены фотографии, картины, фамилии других известных личностей, чьи имена также связаны с этим местом.

В разделе «творческая деятельность» представлен библиографический список художественных произведений, вышедших из печати в период проживания Н. В. Гоголя в Петербурге. Приведенные в библиографическом списке источники могут быть отсортированы по алфавиту названий или по дате издания художественных произведений.

В раздел «критика» включены литературно – критические статьи и воспоминания отечественных авторов о Н. В. Гоголе, главным образом, современников писателя. Мы считаем очень важной такую информацию и согласны с исследователем, отмечая, что «документальная основа – знак информационной корректности»⁴. Особой востребованностью у подростков пользуется статья В. Г. Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835), в которой автор отзываясь о Н. В. Гоголе, как о «поэте жизни действительной»⁵.

Раздел «артефакты» содержит отсканированные фотографии портретов известных личностей, чьи имена связаны с Н. В. Гоголем, а также сканы обложек, титульных листов и текстов первых изданий писателя.

«Подвал» сайта носит традиционный характер и содержит адресную, юридическую информацию, сведения о сайте, его полном названии, а также перечень контактов для связи с читателями, критиками, писателями и др.

После завершения разработки литературной карты было проведено ее тестирование и обсуждение с руководством библиотеки им. М. Ю. Лермонтова МЦБС им. М. Ю. Лермонтова. Представлению карты подростковой аудитории предшествовала работа по созданию анонсов, выполненных в компьютерных программах Adobe Illustrator и Adobe Photoshop, и их размещение в официальной группе библиотеки в социальной сети ВКонтакте.

Проведение работы по созданию электронной литературной карты позволило выявить ее ряд достоинств.

Литературная карта позволяет экономить трудовые, временные и финансовые ресурсы библиотеки за счет ее тиражирования и многократного использования как в центральной библиотеке, так и в библиотеках-филиалах и библиотеках-партнерах.

В свою очередь это обеспечивает широту охвата подростковой аудитории, привлекаемой к чтению художественных произведений. Разработчики литературной карты после прослушивания вопросов подростков в ходе обсуждения имеют возможность оперативно расширить ее содержание за счет редактирования и дополнения карты новыми, ранее отсутствовавшими аспектами творчества писателя, яркими и значимыми событиями его жизни.

Литературная карта как электронный ресурс обладает функциональной возможностью получения обратной связи от подростков за счет дальнейшей виртуальной коммуникации, направленной на выявление фамилий писателей и поэтов-классиков, чья жизнь и творчество находится в сфере их интересов. Полученные ответы подвергаются статистической обработке и передаются руководству библиотеки для принятия решения о продолжении работы по литературному картированию.

Важным преимуществом литературной карты является возможность ее использования в массовой, групповой и индивидуальной работе с подростками, а также в сочетании с другими методами работы библиотеки (например, с читательской конференцией, проводимой в традиционном формате).

Наряду с этим следует отметить, что для более углубленного изучения литературного творчества писателей является полезной разработка литературной карты в двух основных форматах.

Во-первых, это подготовка и дальнейшее обсуждение с подростками электронного ресурса, подготовленного сотрудниками библиотеки. В этом случае подростки перед просмотром литературной карты могут иметь примерные знания о жизни и творчестве писателя.

Во-вторых, это создание литературной карты совместными усилиями библиотечных специалистов и подростков, уже имеющих достаточно глубокие знания о выбранном писателе и готовые поделиться ими со сверстниками. При данном формате от библиотечных специалистов требуется формирование комфортной среды для подростков, которые добровольно изъявили желание принять участие в создании литературной карты. Важной является организация коммуникации, групповой динамики разработчиков, в ходе которой должны доброжелательно учитываться и анализироваться идеи каждого участника, а также создаваться условия для их творческой самореализации.

Коллективная работа формирует у подростков мотивационную привлекательность художественных произведений писателей-классиков, поощряет их к получению нового знания, побуждает критически мыслить, формирует самостоятельность, умение использовать свой творческий потенциал для генерации оригинальных идей, их вербализации в ходе обсуждения в группе.

Таким образом, электронные литературные карты обладают существенными достоинствами как инструмент развития читательской активности подростков.

Примечания

¹ Аскарова В. Я. Современная библиотека – организатор чтения в мультимедийном пространстве // Мир библиотек. 2020. № 1. С. 73–82; Березина А. В., Колосова Е. А. Современный подросток как читатель: особенности чтения подростков первой четверти XXI столетия // Учёные записки Рос. гос. соц. ун-та. 2023. Т. 22, № 2 (167). С. 69–75; Борисенок Н. А., Миронова К. В. Проблемы чтения и понимания: от оцифрованного текста к гипертексту // Научно-педагогическое обозрение. 2024. № 5 (57). С. 114–123; Рубанова Т. Д. Поддержка чтения в пространстве социальных сетей // Вестник культуры и искусств. 2018. № 3. С. 45–53.

² Боронихина О. В. Опыт создания литературных карт в муниципальных библиотеках // Библиосфера. 2019. № 2. С. 83–87.

³ Козленко Е. Ю. Литературная карта как ресурс социокультурной деятельности библиотек в цифровой среде // Культура Беларуси: реалии современности : сб. науч. ст. XII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году мира и созидания. Минск, 2023. С. 113–117.

⁴ Подчинёнов А. В., Снигирёва Т. А. Литературная биография: документ и способы его включения в текст // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 4 (30). С. 152–155.

⁵ Белинский В.Г. О русской повести и повестях г. Гоголя // Арабески и Миргород. URL: <https://www.litres.ru/book/vissarion-belinskiy/o-russkoy-povesti-i-povestyah-gogolya-arabeski-i-mirgo-2770815/chitat-onlayn/> (дата обращения: 08.02.2026).

Е. В. Явшиц

RuAphasiaBank – информационный ресурс для изучения практики чтения пациентов с афазией

В докладе представляется специализированный русскоязычный корпус речевых данных RuAphasiaBank, ориентированный на исследование и анализ речевой реабилитации пациентов с афазией, включая практики чтения и элементы библиотерапии. Корпус включает аудиозаписи речи пациентов с различными формами и степенями тяжести афазии, а также контрольной группы, и сопровождается расширенным набором метаданных, описывающих демографические, клинические и терапевтические параметры. Особое внимание уделяется стимульным текстам, используемым в процессе реабилитации, и их роли в восстановлении речевых функций. Представленный ресурс восполняет дефицит русскоязычных корпусных данных, отражающих динамику речевой терапии, и открывает возможности для междисциплинарных исследований в области клинической лингвистики, логопедии и автоматического анализа речи.

Ключевые слова: афазия, речевая реабилитация, чтение, библиотерапия, речевой корпус, клиническая лингвистика, логопедия, автоматический анализ речи

Ekaterina V. Yavshits

RuAphasiaBank: an Information Resource for Studying Reading Practices in Patients with Aphasia

The paper presents RuAphasiaBank, a specialized Russian-language speech corpus designed for the study and analysis of speech rehabilitation in patients with aphasia, including reading practices and elements of bibliotherapy. The corpus comprises audio recordings of speech produced by patients with various types and levels of aphasia severity, as well as a control group, and is accompanied by an extended set of metadata describing demographic, clinical, and therapeutic parameters. Particular attention is paid to the textual stimuli used during rehabilitation and their role in the recovery of speech functions. The proposed resource addresses the lack of Russian-language corpus data reflecting the dynamics of speech therapy and opens new opportunities for interdisciplinary research in clinical linguistics, speech-language pathology, and automatic speech analysis.

Keywords: aphasia, speech rehabilitation, reading, bibliotherapy, speech corpus; clinical linguistics, speech-language pathology, automatic speech analysis

Библиотерапия как особый метод психотерапии и реабилитации, который использует литературные тексты для эмоциональной и когнитивной поддержки пациентов является важной формой работы логопедов со взрослыми пациентами в процессе нейрореабилитации¹. Для восстановительного лечения пациентов с афазией² библиотерапия – также одна из важнейших форм работы с логопедом³. Как отмечает Б. Д. Карвасарский⁴ (2010), библиотерапия «использует специально подобранный для чтения материал как терапевтическое средство с целью решения личных проблем больных при помощи направленного чтения». На практике направленное чтение организуется психологом, логопедом, библиотекарем путем подбора литературы оптимистической направленности, соответствующего задачам реабилитации уровня сложности. Для пациентов, проходящих восстановительное лечение после инсультов, в том числе, страдающих афазией, библиотерапия становится средством не только восстановления утраченных речевых навыков, но и стабилизации эмоционального состояния, снижения депривации, формиро-

вания активной направленности личности на восстановление нарушенных функций⁵.

Как отмечают авторы исследования документального потока по теме библиотерапии⁶, данное научное направление, лежащее на пересечении библиотекведения, психологии, педагогики, медицины, социологии, филологии, остается востребованным, актуальным, в его разработку активно включены научные организации и высшие учебные заведения во всех регионах страны. Кроме того, уже накоплен большой опыт практической реализации библиотерапевтических методик. Что касается вызовов, с которыми сталкивается библиотерапия, одним из ключевых является «огромное количество эмпирических данных, накопленных за годы практики. Эти данные включают описания случаев, наблюдения, отчеты о результатах терапевтических сеансов и другие материалы, собранные практиками»⁷. Несмотря на наличие большого количества эмпирических данных библиотерапии в целом, конкретное ее применение (в частности, при реабилитации пациентов с афазией) сталкивается с нехваткой информационных ресурсов, особенно пригодных для анализа с помощью различных инструментов современных информационных технологий.

Поиск зарегистрированных в Федеральном институте промышленной собственности баз данных показал наличие небольшого числа тех, которые могут использоваться в процессе диагностики и реабилитации речевых нарушений, в том числе, афазии. Результаты поиска представлены в табл. 1.

Таблица 1. Зарегистрированные базы данных, предназначенные для реабилитации пациентов с афазией

№	Название базы данных	Краткое описание базы данных	Номер регистрации (свидетельства), дата регистрации
1	База данных коррекционно-логопедического комплекса «Афазия Плюс»	База данных содержит комплекс упражнений, направленных на восстановление высших психических функций в постинсультном восстановительном периоде у взрослых пациентов с учетом структуры дефекта, тяжести состояния пациента и формы афазии (от нескольких недель до года после перенесенного инсульта)...	2016620896, 29.06.2016
2	База данных голосовых тестов пациентов с нарушениями голосоречевых функций	База данных предназначена для регистрации показателей выполнения специальных голосовых тестов для постановки диагноза при заболеваниях органов голосового образования, а также для контроля реабилитации пациентов...	2023620468, 03.02.2023

3	Артикуляционные и акустические образы русских звуков для речевой реабилитации	База данных предназначена для создания системы распознавания артикуляционных и акустических образов звуков для речевой реабилитации русскоязычных пациентов. В базе данных содержатся нормативные и ненормативные артикуляционные и акустические образы русских звуков...	2022670027, 01.08.2022
4	База данных персонализированных подходов к диагностике и восстановлению функций речи после острого нарушения мозгового кровообращения по методу Земцевой Н. В.	В базе данных представлены подходы как к диагностике, так и к восстановлению функций речи после ОНМК на основе метода Земцевой Н.В. В результате диагностики можно определить степень выраженности нарушений коммуникативной функции речи. В зависимости от типа афазии и стадии речевого расстройства...	2023622258, 06.07.2023

Как видно из табл. 1, ни одна зарегистрированная база данных, так или иначе предназначенная для реабилитации расстройств речи пациентов с афазией, не включает речевые данные, отражающие практики чтения и библиотерапии. Международные базы данных также не предоставляют исследователям искомый материал. Самый крупный международный проект по сбору аудиозаписей людей с афазией – AphasiaBank⁸ – не содержит данных на русском языке. До настоящего времени существовал лишь один аудиокорпус речи пациентов с афазией 4 типов, без разделения по степени тяжести нарушений⁹, полученный в результате записи пересказов 40 пациентами «Фильма о грушах» У. Чейфа¹⁰.

Существующий пробел в данных восполняет база данных RuAphasiaBank¹¹, собранная в Центре нейрореабилитации Федерального центра научно-клинического центра Федерального медико-биологического агентства в Красноярске, обработанная исследовательским коллективом НИУ Высшая школа экономики. Речевые данные были собраны с использованием встроенных микрофонов смартфонов iPhone (модели 13–16) в ходе логопедических занятий в клинических условиях. Сбор данных осуществлялся после получения информированного согласия пациентов и их законных представителей и одобрения этическим комитетом клиники на использование смартфонов в автономном режиме в качестве записывающих устройств.

Перед каждой сессией логопедом формировался файл метаданных, содержащий описание состояния пациента, а также фиксировалось отдельное согласие на запись и последующую обработку обезличенных данных. После завершения записи аудиофайлам присваивались кодовые идентификаторы в соответствии с кодировочной таблицей, после чего данные передавались в исследовательскую лабораторию, где аудиозаписи конвертировались в формат WAV, а вся потенциально идентифицирующая информация (вклю-

чая личные имена и топонимы) удалась из речевого материала как в диалогах, так и в монологической речи.

Записи пациентов с речевыми нарушениями осуществлялись в логопедическом кабинете в условиях очного взаимодействия за столом, при размещении записывающего устройства на расстоянии 30–40 см от говорящего. Акустические характеристики помещения обеспечивали низкий уровень реверберации и минимальное присутствие фонового шума, что способствовало получению качественных речевых сигналов. Записи нейротипичных респондентов (контрольной группы) были выполнены в жилых помещениях при сохранении стабильных акустических условий и стандартизированных протоколов взаимодействия. В совокупности полученные данные отражают условия естественного повседневного общения при минимальном влиянии шумовых искажений. Существенным преимуществом сформированного датасета является наличие контрольной когорты нейротипичных информантов. Эта подвыборка включает фонограммы мужчин и женщин без неврологических и речевых нарушений, которые в формате интервью отвечают на вопросы и рассказывают о себе и своей жизни. Возрастное распределение нейротипичных информантов соответствует наиболее представленным возрастным группам пациентов с афазией (43–83 года). Всего было собрано более девяти часов речи, 162 фонограммы.

Каждая аудиозапись в датасете сопровождается структурированным набором метаданных, обеспечивающим возможность многофакторного анализа речевого материала с учетом демографических, клинических и экспериментальных параметров. Для каждой записи фиксируется уникальный идентификатор файла, представляющий собой сквозную нумерацию записей в пределах датасета. Дополнительно указывается идентификатор диктора, позволяющий объединять несколько записей, принадлежащих одному и тому же информанту. В метаданные включены демографические характеристики диктора, а именно гендер и возраст.

Клинические параметры представлены полями – основной диагноз и степень выраженности речевого нарушения. В качестве диагнозов используются стандартизированные обозначения форм афазии: комплексная моторная афазия, сенсорная афазия, эфферентная моторная афазия, тотальная афазия. Степень тяжести кодируется как легкая, умеренная или тяжелая. При наличии сопутствующих нарушений может дополнительно указываться вторичный диагноз. Для отражения клинико-реабилитационного контекста фиксируется информация о медикаментозной терапии, если она имела место на момент записи, а также номер реабилитационной программы, указывающий, является ли данная запись частью первого, повторного или последующего курса логопедической реабилитации.

Речевая деятельность, представленная в записи, описывается параметром типа речи, который отражает коммуникативный формат или речевое задание. В датасете представлены следующие типы речи: диалогическая речь, монологическая речь, чтение (включая чтение слогов или связного текста), а также задания на пересказ. Конкретное количество аудиозаписей разных типов речи демонстрирует табл. 2.

Таблица 2. Распределение по типам речи в базе данных RuAphasiaBank

Тип речи	Количество записей (пациентов)
Диалог	85 записей (52 пациента)
Монолог	19 записей (14 пациентов)
Чтение	27 записей (14 пациентов)
Пересказ	18 записей (11 пациентов)
Чтение по слогам	13 записей (11 пациентов)

В базу данных входят также сами тексты, предоставленные пациентам как стимульный материал на занятиях. Условно они разбиты на 3 группы (см. табл. 3): дидактические тексты (тексты из учебных пособий, созданные и предназначенные для реабилитации речи, и обучения чтению, выбранные логопедами); художественные тексты в оригинале, выбранные логопедами; упрощенные тексты, подготовленные в рамках отдельной исследовательской работы¹². База данных содержит указание всех источников, тексты из которых предъявлялись пациентам для чтения и последующего пересказа на занятиях.

Таблица 3. Стимульный материал для занятий чтением и пересказом пациентов с афазией в базе данных RuAphasiaBank

Тип текста	Количество записей (пациентов)
Дидактические тексты	17 записей (10 пациентов)
Художественные тексты	29 записей (9 пациентов)
Упрощенные тексты из нашей выборки	21 запись (11 пациентов)

Рассмотрим в качестве примера художественные тексты базы данных как стимульный материал для чтения и пересказа. Табл. 4 демонстрирует названия текстов, а также количество фонограмм с занятиями на их основе у пациентов. База данных содержит фонограммы записи работы с перечисленным стимульным материалом разных пациентов с разной степенью выраженности афазии того или иного типа, а также, в ряде случаев, занятий одного пациента с одним текстом в рамках нескольких сеансов. Потенциал ресурса позволяет также сделать ценные выводы об эффективности библиотерапии на основе того или иного текста, а также о прогрессе конкретных пациентов в занятиях.

Подмножество аудиозаписей, содержащих занятия по чтению и пересказу текстов (со всем разнообразием эмоциональных реакций, индивидуального отношения к тексту) в сочетании с ручной транскрипцией фонограмм, а также возможностью использовать сам стимульный материал (текст) открывает перед исследователями чтения пациентов с афазией и библиотерапевтами,

работающими с данной категорией читателей широкие исследовательские перспективы. База данных способна сформировать представление о речевых нарушениях взрослых, собранных в группу под названием афазий. Она дает возможность послушать, прочитать и установить, какие сложности возникают у пациентов с теми или иными текстами при чтении и пересказе, какие успехи они делают при работе со стимульным материалом, как оценить прогресс при заболевании афазией. Это особенно ценно понимать с точки зрения подбора материала для чтения. Ручная разметка базы данных продолжается: метаданные к фонограммам пополняются информацией, касающейся конкретных ошибок и особенностей речи пациентов с афазией.

Табл. 4. Тексты художественной литературы как стимульный материал для занятий по реабилитации речи пациентов с афазией

Стимульный материал (произведение художественной литературы)	Количество фонограмм типа чтение и пересказ	Количество записей занятий со стимульным материалом	Диагнозы пациентов, работавших со стимульным материалом
Пришвин М. М. «Золотой луг»	чтение: 4 пересказ: 5	9	комплексная моторная афазия, эфферентная афазия,
Чехов А. П. «Радость»	чтение: 1 пересказ: 1	2	комплексная моторная афазия
Чехов А. П. «На гвозде»	чтение: 1 пересказ: 5	6	комплексная моторная афазия
Чехов А. П. «Злой мальчик»	чтение: 1 пересказ: 1	2	комплексная моторная афазия
Чехов А. П. «Толстый и тонкий»	чтение: 1	1	комплексная моторная афазия
Ушинский К. Д. «Два плуга»	чтение: 2 пересказ: 2	4	комплексная моторная афазия
Толстой Л. Н. «Косточка»	чтение: 1	1	комплексная моторная афазия
Сухомлинский В. А. «Обыкновенный человек»	чтение: 9 пересказ: 7	16	комплексная моторная афазия
Станюкович К. М. «Отец и сын»	чтение: 1 пересказ: 2	3	комплексная моторная афазия
Паустовский К. Г. «Заботливый цветок»	чтение: 1	1	комплексная моторная афазия

Примечания

¹ Ермакова Н. Г. Психотерапия и психологическая коррекция в нейрореабилитации. Теоретические и методологические основы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2007. № 3. С. 319–329.

² Афазия – нарушения речи, возникающие при локальных поражениях коры левого полушария (у правшей) и представляющие собой системное расстройство различных видов речевой деятельности. Проявляются в виде нарушений фонематической, морфологической и синтаксической структуры речи и понимания обращенной речи при сохранности элементарных форм слуха и движений речевого аппарата, обеспечивающих членораздельное произношение. [Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, акад. В. П. Зинченко. М.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 666 с.].

³ Ермакова Н. Г. Применение библиотерапии в процессе восстановительного лечения постинсультных больных // Европейский журнал социальных наук. 2015. Т. 1. № 1. С. 313–320.

⁴ Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. СПб.: Питер, 2010. 864 с.

⁵ Ермакова Н. Г. Психотерапевтическая среда при реабилитации больных с последствиями инсульта – одна из форм терапии средой // Психология. Психофизиология. 2016. № 2. С. 45–59.

⁶ Библиотерапия как научное направление: современное состояние и перспективы исследований / Ю. Н. Дрешер [и др.] // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 4. С. 129–129.

⁷ Там же. С. 127.

⁸ Forbes M. M., Fromm D., MacWhinney B. AphasiaBank: A resource for clinicians // *Seminars in Speech and Language*. 2012. Vol. 33. № 3. P. 217–222.

⁹ Russian CLIPS: A corpus of narratives by brain-damaged individuals / M. V. Khudyakova [et al.] // *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation*. Paris: ELRA, 2016. P. 22–26.

¹⁰ Orero P. Three different receptions of the same film: The Pear Stories Project applied to audio description // *European Journal of English Studies*. 2008. Vol. 12. № 2. P. 179–193.

¹¹ Патент № 2025623465 Рос. Федерация. RuAphasiaBank : база данных фонограмм речи пациентов с афазией : № 2025623048 : заявл. 08.07.2025 ; опубл. 22.08.2025 / А. В. Колмогорова, Е. В. Явшиц, М. О. Сергеева, А. Х. Сугян. // НИУ «ВШЭ». URL: <https://www.hse.ru/org/persons/751405465/#sci>.

¹² Колмогорова А. В., Соловьева М. В. Методика упрощения текстов по критерию когнитивной трудности для пациентов с афазией // Десятая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Пятигорск. 2024. С. 178–181.

РАЗДЕЛ 2. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРЫ, ЕЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ • SECTION 2. SOCIOCULTURAL ASPECTS OF LITERATURE: THEORY AND PRACTICE

УДК 821.161.1:82.091

Г. Н. Боева

Щедринские традиции в творчестве Леонида Андреева

Исследуются сюжетно-тематические, жанровые и стиливые сближения творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина и Леонида Андреева. Особое внимание уделяется очерковому, фельетонному и сказочному формату произведений двух писателей, общим для них литературным приемам (фантастика, гротеск и др.) и эзопову языку, понимаемому как тип повествования с повышенной экспрессивностью.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, Леонид Андреев, литературные традиции, фельетон, сказка, эзопов язык, гротеск, сатира

Galina N. Boeva

Shchedin's traditions in the work of Leonid Andreev

The plot-thematic, genre and style rapprochements of the work of M. E. Saltykov-Shchedrin and Leonid Andreev are studied. Particular attention is paid to the essay, feuilleton and fairy-tale format of the works of the two writers, literary techniques common to them (science fiction, grotesque, etc.) and the Aesopian language, understood as a type of narrative with increased expressiveness.

Keywords: M. E. Saltykov-Shchedrin, Leonid Andreev, literary traditions, feuilleton, fairy tale, Aesopian language, grotesque, satire

21 ноября 1910 г. в Александровском зале Городской думы в Петербурге состоялся вечер, организованный комитетом Литературного фонда к 20-летию со дня смерти Н. Щедрина (в объявлении был указан псевдоним), о чем накануне сообщила газета «Речь»¹. Там же анонсировалось участие (не случившееся) в вечере Леонида Андреева с чтением щедринских «Забывших слов». Речь идет о неоконченном произведении писателя, своего рода «литературном завещании», опубликованном в 1889 г. посмертно, с черновика, в «Вестнике Европы». Намерение одного писателя выступить на коммеморативном мероприятии в честь другого писателя, уже ставшего классиком, неудивительно, однако тема «Леонид Андреев и Салтыков-Щедрин» заслуживает более пристального внимания. На эту тему с разной степенью подробности писали Л. А. Иезуитова, А. П. Руднев, отдельные ее аспекты затрагивали В. И. Беззубов, М. А. Телятник.

Начнем с того, что Андреев напрямую обращался к имени своего великого предшественника по самым разным газетно-публицистическим поводам, используя имена щедринских героев («карась-идеалист», Иудушка Головлев) в нарицательном смысле. Так, по поводу редактора «Нового времени» он замечает в письме к Горькому: «Ты заметил, какой язык выработался у Суворина: прямо Иудушка Головлев»². В одном из фельетонов Андреев протестует против публикации на страницах этой же газеты писем Салтыкова-Щедрина, поскольку именно здесь печатал свои «антищедринские» опусы В. П. Буренин, заклятый враг сатирика. В письме к А. А. Измайлову Андреев упоминает Балалайкина –

образ продажного адвоката-авантюриста, выведенного Щедриным в очерках «В среде умеренности и аккуратности» (1873–1878) и в «Современной идиллии» (1877–1883). Но мы не будем множить примеры – они достаточно полно приведены в исследовании А. П. Руднева³.

Напомним, что по окончании университета в 1897 г., одновременно со службой на юридическом поприще Андреев начал карьеру репортера в «Московском вестнике», в этом же году став судебным хроникером в газете «Курьер». Здесь он с 1900 г. в течение четырех лет, до закрытия газеты, выступал автором двух фельетонных рубрик, одна из которых называлась «Москва. Мелочи жизни» (впоследствии – просто «Мелочи жизни»). Отсылка в заглавии к циклу очерков 1886–87 гг. великого предшественника прямо свидетельствует о наследовании жанровой матрицы, с помощью которой Андреев оформляет жизненные впечатления. Как полагает М. А. Телятник, он «... хотел подчеркнуть преемственность традиций русской сатирической литературы, свою близость к демократическим и социально направленным ее тенденциям»⁴. Однако в этой же отсылке обозначается и концептуальная разница в бытописательстве двух очеркистов. Щедрин в бытовой эмпирике и «мелочах» видит общенациональное и универсальное, прямо утверждая связь между частным и общим: «<...> напрасно пренебрегают ими [мелочами – Г. Б.]: в основе современной жизни лежит почти исключительно мелочь»⁵. Андреев же, скорее, тяготеет рамками жанра, органичного для пера Щедрина начиная с «Губернских очерков», и сетует в письме к А. И. Измайлову в апреле 1901 г.: «Я совсем не публицист по натуре; ненавижу день с его злобами и вот, с головою, сижу в „проклятых“ вопросах: о цели жизни, о Боге, о смерти, о нравственности. Писать же мне приходится главным образом о канализации и мостовых»⁶. Телятник также не исключает того, что «в подобном заглавии проявилась скрытая ирония в понимании Андреевым своей роли – газетного публициста, формально считающегося глашатаем вечных истин, а на деле вынужденного писать о всевозможных городских „мелочах“»⁷. «Мелочь тем и отвратительна, – пишет Андреев в фельетоне «Тирания мелочей и преступность индивидуальности» (1902), – что она мелочь <...> И если человек не сумеет отвести мелочи ее надлежащее место, поддается ей, а поддавшись, сделает ее своим господином – он превращается в самое жалкое и нелепое существо в мире. Из всех рабов он самый жалкий...»⁸. Однако не всякие «мелочи» привлекают внимание Андреева, а лишь те, которые, высвечивая диссонансы российской жизни, резонируют с его парадоксальной логикой и подпитывают, аргументируют ее.

Протестуя против «тирании мелочей», Андреев при первой же возможности стремится уйти от фельетонистики к фикциональности, в профессиональное писательство, и возвращается к публицистике лишь в последние годы жизни, отмеченные редакторством в газете «Русская воля». Щедрин же на протяжении всего своего творчества остается приверженным очерково-публицистической эстетике, ошутимой и в его романах, включая последний, «Пошехонскую старину» (1889). Упомянутые «Забывшие слова» также задумывались как большая вещь, где писатель намеревался оживить слова «стыд, совесть, честь» и, по воспоминаниям А. Н. Пыпина, напомнить о «забвении идеалов

в упадающем нравственно обществе»⁹. Для нас же важно отметить сближение Щедрина и Андреева в фельетонной «технологии», диктующей цикличность, полемичность, парадоксальность, зловонную публицистическую направленность¹⁰ и лирическое начало, связанное с образом рассказчика, укрывающегося за псевдонимом («Щедрин», «Джеймс Линч»). Щедринская традиция в фельетонистике Андреева ощутима и в «развенчательной» оптике многих его сюжетов, не только в «Мелочах жизни». Эта оптика сохранилась у него и в зрелом творчестве – в зловонности «неудобных» сюжетов, взламывающих литературные табу и нередко критикуемых за «журнализм».

Однако есть и более глубинная преемственность Андреева по отношению к Щедрину. Очерковое и публицистическое начало у Щедрина органически сплавлено с другими составляющими его эстетики, которые он сам называет «эзоповским», «рабым» языком¹¹. Впрочем, замечает сатирик, эта манера не только не затемняет его намерений, а, напротив, «делает их только общедоступными»¹², поскольку он всего лишь пользуется правилами риторики, которой был обучен в казенном заведении: метафорами, метонимией, синекдой и т. п.

Напомним, что выражение «эзоповский язык» появилось в литературном обиходе 1860-х гг. именно благодаря Щедрину¹³, более сорока лет говорившему на нем со своей огромной аудиторией. Продолжателем этой традиции видит себя и Леонид Андреев, в статье «Цензура» (1917) прямо заявляя, что как журналист и фельетонист учился эзопову языку у Щедрина. «Писатель XX века, я в своем лице воскрешаю Эзопа, этого полумифического самосского раба с его горбом, безобразием, хитростью и ненасытимой, притаившей собачьей злостью на господ»¹⁴, – такова самопрезентация Андреева. И далее, называя себя «русским писателем, у которого весь <...> мозг изъеден каторжной цензурой»¹⁵, вполне в духе Салтыкова-Щедрина пишет о «муках и скрежете зубном», сопровождавших его на поприще журналиста и писателя. Еще большего проклятья заслуживает у Андреева самоцензура, «цензура мыслей», которой научается подвергать себя писатель, уродуя свои замыслы, прибегая к унижительным ухищрениям и теряя свободу мысли. Пишет он эту статью уже в совершенно новых исторических условиях, в марте 1917 г., по поводу излишне подобострастной, как ему кажется, декларации петроградских писателей, обращенной к Временному правительству. Смена политических декораций, с точки зрения Андреева, требует уничтожения «эзоповых уловок». Интересно, что здесь он невольно продолжает давнюю традицию общественной мысли (поддержанную и в советское время), согласно которой эзопов язык ниже манеры ювеналовской, открыто бичующей пороки¹⁶. Существовала и более радикальная точка зрения на эзопов язык (например, высказанная в частной переписке А. А. Измайлова), согласно которой он был несомненным злом, навязанным русской литературе прежде всего Салтыковым-Щедриным¹⁷. В таком представлении эзопов язык сводим к простой шифровке и не имеет никакой художественной специфики. Однако нам интересна иная его интерпретация.

Если в русской литературной системе щедринской эпохи выражение «эзопов язык» было чисто метафорическим наименованием, то к концу столетия оно стало термином, описывающим некий метастиль, впервые системно иссле-

дованный значительно позднее¹⁸. Так, Л. Лосев в своей диссертации «Эзопов язык в русской литературе», защищенной в начале 80-х гг. XX в. в Мичиганском университете, не сводит этот феномен лишь к стремлению автора обойти «рогатки цензуры», а видит в нем еще и явление эстетическое: «Повышение суггестивности текста в эстетическом плане и повышенную вовлеченность читателя в плане психологическом»¹⁹. Иными словами, эзопов язык проявляется на самых разных уровнях текста, это «сумма поэтических средств»²⁰, «особая категория выразительности»²¹.

В свете сказанного родственность художественных методов Андреева и Щедрина может иметь и другие, стилевые основания. Посмотрим, как она проявляется в жанре сказки, к которому оба писателя прибегали на протяжении всего творчества.

Сказки Салтыкова-Щедрина – всего их тридцать две – создавались с 1869 по 1886 гг.; написанная еще ранее «Сказка об Иванушке-дураке» (1857) была затем включена им в очерк «Скрежет зубовый» (1860). Первые сказки создавались для задуманного детского сборника, а последние – ради возможности высказаться после утраты своей «трибуны» (закрытия «Отечественных записок»). Если «зоологические» сказки Щедрина хотя бы внешне вписываются в этот жанр, отчасти восходя к народным сказкам о животных, то более поздние по содержанию и форме далеко не «сказочны» и лишь примыкают к циклу, представляя собой, скорее, рассказы, «мост» к следовавшим за ними «Мелочам жизни». Об этом, в частности, свидетельствуют подзаголовки трех поздних щедринских сказок: «Приключение с Крамольниковым» – элегия, представляющая собой лирический монолог, «Христова ночь» – предание, «Рождественская сказка» – календарный рассказ. Очевидно, что само причисление произведения к сказкам есть акт эзопова языка, создание особой территории художественной условности и «вседозволенности», позволяющее автору вольнее высказывать задушевные мысли. Попутно, разумеется, решаются и чисто прагматические цели обхода цензуры.

Неслучаен и порядок расположения сказок в щедринском сборнике, завершающемся фольклорным (о вороне), пасхальным и рождественским сюжетами: таким образом автор «обозначил главную опору художественного мира своих непростых сказок – изначальную устремленность человека к правде и справедливости, укрепленную именно религиозными и никакими иными началами»²². Опираясь на фольклорно-сказочную и литературно-басенную традиции, щедринские сказки являют собой сложное в жанровом отношении образование, в которое он «переливал идейно-тематическое богатство своей сатиры»²³. Будучи органически близки художественному методу писателя, они вбирают в себя «такие присущие его творческому методу приемы, как художественное преувеличение, фантастика, иносказание, сближение обличаемых социальных явлений с явлениями животного мира»²⁴. Все это в высшей степени характерно и для написанных в разные годы жизни сказок Андреева, с той поправкой, что они оплодотворены не столько христианским гуманизмом, сколько более абстрактной и субъективной авторской метафизикой.

Одним из первых произведений Андреева был созданный в 1897 г. лирико-философский этюд «Оро» с подзаголовком «сказка», опубликованный в сокраще-

нии лишь в 1920 г., после смерти писателя. Это метафизическая зарисовка о двух друзьях-антагонистах, один из которых, Лейо, жертвует своими белыми ризами и местом в раю рядом с Иеговой, ради отпавшего от света и добра главного героя. Здесь уже присутствует проблематизация границы между добром и злом, которая будет затем разрабатываться в целом ряде андреевских произведений («Иуда Искариот и другие» (1907), «Мои записки» (1908) и др.). Сюжетной и стилистической вариацией на эту же тему стала напечатанная полтора десятилетия спустя сказка «Земля» (1913), в которой ангел в белоснежных ризах добровольно уходит из царства Всеблагого на землю к страдающим людям. Христианизированное метафизическое пространство, смоделированное в этих сказках, напоминает щедринские «Пропала совесть» и «Христову ночь», хотя авторская идея у Андреева выражена иначе, с присущей ему парадоксальностью.

В 1911 г. опубликованы андреевские «Сказочки не совсем для детей» («Орешек», «Негодяй», «Фальшивый рубль и добрый дядя»), жанровое определение которых напрямую отсылает к «Сказкам для детей изрядного возраста» Салтыкова-Щедрина. В прижизненных собраниях сочинений Андреева под этим заголовком будут опубликованы, помимо перечисленных трех произведений, еще две сказки: «Храбрый волк» (1909) и уже упомянутая «Земля»; среди неоконченных произведений у Андреева имеется набросок сказки «Царь-Сон», датированный 1907 или 1908 гг.; в 1912 г. опубликована сказка-притча «Правила добра» о глупом черте Носаче.

Продолжает Андреев и «зооморфную традицию» Щедрина и Крылова, делая героиней одной из своих сказок белку, в финале бесплодно сожалеющую о времени не съеденном припасе; в «Негодяе» теленок Васенька, не желающий стать «котлетками», неосмотрительно убегает в лес и становится там жертвой волков. Как и у Щедрина, звери в андреевских сказках действуют в соответствии со своим природным статусом «хищник» или «жертва» – моралью, высказанной в конце щедринского «Здравомысленного зайца»: «Всякому зверю свое житье: льву – львиное, лисе – лисье, зайцу – заячье»²⁵. Схожи сказки двух писателей и авторской иронией по отношению к героям, которая проявляется в самих заглавиях: у Андреева – «Негодяй» (о теленке, обреченном стать едой для сильных мира сего), «Храбрый волк» (о нелепой кончине глупого зверя); у Щедрина – «Самоотверженный заяц» (о зайце, безропотно принимающем свою погибель), «Здравомысленный заяц» (о зайце, не понимающем жестоких законов леса).

К «зооморфным сказкам» Андреева можно причислить его ранний рассказ «Что видела галка: (Из рождественских мотивов)» (1898), в которой события «человечьего мира»: победа христианских добродетелей, – подаются глазами хищной птицы, не способной понять гуманные побуждения людей. Стилистически к сказкам примыкают два цикла гротескных миниатюр-анекдотов, написанных Андреевым от имени героя-рассказчика «Моих записок» (1908) – они будут опубликованы в периодике в 1915–1916 гг.

Христианские и социально-философские мотивы, «зооморфность» героев и авторская ирония в сказках Андреева, несомненно, делают его продолжателем щедринской традиции. Добавим, что «зооморфность» у Андреева встречается не только в сказках. Л. А. Иезуитова усматривает эзопов язык и в фельето-

нах Джемса Линча: «его судаки, караси, телята, поросята и проч., иногда взятые у Щедрина, нужны ему, чтобы в форме иносказания поведать о современных разнovidностях благонамеренного обывателя, чтобы некоторым из своих образов придать символическую окраску»²⁶.

Добавим, что, по наблюдению Л. Н. Икитян, в произведениях Андреева «звероподобная поза выступает <...> не простой телесной ремаркой к словам или действиям героев, а знаковой характеристикой их поведения, наполненной, с одной стороны, яркой экспрессией, с другой – двойными смыслами: либо симптомом душевного нездоровья, либо „правым“ безумием с провокативной составляющей»²⁷. Ею же подмечено, что в поздних дневниках «четвероногим» Андреев называет «оскотинившегося» человека²⁸. В этой связи уместно вспомнить о звероподобных людях в щедринских «Господах ташкентцах» (1869–1872).

Итак, вслед за Щедриным, Андреев использует форму литературной сказки как способ уйти от жизнеподобия, мотивировать деформацию реальности, с помощью гротеска и фантастики акцентировать парадоксальность ситуации, использовать оптику «ненадежного рассказчика» и прием остранения. Все это позволяет ему оставаться в кругу глобальных проблем, требующих и «оправдывающих» нарочито сгущенный, экспрессивный стиль: перепады тона, необычный порядок слов, оксюморонность, неожиданные сближения. Справедливости ради скажем, что в первые десятилетия XX в. не один Андреев оценил «безразмерность» сказочной формы – к ней прибегали Ф. Сологуб, А. Амфитеатров, Е. Замятин, Н. Рерих, И. Шмелев, М. Горький и многие другие. В новом контексте Серебряного века, когда после первой русской революции были ослаблены цензурные запреты, и до нового ужесточения цензуры в советскую эпоху эзопов язык может быть воспринят как модернистская стилиевая составляющая. Неудивительно, что в исследовательской оптике новых столетий творчество Салтыкова-Щедрина расценивается как протомодернизм²⁹ и даже как «зеркало русского постмодернизма»³⁰, а его значение для новых, «внеидеологических» способов описания действительности возрастает³¹.

Вернемся к «Забытым словам» Щедрина, которые намеревался читать Андреев на вечере памяти писателя. Что привлекло его в этом наброске? Это всего одна, начальная страница большого по замыслу произведения, ставшая последней в обширном наследии писателя, своего рода «Senilia» (кстати, и по форме этот текст напоминает тургеневские стихотворения в прозе). Это мрачное, смертельное видение, посещающее автора-повествователя, который «не то во сне, не то наяву» оказывается на кладбище. «Загадочная пустота», «всеобщее омертвление», «неизмеримая тоска», «заброшенность» и «одичалость», «ощущение оскудения», «отупелая безнадежность»³² – щедринский текст лексически маркирован так, как это будет делать спустя четверть столетия Леонид Андреев. Вспомним эту последнюю под названием «Три дня» (1914), с подзаголовком «Сон», представляющий собой монолог героя, которому приснилось, что он умер и лежит в гробу – здесь с помощью нагнетания эмоциональной, отрицательно окрашенной лексики воссоздается та же атмосфера безнадежности и омертвления.

В сказке Щедрина «Приключение с Крамольниковым» кризис героя, у которого «запечаталась душа», изображен тоже в «кладбищенской» стилистике:

«Без этой деятельной силы, которая, наделяя человека потребностью источать из себя свет и добро, в то же время делает его способным воспринимать свет и добро от других, – человеческое общество уподобилось бы кладбищу. Это было бы не общество, а склад трупов... И вот теперь трупный период для него наступил. Обмену света и добра пришел конец. И сам он, Крамольников, – труп, и те, к которым он так недавно обращался, как к источнику живой воды для своей деятельности, – тоже трупы...»³³.

А вот начало рассказа Андреева «Прекрасна жизнь для воскресших» (1900), выросшего из раннего фельетона:

«Не случилось ли вам гулять по кладбищам?

<...>

Загляните в душу свою, и будет ли тогда день или ночь, вы найдете там кладбище. Маленькое, жадное, так много поглотившее. И тихий, грустный шепот услышите вы – отражение былых тяжелых стонов, когда дорог был мертвец, которого опускали в могилу, и вы не успели ни разлюбить его, ни позабыть; и памятники увидите вы, и надписи, которые наполовину смыты слезами, и тихие, глухие могилки – маленькие, зловещие бугорки, под которыми скрыто то, что было живо, хотя вы не знали его жизни и не заметили смерти»³⁴.

«Леонидандреевщина», замешанная на образах кладбища, умирания, энтропии человеческого, доходящих до смертных видений экзистенциального порядка, во многом наследует мрачные фантазмагии Щедрина, при всем различии авторских модусов. Хотя заметим, что отчасти они и сходятся: трагическое мирозерцание и стоический героизм Андреева переключаются с неистовой яростью Щедрина, окрашенной скрытым идеализмом.

В рамках статьи удалось рассмотреть лишь некоторые аспекты сближения двух имен, игнорируя, в частности, аспект рецептивный, связанный с восприятием произведений Андреева современниками как продолжателя щедринских традиций. Причем критики акцентировали эту преемственность не только в андреевской прозе, но и в драматургии («Каинова печать», «Монумент»). Заслуживает внимания и менее очевидная близость двух писателей в дискурсе о вырождении, занявшем важное место в русской литературе эпохи fin de siècle в непосредственном взаимодействии с психиатрией, а также в контексте натурализма как влиятельного общеевропейского направления. Андреева можно считать преемником Щедрина и в геокультурном аспекте, поскольку он наследует универсальную пространственную модель освоения российской действительности: провинция – Москва – Петербург. Намеченные аспекты требуют дальнейшего исследования.

Примечания

¹ Вечер памяти Салтыкова-Щедрина // Речь. 1910. 3 нояб. (№ 302). С. 2.

² Переписка Горького и Андреева (1899–1916) // Горький и Леонид Андреев: Незданная переписка. Литературное наследство. Т. 72. М., 1965. С. 196.

³ Руднев А. П. Щедринские образы и мотивы в произведениях Леонида Андреева // М. Е. Салтыков-Щедрин и русская сатира XVIII–XX веков. М., 1998. С. 268–282.

⁴ Телятник М. А. Комментарии // Л. Н. Андреев. Собр. соч.: В 23 т. Т. 13. М., 2014. С. 594.

- ⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Мелочи жизни // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16 (2). М., 1974. С. 11.
- ⁶ Телятник М. А. Комментарии. С. 594.
- ⁷ Там же. С. 594–595.
- ⁸ Там же. С. 595.
- ⁹ Макашин С. А. Комментарии // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 17. М., 1975. С. 573.
- ¹⁰ Томашевский Б. В. У истоков фельетона (Фельетон в «Journal des Débats») // Фельетон: Сб. статей. Л., 1927. С. 70–71.
- ¹¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Круглый год. Первое августа // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 13. М., 1972. С. 506.
- ¹² Там же.
- ¹³ Лосев Л. Эзопов язык в русской литературе (современный период). М., 2024. С. 54.
- ¹⁴ Андреев Л. Н. Цензура // Андреев Леонид. «Верните Россию!». М., 1994. С. 87.
- ¹⁵ Там же. С. 90.
- ¹⁶ Лосев Л. Указ. соч. С. 61–63.
- ¹⁷ См.: «О, как я опечален всюю судьбой, всем устремлением нашей литературы. Какое злое разрушительное дело она делала! Как страшно звучал над моим ухом все оплевывавший, все швырнувший в грязь хохот Салтыкова» (Переписка А. А. Измайлова и Э. Ф. Голлербаха (1919) // Измайлов А. А.: Переписка с современниками. СПб., 2017. С. 528).
- ¹⁸ Лосев Л. Указ. соч. С. 55–56, 77.
- ¹⁹ Там же. С. 66.
- ²⁰ Там же. С. 67.
- ²¹ Там же. С. 75. Ср.: А. И. Герцен называет «эзопов язык» «обузданной мыслью» (Лосев Л. Эзопов язык в русской литературе... С. 66), В. В. Виноградов – «особой формой риторической выразительности» (Там же. С. 75), И. А. Бродский пишет, что «цензура невольно обуславливает ускорение метафорического языка» (Там же. С. 67).
- ²² Дмитренко С. Ф. Салтыков (Щедрин). М., 2022. С. 482.
- ²³ Бушмин А. С. Комментарии // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16 (1). М., 1974. С. 418.
- ²⁴ Там же. С. 415.
- ²⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Здравомысленный заяц // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16 (1). М., 1974. С. 161.
- ²⁶ Иезуитова Л. А. Творчество Леонида Андреева (1892-1906). Л., 1976. С. 28.
- ²⁷ Икитян Л. Н. Испытание животностью, или Провокация «на четвереньках» в творчестве Леонида Андреева // Вопросы литературы. 1924. № 6. С. 139.
- ²⁸ Там же. С. 137.
- ²⁹ Ерохин В. Н. «Модернизм» Щедрина // Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий: материалы науч. конф. Тверь, 1996. С. 140–144.
- ³⁰ Кубасов А. В. М. Е. Салтыков-Щедрин как зеркало русского постмодернизма // Филологический класс. 2011. № 26. С. 23–26.
- ³¹ Назаренко М. Щедрин в творческом сознании русских писателей XX века. URL: <https://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/articles/nazarenko-schedrin-v-tvorcheskom-soznanii.htm?ysclid=ml9fw4f8m6163904234> (дата обращения: 06.02.2026)
- ³² Салтыков-Щедрин М. Е. Забытые слова // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 17. М., 1975. С. 464–465.
- ³³ Салтыков-Щедрин М. Е. Приключение с Крамольниковым // Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16 (1). М., 1974. С. 198.
- ³⁴ Андреев Л. Н. Впечатления <9 апреля> // Л. Н. Андреев. Собр. соч.: В 23 т. Т. 1. М., 2007. С. 130–131.

М. К. Лопачева

Бестиарий Михаила Булгакова: уроки М. Е. Салтыкова-Щедрина

Зооморфные образы, фантазмагорические превращения персонажей, которыми отмечены многие тексты М. Булгакова, определяя одну из особенностей уникального метода художника, маркируют не только его модернистскую природу, но и продуктивное взаимодействие с традицией. Подтверждение тому – отчетливое звучание в интертекстуальной полифонии его сатиры диалога с произведениями М. Е. Салтыкова-Щедрина. Прием зоологизации, характерный для гротескных сюжетов Салтыкова-Щедрина, высмеивающих социальные и нравственные пороки его эпохи, актуализируется и интерпретируется в булгаковской нарративной технике изображения катастрофичности пореволюционной действительности, угрожающей тенденцией которой становился процесс нравственной деградации личности, утрата человеческого начала в ней.

Ключевые слова: сатира, бестиарий, зоологизация, М. Е. Салтыков-Щедрин, интертекстуальность, гротеск

Mariya K. Lopacheva

Mikhail Bulgakov's Bestiary: Lessons from M.E. Saltykov-Shchedrin

Zoomorphic images and phantasmagoric transformations of characters, which mark many of M. Bulgakov's texts, define one of the features of the artist's unique method, marking not only his modernist nature, but also his productive interaction with tradition. This is confirmed by the distinct sound in the intertextual polyphony of his satire of dialogue with the works of M. E. Saltykov-Shchedrin. The method of zoologization, characteristic of the grotesque plots of Saltykov-Shchedrin, ridiculing the social and moral vices of his era, is actualized and interpreted in Bulgakov's narrative technique of depicting the catastrophism of post-revolutionary reality, the threatening tendency of which was the process of moral degradation of personality, the loss of the human element in it.

Keywords: satire, bestiary, zoologization, M. E. Saltykov-Shchedrin, intertextuality, grotesque

В ряду наиболее популярных у широкой читательской аудитории булгаковских героев числятся кот Бегемот и Шарик / Шариков. Между тем анималистическая образность – характерная черта многих произведений писателя, а в совокупности изображение или хотя бы упоминание реально существующих представителей животного мира, фантастических чудовищ и миксоморфных существ в его произведениях можно рассматривать как своего рода бестиарий. Эксплицируя особенности уникального художественного метода Булгакова, этот анималистический дискурс в его текстах выполняет важную смыслообразующую функцию – отражает мировоззренческие установки писателя, его аксиологические ориентиры, оценки текущей действительности, Революции и ее «оголтелых героев», которых, как отмечает М. Л. Гаспаров, «Булгаков ненавидит и ненавидит со вкусом и наслаждением»¹.

Бестиарий М. А. Булгакова весьма представительен. Как положено в средневековой европейской традиции, здесь имеются настоящие хтонические чудовища (гигантских размеров «гады» – змеи и крокодилы – из повести-гротеска «Роковые яйца», как автор обозначил в дневнике жанр текста), миксоморфы Шариков из «чудовищной истории» и кот Бегемот, починяющий примус, а также другой «черный кот с фосфорными глазами», в которого превратился функционер Кальсонер из мистической повести «Дьяволиада»². Однако немало в бестиарии Булгакова реальных представителей фауны. Внушительна создан-

ная профессором Персиковым коллекция зоологических редкостей – «голых земноводных», в частности, незримо присутствующая уникальная Суринамская жаба, гибель которой горько оплакивает ученый. Подробно описал Персиков одному из собеседников «кур гребенчатых» из «котряда куриных»³. Особое место в персонажном ряду реальных животных у Булгакова принадлежит представителям семейств псовых и кошачьих. Примечательно, что многим из них писатель придает некие антропоморфные черты. Таков кот-«неврастеник» из «Театрального романа», который, обезумев от игры одной из актрис, в ужасе взлетел на штору. «Ясновидящий» пес из рассказа «Говорящая собака» (1924 г.), самый обычный, «из породы дворняг», «стоял на эстраде и улыбался задумчивой улыбкой»⁴. Не появившийся на сцене пес Жак, по словам Ефросимова, героя пьесы «Адам и Ева», – для него самое близкое существо, без него он был бы «совершенно одинок на белом свете»⁵. Это, безусловно, и собака Пилата Банга, тонко чувствовавшая своего хозяина. По словам второй жены писателя Л. Е. Белозерской-Булгаковой, собака названа в ее честь, поскольку в период их брака «Банга» – домашнее прозвище, от «Любанги»⁶. Шарик до первой операции и после второй, «милейший пес», «ласковый <...>, но хитрый»⁷, своими «монологами» напоминает рефлексирующего интеллигента («Я – красавец. Быть может, неизвестный собачий принц-инкогнито»⁸). При этом сохраняются его естественные собачьи инстинкты: «...а сову эту мы разъясним...»⁹.

Занимая особое место в бестиарии Булгакова, собаки выполняют также важную миссию. По мнению С. К. Редкова и Е. А. Ибрагимовой, подробно проанализировавших анималистическую тему в романе «Мастер и Маргарита», автор «обозначает собачью породу как некую охрану и сопровождение высших сил, они более сведущи в происходящем, нежели человек...»¹⁰. Именно поэтому псы часто присутствуют в кульминационных моментах повествования.

Инфернальные подтексты сопровождают и появление персонажей из семейства кошачьих. Черные коты пугают героев превращением в огненно-рыжих, а «черный кот-толстяк» («котообразный толстяк») носит многозначное имя Бегемот, указывающее на сходство с неповоротливым животным и на мифопоэтические истоки – на средневековую демонологию. Как известно, так (Bhemoth) в книге Еноха названо одно из чудовищ, демон чревоугодия. Вместе с тем некоторые имена животных имеют и вполне внятную социальную коннотацию. Например, кличка милицейской собаки-ищейки в романе «Мастер и Маргарита» – Тузенбубен – остроумно отсылала современников писателя к дореволюционной истории легендарного полицейского пса-сыщика Трефа.

Булгаковский бестиарий формируется, в основном, с середины 1920-х гг. Причины – как семантическое усложнение сатирических текстов, так и вне-литературные, биографические факторы. Л. Е. Белозерская-Булгакова считала себя в определенной мере причастной к усилению анималистической образности в текстах мужа, поскольку ее любовь к животным привела к тому, что питомцами стали постепенно наполняться их с Булгаковым временные жилища. Сначала это были коты, затем полюбившийся писателю пес по кличке Бутон, названный писателем в честь слуги Мольера, над пьесой о котором он работал в период появления щенка. Хулиганистый котенок Флюшка, по словам Л. Е. Бе-

лозерской-Булгаковой, послужил прототипом озорного кота Бегемота с его проделками¹¹.

Различные приемы использования анималистической образности отражали писательский поиск форм эстетического освоения действительности, адекватного пореволюционной эпохе, поиск форм выражения ее нравственно-философской оценки и моделирования событийного наполнения. В эпоху слома культурной традиции Булгаков декларирует верность классической парадигме, но об апокалиптической сути происходящего говорит на языке пост-классического искусства, удерживаясь при этом от «чистого» модернизма. Свой нравственный и эстетический суд над алогизмом реальности Булгаков вершит, продуктивно взаимодействуя как с традицией, так и с модернистскими наработками рубежа веков, а также авангарда 1920-х.

О непрерывном диалоге Булгакова с классикой написано немало. В частности, исследуются пушкинский, гоголевский, толстовский, бунинский, блоковский интертексты в его произведениях. В сатирическом дискурсе Булгакова, безусловно, особое место принадлежит диалогу с М. Е. Салтыковым-Щедриным. О влиянии «беспощадного классика» (И. Золотусский) на процесс формирования своего художественного сознания не раз высказывался сам Булгаков. В «Письме правительству СССР» от 28 марта 1930 г., по сути, излагая свое кредо, писатель указывает на приверженность идее свободы слова, мистицизм, а основным своим делом как сатирика считает изображение «бесчисленных уродств нашего быта», не скрывая своего «глубокого скептицизма в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране»¹². И далее заявляет о своей идеологической и писательской задаче: «...самое главное – изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М. Е. Салтыкова-Щедрина»¹³. Тремя годами позже в связи с подготовкой тома «Литературного наследства», посвященного Салтыкову-Щедрину, он в числе других известных писателей отвечал на вопросы анкеты. Заявляя, что полюбил классика еще подростком, уточняет: «Полагаю, что степень моего знакомства с творчеством Щедрина – довольно высока, а роль его в формировании моего мировоззрения – значительна. <...> Считаю его перворазрядным художником»¹⁴. Во второй анкете Булгаков называет влияние, оказанное на него Щедриным, «чрезвычайным», признается, что часто его перечитывал и даже в юности подражал ему, а в зрелости открыл для себя «ужасную истину» – герои произведений классика пережили своего автора: «Тогда мой взгляд на окружающее стал траурным»¹⁵.

О булгаковской рецепции произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина неоднократно писали на рубеже XX–XXI вв.¹⁶, поскольку в 1980–90-е стало доступнее сатирическое пространство его творчества. На многоуровневость освоения наследия классика указывал Н. С. Степанов¹⁷. Исследуя поэтику комического в прозе Булгакова 1920-х гг., А. Ф. Петренко справедливо отмечал особую природу его гротеска: «Развиваясь в русле реалистического направления, булгаковский гротеск включал в себя черты романтизма и модернизма. <...> Булгаков „снижает“ мистику, переводит ее из фантастического плана в реальный; <...> писатель углубляет сатиру, делает ее более емкой и многозначной»¹⁸. Эту гро-

тесную эстетику обеспечивало как отменное чувство юмора писателя, так и хорошо усвоенные щедринские уроки.

Один из таких уроков – техника использования такого приема, как «зоологизация» персонажей. Построенные на анималистической образности «Сказки» Салтыкова-Щедрина прочитываются в подтекстах сатирической трилогии Булгакова «Дьяволиада», «Роковые яйца», «Собачье сердце».

В жизни обитателей бестиария Салтыкова-Щедрина, как известно, особую роль играл сюжет превращений, процесс «расчеловечивания» / «озверения» и «очеловечивания». Классика тревожили нравственные потери в человечестве, своей задачей он считал кроме постановки остро-социальных вопросов обличение «сирены» наоборот – изображение за внешне человеческим обликом скрытого звериного начала, о котором говорит герой рассказа «Приезд ревизора», провинциальный актер: «Здесь и люди-то, брат, не люди, а так, какие-то сирены, только навыворот: хвост человеческий, а стан рыбий...»¹⁹. Процесс появления некоторых миксоморфов Салтыкова-Щедрина происходит на глазах читателя. Для писателя важны как причины, так и стадии «одичания», зачастую это представлено гротескной «звериной» пластикой повествования. У генералов из первого текста цикла «Сказки» от голода вдруг засветился в глазах «зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья...»²⁰.

У Булгакова аналогичный прием (хотя и не в столь экспрессивной форме) увидим в «Дьяволиаде». Перевернувшийся для несчастного клерка Короткова привычный канцелярский мир выглядит нечеловеческим. Кроме кошачьей темы в тексте гротескно звучит сквозной орнитологический мотив: «... канцелярские брызнули в стороны и вмиг расселись по столам, как вороны на телеграфной проволоке»²¹. И очередное пугающее героя превращение: «За столами, напоминая уже не ворон на проволоке, а трех соколов Алексея Михайловича, сидели три совершенно одинаковых бритых блондина...»²². «Птичье» семантическое поле поддержано фамилиями «канцелярских» – Дрозд, Сворец. А о новом начальнике одна из героинь говорит в сердцах: «Ну и гусь!»²³.

На языковом уровне анималистическая топика использовалась Булгаковым нередко. Один из его излюбленных приемов – обыгрывание полисемии при создании метафор, как, например, в названии фельетона «Угрызаемый хвост» – описание очереди в МУУР, образовавшейся из желающих сдать власть по причине угрызений совести. Этот же прием использован в названии повести «Собачье сердце», основанном как на прямом значении притяжательного прилагательного, так и на отрицательной коннотации, негативном смысловом оттенке, содержащемся в переносном значении определения (ср. фразеологизмы «собачья работа», «собачья смерть»)²⁴.

Особенно любопытно булгаковское взаимодействие с образностью М. Е. Салтыкова-Щедрина представлено именно в «чудовищной истории», где можно увидеть явные аллюзии на сказку «Дикий помещик». Различные интертекстуальные слои повести Булгакова не раз обнаруживали исследования последних десятилетий. Назывались бродячий средневековый сюжет о гомун-

кулусе и одержимом ученом, «Фауст» Й. В. Гете, «Франкенштейн, Или современный Прометей» М. Шелли, «Остров доктора Моро» Г. Уэлса (Е. А. Яблоков и др.), философские идеи эпохи немецкого Просвещения²⁵, широкое информационное поле 1920-х годов, «кипевшее» проектами воспитания «нового человека» и «омоложения»²⁶. На щедринский интертекст в повести указывали А. Ф. Петренко, Н. С. Степанов. Однако по-прежнему актуальным остается дальнейшее исследование действия булгаковского механизма преобразования смыслов на уровне приема, в изобразительной пластике.

Оба текста структурно и содержательно основаны на архетипическом сюжете превращения. Однако в случае Салтыкова-Щедрина и Булгакова, это не фольклорный вариант (из «дурака» в «молодца», из старца в юношу и т. д.), а рождение «сирены навыорот». В обоих текстах описаны два превращения. Сходство можно увидеть также в изображении физиологических подробностей стадий метаморфоз, что усиливает гротесковость сказочно-фантастического сюжета. «Телесность» описания у Салтыкова-Щедрина поддерживается на фольклорный лад рефреном звучащего упоминания помещичьего «тела рыхлого, белого, рассыпчатого». Моральное одичание «российского дворянина, князя Урус-Кучум-Кильдибаева» ведет к биологическим трансформациям, описываемым Салтыковым-Щедринным со скрупулезностью физиолога: «Весь он с головы до ног оброс волосами <...>, а ногти у него сделались как железные. Сморгаться уж он давно перестал, ходил же все больше на четвереньках, и даже удивлялся, как он прежде не замечал, что такой способ прогулки есть самый приличный и самый удобный»²⁷. У Булгакова в записях Борментала читаем зеркальное щедринскому описание изменений Шарика: «Внезапно обнаружено выпадение шерсти на лбу и на боках туловища <...>. Выпадение шерсти приняло характер общего облысения»²⁸. В обоих текстах дано звуковое сопровождение процесса. Помещик «усвоил себе какой-то особенный победный клик, среднее между свистом, шипением и рывканьем»²⁹. У Булгакова о Шарике: «Отчетливо лает „Абыр“, повторяя это слово громко и как бы радостно»³⁰. Особая роль в метаморфозах отведена хвосту. Салтыков-Щедрин: «Но хвоста еще не приобрел»³¹. Булгаков: «Сегодня у него отвалился хвост»³². В обоих текстах подробности обратного превращения опущены. Помещик с большим трудом «изловили, <...> сейчас же высморкали, вымыли и обстригли ногти»³³. Булгаковский «кошмарного вида» полупес в стадии выздоровления после второй операции «с багровым шрамом на лбу, вновь поднялся на задние лапы и, улыбнувшись, сел в кресло»³⁴. Обе обратные метаморфозы – результат насилия. Князя «изловили», отчаянно сопротивлявшегося Шарикова прооперировали. Оба писателя отмечают фатальную роль газет, возбуждающих зооморфных героев. Отдаленный след пережитого персонажами отмечен в эпилогах. Помещик «тоскует по прежней своей жизни в лесах, умывается лишь по принуждению и по временам мычит»³⁵. Вернувшись в прежнее естество Шарик прошлое напоминают головные боли, возникающие кольцом по черепу.

Оба художника с симпатией рисуют реальных животных, в своей природной сущности они, не в пример миксоморфным существам, «человечнее», добрее и мудрее. В «Сказках» это старательные Трезорка и Коняга, медведь,

с которым подружился одичавший помещик. Благодарный Шарик боготворит своего хозяина, «мага» и «чародея».

«Зверский» мотив на лексическом уровне пронизывает описание Преображенского во время операции («...лицо Филиппа Филипповича стало страшным»; «он оскалил фарфоровые и золотые коронки»; «зверски оглянулся»; «зарычал», «злобно заревел профессор»). «Страшный» Преображенский сравнивается то со вдохновенным разбойником, то с насытившимся вампиром³⁶. Однако описание также зеркально по отношению к описанию «озверения» героев классика. Эти краски нужны Булгакову для обозначения масштаба личности героя, его цельности, одержимости, неумной природной энергии.

Межтекстовый диалог, казалось бы, налицо. Более того, можно заключить, что перед нами случай сильной интертекстуальной валентности, глубокий уровень контакта с претекстом, подтверждаемый неоднократными высказываниями Булгакова о Салтыкове-Щедрине. Смущающая зеркальность интерпретации – пример аграмматизма, особого способа взаимодействия с производящим материалом, который А. Д. Степанов, опираясь на концепцию М. Риффатера, определяет как имеющее место «в литературе отклонение не от правил грамматики, литературного языка и „хорошего стиля“, а от заданного горизонта ожидания, семантический и стилистический слом»³⁷. Именно такая нарративная техника, актуализирующая смыслы, заложенные в интерпретируемом источнике, ставит их в новые контексты, дает им развитие.

Булгаков переосмысливает идею «сирены наизыворот». Страшны не только черты «расчеловечивания», тревожившие классика, но также ненужные попытки насильственного «очеловечивания» прекрасного в своем природном естестве «зверя». По Булгакову, страшны как биологические, так и поспешные социальные эксперименты по гибридизации «новой породы» человека. Уродство миксоморфных результатов такой практики и фиксирует «траурный взгляд» писателя на реальность. Гениального Преображенского автор нравственно реабилитирует тем, что дает ему возможность признать и исправить научную ошибку. Герой ужаснулся результатам случайного открытия, сделанного в ходе проверки гипотезы о роли гипофиза в омоложении организма. «Очеловечивание» Шарика не было целью операции. Об опасности вырывающегося из-под контроля эксперимента Булгаков предупреждал еще в повестигротеске «Роковые яйца». К гротескным в духе Салтыкова-Щедрина, краскам прибегает он и в «Собачьем сердце», живописуя зооморфное чудовище – Шарикова, внешнее человекоподобие которого сочеталось с «атавизмами» – сохранением собачьих повадок: ловля блох, ненависть к котам, гавкающая манера говорить («Разве я просил мне операцию делать? – человек возмущенно лаял»³⁸). Знаменательна афористичная реплика профессора о том, что говорить «еще не значит быть человеком»³⁹. Безусловно, очевиден остросоциальный сатирический выпад Булгакова против нового режима, уловленный ранней советской цензурой. По выражению Е. А. Яблокова, «в сухом остатке» оказываются идеи простые и всем доступные. Уголовник Клим Чугункин, который существовал и „при царском режиме“, <...>, после большевистского переворота „воскресает“ в виде полноправного существа, которого идеологи „нового мира“

выдвигают в лидеры»⁴⁰. Различные социальные подтексты в повести, которые продолжают обнаруживать комментаторы ее, не должны заслонить глубокий универсальный смысл произведения. «Чудовищная история» – предупреждение о наступлении эпохи человеко-зверя, а точнее – поднимающегося из бездны, как писал С. С. Аверинцев, апокалиптического Зверя – Антихриста, «космического узурпатора и самозванца, носящего маску Христа, которого отрицает»⁴¹. Предупреждает писатель и об опасности неосторожного вторжения в природу.

Таким образом, уроки М. Е. Салтыкова-Щедрина дали результат. Булгаков в совершенстве овладел техникой использования «увеличительного стекла сатиры» не только для изображения скрытых механизмов социальной жизни, но и для того, чтобы ставить «злые» экзистенциальные вопросы. Прием зоологизации, характерный для гротескных сюжетов Салтыкова-Щедрина, актуализируется и интерпретируется в булгаковской нарративной технике изображения катастрофичности пореволюционной действительности, угрожающей тенденцией которой становился процесс нравственной деградации личности, утрата человеческого начала в ней. Главный же урок классика – равнодушие, боль за человека, критика того, что мешает ему состояться, Булгаков усвоил основательно.

Примечания

¹ Гаспаров М. Л. Записи и выписки. 2-е изд., испр. и доп. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 125.

² Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти т. Т. 2. Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы, Фельетоны. М.: Худож. лит., 1989. С. 31.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 430–431.

⁵ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти т. Т. 3. Пьесы. М.: Худож. лит., 1990. С. 340.

⁶ Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания / Сост. и послесл. И. Белозерского. М.: Худож. лит., 1989. С. 128.

⁷ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти т. Т. 2. С. 158.

⁸ Там же. С. 147.

⁹ Там же. С. 130.

¹⁰ Редков С. К., Ибрагимова Е. А. Анималистический символизм в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // На пути к гражданскому обществу. 2023. № 4. С. 75.

¹¹ Белозерская-Булгакова Л. Е. Воспоминания, с. 160–161.

¹² Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти т. Т. 5. Мастер и Маргарита; Письма. М.: Худож. лит., 1990. С. 446.

¹³ Там же.

¹⁴ Вахитова Т. М.: М. Булгаков о М. Е. Салтыкове-Щедрине: сайт. URL: <https://bulgakov.lit-info.ru/bulgakov/articles/vahitova-bulgakov-o-saltykove-schedrine.htm> (дата обращения: 31.01.2026).

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры, 2001; Петренко А. С. Комические персонажи «малой прозы» Булгакова // Новое в теории и практике преподавания русского языка и литературы 2. Сб. науч. тр. ПГЛУ. Пятигорск, 1999. С. 26–33; Борисова Л. В. Проблема бессознательного в произведениях М. Салтыкова-Щедрина и М. Булгакова // Вестник ПГЛУ. 1999. № 1. С. 42–48 и др.

¹⁷ Степанов Н. С. Сатира Михаила Булгакова в контексте русской сатиры XIX – I половины XX веков : монография. Вінниця: УНІВЕРСУМ-Вінниця, 1999. 281 с.

- ¹⁸ Петренко А. Ф. Сатирическая проза М. А. Булгакова 1920-х годов: поэтика комического: автор... дис. кан. филол. наук. Ставрополь: 2000: сайт. URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/satiricheskaya-proza-bulgakova-1920-h-godov-poetika-komicheskogo/p11> (дата обращения 25.01.2026).
- ¹⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1965. С. 37.
- ²⁰ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16. Кн. 1. М.: Худож. лит., 1974. С. 9.
- ²¹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти т. Т. 2. С. 15.
- ²² Там же. С. 23.
- ²³ Там же. С. 13.
- ²⁴ Словесную игру писателя с ассоциациями использует М. Л. Каганская в публикации, предлагающей достаточно вольный комментарий повести «Собачье сердце», сопоставляемой с медицинскими протоколами, отражавшими последние месяцы жизни В. И. Ленина (см.: Каганская М. Л. Собачья смерть // М. А. Булгаков: pro et contra, антология / Сост. О. В. Богданова. СПб.: РХГА, 2019. С. 104–162).
- ²⁵ Марграфф У. «Собачье сердце» М. А. Булгакова в свете дискурса о «новом человеке» и историко-философских воззрений И. Канта // М. А. Булгаков: pro et contra, антология / Сост. О. В. Богданова. СПб.: РХГА, 2019. С. 512–526.
- ²⁶ Урюпин И. С. Творчество М. А. Булгакова: апокалиптический мотив «человека-зверя» в репрезентации темы самозванства // М. А. Булгаков: pro et contra... С. 200–204.
- ²⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16. С. 28–29.
- ²⁸ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти т. Т. 2. С. 159–160.
- ²⁹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16. С. 29.
- ³⁰ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5-ти т. Т. 2. С. 160.
- ³¹ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16. Там же.
- ³² Булгаков М. А. Собр. соч. Т. 2. С. 161.
- ³³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16. С. 30.
- ³⁴ Булгаков М. А. Собр. соч. Т. 2, с. 207.
- ³⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. Т. 16. Там же.
- ³⁶ Булгаков М. А. Собр. соч. Т. 2. С. 156–158.
- ³⁷ Степанов А. Д. Проблема «аграмматизма» в поэзии и прозе // Интертекстуальный анализ: принципы и границы: сб. научных статей под ред. А. А. Карпова, А. Д. Степанова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 19–20.
- ³⁸ Булгаков М. А. Собр. соч. Т. 2. С. 191.
- ³⁹ Там же. С. 200.
- ⁴⁰ Яблоков Е. А. Бесполойное «Собачье сердце», или Горькие плоды легкого чтения // Октябрь. № 3. 2010. С. 151.
- ⁴¹ Аверинцев С. С. Собр. соч. София-Логос. Словарь. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 55.

Е. С. Жилене

Влияние творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина на современный литературный процесс в освещении критики*

Критические ракурсы восприятия творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина со всей очевидностью обнаруживает влияние традиций классика на произведения современной отечественной литературы. Настоящее исследование анализирует критический и научный взгляд на причины реактуализации традиций творчества классика. В качестве примера в статье приводится сопоставительного анализа романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» и романа В. Сорокина «Сахарный Кремль». Критические ракурсы рассмотрения щедринских традиций в современном художественном тексте позволяют наметить важнейшие пути развития современной литературы и обнаружить связь современного литературного процесса с классическим периодом.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, современная критика, В. Сорокин, литературные традиции, социально-политический роман

Ekaterina S. Zhilene

The image of M. E. Saltykov-Shchedrin's creativity on the modern literary process in the context of criticism

Critical perspectives on the perception of Mikhail Saltykov-Shchedrin's work clearly demonstrate the influence of the classic's traditions on contemporary Russian literature. This study provides a critical and scientific analysis of the reasons for the reactualization of the classic's creative traditions. As an example, the article presents a comparative analysis of Mikhail Saltykov-Shchedrin's novel "The History of One City" and Vladimir Sorokin's novel "The Sugar Kremlin". Critical perspectives on the study of Shchedrin's traditions in contemporary literary texts allow us to identify the most important ways of developing contemporary literature and to establish a connection between the contemporary literary process and the classical period.

Keywords: M. E. Saltykov-Shchedrin, contemporary criticism, V. Sorokin, literary traditions, socio-political novel

*«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00636, <https://rscf.ru/project/24-18-00636/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского»

М. Е. Салтыков-Щедрин по праву считается одной из наиболее ярких и значимых фигур в литературной жизни России второй половины XIX в. Писатель, публицист, один из ярчайших сатириков, редактор, талантливым организатор и руководитель одного из ведущих литературных изданий эпохи, принявший руководство «Отечественными записками» после смерти Н. А. Некрасова – М. Е. Салтыков-Щедрин явился знаковой фигурой своей эпохи. Произведения Салтыкова-Щедрина отличает не только детальная точность в изображении важнейших событий в жизни русского общества, не только обличительный пафос, но и стремление к философскому осмыслению хода истории, его влияния на развитие общества. На пути к искомой жанровой форме, которая бы наиболее точно отвечала авторскому замыслу, «Щедрин модифицирует уже имеющиеся прозаические жанры – роман и сказку. Крупные произведения Щедрина – это жанровые контаминации семейного, исторического, сатирического романов, антиутопии, цикла очерков»¹.

Одну из главных задач своего творчества Щедрин видел в том, чтобы показать антигуманность и, следовательно, бесперспективность насильственных

мер внутри государства, общества, семьи. Писатель убедительно показывал нежизнеспособность любого способа общественного устройства, если такой основывался на деспотизме, тирании, навязывании чужой воли. Антигуманная сущность власти в различных преломлениях раскрывается в наиболее значимых произведениях писателя, таких как «История одного города» (1870), «Господа ташкентцы» (1873), «Господа Головлевы» (1880), «Современная идиллия» (1883), «Пошехонская старина» (1889) и, конечно, сатирические сказки.

Долгое время творчество Салтыкова-Щедрина, сфокусированное на социально-политической проблематике, критика соотносила только с эпохой конца XIX в., с проблемой тирании и деспотизма царской власти, крепостничества и реакции. Сегодня критический ракурс восприятия оказывается иным – становится очевидной связь произведений современной русской литературы с традициями прозы классика XIX в. Современный критический взгляд указывает на «непреходящую актуальность предпринятого Щедриным анализа индивидуальных психологических особенностей личности в их зависимости от общественных процессов»².

Желание определить и проанализировать современную общественно-политическую ситуацию по праву можно считать той наиболее весомой причиной, по которой современные русские писатели в своем творчестве обращаются к традиционным особенностям и характерным чертам прозы М. Е. Салтыкова-Щедрина, искусно сочетающей принципы художественного отображения действительности и публицистики.

Современная наука и критика отмечают, что именно крупная форма – роман – в высшей степени точно позволяет отразить современную общественно-политическую ситуацию, учитывая необходимую широту отображаемых событий и глубину поставленной проблематики. Корневые изменения в общественной жизни, влекущие за собой постановку острых социальных вопросов, а также необходимость анализа политической ситуации и места в ней простого человека, определяют, по словам М. Н. Липовецкого, необходимость возрождения «большого романа»³. Так на рубеже XX–XXI вв. одним из главных жанров вновь становится роман, критически осмысляющий перемены в жизни русского общества. О высокой степени значимости романной жанровой парадигмы для русской литературы говорят Т. Н. Маркова⁴, В. Новиков⁵, А. Чанцев⁶ и др.

Со всей очевидностью в современном отечественном литературном процессе наблюдается новая эпоха развития жанра социально-политического романа, где в центре внимания оказывается общественно-политическая борьба, а центральным конфликтом неизменно является конфликт идеологический, что обуславливает детальное изображение действительности со всеми ее противоречиями, подробное исследование причин и предпосылок сложившейся ситуации. Способом выражения авторской позиции традиционно оказывается полемика героев, в ходе которой представленные программы дальнейшего пути развития общества или принимаются, или обличаются и отвергаются. Центральными проблемами, которые ставит русский социально-политический роман, неизменно являются проблема выбора пути развития России, проблема взаимоотношений народа и власти, а также взаимоотношений между различ-

ными социальными слоями общества, проблема классовых противоречий. Подобная проблематика требует филигранной точности в изображении разных аспектов человеческой жизни, в связи с чем периферийными проблемами социально-политического романа становятся проблемы бытовые, межличностные, психологические, морально-этические, нравственные, духовные, философские – то есть все те проблемы, которые могут быть поставлены в определенном обществе и которые требуют от писателя тонкой наблюдательности и высокой изобразительной точности.

Анализируя ход развития литературного процесса начала XXI в., критика отмечает, что одну из главных своих задач русская литература видела в подведении итогов ушедшей эпохи, в осмыслении настоящего и в раздумьях о будущем, в чем, бесспорно, прослеживается возвращение к традиционному для классической литературы вопросу о выборе пути развития России. Именно поэтому одной из наиболее острых тем оказывается «версия и вариант» будущего России. Социально-политическая тематика становится одной из ведущих в литературе 2000-х годов: появляется ряд крупных прозаических произведений, фокусом внимания которых оказывается социальная жизнь в новых (постсоветских) реалиях. Представляя картину жизни «новой» России, писатели обнаруживают упадок общественных настроений, всеобщий пессимизм и «нервность», которая вновь проявляется в русском обществе, поставленном на пороге перемен на рубеже веков, спустя 100 лет⁷. Создается ряд произведений, написанных в жанре, близком антиутопии, но все же имеющем некоторые расхождения с ней. Жанровая дефиниция этих произведений по-прежнему вызывает дискуссии, однако их общность бесспорна: «Так или иначе, у нас появился ряд произведений неясной жанровой принадлежности, но воспринимаемых как антиутопии или дистопии или нечто хотя бы „по намерению“ к ним близкое»⁸. Современное литературоведение предлагает определить жанр таких произведений, как «антиантиутопия» или «новая антиутопия»⁹. Т. Н. Маркова отмечает: «<...> настала пора говорить об антиутопии как свойстве произведений самых разных жанров, как неотъемлемой части художественного мышления конца XX – начала XXI вв.»¹⁰. Среди знаковых произведений современной литературы возникает целая плеяда текстов, объединенных темой постапокалипсиса, жизни после ядерной катастрофы, великого взрыва и т. п.: Т. Толстая «Кысь» (2000), Д. Глуховский «Метро 2033» (2005), В. Сорокин «День опричника» (2006), «Сахарный Кремль» (2008), «Теллурия» (2013), А. Круза «Эпоха мертвых» (2009), А. Мичурин «Еда и патроны» (2009), В. Пелевин «S.N.U.F.F.» (2011), А. Лестер «Сектор» (2013) и др. О высокой и едва ли не определяющей степени влияния творчества Салтыкова-Щедрина на развитие социально-политического романа в новейшей русской литературе говорит Д. Б. Дядык говорит: «Выявление в социально-политических романах 2000-х годов жанровых традиций Щедрина и идейно-художественных концепций авторов этих произведений позволяет утверждать, что социально-политические романы рубежа XX и XXI веков устремлены к раскрытию фундаментальных, свойственных разным эпохам общественных противоречий»¹¹.

Остановимся подробнее на вопросе о влиянии традиций прозы Салтыкова-Щедрина (в большей степени социально-политического романа) на твор-

чество В. Сорокина и его роман «Сахарный Кремль» (2008), где писатель-концептуалист снова рассматривает уже поставленную им в повести «День опричника» (2006) проблему самоопределения России, поиска путей развития державы, размышляет о закономерностях хода истории и о ее цикличности. Главный вопрос обоих текстов о будущем России произносит опричник Комягой, – «Что с Россией будет?»¹².

Подобно тексту романа Салтыкова-Щедрина «История одного города», искусно представляющему контаминацию эпох (глуповский летописец охватывает период с 1731 по 1825 г., но при этом персонажи и события не детерминированы определенными эпохами), тексты В. Сорокина («День опричника» и «Сахарный Кремль») представляют образ России будущего, в котором органично сплелись и прошлое, и настоящее, и свертехнологичное будущее. Используемый Салтыковым-Щедриным в «Истории одного города» сатирический гротеск позволяет писателю изобразить мир тирании и деспотизма, жестокости и алчности, глупости и безрассудного молчаливого подчинения. Включение элементов фантастики (история Деметия Варламовича Брудастого, в голове которого был органчик, который проигрывал всего две фразы «не потреплю!» и «разорю!») позволяет выразить абсурдность происходящего. В. Сорокин также использует сатирический гротеск для изображения социально-политических проблем современной (новой) России. Сорокин акцентирует контаминацию эпох нарочитой архаичностью языковых средств (государь, опричник, челядь, сотник, опала и проч.), упоминанием современных реалий (мерседес, интерда (версия интернет), кинематограф, телевидение), а также высокотехнологичные новые реалии (возникающая в воздухе голограмма правителя) и элементы фантастики (живородящая шуба, которая сама ест снег и пьет дождь). На вопрос о том, почему в представленной картине будущего доминирует архаическая стилистика, Сорокин отвечает: «А что, в русской жизни мало архаического? <...> Отношения между государством и народом у нас по-прежнему архаичны. Я лишь оформил эти отношения стилистически, добавил то, чего не хватает»¹³.

Являясь как бы логическим продолжением «Дня опричника», «Сахарный Кремль» включает в себя повествование и об опричниках, и о стрельцах, и о государе и государыне, на страницах романа появляется главный герой «Дня опричника» Комяга. Однако называть «Сахарный Кремль» лишь продолжением «Дня опричника» было бы неверно. В новом романе Сорокин как бы раздвигает рамки освещаемого мира России будущего – России 2028 г. В. Сорокин: «„День опричника“ – это монолог. Это мир глазами одного человека, Комяги. „Сахарный Кремль“ – стилевое многоголосие. Мне захотелось дать высказаться другим гражданам России 2028 года. Я старался развить и закрыть тему „Дня опричника“. Мне хотелось увидеть более полно мир 2028 года»¹⁴. Так «Сахарный Кремль» повествует о жизни московских школьников, об укладе жизни обычного московского семейства (рассказ «Марфушина радость»), о каликах, выживающих в Москве будущего и не ждущих помощи от государства (рассказ «Калики»), о капитане госбезопасности и о работе Тайного Приказа (рассказы «Кочерга» и «Кочерга Русская народная сказочка»), о государыне и ее образе жизни (в продолжение затронутой темы в «Дне опричника»), при этом

в рассказе возникает образ Комяги (рассказ «Сон»), о жизни заключенных, работающих над возведением участка Великой Русской Стены (рассказ «Харчевание»), о праздной жизни артиста Кремлевской Потешной Палаты (рассказ «Петрушка»), зарисовка из жизни питейного дома под звучным и ироничным названием «Счастливая Московия» и его разнообразнейшей публики (рассказ «Кабак»), о возвращении в московскую жизнь 2028 г. такого яркого явления как очередь, о жизни благовоспитанного семейства из подмосковного села (рассказ «Письмо»), о работе завода будущего, о жизни трудящихся в отдельном цехе рабочих (рассказ «На заводе»), об особенностях кинематографа 2028 г., работе съемочной группы и актеров (рассказ «Кино»), о совершенно другой, «нереальной» во всех смыслах этого слова жизни и взаимных отношениях людей, чьи родственники оказались арестованными (рассказ «Underground»), о существовании в Москве будущего нескрываемого (= легализованного) дома терпимости (рассказ «Дом терпимости»), о жизни русской деревни (рассказ «Хлюпино»), о жизни опальных и власть имущих (рассказ «Опала»). Таким образом, новый роман Сорокина представляет целую галерею образов Москвы 2028 г., включающую представителей совершенно разных социальных слоев, описывает московскую жизнь с совершенно разных позиций и точек зрения.

Обращает на себя внимание и композиционное сходство двух текстов. Роман Салтыкова-Щедрина состоит из шестнадцати глав и представляет собой летописец города Глупова, то есть официальную историческую хронику, где каждая глава имеет своего автора, кроме первой и последней, принадлежащими издателю. Об избранной форме повествования Щедрин говорит следующее: «Вообще я выработал себе такое убеждение, что никакою формою стесняться не следует, и заметил, что в сатире это не только не безобразно, но иногда даже не безэффектно»¹⁵. И далее: «Для меня хронология не представляет стеснений, ибо <...> я совсем не историю предаю осмеянию, а известный порядок вещей»¹⁶. При этом сюжетное повествование выстроено таким образом, что каждая новая глава, являясь самостоятельным целым, привносит новый уровень сатирического отображения.

В романе «Сахарный Кремль» так же шестнадцать глав, которые не объединены общим сюжетом, а действие разворачивается в эпоху после Красной, Белой и Серой смуты. Сквозным образом всех рассказов оказывается образ сахарного Кремля, в той или иной форме возникающий в каждой из глав и являющийся заглавным. Таким образом, каждая новая глава достраивает часть картины художественной действительности будущей эпохи, позволяя увидеть «новую» русскую жизнь в различных ее проявлениях, тем самым, позволяя выстроить многоуровневое сатирическое повествование.

Интересным и ценным представляется наблюдение Д. Б. Дядык о формах авторского присутствия в обоих текстах. Исследователь сопоставляет субъектную организацию произведений Салтыкова-Щедрина и Сорокина и приходит к выводу о том, что Сорокин перенимает и развивает новаторский прием Щедрина, заключающийся в «двойственной природе автора в сатирическом повествовании, выражающийся в сознательном переходе автора от одной формы своего присутствия в тексте к другой»¹⁷. Этот прием позволяет Щедрину создать

в высшей степени яркие и реалистичные художественные образы. Анализируя проявления образа автора в текстах Сорокина, Д. Б. Дядык отмечает: «<...> его состояния сменяют друг друга с настолько высокой частотой, что создается ощущение присутствия-неприсутствия предельно двойственного в своей культурной, половой, эстетической ипостасях образа автора. По сути, это новый этап развития авторской двойственности <...>»¹⁸.

Избранную Салтыковым-Щедриным форму летописного повествования неверно было бы считать пародированием. Как справедливо отмечает А. В. Кубасов, «пародийная форма выполняет у Щедрина не пародийные функции, а социальные, политические»¹⁹. Исследователь творчества Салтыкова-Щедрина Д. П. Николаев отмечает: «Сатирика не очень-то увлекало пародирование сугубо литературное. Гораздо большее развитие в его творчестве получило пародирование иных текстов – политических, юридических, исторических, публицистических и т. д.»²⁰.

В литературе постмодернизма, как известно, пародийное начало сменяется игровым. И в этой связи важно отметить традиционно используемый концептуалистом Сорокиным прием стилизации, имитации чужого текста, который в данном случае используется с целью усиления приема контаминации эпох: Сорокин использует различные стили, отсылающие к определенному жанру или творчеству того или иного писателя, которые отсылают к различным периодам развития литературы, причем не только отечественной, но и зарубежной. Т. Колядич, анализируя интертекстуальное поле романа «Сахарный Кремль», обнаруживает множество отсылок. Так при написании «Марфушиной радости» Сорокин ориентируется на стиль святочного рассказа, рассказ «Калики» имитирует этнографический очерк С. Максимова «Бродячая Русь Христа ради», а финал рассказа делением героев на слепых и зрячих отсылает к финалу пьесы М. Метерлинка «Слепые». Рассказ «Кочерга» написан в стилистике романов Юлиана Семёнова, однако центральный диалог между капитаном Севастьяновым и арестованным Смирновым отсылает к сценам из романа А. Рыбакова «Дети Арбата». Пародийный характер рассказа подчёркивается скрытыми цитатами из советских песен – «Хотят ли русские войны» и «Незримый бой». В рассказе «Сон» прослеживается пародирование как Михаила Булгакова, так и мистической прозы Владимира Орлова, несмотря на внешнее сходство с первым романом дилогии – «День опричника». Главный герой рассказа «Петрушка» – шут государя, напоминает героя рассказа Николая Лескова «Тупейный художник». Рассказ «Опала», в сюжете которого гибнет главный герой «Дня опричника» Комяга, построен на скрытом цитировании песни Булата Окуджавы «Не предлагай пределов вечных»²¹. Претекстом рассказа «Харчевание» оказывается рассказ А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»²².

Ретроспективный и перспективный взгляд на ход российской истории Салтыкова-Щедрина и Сорокина также обнаруживает определенное сходство при всех видимых, на первый взгляд, различиях. Салтыков-Щедрин в письме к А. Н. Пыпину от 2 апреля 1881 г. отмечает: «Взгляд <...> на моё сочинение, как на опыт исторической сатиры, совершенно неверен. Мне нет никакого дела до истории, и я имею в виду лишь настоящее. Историческая форма рассказа

была для меня удобна потому, что позволяла мне свободнее обращаться к известным явлениям жизни. Может быть, я и ошибаюсь, но <...> те же самые основы жизни, которые существовали в XVIII в., – существуют и теперь. Следовательно, „историческая“ сатира вовсе не была для меня целью, а только формой»²³. Сорокин так же использует «историческую» сатиру как форму и признается, что его прежде всего интересует настоящее: «В случае с „Сахарным Кремлем“ оказывается возможным получить некую площадку обозрения <...> я экспроприировал 2028 год, чтобы поставить там телескоп и взглянуть на современную Россию»²⁴. Как отмечает А. В. Кубасов, «стилизованная история – составляет суть художественного мира романов Сорокина и Щедрина»²⁵.

Таким образом, можно заключить, что объектом изображения писателя-реалиста XIX в. М. Е. Салтыкова-Щедрина и писателя-концептуалиста XXI в. В. Сорокина неизменно оказывается образ настоящей России, русская жизнь в ее социально-политическом контексте, проблема самоопределения России и поиска дальнейшего пути ее развития, морально-этическая и нравственная проблематика, анализ русского национального характера. Салтыков-Щедрин избирает форму летописания и предлагает экскурс в прошлое, а Сорокин – экскурс в будущее. При этом оба писателя представляют в известной степени пессимистичный взгляд на социально-политическое устройство России, обнаруживают схожее понимание природы власти, что «рождает определенное эстетическое отношение к действительности, пессимистическое в своей основе, являющееся структурообразующим для антиутопизма»²⁶. Таким образом, оказывается, что тексты обоих авторов оказываются средством социально-политической полемики с современностью. Другое дело, что Салтыков-Щедрин как писатель-реалист верит в созидательную силу слова, в то, что слово поучительное непременно принесет плоды, а сатирически изображенные картины обязательно привлекут внимание общественности и убедят в необходимости изменений, а писатель-концептуалист В. Сорокин лишен морализаторства, его текст не предполагает дидактизма и воздействия на читателя в воспитательных целях, отыгрывая доминантную установку концептуализма на безыдейность.

Связь современного литературного процесса с творчеством М. Е. Салтыкова-Щедрина для современной критики очевидна и неоспорима: она проявляется на различных текстовых уровнях, а ее истоки логически обусловлены литературоцентричностью России, ходом истории, особенностями социально-политического положения и способами отображения изменений жизни общества в литературе. Приведем точное наблюдение А. В. Кубасова: «В подпочве антиутопичности постмодернизма лежит великий утопический социалистический проект XX века. Утопизм века XIX менее очевиден, но более наивен и умозритель. Однако он, несомненно, был. Из продолжения его и вырастает в XX веке великая утопия»²⁷.

Современная критика, рассматривая, определяя и анализируя художественный метод и идейно-эстетические принципы творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина, позволяет наметить пути возрождения его традиций, обнаружить точки возможного соприкосновения в художественных средствах отображения социально-политической проблематики эпохи конца XIX в. и эпохи рубежа XX–

XXI вв. Так, современная критика объясняет реактуализацию традиций творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина стремлением определить и проанализировать положение общества в постсоветской России, поставить важные проблемы современности и обозначить необходимость их решения. Как подтверждает критический обзор, обращение к крупной форме, к социально-политической проблематике, к способу жанровой организации текста, к приемам сатирического отображения жизни, к характерным формам фигурирования автора в тексте, подтверждает возрождение новаторских приемов прозы М. Е. Салтыкова-Щедрина в современном литературном процессе.

Примечания

¹ Дядык Д. Б. Жанровые традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина и русская проза 2000-х годов (А. Проханов, Д. Быков, В. Сорокин). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. С. 5.

² Там же. С. 7.

³ Липовецкий М., Эткинд А. Возвращение тритона: советская катастрофа и постсоветский роман // НЛО. 2008. № 94. С. 174–206.

⁴ Маркова Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин). М.: Изд-во МГОУ, 2003. 163 с.

⁵ Новиков В. Филологический роман: старый новый жанр на исходе столетия // Новый мир. 1999. № 10. С. 193–205.

⁶ Чанцев А. Фабрика антиутопий // НЛО. 2007. № 86. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/86/cha16.html> (дата обращения 10.02.2026).

⁷ Как отмечает И. Н. Сухих, нервность – доминанта художественного мира А. Чехова, а в пьесе «Вишневый сад» она становится всеобщей формой существования героев и играет определяющую роль в формировании художественного мира произведения (Сухих И. Н. «Вишневый сад» А. П. Чехова. СПб.: Филол. фак-т. СПбГУ, 2003. 25 с.).

⁸ Фишман Л. В системе «двойной антиутопии» // Дружба народов. 2008. № 3. С. 48–54.

⁹ Дядык Д. Б. Традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина в романе В. Сорокина «Сахарный Кремль» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск, 2010. № 4. С. 242.

¹⁰ Маркова Т. Н. Жанровое поле антиутопии на рубеже XXXI веков // Время как объект изображения, творчества и рефлексии. Иркутск, 2010. С. 412–413.

¹¹ Дядык Д. Б. Жанровые традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина и русская проза 2000-х годов (А. Проханов, Д. Быков, В. Сорокин). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. С. 7.

¹² Сорокин В. День опричника. М.: Захаров, 2006. С. 141.

¹³ Сорокин В. «В России вполне бы ужились высокие технологии и телесные наказания на площадях...». URL: <http://sorokin-news.livejournal.com/45349.html> (дата обращения: 10.02.2026).

¹⁴ Сорокин В. «Дух опричнины тлеет в нас». URL: <http://sorokin-news.livejournal.com/45809.html#cutid1> (дата обращения: 10.02.2026).

¹⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Письмо к А. Н. Пылину от 2 апреля 1881 года. URL: <https://saltykov-schedrin.lit-info.ru/saltykov-schedrin/pisma/pismo-310.htm> (дата обращения: 10.02.2026).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Дядык Д. Б. Традиции М. Е. Салтыкова-Щедрина в романе В. Сорокина «Сахарный Кремль» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск, 2010. №4. С. 245.

¹⁸Там же.

¹⁹Кубасов А. В. М. Е. Салтыков-Щедрин как зеркало русского постмодернизма // Филологический класс, 2011. № 26. С. 23.

²⁰Николаев Д. П. Смех Щедрина: очерки сатирической поэтики. М.: Сов. писатель, 1988. С. 303.

²¹Колядич Т. М. Антиутопия или альтернативная фантастика? // От Аксенова до Глуховского. Русский эксперимент. М.: КРПА Олимп, 2010. С. 34–43.

²²Биберган Е. С. Рыцарь без страха и упрека: Художественное своеобразие прозы Владимира Сорокина. Научная монография. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2011. С. 156–166.

²³Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч.

²⁴Сорокин В. «В России вполне бы ужились высокие технологии и телесные наказания на площадях...». URL: <http://sorokin-news.livejournal.com/45349.html> (дата обращения 10.02.2026).

²⁵Кубасов А. В. Указ. соч. С. 25.

²⁶Там же.

²⁷Там же. С. 24.

Е. В. Гладкова

Литературная судьба поэта и мыслителя П. А. Кускова

Актуальность исследования обусловлена неизученностью личности и творчества Платона Кускова, поэта, прозаика и мыслителя 2-ой половины XIX в. Несмотря на несомненные достоинства своего творчества, поэт оказался в тени своих современников. Парадоксы этого феномена автор рассматривает в данной статье, прослеживая творческий путь Кускова, его биографию, а также анализируя критические отзывы о нём. В центре внимания автора – второй, «зрелый» период лирики П. А. Кускова.

Ключевые слова: поэт Платон Кусков, лирика 2-ой половины XIX в., творческий путь, критика, религиозный мыслитель

Ekaterina V. Gladkova

The literary fate of poet and thinker P. A. Kuskov

The relevance of the study is due to the unexplored personality and creativity of Platon Kuskov, poet, prose writer and thinker of the second half 19th in. Despite the undoubted merits of his work, the poet was in the shadow of his contemporaries. The author examines the paradoxes of this phenomenon in this article, tracing Kuskov's creative path, his biography, and analyzing critical reviews about him. The author focuses on the second, "mature" period of Kuskov's lyrics.

Keywords: poet Platon Kuskov, lyrics of the 2nd half 19th in., literary fate, criticism, religious thinker

Имя Платона Александровича Кускова (1834–1909) известно сегодня преимущественно специалистам по литературе 2-ой половине XIX в. Впрочем, уже в начале XX века оно было известно немногим соотечественникам, хотя некоторые стихотворения поэта с биографическим очерком были включены в хрестоматию Гербеля¹, а в словаре Брокгауза и Эфрона была помещена небольшая статья о нём². Между тем перед нами оригинальный религиозный философ и поэт своего времени, сотрудник и собеседник Ф. М. Достоевского, Н. Я. Данилевского и Н. Н. Страхова по журналам «Время» и «Эпоха». Кроме того, он был видным чиновником, имевшим чин действительного статского советника. В. Розанов хотел включить П. А. Кускова в свою серию «Литературные изгнанники», в которую собрал письма тех оригинальных мыслителей и писателей, которые не нашли широкое признание своих современников. С. Н. Дурылин свидетельствует об этом намерении В. Розанова и приводит высказывание своего собеседника: «Вы не знаете, какой это ум. Я давно хотел это издать в следующих томах «Литературных изгнанников». С примечаниями, со статьёй. Это непременно нужно»³.

Уже в некрологе на смерть П. А. Кускова в 1909 г. В. Розанов с большой теплотой и уважением отзывается о поэте, которого лично знал и переписывался с ним: «Он любил Евангелие, любил мысль человеческую, любил и уважал человека, и в лаборатории его мысли все это связывалось и взаимно освещалось»⁴.

Биография Платона Александровича Кускова известна фрагментарно по его собственным воспоминаниям, свидетельствам современников и потомков. Родился он 18 ноября 1834 г. в Петербурге в семье обедневших дворян. Его отец Александр Кусков отличался религиозностью и был членом Общества восстановления православного христианства на Кавказе. Получив образование

в коммерческом училище, Платон Александрович Кусков в 1853 г. будет определен на службу в Одессу в Приказ общественного призрения, позже он переведен в Петербургский приказ. В 1861 г. Кусков вышел в отставку в чине коллежского секретаря, а через два года поступил в Главное выкупное учреждение, где прослужил около 30 лет, последовательно занимая должности производителя дел, помощника управляющего и управляющего делами, члена Главного выкупного учреждения от министерства внутренних дел.

Литературная деятельность Платона Кускова начинается рано: в 20-летнем возрасте он публикует свои первые стихотворения в «Современнике» (1854), в отделе «Литературный ералаш», без подписи автора. В этих стихотворениях («Река» и «Последняя просьба») журнал под редакцией Н. А. Некрасова увидел «нечто оригинальное, делающее их стоящими прочтения».

В начале 1860-х гг. Кусков сближается с Ф. М. Достоевским и редакционным кружком журнала «Время», а в начале 70-х гг. с А. Н. Майковым, Н. Н. Страховым и кругом почвенническо-славянофильского журнала «Заря». В прозе, помимо фельетонов и рецензий в «Голосе» (1863), Кусков напечатал «Нечто о нравственном элементе в поэзии» («Свечеч», 1861, № 5), «Повесть об одном сумасшедшем поэте» («Время», 1861, № 5) и др. В статье «Нечто о нравственном элементе в поэзии» Кусков стремится очистить литературу от общественных страстей и интересов: «Мне хочется, живых и верных изображений той вечной жизни, которая созидает историю и совершенно поглощает в себе, как незаметные крупинки, все переходные и мимолетные состояния различных обществ, разнящихся между собой только теми или другими идеями и нисколько не отличающихся одно от другого своею сущностью»⁵. Для бурных 60-х гг. это служение вечности и чистому искусству выглядело неуместно, поэтому стихи Кускова скоро стали мишенью для насмешек и пародий (В. П. Буренина, Г. Н. Жулёва, В. С. Курочкина, Д. Д. Минаева и особенно Н. Л. Ломана). Решающую роль в оставлении литературы сыграло для Кускова крайне отрицательное отношение к его творчеству А. А. Григорьева.

Сожалел о неудачной литературной судьбе поэта И. Ф. Анненский: «...Такие поэты, как Случевский и Кусков, начавшие писать в юности, должны были, в силу внешних обстоятельств, замолчать на десятки лет»⁶. Как замечает И. Г. Ямпольский, «...Кусков в 1863 году прекратил не только печатание (подобно Случевскому и Апухтину и по тем же причинам), но и писание стихов и вообще всякую литературную работу. Единственным исключением являлся перевод трагедий Шекспира. Кусков вернулся к поэзии лишь в 1880 году»⁷.

Действительно, проходит 18 лет, и Кусков снова начинает печататься. Ко второму, «зрелому» периоду литературной деятельности Кускова следует отнести его сочинения 1870–1880-х гг. – это стихотворения, переводы и проза. В 80-е гг. стихи Кускова печатаются в «Руси» И. Аксакова, «Ниве», «Труде», «Русской старине». Выходят поэтические сборники «Стихотворения» (1886) и «Наша жизнь» (1889), в последнем обращает на себя внимание религиозный цикл «Он».

Платону Кускову принадлежат также некоторые переводы поэтических произведений Г. Гейне и Г. Х. Андерсена. Но больше он знаменит переводами Шекспира (сонеты, трагедия «Ромео и Юлия» («Ромео и Джульетта»), «Отелло»).

Эти переводы увидели свет в 1870 году в 4 и 10 номерах журнала «Заря». Перевод Кусковым «Отелло» вызвал комплиментарный отзыв Аполлона Майкова. В декабре 1869 г. в письме Достоевскому Майков сообщал, что Кусков читал у него свой перевод «Отелло»: «...Прелесть! Смело говорю – это первый перевод Шекспира по-русски»⁸.

Лирику Кускова отличает искренность чувств, острая наблюдательность, внимание к деталям окружающей жизни. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона так аттестует творчество раннего Кускова: «В стихотворениях первого периода своей литературной деятельности К[усков] является бесхитростным поэтом впечатления и, несмотря на недостаток ярких красок, умеет вызвать в читателе гармоничное впечатление»⁹. Амфитеатров отзывался о Кукове как о поэте «далеко не без дарования <...> мыслящий, образованный, с философским складом ума, безупречный в ритме и рифме»¹⁰.

Самобытность творчества Кускова не раз подчёркивалась внимательными критиками: «Современники причисляли Кускова к так называемому направлению чистой поэзии. Следы влияния А. А. Фета, Я. П. Полонского – любимых поэтов Кускова – отчетливо прослеживаются в его творчестве, но эпигоном он не был: его поэзия явление новаторское»¹¹. Нередко стихотворения П. А. Кускова сопоставляли с лирикой К. Случевского из-за особенностей формы, неровности ритма и исповедальности интонаций.

Излюбленные темы лирики Кускова: пейзажная, любовная и философско-религиозная – нередко переплетались, как в стихотворении «Она».

...Я вдыхал аромат твоих пышных волос –
Мне милей был он всех ароматов земли...
Твои косы в душе моей гимны зажгли,
О светлейшая искра всего бытия,
Что собою в тот миг окружало меня!¹²

Пророческое стихотворение «Перед концом» (1882) описывает пожар в дворянской усадьбе, и в этой атмосфере угадывается эпоха революционного вандализма и жестокости.

То были страшные, мучительные дни,
Когда последнее все рушили они,
Я видел пламенем объятые палаты,
В которых свет узрел, в которых был согрет
Любовью матери, твердившей мне когда-то,
Что мы, мы соль земли; что нами красен свет.¹³

Огонь добирается до библиотеки и картин: «Там тоже гибло все – Мурильо, Рубенс, Дик, // Все, что отцы мои столетия собирали. // Рвалась душа моя от скорби и печали»¹⁴.

Когда один из варваров обращается к лирическому герою: «Твое горит добро-то?», – он отвечает: «Нет, мира целого»¹⁵.

Сами названия стихотворений Кускова из цикла «Он» в сборнике «Наша жизнь» красноречивы: «Под Божье знамя», «В общении с Ним», «Его веление»,

«В Его бытии», «Ответы Неба», «Его любовь», «Его язык» и др. Перед нами предстает оригинальный религиозный мыслитель, ставящий экзистенциальные вопросы, обдумывающий веру и связь человека и Творца. Так, например, завершается стихотворение «В Его бытии» (1880).

И пока любви тревогу
Не покроет смерти мгла,
Я хочу, чтоб громким Богу
Гимном жизнь моя была¹⁶.

В стихотворении «Ничего» (1888) страдания и жизненные невзгоды названы «адам жизни», но они равны «ничему» по сравнению с призыванием человека пронести «хоругвь жизни» через пламя: «Иди, и вверх лишь поднимай // Над головою Божье знамя!»¹⁷.

В. В. Розанов по достоинству оценил дар Кускова-поэта: «Сборник стихов его «Наша жизнь» выражает своим заглавием тему всех его сочинений и тему самой его личности: философия его не была на абстрактные темы и не была искусственным сплетением абстрактных мыслей о «невидимых предметах» или «о том, чего никто не знает. <...> „Корни“ нашей жизни протягиваются всюду: они уходят к Богу, они уходят в поэзию, они трогают загробный мир, они, наконец, сплетаются с корнями же всего органического живого мира, растительного и животного»¹⁸.

Интерес к творчеству П. А. Кускова поощрял до недавнего времени его праправнук по материнской линии Давид Данилов-Абросимов, опубликовавший некоторые архивные данные семьи и ставший учредителем международного литературного конкурса по номинациям «Малая проза» и «Поэзия» имени действительного статского советника, поэта и философа Платона Александровича Кускова (последний конкурс состоялся в 2013 г. в Харькове)¹⁹. Писатель Б. К. Тебиев посвятил главу своей книги «Тайны книжных переплетов. 50 почти детективных историй» поэту Платону Кускову²⁰. Творчество Кускова не шло в ногу со временем, и это, кроме скромного поэтического дара, одна из причин того, что оно не стало востребованным у широкого круга читателей. Тем не менее, глубина мысли и искренность интонаций его поэзии несомненно заслуживают внимания.

Примечания

¹ Гербель Н. В. Хрестоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1873. С. 515–516.

² Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб., 1896. Т. 17: Култагой–Лед. С. 118.

³ Дурылин С. Н. В своем углу / Сост. и прим. В. Н. Топоровой; Предисл. Г. Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 167.

⁴ Розанов В. В. Некролог // Новое время. 1909. 22 авг. № 12013.

⁵ Кусков П. А. Нечто о нравственном элементе в поэзии // Светоч. СПб., 1861. № 5.

⁶ Анненский И. Ф. Книги отражений. Л., 1979. С. 95.

⁷ Ямпольский И. Г. Поэзия шестидесятих годов [XIX века] (общий обзор) // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР,

1941–1956. Т. VIII. Литература шестидесятых годов. Ч. 2. 1956. С. 7–55. URL: <https://feb-web.ru/feb/irl/il0/i82/i82-0072.htm> (дата обращения: 24.01.2026).

⁸ Ашимбаева Н. И., Майков А. Н. Письма к Ф. М. Достоевскому. 1867–1878. В кн.: Памятники культуры. Л., 1982. С. 81.

⁹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб., 1896. Т. 17: Култагой–Лед. С. 118.

¹⁰ Амфитеатров А. В. Забытый смех, сб. 2. М., 1917. С. 268.

¹¹ Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь / гл. ред. П. А. Николаев. Т. 3: К–М. М.: Советская энциклопедия, 1994.

¹² Кусков П. А. Наша жизнь. СПб., 1889.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Розанов В. В. Некролог // Новое время. 1909. 22 авг. № 12013.

¹⁹ Данилов-Абросимов Д. В. Платон Александрович Кусков. URL: <https://vgd.ru/STORY/abrsmv1.htm> (дата обращения 24.01.2026).

²⁰ Тебиев Б. К. Загадочный Платон Кусков // Б. Тебиев. «Тайны книжных переплетов. 50 почти детективных историй». URL: <https://books.yandex.ru/books/CkzdSB4B/read-online?usclid=mksejr7ei7708553026> (дата обращения: 24.01.2026).

С. А. Петрова

**Интермедиаальный диалог в писательской практике:
А. П. Чехов и В. В. Маяковский**

Связи литературы с разными видами искусств становятся особенно интенсивными на рубеже XIX и XX вв. В эту эпоху Серебряного века русской культуры формируются модернистские практики поиска новых форм и в прозе, и в поэзии. В результате анализа произведений А. П. Чехова и В. В. Маяковского в ракурсе интермедиаальных и интертекстуальных взаимодействий определяется специфика обозначенного периода.

Ключевые слова: интермедиаальность, А. П. Чехов, В. В. Маяковский, диалог, взаимодействие искусств, музыка, метафора

Svetlana A. Petrova

**Intermediate dialogue in writing practice:
A. P. Chekhov and V. V. Mayakovsky**

The connections of literature with various types of art become especially intense at the turn of the 19th and 20th centuries. In this era of the Silver Age of Russian culture, modernist practices of searching for new forms in both prose and poetry are being formed. As a result of the analysis of the works of A. P. Chekhov and V. V. Mayakovsky in the perspective of intermediate and intertextual interactions, the specifics of the designated period are determined.

Keywords: intermediality, A. P. Chekhov, V. V. Mayakovsky, dialogue, interaction of arts, music, metaphor

Вопрос о взаимодействии литературы и других видов искусств в научной сфере стал рассматриваться более подробно в середине XX в. в рамках компаративистики – сравнительного изучения разных искусств, культур, языков и т. д. Понятие «интермедиаальность», с одной стороны, определяется в качестве разновидности интертекстуальных связей¹, а с другой стороны, в широком смысле – свойство культуры в целом, в узком значении – специфика художественной структуры текста². Н. В. Тишунина уточняла также в рамках данного термина и специфику литературоведческого анализа через призму исследуемых интермедиаальных взаимодействий в произведениях авторов. «Медиа» в данном случае обозначают «средства», которые представлены элементами невербальных видов искусств, используемых в тексте³. Например, музыкальный инструмент, музыкальная композиция, упоминание названий или имён, связанных с иным видом искусств и т. п. – все это становится средством создания особого смысла в литературном произведении.

Об интермедиаальной специфике творчества А. П. Чехова в науке представлено достаточно много исследований. Как пишет ученый-филолог А. Е. Агратин: «Различные виды искусства в прозе Чехова объединены проблемой элиминации эстетического кода, хотя и освещают ее с разных сторон, в зависимости от своей специфики (визуальной, вербальной или перформативной)»⁴.

В творчестве В. В. Маяковского также присутствуют интермедиаальные связи, которые были глубоко проанализированы разными исследователями-филологами (В. Н. Альфонсов⁵, J. Faryno⁶, Т. Ю. Кравченко⁷ и др.)

Не менее значим и интерес В. В. Маяковского к А. П. Чехову. Данный аспект также рассматривался в контексте «заочного диалога» этих авторов. В частности,

В. В. Маяковский обозначил свое отношение к писателю в работе «Два Чехова», где четко определил сущность их взаимодействия, назвав писателя «Королем Слова»⁸. Таким образом, вопрос о заочном диалоге поэта с А. П. Чеховым вполне закономерен. Цель данной работы – рассмотреть не только интертекстуальные связи, но и интермедialные аспекты обозначенного выше художественного взаимодействия. Учитывая специфику материала, в качестве метода будет использоваться интермедialный анализ, позволяющий увидеть суть данных связей.

Прежде всего обозначим, что в творчестве А. П. Чехова довольно часто упоминаются разного рода музыкальные инструменты и, собственно, музыканты, например: «Роман с контрабасом», «Контрабас и флейта», «Скрипка Ротшильда». В своих произведениях писатель отождествляет музыкальные инструменты с людьми. В частности, в произведении «Контрабас и флейта» персонажи описываются через их игру на определенном музыкальном инструменте: «Иван Матвеевич и Петр Петрович с внешней стороны так же похожи друг на друга, как инструменты, на которых они играют»⁹. В тексте писатель именно через названия инструментов называет героев: не контрабасист, а контрабас, не флейтист, а флейта: «Нежную, воспитанную флейту стало коробить на первых же порах. Ей особенно не понравилось, что контрабас каждый вечер, ложась спать, мазал себе живот какою-то мазью...»¹⁰.

Подобное представлено и в произведениях В. В. Маяковского, хотя и не в прозе, а в поэтическом тексте, например: «Скрипка и немножко нервно» (1914 г.)¹¹. Поэт вслед за А. П. Чеховым обращается к музыкальным инструментам, но значительно расширяет их состав, добавляя барабан, тарелку, геликон и т.д. Он также использует олицетворения, отождествляя музыкантов и их инструменты, обращается к особенностям их звучания, что и образует интермедialную природу произведения. Например, у В. В. Маяковского:

Скрипка издергалась, упрасивая,
и вдруг разревелась
так по-детски,
что барабан не выдержал:
«Хорошо, хорошо, хорошо!»
А сам устал,
не дослушал скрипкиной речи,
шмыгнул на горящий Кузнецкий и ушел¹².

Поэт также использует приём театрализации, включая в стихотворную речь диалоги героев, ремарки и т. д. Вслед за А. П. Чеховым он наделяет героев особенными речевыми портретами, включая в художественную структуру звукоподражания, аллитерации, ассонансы и другие фонетические приемы. Таким образом, поэт создаёт интермедialные связи поэзии и музыки в своём тексте, а также актуализирует взаимодействие с предшественником: с произведением А. П. Чехова «Контрабас и флейта».

В рассказе-сценке писателя контрабасист и флейтист ищут возможности совместного проживания в одной квартире, но им это не удается в силу разности

их характеров, их образа жизни, хода мыслей и предпочтений, что автор показывает и в ракурсе их музыкальных инструментов. Но в концептуальной сфере А. П. Чехов подчеркивает силу искусства музыки, которая объединяет такие разные инструменты в одном оркестре. Именно благодаря таким различиям оркестр выступает с прекрасной музыкой и выполняет эстетическую функцию. Красота оказывается выше суетного быта, она становится объединяющей все разнообразие мира силой в порыве к прекрасному.

В стихотворении В. В. Маяковского тоже актуализируется идея «жить вместе». Вместо флейты поэт создает подобный образ нежной и плачущей героини – скрипки. Аллитерация из шипящих и ассонансы «о-а» показывают напряженность отношений скрипки и барабана в представленном выше отрывке, начинающем стихотворение. В отличие от «тактичной» флейты А. П. Чехова скрипка В. В. Маяковского «выплакивается без такта»¹³.

Автор использует диалоги, показывая отношение героев к происходящему:

(...) и только где-то

глупая тарелка

вылезгивала:

«Что это?»

«Как это?»¹⁴

Поэт добавляет образы иных инструментов, но показывает их бытовые особенности, создавая также на этом уровне связь с текстом А. П. Чехова.

А когда геликон –

меднорожий,

потный,

крикнул:

«Дура,

плакса,

вытри!»¹⁵

В. В. Маяковский использует просторечия и инвективную лексику («потный», «меднорожий», «дура»). Интересно, что слова употребляются музыкальными инструментами, олицетворяющими тех, кто на них играет – людей. Важно отметить, что поэт обращал внимание на слова в произведениях А. П. Чехова и обозначал в качестве его писательского достоинства именно использование простой народной речи, о чем он также писал в своём очерке «Два Чехова»¹⁶. В. В. Маяковский формирует и интертекстуальную связь с элементами сюжета рассказа-сценки. Герои показываются и с бытовой стороны, и со стороны специфики искусства музыки. Автором создается интермедийный и интертекстуальный диалог на основе общей проблематики противопоставления быта и искусства. Музыка, по своей сути, – довольно небытовая деятельность. Образ скрипки А. П. Чехов использует в рассказе «Скрипка Ротшильда», наделяя ее свойством также откликаться на трагическое эмоциональное состояние людей.

Лирический герой стихотворения В. В. Маяковского в своей речи обращается к проблеме похожести людей и к процессу отстаивания ими своей точки зрения:

...бросился на деревянную шею:
«Знаете что, скрипка?
Мы ужасно похожи:
я вот тоже
ору –
а доказать ничего не умею!»¹⁷.

Подобного рода ситуацию описывает и А. П. Чехов в рассказе-сценке: «Флейта вскакивала с постели и, сверкая глазами, надсаживая свой тенорок, начинала спорить, доказывать, объяснять... (...) И Иван Матвееч, обессиленный, но не побежденный, умолкал»¹⁸.

Но позиция лирического героя в стихотворении В.В. Маяковского более уверенная и сильная:

А мне – наплевать!
Я – хороший.
«Знаете что, скрипка?
Давайте –
будем жить вместе!
А?»¹⁹.

Поэт использует фразу, которая была представлена в начале рассказа-сценки А. П. Чехова:

«Перебирайтесь ко мне! – неожиданно предложил ему контрабас. – Я плачу за комнату двенадцать рублей, а если вместе жить будем, то по шести придется»²⁰.

В ракурсе языковых форм, поэт, как и писатель, разрушает языковую сферу привычной классической поэзии, включает не только просторечия и разговорную лексику в текст, но и создаёт синтаксические конструкции, приближенные к разговорным: неполные предложения, эллипсисы, обрывки фраз и т. д. В то же время, следуя интертекстуальным и инетрмедийным связям двух произведений, можно рассматривать дальнейшее развитие отношений скрипки и лирического героя уже в ракурсе истории двух персонажей А. П. Чехова (контрабаса и флейты).

Идея «жить вместе», с которой начинается рассказа-сценка писателя и которой заканчивается стихотворение В. В. Маяковского, становится обречённой на неудачное развитие. Хотя поэт и обрывает сюжет своего текста противительным союзом «А?», образующим риторический вопрос, но тем самым и определяет вероятность печального конца в большей степени, чем наоборот. Это подчёркивается и отсутствием продолжения или ответной реплики со стороны героини. Поэт фиксирует таким образом трагическую сторону человеческих отношений. Герой пытается противопоставить себя и свою позицию всему миру

(«мне плевать»), поэтому обречен на одиночество. Данная интерпретация коррелирует и с судьбой самого В. В. Маяковского, с его биографией и с его творческими исканиями в сфере романтической поэтики. В целом можно говорить об открытом финале.

Таким образом, создавая заочный интермедиаальный диалог и используя интертекстуальные связи В. В. Маяковской показывает свою индивидуальную творческую позицию и к проблематике, обозначенной в прозе А. П. Чехова, и в мировоззренческой сфере, в рамках вечных вопросов бытия: взаимодействие людей в обществе, позиция человека в искусстве, проблема соотношения искусства и жизни, быт и чувства, обыденная жизнь и творчество.

Примечания

¹ Борисова И. Е. Zeno is here: В защиту интермедиаальности (Рец. на кн.: Слово и музыка. М., 2002) // Новое литературное обозрение. № 65. 2004. С. 384–391. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/1/zeno-is-here-v-zashhitu-intermedialnosti.html> (дата обращения: 22.01.2026).

² Тишунина Н. В. Методология интермедиаального анализа в свете междисциплинарных исследований // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: материалы Международной научной конференции. Серия «Symposium». Вып. № 12. СПб, 2001. С. 149–154.

³ Там же.

⁴ Агратин А. Е. Интермедиаальные параметры чеховских сюжетов: литература перед лицом кризиса знаково-символической деятельности (на материале ранней прозы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 185.

⁵ Альфонсов В. Н. Нам слово нужно для жизни. В поэтическом мире Маяковского. Л., Советский писатель, 1984. 248 с.

⁶ Faryno J. Семиотические аспекты поэзии Маяковского // Umjetnost Riječi. Zagreb, 1981. God. XXV. Izvanredni svezak: Književnost – Avangarda – Revolucija. Ruska književna avangarda XX. stoljeća. S. 225–260.

⁷ Кравченко Т. Ю. Живописный образ В. Маяковского в аспекте интермедиаального анализа // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2014. № 10. С. 74–88.

⁸ Маяковский В. В. Два Чехова // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов / Подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна. 1955. С. 295.

⁹ Чехов А. П. Контрабас и флейта: (Сценка) // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1974–1982. Т. 4. [Рассказы, юморески], 1885–1886. М.: Наука, 1976. С. 190.

¹⁰ Там же. С. 191.

¹¹ Маяковский В. В. Скрипка и немножко нервно («Скрипка издергалась, упрашивая...») // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: В 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1961. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов / Подгот. текста и примеч. В. А. Катаняна. 1955. С. 68–69.

¹² Там же. С. 68.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Маяковский В. В. Два Чехова. С. 294–300.

¹⁷ Маяковский В. В. Скрипка и немножко нервно («Скрипка издергалась, упрашивая...»). С. 68–69.

¹⁸ Чехов А. П. Указ. соч. С. 192.

¹⁹ Маяковский В. В. Скрипка и немножко нервно («Скрипка издергалась, упрашивая...»). С. 69.

²⁰ Чехов А. П. Указ. соч. С. 190.

М. А. Жиркова, А. А. Сарафанникова

**Образ мертвеца и макабрический сюжет в стихотворении
А. А. Блока «Как тяжело мертвецу среди людей...»
из цикла «Пляски смерти»**

Статья посвящена анализу стихотворения «Как тяжело мертвецу среди людей...», открывающему цикл А. А. Блока «Пляски смерти». Основное внимание сосредоточено на образе живого мертвеца, акцент делается не на метафорическом, а на мистическом понимании инфернального персонажа. Рассмотрены особенности художественного воплощения темы смерти; мотивы притворства, обреченности и фальши; кольцевая структура; звуковая организация текста; специфика повествования; затрагивается концепция эсхатологического Петербурга. Полученные выводы позволяют выявить трансформацию средневекового сюжета Пляски смерти и проследить авторскую мысль о катастрофичности мира.

Ключевые слова: А. А. Блок, «Пляски смерти», цикл, петербургский текст, образ мертвеца, макабрический сюжет, эсхатология, звуковая организация, мотив

Marina A. Zhirkova, Anna A. Sarafannikova

**The Image of the Dead Man and the Macabre Plot
in A. A. Blok's Poem "How Hard It Is for a Dead Man Among the Living..."
from the "Dances of Death" Cycle**

The article analyzes the poem "How hard it is for a dead man among people...", which opens A. A. Blok's cycle "Dances of Death". The main focus is on the image of the living dead, emphasizing not a metaphorical but a mystical understanding of this infernal character. The analysis examines the distinctive artistic embodiment of the theme of death; the motifs of pretense, doom, and falsehood; the circular structure; the sound organization of the text; and the specifics of the narrative. The concept of an eschatological Petersburg is also addressed. The findings reveal the transformation of the medieval "Dance of Death" plot and trace the author's idea of the catastrophic nature of the world.

Keywords: A.A. Blok, Dance of Death, cycle, St. Petersburg text, image of the dead, macabre plot, eschatology, sound organization, motif

В 1910-е гг. А. А. Блок работает над циклом «Страшный мир», который затем в 1916 г. он включает в третий том лирики. В состав цикла входят три подцикла или внутренние циклы: «Пляски смерти», «Жизнь моего приятеля» и «Черная кровь». Как отмечают исследователи, они соотносятся по смыслу и образуют внутрициклическую связь темы смерти¹, смерть представлена как всепроникающая сущность, расшатывающая бытие человека².

Цикл «Пляски смерти», который поэт формирует в 1915 г., составляют пять стихотворений: 1) «Как тяжело мертвецу среди людей...»; 2) «Ночь, улица, фонарь, аптека...»; 3) «Пустая улица. Один огонь в окне...»; 4) «Старый, старый сон...»; 5) «Вновь богатый зол и рад...». Цикл является образцом единого текста, понимание которого невозможно без ключей, раскрывающих целостную символику. Стихотворение «Как тяжело мертвецу среди людей...» обычно рассматривается внутри цикла и не анализируется отдельно. Исключение составляет работа А. В. Леоновичус «Бал как пляска смерти у А. Блока и русских романтиков»³, в которой стихотворение представлено в контексте русской литературы. Цель нашей работы – выявление художественного своеобразия и особенности по-

этики первого стихотворения, открывающего цикл «Пляски смерти» и задающего общий апокалиптично-пессимистический тон последующим произведениям. Рассмотрим его на нескольких уровнях текста.

Тема, проблема, мотивы. Тема смерти является одной из главных в цикле, которая сплетает все произведения воедино, однако находит она свое воплощение по-разному. Особенностью первого стихотворения «Как тяжело мертвецу среди людей...» становится присутствие мертвеца в мире живых людей. В стихотворении представлен один день из «жизни» мертвеца: подъем из гроба, походы в банк, суд и сенат, завершается все балом. Мотив Пляски смерти начинается у А. Блока задолго до включения лирического персонажа – мертвеца – в хронотоп бала, который позднее и трансформируется в аллегорический сюжет. Зацикленность одного дня в многократное его повторение создает бессмысленное кружение, это череда механических движений в социальном танце, хоровод смерти, который тягивает в свой круг живых людей.

Само название «Пляски смерти» отправляет нас к одноименному средневековому аллегорическому сюжету (другое его название *dance macabre*), где персонифицированная Смерть ведет к могилам пляшущих. Ранее мы рассматривали данный сюжет подробно: обращались к этимологии и происхождению словосочетания *dance macabre*, также был проведен комплексный анализ двух текстов писателей XIX в. (А. И. и В. Ф. Одоевских), где появляется тот же сюжет и топос бала⁴. У Блока в отличие от романтиков, как пишет Е. Б. Тагер, реализуется перевернутая схема классического сюжета: не с позиции лирического героя, увидевшего живых мертвецов на балу, а с позиции мертвеца, танцующего среди живых, где мертвецу приходится притворяться живым⁵. Неожиданно для него возникает проблема «непроявления» себя как представителя иного мира среди живых. Его муки не в том, что он мертв, а в необходимости вести эту унижительную для него игру, изображать пантомиму жизни. Мотивы стихотворения от первой строфы к последней повторяются: вынужденное притворство, скука и усталость на службе вначале сменяются скукой, усталостью и фальшивой любовной игрой в конце дня на балу.

Образ мертвеца и другие лирические персонажи. Е. Б. Тагер трактует образ мертвеца в стихотворении Блока как человека, утратившего душу, ученый пишет о трагедии безверия «страшного мира», увиденного поэтом⁶. Образ мертвеца в стихотворении Блока можно рассматривать в метафорическом или символическом аспектах, а можно прочесть его как мистический текст. В первом случае перед нами человек, чья душа мертва, он внутренне опустошен, это внутренняя духовная смерть или прижизненная смерть как выражение «мертвенного бесчеловечного существования»⁷. Он вынужден носить маску и играть определенные социальные роли: чиновника, светского льва, поклонника, но это пустое существование, лишенное смысла. Поэт создает сатирически-гротескную картину мира «живых» мертвецов, за которой видится критика Блоком «страшного мира» современной ему действительности.

Во втором случае лирическим персонажем является именно мертвец, что вписывается в общую концепцию цикла «Страшного мира», как отмечает З. Г. Минц, наполненного инфернальными существами: обитатели ада («Песнь

ада»), участники «дьявольского бала» («В эти желтые дни меж домами...»), демон («Прижмись ко мне крепче и ближе...», «Иди, иди за мной – покорной...»), черты («Жизнь моего приятеля»), Смерть («Жизнь моего приятеля»), командор («Шаги командора») и др.⁸. Причем, они не противопоставляются реальному миру, а сосуществует вместе с живыми в нем. В стихотворении «Как тяжело мертвецу среди людей...» мертвец также не одинок: на балу он беседует с таким же мертвецом – своей подругой, подсадившей пригласить на вальс влюбленную в него девушку. Можно предположить, что мир живых наполнен мертвецами, которые себя никак не проявляют, а выглядят и живут, как обычные люди. Если в дальнейшем в цикле конкретно обозначен скелет, например в стихотворении «Пустая улица. Один огонь в окне»: «Скелет, до глаз закутанный плащом, / Чего-то ищет, скалясь черным ртом...»⁹, то в первом стихотворении цикла «Пляски смерти» мертвец внешне ничем не отличается от живых.

Характеристикой лирического персонажа, означающей его принадлежность к иному миру, является лязг костей, не слышимый живыми, только в финале героиня NN, находясь под действием «острого яда привычно-светской злости», услышит «нездешний, странный звон: / То кости лязгают о кости»¹⁰. Описание третьего персонажа, обозначенной как NN, влюбленной в мертвеца, с одной стороны, отвечает классическому макабрическому сюжету: она описывается телесно – подчеркивается ее волнение в крови, у нее розовеют плечи. Как мы уже отмечали, для макабрического сюжета на контрасте со смертью характерно изображение подчеркнуто плотского живого тела¹¹. С другой – она само воплощение живой жизни: взор страстный, девически прекрасное лицо, восторг живой любви. Но влюбленность подводит ее, она легко поддается «пленительным» словам, слышит и видит то, что отвечает ее чувствам. Хотя в финале стихотворения именно ей дано услышать жуткую реальность объекта своей страсти. Возможно, потому что она слишком близко подошла к гибельной черте, за которой видится смерть.

Мертвец у Блока не совпадает с лирическим «я», хотя есть переключки с другим стихотворением: «Как тяжело ходить среди людей / И притворяться непогибшим»¹². Д. Е. Максимов относит лирического персонажа стихотворения «Как тяжело мертвецу среди людей...» к авторскому двойнику: «<...> двойник-маска как бы сопоставляется или, в каких-то моментах, сближается с обобщенным образом автора, объединяющим всю его лирику»¹³. Ученый поясняет, что такой двойник не только реализация внутренних противоречий поэта, но и проникновение «страшного мира» внутрь личности, агрессивное его наступление на поэта, который пытается вести с ними борьбу¹⁴. Не касаясь темы двойничества в творчестве Блока, заметим, что такое расщепление или отделение лирического персонажа от авторского «я» позволяет посмотреть со стороны на «страшного» двойника своей личности.

В анализируемом нами стихотворении мертвец изображается с позиции повествователя – стороннего наблюдателя, который единственный может отличать мертвецов от живых и обладает всеведущей позицией: ему известны «жизнь» мертвеца, его чувства и переживания. Но особенность организации повествования связана также со сменой точки зрения или субъекта фокали-

зации: в структуре поэтического текста иногда порываются истинные чувства и мысли главного персонажа, например, «Хозяйка – дура и супруг – дурак», «Живым, живым казаться должен он!»¹⁵ – эти слова принадлежат мертвецу, а не основному нарратору. Первое четверостишие также можно рассматривать как внутренний монолог мертвеца, выражение его эмоций и жалобу на то, как тяжело среди людей «Живым и страстным притворяться!»¹⁶. Здесь наблюдается включение голоса и сознания мертвеца в описательное слово повествователя. А. В. Леоновичус называет это психологической точкой зрения мертвеца¹⁷. Первая строфа выделяется в том числе своей стихотворной организацией: в ней использована кольцевая или опоясывающая рифмовка, тогда как остальные строфы написаны перекрестной.

Образ живого мертвеца встречался и ранее в русской литературе, в творчестве А. Погорельского, В. Ф. Одоевского, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и других романтиков. А. В. Леоновичус пишет, что такой образ «являлся знаком наиболее крайнего, непримиримого отчуждения героя от окружающего его социума», служил метафорой отношения романтического героя и толпы или его горького разочарования¹⁸. Но мертвец у Блока не противопоставлен миру и обществу. Традиционный сюжет явления мертвеца обнаруживал романтическое двоемирие, пересечение двух миров: реального и ирреального. Однако в стихотворении Блока происходит не просто встреча, а наложение, переплетение двух миров, когда стирается граница между ними. Напомним, что мертвец не один «живет» неузнанным в мире бытия. Он прекрасно вписался в современную ему действительность и лишь *скрывает для карьеры лязг костей*¹⁹, он принимает правила игры внутри данного общества и *вилая задом*²⁰ усердно выполняет их. Мертвец втирается в самые важные институты власти и денег; в социальном смысле он последовательно «танцует» со всеми (или во всех) сферами общественной жизни: власть – обозначена через сенат, финансы – это банк, закон представлен судом, светское общество – балом. При этом его день представлен как обычная служба делового человека. Это чиновник, который стремится строить свою карьеру на службе, в гостях и на балу в том числе через угождение: рассказанный анекдот, пожатие рук, комплименты. Служба мертвеца и его социальная «гляска» представляют собой гротескную пародию на обычный день живого человека в художественной реальности стихотворения.

Композиция и звуковая картина стихотворения. Композиция стихотворения кольцевая и оформлена аудиально – через лязг костей – как единственной характеристики мертвеца, повторяющейся в первой, шестой и заключительной строфах. А. Блок использует звуковой мотив для усиления сюжетного напряжения. Исследователи отмечают особую фонетику стихотворения, где звук стука костей мертвеца выдает его истинную ужасную сущность и характеризует его как пришедшего из мира нездешнего²¹. Лязг костей задает определенный ритм: отрывистое, хаотичное, механическое движение, что противоречит главной мелодии вальса, который танцуют мертвец и NN на балу. З. Г. Минц пишет, что «в поздней лирике Блока огромную роль играет ориентация на мелодию»²². Стихотворение «Как тяжело мертвецу среди людей...» строится на аллитерации (с, т, р, скр, ст, пр, ж, щ, ш), передающий ощущение скрежета. Такая звуковая

картина стиха перебивает звучание музыки на балу, поэтому закономерным итогом становится вдруг услышанный странный звон партнершей мертвеца по танцу.

Кроме фоники соносферу стихотворения создают звуковые художественные образы, указанные в самом тексте: скрип перьев по бумаге, шепот, шум дождя, работа таксомотора, гул толпы, музыка на балу. Гармоничной здесь будет только музыка, все остальные звуки создают какофонию, «работающую» на гибнущий современный мир.

Дисгармония художественного мира отражается на строфике стихотворения: его основное содержание составляют десять четверостиший, но заключительные две строфы – это трех- и двестишие, что нарушает гармоническую упорядоченную стройность стиха.

Кольцевая композиция создает ощущение страшного духовного тупика, отсутствие развития и бессмысленного кружения. Тема пессимистической замкнутости, обреченности и безысходности будет развиваться в следующих текстах цикла.

Художественное пространство. Естественное пространство мертвеца – это гроб, могила – там он чувствует себя спокойно, там не нужно притворяться, угождать и лебезить. Чуждым для мертвеца остается мир живых людей, где он исполнен скуки и злобы. Его злоба («Чем ночь белее, тем чернее злоба»²³) – это не человеческая эмоция, а метафизическая ненависть мертвеца к живым, вынужденного скрываться под маской человека. Мертвец, несущий гибель этому миру, одновременно и жертва, обреченная на мучительное притворство. Хотя последовательно обозначенные места службы: банк, суд, сенат – говорят о достаточно высоком его положении в обществе.

В начале стихотворения он покидает гроб, но не возвращается в него в конце. События дня завершаются балом в большом доме с колоннами, полным гостей, и вальсом, который танцует мертвец с влюбленной в него партнершей. Бал предоставлял возможность свободного общения между молодыми людьми, любовного флирта, на бал возлагали матримониальные надежды. Но любовная игра, которую ведут лирические персонажи стихотворения, искренняя только с одной стороны, это влюбленность и страсть молодой девушки, а с другой – иллюзия, фальшь и обман. При этом мертвец не может отказаться от этой игры, это своеобразное испытание, которое он должен выдержать и не выдать себя, должен соответствовать положению светского человека и соблюдать правила поведения в свете. Истинные чувства приоткрываются лишь в диалоге с мертвой подругой об общей усталости и некомфортности: «Усталый друг, мне странно в этом зале»²⁴. Они общаются настоящими словами без желания влиться в общество, играть роли и носить маски. Между собой им не нужно притворяться и создавать имитацию жизни.

Конец стихотворения остается открытым для читателей, так как отсутствует финальная катастрофа или какое-либо разрешение ситуации. Мертвец не ложится обратно в гроб и не погружает NN в пространство небытия. Это делает финал напряженным и усугубляет атмосферу произведения. Его можно трактовать по-разному. Во-первых, показан один день из многих и завтра все может

повториться. Во-вторых, в конце в «нездешнем, странном звоне» проявилась inferнальная страшная сущность мертвеца, и миру может грозить погружение в ад в данный момент. Финал напрямую связан с сюжетом Пляски смерти, он не столько завершает события дня, сколько намечает новое сюжетное развитие, которое остается за границами текста данного стихотворения, но продолжает развиваться в поэтическом цикле Блока.

Эсхатологический Петербург. Поэт сближает страшную реальность с адским хронотопом, рисуя апокалиптическое пространство. Первое стихотворение открывает страшное небытие Петербурга. Город не назван и не конкретизирован архитектурой, улицами или площадями, и его можно отнести к метафизическому пространству современной действительности. Но исследователи отмечают «следы» петербургского текста в стихотворении Блока, к которым можно отнести службу чиновника и стремление сделать карьеру, белую ночь, дождь и грязь как приметы серого и унылого петербургского пейзажа²⁵, а мертвец, бродающий среди живых людей, возможно, призрак героев Гоголя и Достоевского.

Цикл Блока «Пляски смерти» является образцом петербургского текста, где город становится зрителем и соучастником страшных событий. Нагнетание ощущения смерти во всем цикле происходит именно в пространстве Петербурга, где, по выражению В. Н. Топорова, страдания превышают меру и представляют собой зеркало реального мира, в котором царит бездуховность и пустота²⁶. Не смерть приходит в город, а сам город оказывается царством духовной смерти, его жители – участники inferнального бала, просто они об этом пока не догадываются. Смерть давно победила, она внутри общества, и мертвецы в мундирах и фраках правят балом. В статье 1906 г. «Безвременье» Блок писал о городе-мертвеце, каким виделся ему Петербург: «Чуть мигают фонари, пустыня и безлюдие; только на нескольких перекрестках словно вихрь пронесит пьяное веселье, хохот, красные юбки; сквозь непроглядную ночную вьюгу женщины в красном пронесли шумную радость, не знавшую, где найти приют. Но больная, увечная их радость скалит зубы и машет красным тряпьем; улыбаются румяные лица с подмалеванными опрокинутыми глазами, в которых отразился пьяный, приплясывающий мертвец – город. Смерть зовет взглянуть на свои обнаженные язвы и хохочет промозгло, как будто вдали тревожно бьют в барабан»²⁷.

Жизнь живых людей мало чем отличается от жизни мертвеца с его службой и устремлением к карьере и успеху. Они также сидят за бумагами, слепы и глухи к окружающим, погружены в мелочные заботы; их жизнь – это какое-то механическое, бессмысленное существование, замкнутый круг пустой суеты. Примечательно, что они даны у Блока, в одном ряду с «прочим вздором»: «Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью / Прохожих, и дома, и прочий вздор...»²⁸. Далее многолюдный вечер назван «безобразьем», без-образ-ьем, без-образа, т. е. люди лишены образа Божьего внутри, тогда возможно наступление царства смерти, предположим, что именно этого и ждет мертвец. Живые люди у Блока живут в иллюзорном представлении о собственной жизни и не знают, насколько близок к ним ад. Неизвестно предстоит ли им катастрофа познания, которая уже случилась с мертвецами. Так, эсхатологичность Петербурга связана

не только с возможной гибелью NN и других персонажей, но и с носителями гибельного начала – мертвецами²⁹. Поэт стирает границу между миром живых и миром мертвых. Читатель не видит разницы между бытием и небытием, откуда приходит мертвец и куда позднее может затянуть всех живых персонажей.

Мистическая природа Петербурга проявляется во время белых ночей – главного метафизического явления для Северной столицы, когда «злота становится только чернее»³⁰. Так, эсхатологический и апокалиптический слой Петербургского текста, по утверждению В. Н. Топорова, ведет к идее «безосновности Петербурга, жить в котором можно, только опираясь на *ничто*, которое ведет или прямо к гибели, или к подлинному спасению, достигаемому уже не прежним человеком, но новым уже в силу своего мучительного, личного жизненного опыта»³¹ (курсив наш – М. А.). Этим «ничто» в стихотворении становится загадка подъема живого мертвеца из гроба и катастрофа познания, случившаяся с ним и превратившая его в того самого нового человека.

Стихотворение являет собой крайнюю фазу осмысления смерти, когда реальность в пространстве литературного произведения максимально сближается с адом, и мертвецы, являющие собой смерть, угрожают внутренним опустошением и прижизненной смертью всем людям. Исследователи отмечают, что, если в эпоху средневековья макабрический сюжет понимался «как напоминание человеку о реальной, будущей физической смерти и как напоминание о неизбежности конца человеческого бытия <...>, то поэт начала XX века создает картину духовного умирания человека современной эпохи, а также картину реального мира, в котором он существует, символом которого и становятся Пляски смерти»³². В письме от 19 января 1904 г. поэт писал матери, что не видел в Петербурге людей, так как «они есть в Москве»³³. Так, Блок отказывает Петербургу в человечности, делая его городом без жителей, мертвым. Живой мертвец, как и возможная смерть, существуют только в пространстве Петербурга, словно сам город диктует правила жизни и сам же им подчиняется, в чем проявляется дуалистическая природа культурной столицы.

Поэт как представитель младосимволизма, а также сторонник катастрофизма русского пути, в выбранном стихотворении дает неутешительное описание реальности, в которой существуют и живые, и мертвые. Блок трансформирует сюжет Пляски смерти, что отражает как личную специфику поэта в восприятии смерти, так и общекультурные настроения эпохи. Комплексный анализ последующих стихотворений цикла поможет изучить озвученные идеи еще глубже, раскрыть все ключи и символы к авторскому пониманию Пляски смерти, а также составить полное литературоведческое представление о данном цикле.

Примечания

¹ Живолупова Н. В. Цикл А. Блока «Страшный мир» (редакция 1921) как художественное единство // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2-2. С. 164.

² Рыбакова Н. В. Смерть как феномен жизни в «Плясках смерти» Ш. Бодлера и А. Блока // Культура и текст. 2004. № 7 С. 41–47.

³ Леонавичус А. В. Бал как пляска смерти у А. Блока и русских романтиков // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2015. № 8 (151). С. 85–99.

⁴ Сарафанникова А. А. Пути осмысления сюжета Пляска смерти в хронотопе бала (на примере стихотворения А. И. Одоевского и рассказа В. Ф. Одоевского) // Актуальные проблемы филологии и журналистики: Матер. XXXVII науч. конф. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2025. С. 167–178.

⁵ Тагер Е. Б. Мотивы «Возмездия» и «Страшного мира» в лирике Блока // Литературное наследство. 1980. Т. 92. № 1. С. 93.

⁶ Там же.

⁷ Максимов Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Л.: Совет. писатель, 1981. С. 584.

⁸ Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб.: Искусство-СПб, 1999. С. 197.

⁹ Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 3. Кн. 3: Стихотворения (1907–1916) / Отв. ред. Ю. К. Герасимов. М.: Наука, 1997. С. 23.

¹⁰ Там же.

¹¹ Сарафанникова А. А. Указ. соч. С. 168.

¹² Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 3. Кн. 3: Стихотворения (1907–1916). С. 17.

¹³ Максимов Д. Е. Указ. соч. С. 154.

¹⁴ Там же. С. 158, 160.

¹⁵ Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем. С. 22.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Леонавичус А. В. Указ. соч. С. 93.

¹⁸ Там же. С. 88.

¹⁹ Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем. С. 22.

²⁰ Там же.

²¹ Леонавичус А. В. Указ. соч. С. 97.

²² Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. С. 183.

²³ Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем. С. 22.

²⁴ Там же.

²⁵ Леонавичус А. В. Указ. соч. С. 92.

²⁶ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПб. 2003. С. 8.

²⁷ Блок А. А. Безвременье // Александр Блок, Андрей Белый: Диалог поэтов о России и революции / Сост., вступ. ст., коммент. М. Ф. Пьяных. М.: Высш. шк., 1990. С. 368.

²⁸ Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем. С. 22.

²⁹ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. С. 47.

³⁰ Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем. С. 22.

³¹ Блок А. А. Полное собрание сочинений и писем. С. 22.

³² Камка С. В., Попов Л. Н. Стилевые диалоги в преподавании мировой художественной культуры (на примере творчества русских символистов) // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 1 (20) С. 209.

³³ Цит. по: Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. С. 18.

М. А. Жиркова

Особенности организации хронотопа в «Дневнике фокса Микки» Саши Черного

В центре внимания работы – особенности организации художественного времени и пространства, показанных через призму восприятия маленькой собачки. Хронотоп дневника – это время испытаний и поиск своего места в мире собачьего подростка. Прослеживается путь взросления фокса Микки: от щенка, воспринимающего девочку Зину как друга и партнера по играм, до существа, осознающего ответственность и готового защищать свою семью. Дневник становится не только способом самовыражения, диалога с миром, осмысления жизненной позиции, но и формирования профессиональных навыков и литературного стиля. В финале Саша Черный представляет «Дневник фокса Микки» как литературное произведение, написанное собакой для детей.

Ключевые слова: Саша Черный, литература русской эмиграции, детская литература, дневник, хронотоп, художественное время, художественное пространство, прием острашения

Marina A. Zhirkova

The Specifics of Chronotope Organization in "Mickey the Fox's Diary" by Sasha Chyorny

This study focuses on the specifics of artistic time and space organization, presented through the prism of a teenage dog's perception. The diary's chronotope is a time of trials and a search for one's place in the world by a canine adolescent. The maturation path of Mickey the fox is traced: from a puppy who perceives the girl Zina as a friend and playmate, to a creature aware of responsibility and ready to defend his family. The diary becomes not only a means of self-expression, dialogue with the world, and contemplation of one's life stance but also a tool for developing professional skills and a literary style. In the finale, Sasha Chyorny presents "Mickey the Fox's Diary" as a literary work written by a dog for children.

Keywords: Sasha Chyorny, literature of the Russian emigration, children's literature, diary, chronotope, artistic time, artistic space, defamiliarization technique

Известный поэт-сатирик Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) обратился к творчеству для детей еще в дореволюционной России. В 1918 г. поэт уехал из родной страны, и работа для детей стала одним из главных направлений его творчества за рубежом, при этом он выступал не только как автор детских книг, но и как переводчик, редактор, составитель¹. Язвительный, злой и дерзкий сатирик, обращаясь к детям, он становится им добрым другом, с любовью наблюдает за жизнью ребенка, с юмором и мягкой иронией рассказывает о детских играх и проказах. В 1924 г. Саша Черный переехал во Францию, третью страну его беженских скитаний, в которой проживет до конца своих дней. На протяжении многих лет он сотрудничал с газетой «Последние новости», а также с журналом «Иллюстрированная Россия», в котором вел рубрику «Станичка для детей», где в 1924–1925 гг. публиковался «Дневник фокса Микки».

Для писателя как автора произведений для детей характерна, отмечаемая многими его современниками, такая особенность его творчества, как умение посмотреть на мир глазами ребенка или животного². «Дневник фокса Микки» написан от лица маленькой собачки, живущей в русской семье во Франции. Фоксу Микки не просто удалось умение писать, его задевают слова хозяйки,

девочки Зины: «<...> видишь, Микки, сколько у меня тетрадок. Арифметика – диктовка – сочинения... А вот ты, цуцик несчастный, ни говорить, ни читать, ни писать не умеешь»³, которые он воспринимает как вызов. Чтобы доказать собственную значимость, преодолевая физиологические барьеры («пальцы на лапах у меня не загибаются, я ведь не человек и не обезьяна»⁴), держа карандаш в зубах, Микки научится писать: «Я беру карандаш в рот, наступаю лапой на тетрадку, чтобы она не ерзала, – и пишу. Сначала буквы были похожи на раздавленных дождевых червячков. Но фоксы гораздо прилежнее девочек. Теперь я пишу не хуже Зины»⁵. Дневник становится тем пространством, где пес обретает голос, раскрывает свой внутренний мир и взгляд на мир людей, доказывая, таким образом, что его «собачья» личность способна мыслить и чувствовать, достойна уважения и воплощения в слове.

Обычно дневник пишется для себя, но Микки ведет в нем диалог с человеческим миром, обращаясь к возможным читателям. Саша Черный использует прием остранения: для фокса жизнь людей кажется странной, нелогичной, многое Микки соотносит со своими возможностями и «собачьим» миром⁶. Авторское использование приема остранения рождает комический эффект, через иронию и юмор писатель представляет остроумную критику человеческих условностей, обнажая их нелепость для «природного» сознания своего литературного героя, и делает серьезные социальные и философские вопросы доступными и увлекательными для детской аудитории. Это создает двойную адресацию книги: детям увидят в ней интересную историю про собачку, умеющую писать, взрослые – иронию и сатиру на общество, семью, искусство.

Микки во многом схож с ребенком и не так далеко по психологическому возрасту ушел от Зины. Можно предположить, что Зина – это девочка 7-8 лет, а фокс – двухлетний собачий подросток. У него возникает множество вопросов к людям, их поведению и порядкам. Отсюда графические средства письма: многочисленные вопросительные и восклицательные знаки, многоточия в оформлении записей дневника – служат для передачи эмоций его автора.

Начало повести создает почти идиллическую картину: семья Зины живет где-то за городом, возможно, на даче. По-видимому, это большой дом, со своим хозяйством: есть корова, теленок, лошадь, куры, упоминается собака в будке. Это большой дом с несколькими комнатами и верандой. В гостиной стоит граммофон, который вызывает у Микки только раздражение. Им назван также кабинет как источник карандашей и бумаги для дневника, который ведет фокс; упоминается парк.

Художественное пространство повести дано в восприятии фокса человеческого мира и описано с точки зрения значимости и удобства или неудобства для собачки. Из пространственных объектов названы комната Зины, Микки выбрал ее хозяйкой и другом, поэтому ее комната – это и его пространство тоже. Его внимание привлекает ванная комната, куда его не пускают, а ему очень хочется посмотреть, есть ли у девочки хвостик. Взрослые в восприятии собачки даны либо в отношении к девочке: Зинин папа, ее мама, младший брат, тетя, дядя, подруги, бонна; либо в отношении к дому: кухарка, садовник. Один из важных для него объектов – это кухня, который вызывает противоречивые чувства.

Там кормят, но это место кухарки, а она самое нелюбимое существо, потому что не умеет «обращаться с поряdochными собаками»⁷. Для Микки готовка – это испорченная еда: «Зачем эти горшки, морковки, сельдерейки и прочие гадости, которыми они портят жаркое?

Зачем вообще варить и жарить?

Я недавно попробовал кусочек сырого мяса (упал на кухне на пол – я имел полное право его съесть!) ... Уверю вас, оно было гораздо вкусней всех этих шипящих на сковородке котлет...

И как было бы хорошо, если бы не варили и не жарили!»⁸.

Микки очень любознательный пес: в его восприятии мира появляется пространственная вертикаль: Луна и Земля, земля и пруд:

«Живут ли на Луне фоксы, что они едят и воют ли на Землю, как я иногда на Луну? И куда они деваются, когда лунная тарелка вдруг исчезает на много дней неизвестно куда?.. Микки, Микки, ты когда-нибудь сойдешь с ума!

Зачем рыбы лезут в пустую сетку, которая называется вершей? Раз не умеешь жить над водой, так и сиди себе тихо в пруду»⁹.

В доме есть камин: «Затопили камин. Смотрю на огонь. А что такое огонь – никому не известно»¹⁰. Это своеобразный маркер времени, которое почти не фиксируется собачкой. Затопили камин, потому что становится холодно. Постепенно из теплого лета мы вместе с Микки перемещаемся в осень. Это время не только наступления холодов, но и смены места жительства. Микки указывает приметы осени: дожди, желтая листва, голые деревья, туман, грязь. Дом готовят к зиме и собираются его покидать, обсуждают поездку в Париж, в который Микки совсем не рвется: «Ну что там в Париже, подумайте? Был один раз, возили к собачьему доктору. Улиц – миллион, а миллион – это больше, чем десять. Куда ни посмотришь – ноги, ноги и ноги. Автомобили, как пьяные носороги, летят, хрипят – и все на меня!.. Я уж Зининой юбки из зубов не выпускал. Цепочка тянет, намордник жмет. Как они могут жить в таком карусельном городе!..»¹¹.

Предположим, что летом семья живет где-то под Парижем, к сожалению, никаких географических указаний в начале повести нет. Не согласимся с тем, что действие в начале повести происходит в России, как считает автор статьи «Адресат в хронотопе „Дневника фокса Микки“ Саши Черного» П. М. Охупкина¹². Да, Микки живет в русской семье, даны все атрибуты большого усадьбного дома. Но если допустить, что вначале представлена жизнь в России, то тогда возникает вопрос, почему Микки не описывает достаточно длительный и сложный путь семьи за границу? Зато он помнит прошлую поездку к ветеринару в Париже. Как нам кажется, дело здесь не в особенностях собачьей памяти. Писатель сознательно убирает конкретные географические указания, делая историю универсальной, создавая некий идеализированный и обобщенный образ русского дома. Важна не географическая привязанность, а воссоздаваемый домашний уют и приметы того образа жизни, который остался в прошлом, как для автора-эмигранта, так и для его современников-читателей.

Заканчивается лето, семья покидает загородный дом, а Микки остается, испытывая на себе осенний холод, что рождает тоскливое настроение и осознание себя покинутой или брошенной собакой. Оставленный на даче, он стра-

дает от осенней погоды: «Во все щели дует собачий ветер (почему собачий?). Вообще, ветер дурак: дует в голом парке, а там и сорвать нечего. На дворе еще кое-как с ним справляюсь: стану спиной к ветру, голову вниз, ноги расставляю – и «наплевать», как говорит садовник. А в комнате никуда от этого бандита не спрячешься. Врывается из-под двери, сквозь оконные щелочки, сквозь каминную дыру, и так пищит, и так скулит, и так подвывает, точно его мама была собакой. Ни морды, ни глотки, ни живота, ни зада у него нет. Чем он дует, – понять не могу...»¹³. Он мучается не только от холода, но и голода, кухарка и садовник забывают его вовремя кормить, бедному Микки приходится выпрашивать себе еду в бистро: «Стыдно очень, но что ж делать – есть надо. Когда дождь утихнет, бегаю иногда в соседнее местечко к знакомому бистровщику. У него по вечерам под граммофон танцы. Пляшут фокстрот. Должно быть, собачий танец.

Я на задние лапки встану, живот подтяну, верчусь и головой киваю.

Все пары и танцевать бросят... В кружок соберутся и хохочут так, что граммофона не слышно.

И уж такую порцию мяса мне закажут, что я еле домой добираюсь. Да еще телячью косточку в зубах принесу на завтрак...

Вот до чего ради голода унижаться приходится!»¹⁴.

А самое главное, он страдает от предательства девочки, забывшей его, записать «Зина меня забыла!» трижды повторяется в заметке дневника «Я один», за подписью «Одинокый, несчастный, холодный и голодный фокс Микки»¹⁵.

Оставленный семьей на даче, Микки осваивает новые для себя пространства: бистро, в которое он бегаёт выпрашивать еду; упоминает бильярдную, где был найден им кусочек шоколада; чердак, где он не столько прячется, сколько пытается общаться с воробьями, куклой, чтобы не чувствовать себя так одиноко. Следующая запись названа «Переезд в Париж», но она начинается не с радости от встречи с семьей, а с описания одиночества и тоски: «„И скучно, и грустно, и некому лапу пожать!“»¹⁶ – перефразирует фокс известную строку лермонтовского стихотворения, что говорит в том числе о литературном кругозоре маленькой собачки, живущей в русской семье.

Большой временной отрезок между первой записью и следующей под одним заголовком никак не объясняется автором, ведущим дневник. Мотивы тоски, одиночества и покинутости сменились обретением нового дома: «Третью неделю живу в Париже, – рю д'Ассомпсион (Успенская улица), дом 16. Третий этаж направо»¹⁷. Саша Черный поселил семью Микки в 16 округе Парижа в Пасси – «русском» районе французской столицы, где на ул. Теофиль Готье, 8 проживал и сам писатель. В 1920–1930-е гг. здесь обосновались многие представители первой волны эмиграции: И. Бунин, А. Куприн, З. Гиппиус и Д. Мережковский, Б. Зайцев, И. Шмелев, Н. Тэффи и др. Непосредственным соседом литературного фокса Микки стал собрат Саши Черного по журналу «Сатирикон» – Дон-Аминадо (Аминад Шполянский), живущий на рю д'Ассомпсион, 3¹⁸.

В Париже для фокса открываются новые миры: кинематограф, зоосад, цирк, отношения к которым складываются неоднозначные. Поход в سینема рождает в воображении Микки изобретение кинематографа для собак: «Это же бесспорно, – все для людей: и газеты, и скачки, и карты. И ничего для собак.

Пусть водят нас хоть раз в неделю, а мы, сложив лапки, будем культурно наслаждаться.

„Чужая кость“... „Похороны одинокого мопса“... „Гудель Боб надул мясника“ (для щенков обоего пола)... „Сны старого дога“... „Сенбернар спасает замерзшую девочку“ (для пожилых болонок)... „Полицейская собака Фукс посрамляет Пинкертон“ (для детей и для собак).

Ах, сколько тем, Микки!.. Ты бы писал собачьи сценарии и ни в ком не нуждался...»¹⁹.

В перечне названий фильмов, придуманных литературным героем, угадывается авторская пародия Саши Черного на современную ему киноиндустрию. 1920-ые гг. – период расцвета кинематографа, его превращения в массовое искусство. Микки оценивает современную развивающуюся киноиндустрию и придумывает «звериный» аналог человеческого синема со своим жанровым наполнением и целевой аудиторией: «Чужая кость» может быть как мелодрамой, так и триллером или детективом, как и «Полицейская собака Фукс посрамляет Пинкертон», а «Похороны одинокого мопса» – социальной драмой и т. п. Такая собачья фантазия говорит о фоксе как о тонком наблюдателе и культурном деятеле, способном созидать и творить для своего «звериного» сообщества. Но не оцененного и не востребованного в мире людей, что делает фигуру литературного героя трагикомичной.

Поездка на морской курорт рождает новые фантазии Микки теперь на тему курорта для собак – Фоксбаден. В своем воображении пес придумал для своих сородичей «собачьи скачки, собачью рулетку, собачью санаторию для подагрических бульдогов...»²⁰. Отсутствие синема и курорта для собак вызывают обиду и злость на несправедливо устроенный человеческий мир: «Умираю от злости! Почему, почему, почему для нас ничего не делают?»²¹.

Но еще большим потрясением становится посещение зоосада, который Микки прямо называет тюрьмой для несчастных животных. Его радует только то, что он собака, а собак в клетки в зоологическом саду не сажают.

Самым страшным испытанием в жизни фокса, как мы уже отмечали, становится потеря дома, хозяйки Зины (запись «Как я заблудился»)²². Здесь раскрываются новые черты его характера: он не теряет духа, ищет выход и умеет приспособливаться к новым условиям.

Поездка на море открывает новое пространство и возможности для фокса: это простор и безграничная свобода, которой он был лишен в городской квартире, он с удовольствием бегаёт по пляжу, играет с детьми, носится за мячом. Но это новое пространство вдруг становится незнакомым и пугающим, когда свобода передвижения, беззаботность и любопытство приводит к потере привычного и обжитого мирка: «И вот... допрыгался. Повернул к парку, нырнул в какой-то зеленый переулок, попал в чужой огород – растерзал старую туфлю, – оттуда в поле, оттуда на шоссе – и все погибло! Я заблудился... <...> Вылетел к морю – другое море! И небо не то, и берег пустой и шершавый...»²³.

Ситуация потери и скитаний описана Микки после возвращения, поэтому в подаче материала присутствует самоирония автора дневника, который знает, что все закончилось благополучно. Например, он пишет, что от отчаяния «Если

бы не отлив, я бы, пожалуй, утопился...», но тут же делает примечание: «И был бы большой дурак, потому что я все-таки отыскался»²⁴. С такой же иронией описана принютившая его семья: «Мама надела пенсне (будто и без пенсне не видно, что я заблудился!) <...> мама строго посмотрела на папу. Он был дрессированный: фукнул, пожал плечами и пошел на веранду читать свою газету»²⁵.

Его приютила другая семья, и как бы фокс не возмущался про себя, что его называют в новой семье «Фи-фи» и считают почему-то девочкой («Я же ведь мальчик»²⁶), обретенный на время дом для него становится спасением («ужасно хотелось есть, надо было покориться»²⁷). И все-таки новый дом, девочка и ее родители не могут стать настоящей семьей для Микки, потому что он «честная, привязчивая собака...»²⁸ и страдает без Зины. Для собачки время тянется мучительно, Микки не всегда его фиксирует, но этим двум дням, проведенным в другой семье отведены целые страницы.

Возвращение к Зине – это не просто воссоединение с семьей, но и восстановление эмоционального и пространственного порядка, обретения своего «центра мира» – хозяйки, которая является для него смыслом существования. Этот опыт – своеобразная инициация (испытание страхом, пребывание в чужом доме), время его взросления и осмысления связей в мире, осознания ценности семьи, дома, привязанности. От наивного наблюдателя Микки проходит путь к существу, способному на благодарность и глубокую преданность.

Микки описывает не только людей в этом мире, он касается и своих сородичей, и в первую очередь собак. Здесь также «работают» человеческие порядки или социальные условности. Например: за городом живет дворовый пес, с которым Микки иногда играет, но он в отличие от фокса непородистый пес, и фокс смотрит на него несколько пренебрежительно. По-разному выстраиваются соседские отношения: Микки дразнит не понравившуюся ему собачку на соседнем балконе («преотвратительная собачонка»), не любит живущего напротив бульдога, который «норовит перед нашей дверью сделать пакость»²⁹, но по-дружески беседует с консьержкиной болонкой, которая, как ему кажется, в него даже влюблена; бегают по пляжу вместе с пуделем (породистой собакой).

Таким же осмыслением животного мира становится посещение зоосада и цирка. Но если зоосад вызвал только негативные эмоции, то отношение к цирку не такое однозначное. С иронией Микки представляет свои первые впечатления от увиденных афиш: «Морж жонглирует горячей лампой и бильярдными шарами. Морж – такой неповоротливый дурак... кто бы подумал! Знаменитый пудель Флакс решает задачи на сложение и вычитание... Важность какая... Я и делить и умножать умею...»³⁰. Звериный запах от вагончиков с животными напомнил зоосад, а начало представления: игра оркестра, выступление клоунов вызвали резкую критику Микки. Фокс неоднократно писал о своем неприятии той музыки, которую он слышит вокруг, а описание игры циркового оркестра дано им не столько аудиально, сколько визуально, подчеркивая бессмысленные действия людей для создания того, что они называют музыкой. Микки воспринимает оркестр как абсурдные и даже агрессивные образы: «Один скелет плюет в флейту, а другой, толстяк, стоямя поставил огромную скрипку и ерзает по ней какой-то линейкой, а третий лупит

палками по барабану, локтями о медные линейки и ногами в большой пузатый бубен, а четвертая, лиловая курица, разъезжает взад и вперед по пианино и подпрыгивает»³¹. Такое гротескное описание передает ощущение дисгармонии, какую испытывает Микки от услышанной музыки и игры оркестра. Он с недоумением наблюдает за выступлением клоунов, скептически относится к их искусственной глупости и считает, что умный человек не станет так унижаться: «Клоуны – просто раскрашенные идиоты. <...> Совсем не смешно»³². Дрессированные животные вызывают у него смесь жалости и презрения. Львы, которые лениво прыгают через укротительницу и играют в жмурки, кажутся неинтересными и обманывают публику: «Обман! Я сам видел: у нее в руке был маленький кусочек мяса...»³³.

Но несмотря на такое критическое отношение к цирку, ему понравилось выступление эквилибристов, моржа, маленькой лошадки, а также возможность в антракте носится по арене. Микки оказался очень внимательным и чутким зрителем, способным почувствовать фальшь и оценить настоящее мастерство.

Последним путешествием, о котором он рассказывает в своем дневнике, становится морская прогулка на пароходе. Само название записи «Проклятый пароход» определяет отношение Микки к очередному испытанию. Увиденный и воспринятый вначале как белый дом, пароход окажется опасным и неудобным миром, где Микки не может найти даже уголок, чтобы спрятаться и успокоиться. Его сразу пугают пароходный гудок, шаткие доски трапа, а бескрайнее море, сливающееся с небом, волны, похожие на бульдогов, вызывает почти экзистенциальный ужас: «Там море, тут море, небо с водой кругом сошлось, горизонты какие-то со всех сторон появились... Разве так можно? А земля где?»³⁴. Он чувствует себя ничтожно маленьким перед морской стихией. Качка приводит к дискомфорту и потере контроля над собой: «Небо качается, улица качается, и наш пол качается. И я совсем потерял центр тяжести, присел на пол и распластался, как лягушка на льду»³⁵.

Микки не понимает людей, зачем нужно добровольно подвергать себя неудобствам и опасности? Ведь им тоже в качку стало плохо, только капитан, как замечает Микки, «развлекается», играет со штурвалом: «Был у капитана на балконишке. Старенький, толстенький, борода, как у рождественского деда, глазки голубенькие. Расставил ноги и забавляется: повернет колесо с палками в одну сторону, потом в другую, потом в третью, а сам в трубку рычит: „Доброе утро! – полдоброе утра! четверть доброго утра!“ – а может быть, я и напутал»³⁶.

Он недоумевает по поводу человеческой безрассудности: мало земли, в море отправились, а есть еще те, кто в небо стремится. Примечательно, что в минуту опасности Микки думает о своей семье: «Вспрыгнул на скамейку, повернулся к морю спиной и наступил лапой на спасательный круг. На всякий случай, если бы пришлось спасать Зину, ее папу и капитана»³⁷.

Дневник завершается прощанием с морем и возвращением домой, в Париж. Квартира после морского простора кажется тесной; с наступлением осени Зина отправилась в школу, Микки не с кем играть, дома стало холодно, и он больше спит. Примечателен последний сон, о котором рассказывает фокс: вместе с семьей он едет в поезде на юг, с одной стороны, снова поездка, новые

приключения, с другой – не изменяет себе и отмечает несправедливо устроенный порядок человеческого мира: Микки не взяли в «закусочный ресторан» – обидно, почему собак туда не пускают?

Художественное пространство «Дневника фокса Микки» – это многомерный и подвижный мир, показанный через призму наивного, но пронизательного сознания собаки. Можно выделить несколько пластов художественного пространства в повести: во-первых, это внешний мир – русская семья, в которой живет фокс Микки и внутренний – его дневник; во-вторых, это географическое: условно-русское в начале истории и Париж, поездка на море; в-третьих, реальное и фантазийное (сон и мечты).

Хронотоп дневника для Микки – это время испытаний и взросления, поиск своего места в мире собачьего подростка и формирование своего отношения к нему. С небольшими пропусками дневник ведется приблизительно два года, но эти годы собачьей жизни не равны тому же сроку человеческой. Дневник фиксирует субъективное восприятие времени, можно отметить большие пропуски в записях, например, отсутствует описание зимы, проведенной в Париже. И, наоборот, события нескольких часов становятся предметом подробного изображения и рефлексии. То, что для семьи значило всего лишь одно лето, проведенное на даче или на море, для Микки – это целая жизнь. Два дня в чужом доме или три часа прогулки на пароходе для собачки оказываются ключевыми моментами, формирующими его характер, отношение к миру и людям. Фокс одновременно выступает в роли субъекта и объекта повествования, описание происходящих событий чередуется с фантазиями персонажа, самовозвеличивание с самоиронией, критический взгляд на мир людей с осознанием и утверждением его несправедливости.

Животные живут намного меньше человека, психологически они растут и взрослеют быстрее. Так и Микки стремительно меняется: девочку Зину он сначала воспринимал как друга и партнера по играм, позднее как существо, которое необходимо защищать (например, в цирке от диких зверей), позднее пес беспокоится о всей семье (несмотря на испытываемый страх и дискомфорт морского путешествия, готовится «спасать» свою семью). Это отражается на содержании записей в дневнике: первые записи с детскими вопросами и наивными рассуждениями, а после испытаний (одиночество на даче, потери на морском курорте) повествование структурируется. Микки переходит к созданию историй с напряженным сюжетом («Как я заблудился»), сатирическим зарисовкам (фантазии о кинематографе, «В цирке») и философским миниатюрам («Проклятый пароход»).

Дневник становится не только способом самовыражения, диалога с миром, осмысления жизненной позиции, но и формирования профессиональных навыков и литературного стиля. От опыта в написании стихов Микки приходит к осознанию себя как автора книги для детей. В финале дневника звучит желание, чтобы его прочитали: «Перелистывал свои странички. А вдруг бы их кто-нибудь напечатал?! С моим портретом и ав-то-гра-фом?!..

Попала бы моя книжка в лапки какой-нибудь девочке в зеленом платице... Села бы она у камина с моим сочинением, читала бы, перелистывала бы и улыбалась»³⁸.

Таким образом, хронотоп дневника, построенный на субъективном восприятии времени и пространства является основой сюжетного развития, способом раскрытия внутреннего мира литературного героя, его взросления и формирования мировоззрения. Хронологическая организация дневника подчинена собачьему сознанию: краткие, но насыщенные событиями периоды растягиваются в субъективном переживании, тогда, как длительные бессобытийные, с точки зрения собаки, отрезки выпадают из повествования.

Через прием остранения и наивно-проницательную точку зрения животного Саша Черный осуществляет тонкую сатиру на человеческое общество, его условности, искусство и социальные институты. Критика подается в мягкой, юмористической форме, что обеспечивает произведению двойную адресацию: занимательность для детей и интеллектуальную глубину для взрослых. Фокс Микки, начавший как обиженный «цуцик», к финалу становится рефлексирующим существом, осознавшим свою творческую силу, ценность привязанности и несправедливость мира, устроенного исключительно по человеческим меркам.

Примечания

¹ См. подробнее: Жиркова М. А. «Дневник Фокса Микки» Саши Черного как жанровый эксперимент // Детские чтения. 2013. № 3. С. 203–215.

² Там же. С. 73.

³ Черный Саша. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Детский остров / Сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007. С. 131.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См. подробнее: Екимова Т. А. Остранение как способ организации «Дневника фокса Микки» // Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре / Отв. ред. Т. Н. Маркова. Челябинск: Энциклопедия, 2015. С. 118–122; Коротких А. В. Зооморфная авторская маска в русской прозе // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. Литературоведение. 2006. № 7. С. 190–194.

⁷ Черный Саша. Указ. соч. С. 132.

⁸ Там же. С. 132.

⁹ Там же. С. 135.

¹⁰ Там же. С. 134.

¹¹ Там же. С. 137.

¹² Охапкина П. М. Адресат в хронотопе «Дневника фокса Микки» Саши Черного // 1920-е и 2020-е: взгляд сквозь столетие. Материалы XXVI Шешуковских чтений / Под общей редакцией Л. А. Трубиной. М.: МПГУ, 2022. С. 234–235.

¹³ Черный Саша. Указ. соч. С. 138.

¹⁴ Там же. С. 140.

¹⁵ Там же. С. 140.

¹⁶ Там же. С. 141.

¹⁷ Там же. С. 141.

¹⁸ Кузьменко О. Н. Адреса русской эмигрантской литературы (от Адамовича до Яновского). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 88.

¹⁹ Черный Саша. Указ. соч. С. 142–143.

²⁰ Там же. С. 145.

- ²¹ Там же. С. 145.
²² Жиркова М. А. Указ. соч. С. 211.
²³ Черный Саша. Указ. соч. С. 148.
²⁴ Там же. С. 148.
²⁵ Там же. С. 149.
²⁶ Там же.
²⁷ Там же.
²⁸ Там же. С. 150.
²⁹ Там же. С. 147.
³⁰ Там же. С. 151.
³¹ Там же.
³² Там же.
³³ Там же. С. 152.
³⁴ Там же. С. 154.
³⁵ Там же.
³⁶ Там же.
³⁷ Там же. С. 155.
³⁸ Там же. С. 158.

А. В. Шаравин, И. Л. Старцева, Я. О. Резаков

Л. Добычин как читатель: опыт чтения и критерии художественной подлинности

Исследуется читательская позиция Л. Добычина как важнейшая составляющая его художественного мышления. На материале эпистолярного наследия и скрытых реминисценций реконструируются эстетические и этические установки автора. Предложена апофатически-номиналистическая модель соучастного чтения произведений писателя, связанная с поэтикой «неопределенности»/«недостаточности» Л. Добычина, редуцированного сюжета и отказа от нормативного понимания смысла.

Ключевые слова: Л. Добычин, читательский опыт, письма писателя, идеальный читатель, художественная подлинность, поэтика недостаточности, автор и читатель

Andrey V. Sharavin, Irina L. Startseva, Yaroslav O. Rezakov

L. Dobychin as a reader: reading experience and criteria of artistic authenticity

The article explores L. Dobychin's reading position as an essential component of his artistic thinking. The article reconstructs the author's aesthetic and ethical principles based on the author's epistolary legacy and hidden references. The article proposes an apophatic-nominalistic model of collaborative reading of the writer's works, which is associated with the poetics of "uncertainty"/"insufficiency" in L. Dobychin's writing, the reduced plot, and the rejection of a normative understanding of meaning.

Keywords: L. Dobychin, reading experience, writer's letters, ideal reader, artistic authenticity, poetics of insufficiency, author and reader

Проблема читателя в творчестве Леонида Добычина традиционно рассматривалась преимущественно в аспекте рецепции его прозы современниками и критикой 1920–1930-х гг. Между тем позиция Добычина как читателя собственных текстов, а также текстов других авторов и критических откликов на его произведения остается недостаточно осмысленной. При этом именно данный материал во многом определяет специфику добычинской эстетики: отказ от развернутого анализа, минимизацию причинно-следственных связей, установку на «узнавание» вместо объяснения, а также неприятие интерпретаций, не совпадающих с авторской интенцией. Материалом исследования служат письма Л. Добычина, включенные в Полное собрание сочинений и писем (2013), а также авторские комментарии писателя и его реакции на отзывы современников. Теоретической задачей статьи является выявление устойчивых критериев, которыми руководствуется Добычин как читатель, и реконструкция образа «идеального читателя», имплицитно присутствующего в его эпистолярии и прозе.

Вопросы поэтики Добычина неоднократно становились предметом исследования в трудах В. Н. Топорова¹, К. Шрамм² и др. Особое внимание уделялось исследованию мотивной структуры, поэтике номинации, редукции и «недостаточности», а также проблеме имени и субъекта повествования. Вместе с тем читательская позиция самого Добычина чаще всего оказывалась включенной в анализ лишь фрагментарно как биографический или вспомогательный аспект.

Для осмысления читательской позиции Л. Добычина принципиально важна концепция «номиналистической ситуации», предложенная В. Н. Топоровым в анализе рассказа «Встречи с Лиз»³. Согласно Топорову, в прозе XX в. происходит сдвиг от образа к имени: первичным оказывается не смысл, а имя, которое «имплицитрует целую серию сближающихся друг с другом образов, преформирующих один (в принципе) образ, к кому бы конкретно это имя ни относилось»⁴. Литературовед указывал на принципиальную значимость акта называния и узнавания как формы смыслопорождения, что напрямую связано с образом имплицитного читателя («Но что кроется за этим „утонула“, остается неизвестным. Случай? Самоубийство? Неясно и как-то маловероятно <...> В этих сомнениях оставляет писатель своего читателя, и эти сомнения остаются у читателя и в связи с уходом из жизни самого писателя <...> Но ведь эта неопределенность, это возрастание энтропии – разве они не характерный знак-предзнаменование ситуации, когда космос вот-вот растворится в хаосе, каким бы „железным“ этот последний ни выглядел?»)⁵. По данной логике читатель не извлекает готовый смысл, а соотносит имя, жест, деталь с культурной памятью, с уже существующими смысловыми полями. Именно поэтому Добычин столь резко отвергает интерпретации, стремящиеся «объяснить» его тексты: объяснение разрушает номиналистическую структуру, подменяя узнавание декодированием. Отсюда следует важное уточнение: читатель у Добычина не интерпретатор, а соноситель культурной памяти, способный распознать имплицитованный смысл, но не рационализировать его в виде тезисов.

Читательская позиция Добычина тесно связана с апофатической традицией мышления, в которой истина определяется через отрицание, недосказанность, отказ от позитивного определения. Это проявляется на нескольких уровнях: в неприятии прямых оценок; в редукции причинно-следственных связей; в минимализации авторской позиции; в ориентации на «имплицитность» смысла. В письмах Добычина неоднократно фиксируется раздражение по отношению к текстам, которые слишком ясно знают, что они хотят сказать. Такая ясность воспринимается как ложная, поскольку подлинный жизненный опыт, по Добычину, не поддается прямому высказыванию: «Сегодня я взял у Цукерманши „Арсена Люпена“ <...> буду читать <...> Вот выписка из предисловия к переводу „Арсена Люпена“: „Несколько почтенных книг с полки: ‘Красная лилия’ Анатолия Франса, ‘Мистерии’ Кнута Гамсуна, ‘Новые чары’ Соллогуба, ‘Море’ Келлермана, ‘Мертвый Брюгге’ Роденбаха. Все прославленные романы. Прибавим сочинения Банга, Стриндберга, Эверта, Анри де Ренье, Мережковского, Бунина, Андреева и пр“. Что это – повести? Нет, ибо там нет повествования; рассказы? – нет, там никто не рассказывает; романы? – нет, какая уж там эпопея. Это нудная лирика, умиление перед „красотами“, фотографические снимки во время каникул, письма к друзьям неврастеника, спермин для слабосильных, все что угодно, только не повествование. Нужна выдержка профессионала или рабский атавизм интеллигента, чтобы дочитать до конца эти книги. Как понятны живые люди, предпочитающие Шерлока Холмса»⁶. Апофатика здесь носит не богословский, а экзистенциально-эстетический характер: смысл присутствует как отсутствие, как напряжение, как нечто, что можно только пережить, но нельзя сформулировать.

В работе К. Шрамм поэтика Л. Добычина последовательно описывается как поэтика редукции/недостаточности – структурной, семантической и экзистенциальной⁷. Прием редукции/недостаточности – отказ построения текста на полноте смысла, на развернутой артикуляции и авторском всеведении. К. Шрамм, анализируя рассказы Добычина, фиксирует, что смысл в них не дан в виде готовой конструкции, читатель обнаруживает его отсутствие, как разрыв, который он вынужден удерживать/сохранять. Принципиально важно: поэтика редукции у Добычина неотделима от фигуры читателя. Текст не восполняет нехватку смысла, он передает ее читателю как форму ответственности. Недостаточность в добычинской прозе может быть описана как форма апофатического письма. Смысл здесь не утверждается, а отступает; авторская позиция не фокусируется, а «расплывается», растворяется в тексте; событие не завершается, а стремится к незаконченности. Эта апофатика не носит богословского характера, но функционально с ней соотносится: смысл не подлежит позитивному высказыванию; любое прямое объяснение воспринимается как профанация.

Характерно, что сам Добычин как читатель испытывает недоверие к клишированно понятным текстам и объясняющему письму, для него показательна ситуация, когда даже собственный текст кажется ему непроясненным: «Сорокину, когда перепису, пошлю Вам и попрошу прочесть, потому что сам я в ней ничего не могу понять и не знаю, может ли быть такой рассказ. Политики в нем ни на грош, есть латинские слова русскими буквами. Там все – про амур»⁸. Здесь формулируется важнейший гносеологический принцип: понятность равна редукции жизни, а значит – художественной ложности. Исследователи также отмечали особую чувствительность Добычина к критическим отзывам и его болезненную реакцию на непонимание им написанного, однако систематического анализа такого восприятия откликов критиков 20–30-х гг. XX в. до настоящего времени предпринято не было.

Читательский опыт Л. Добычина и рефлексия над собственными текстами. Письма Добычина позволяют проследить, как он возвращается к уже написанным произведениям и фиксирует собственный художественный подход. Характерно, что эта рефлексия не носит характера аналитического саморазбора: писатель не объясняет замысел, не формулирует идеи произведений, но остро реагирует на ощущение несоответствия между написанным и подразумеваемым.

Особенно показателен в этом отношении эпистолярный контекст рассказа «Сорокина» (позднее «Дориан Грэй»). Добычин неоднократно выражает недоумение по поводу собственного текста, называет его «гадостью», «мерзким», признается, что сам «ничего в нем не понимает», и при этом не отказывается от публикации рассказа. Такая позиция свидетельствует о принципиальном разрыве между авторским переживанием и пониманием текста и возможностью его истолкования: «Сорокину, пожалуйста, выбросьте. Я окончательно увидел, что она – гадость, хуже, чем пресловутая „Нинон“, какие бы ПОПРАВКИ к ней ни слать заказными письмами»⁹; «Я <...> посылаю на всякий случай, если уже пора, Еры-гина с Сорокиной. Она подправлена, но все-таки какая-то мерзкая. Но если можно напечатать, то пусть идет, потому что печатаются шуточки

и похуже»¹⁰. Тем самым Добычин выступает читателем собственного произведения, для которого критерий ценности не совпадает с критериями понятности или логической завершенности. Поздняя редакция текста и переименование рассказа указывают на его стремление приблизить читателя к авторскому ощущению подтекста, но не к его прямому разъяснению.

Добычин нередко дает оценку читательским и критическим отзывам на свои произведения, однако эти оценки почти всегда носят этически окрашенный характер. Его раздражает не столько отрицательная оценка, сколько ощущение подмены авторской интенции внешними идеологическими или жанровыми схемами. Для Добычина принципиально важно, чтобы читатель «узнавал» текст и был сопричастен произведению, а не объяснял его. Приближение к авторской идее становится главным критерием адекватного прочтения, тогда как интерпретации, навязывающие тексту социальную, политическую или морализаторскую функцию, воспринимаются как насилие над художественной реальностью. Именно этим объясняется его болезненная реакция на идеологизированную критику начала 1930-х гг., в которой его проза трактовалась как «реакционная», «буржуазная» или «идеалистическая». Для Добычина подобные интерпретации означали утрату доверия между автором и читателем.

Образ идеального читателя. На основании писем и косвенных авторских высказываний можно реконструировать образ идеального читателя в представлении Добычина. Это читатель, способный к узнаванию Другого в себе и себя в Другом; читатель, не воспринимающий текст как разъяснение, но открытый к внутреннему со-присутствию. Такой читатель не стремится к «разгадке» смысла, не навязывает произведению внешнюю интерпретационную рамку, а принимает его как событие в этическом смысле. Именно поэтому в добычинской прозе отсутствуют прямые апелляции к читателю, пояснения или авторские комментарии: идеальный читатель предполагается априори, но никогда не описывается напрямую.

Важно подчеркнуть, что читатель у писателя не активный конструктор смысла (как у формалистов или в поздней рецептивной эстетике), а этически сопричастный субъект. Идеальный читатель, по Добычину, не дописывает текст; не объясняет его; не исправляет его «недостатки»; принимает его недосказанность. Читатель у Добычина оказывается не интерпретатором и не «достраивающим» субъектом, а носителем нехватки смысла. Именно поэтому читательская позиция приобретает этическое измерение. Таким образом, читатель становится соавтором не на уровне интерпретации, а на уровне сопереживания. Это принципиально отличает добычинскую модель от модернистской игры с читателем: здесь нет игры, есть доверие, утрата которого, становится для Добычина катастрофической.

Оценка чужих текстов: нравственный и гносеологический критерии. Отзывы Добычина о чужих текстах, зафиксированные в письмах, позволяют выделить устойчивые критерии его читательской оценки. В первую очередь это критерий достоверности и правдивости, понимаемый не как документальная точность, а как наличие жизненных подробностей, из которых складывается судьба человека. Добычин отвергает тексты, в которых персонажи выступают

носителями абстрактных идей или функций. Его интересует не тип, а единичность; не схема, а судьба. В этом смысле читательская позиция Добычина тесно связана с его этическим восприятием современности: художественная фальшь для него всегда одновременно и нравственная. «Эпистемологическая скромность» писателя предполагает его отказ от авторского всеведения и морализаторства.

Связь читательской позиции с поэтикой «недостаточности» позволяет по-новому понять, почему Добычин принимает одни тексты и отвергает другие. Сравнительный анализ позволяет уточнить место Добычина в традиции европейской и русской прозы, выстроить линию Чехов – Флобер – Добычин. Для «Провинциального сочинителя» принципиально близок Чехов, прежде всего своей установкой на отказ от финального смысла и морализаторского вывода. Чеховский рассказ не завершает судьбу героя, а лишь фиксирует ее фрагмент, оставляя читателя в состоянии неопределенности. Именно эта «незавершенность» делает возможным узнавание жизни, а не ее объяснение. Добычин передоверяет похвальное слово о писателе своим героям: «Ершов хвалил Чехова. <...> Он принес мне в училище „Степь“, и я тут же раскрыл ее. Я удивлен был. Когда я читал ее, то мне казалось, что это я сам написал»¹¹. Для автора романа «Город Эн» «прямое похвальное слово» противоречит его поэтике, оценка всегда «снята» и вынесена в чужую речь. В приведенном эпизоде похвала Чехову дана не как декларация вкуса Добычина, а как встроенный опыт чтения персонажа. Прямая авторская оценка нарушила бы добычинский режим «хроники»/фиксации. Через героя похвала звучит как факт жизни (кто-то хвалит; кто-то читает; кто-то поражен), а не как критическая статья в тексте. Фраза «что это я сам написал» не литературоведческое суждение, а типичный читательский шок узнавания. Его естественнее отдать персонажу, чем говорить «от автора», потому что у Добычина смысл часто рождается из чужого впечатления, а не из комментария. Через героя автор романа «Город Эн» может проговорить самое интимное (узнавание себя в Чехове), не превращая текст в манифест. Это форма скрытого самораскрытия: писатель присутствует, но как бы «в стороне». Добычин избегает «окончательных» формул. Если автор сам скажет «я так думаю», он закроет вопрос. А когда это говорит персонаж, оценка остаётся локальной, частной, и читателю не приказывают соглашаться – читатель сам решает, доверять ли этому голосу.

Флобер важен для Добычина иной стороной той же установки – «аскетичной» письма и жесткой дистанцией между автором и персонажем. В «Госпоже Бовари» автор устранился от прямой оценки, передавая событие как чистую данность, не навязывая читателю моральной оценки. Добычин, неоднократно соотнося собственные замыслы с Флобером, наследует именно эту стратегию отказа от интерпретирующего авторства. Если сопоставление Добычина с Чеховым выявляет близость поэтики «недостаточности» и фрагментарного жизненного опыта, то обращение к фигуре Флобера обнаруживает иной, не менее принципиальный уровень соотношения – уровень модели авторского поведения. Показательна ироническая, но концептуально значимая ремарка Добычина: «Если я скоро начну об отъезжающей девице (ее фамилия – Солоухина),

то, может быть, к поездке оную подготовку и прибуду с нею в Ленинград, как некоторый Флобер в Париж с „Мадамой“¹². Здесь флоберовская аналогия относится не к стилю письма и не к тематике романа, а к этике авторской ответственности: прежде чем войти в литературное и жизненное пространство, автор обязан «подготовить» своего персонажа и как бы прибыть вместе с уже оформленным текстом (художественным образом). Тем самым Добычин воспроизводит флоберовскую установку на приоритет письма над биографией: жизненное движение допускается лишь после завершенного произведения. В отличие от Чехова, у которого незавершенность становится принципом художественной формы, Добычин усваивает у Флобера именно дисциплину письма и отказ от спонтанной исповедальности. Персонаж (Солоухина) выступает здесь не как прототип и не как автобиографическая маска, а как условие движения автора, его допустимый «спутник». Этот жест особенно показателен в контексте поэтики «недостаточности»: форма должна быть собрана и выверена, тогда как дальнейшая судьба – текста и жизни – остается принципиально не гарантированной.

В отличие от Чехова и Флобера, Добычин абсолютизирует принцип «недостаточности»: у него редуцируется не только вывод, но и само событие; не только оценка, но и действие. В результате читатель оказывается в еще более уязвимой позиции – без опоры на сюжет, психологию или идею. Тем самым добычинская поэтика доводит линию «недостаточности» до предела, превращая чтение в этический акт принятия неясности.

В письме к К. И. Чуковскому писатель приводит цитату из Салтыкова-Щедрина: «По поводу «воды» я выпишу Вам один рассказ Щедрина (знаю его наизусть): „У одного городничего спросили: – Вы берете, Иван Капитонович, взятки? – Никогда!“»¹³. Добычин воспроизводит эту формулу как «короткий творческий эталон», когда читатель на уровне структуры языка осмысляет предельную краткость текста, в которой проявляется абсурд власти.

Проза, ориентированная на «современность», «тип», «класс», отвергается Добычиным как неподлинная. Он не принимает тексты, в которых судьба подменяется функцией, имя превращается в социальную маску, частное растворяется в общем. Такой текст для него не просто художественно слаб – он этически ложен, поскольку уничтожает единичность человеческого существования. Эпизод из рассказа «Встречи с Лиз» демонстрирует характерный для прозы, ориентированной на «современность», механизм идеологической градации: «В библиотеке висели плакаты: „Туберкулез! Болезнь трудящихся!“ – „Долой домашние! Очаги!“ – Что-нибудь революционное, – попросил Кукин. Девушка с желтыми кудряшками заскакала по лесенкам. – Сейчас нет <...> Ах, черт возьми, а он уже видел себя с теми книжками – встречается Фишкина: – Что это у вас? Да? – значит, вы сочувствуете!»¹⁴. Плакаты как редукции реальности до лозунгов и запрос героя («Что-нибудь революционное») фиксируют не потребность в чтении как таковом, а стремление к символическому подтверждению собственной социальной позиции. Возникающий разрыв между революционным ожиданием и литературным материалом обнажает несоответствие живой художественной традиции требованиям агитационной «современности». Воображаемая сцена

встречи с Фишкиной, где сам факт обладания книгой интерпретируется как политический жест («значит, вы сочувствуете»), окончательно переводит акт чтения в сферу социального распознавания: книга становится не источником смысла, а маркером идеологической идентичности.

Анализ читательского опыта Л. Добычина позволяет сделать вывод о принципиальной неразрывности его авторской и читательской позиций. Добычин-читатель формирует те же требования к тексту, которые реализует в собственной прозе: отказ от объяснения, приоритет узнавания, внимание к единичной судьбе, неприятие идеологического. Реконструируемый образ идеального читателя основан на способности восприятия художественной «недостаточности» как формы подлинности. Тем самым читательский опыт Добычина оказывается ключом к пониманию его поэтики в целом и позволяет переосмыслить его место в литературе XX в. Таким образом, читательская позиция Л. Добычина может быть определена как апофатически-номиналистическая модель сопричастного чтения, в которой смысл не моделируется, а узнается, текст не объясняется, а принимается, а читатель становится соавтором не через интерпретацию текста, а эмоциональную ответственность, сближающую с сочинителем.

Примечания

¹ Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: РГГУ, 1995. С. 479–510.

² Шрамм К. «Что за история!» – поэтика недостаточности Леонида Добычина («Старухи в местечке») // Добычинский сборник. Вып. 2. Даугавпилс: Даугавпилсский пед. ун-т, 2000. С. 108–133.

³ Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. М.: РГГУ, 1995. С. 473.

⁴ Там же. С. 473–474.

⁵ Там же. С. 488.

⁶ Добычин Л. И. Полное собрание сочинений и писем. СПб.: Звезда, 1999. С. 281, 282–283.

⁷ Шрамм К. «Что за история!» – поэтика недостаточности Леонида Добычина («Старухи в местечке») // Добычинский сборник. Вып. 2. Даугавпилс: Даугавпилсский пед. ун-т, 2000. С. 108–133.

⁸ Добычин Л. И. Полное собрание сочинений и писем. СПб.: Звезда, 1999. С. 274.

⁹ Там же. С. 275, 276.

¹⁰ Там же. С. 175.

¹¹ Там же. С. 272.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 250.

¹⁴ Там же. С. 56.

Л. И. Вигерина

Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича в отечественной публицистике 1942 года: своеобразие восприятия и воплощения музыкального произведения в словесном виде искусства

На примере очерка Е. П. Петрова «Торжество русской музыки. На репетиции Седьмой симфонии» (1942) рассматривается проблема взаимодействия музыки и литературы. Актуальность исследования обусловлена дискуссионностью вопроса о музыкальном экфрасисе, о способах воплощения музыкального произведения в литературе. В статье рассматриваются вопросы синестезийного восприятия музыки, использование приемов визуализации, мифологизации при «переводе» музыки на язык словесности. Междисциплинарные эстетические характеристики углубляют и расширяют возможности интерпретации музыкального произведения.

Ключевые слова: Седьмая симфония, Д. Д. Шостакович, Е. П. Петров, публицистика, взаимодействие литературы и музыки, «музыкальный экфрасис»

Lyudmila I. Vigerina

D. D. Shostakovich's Seventh Symphony in Russian Publicism of 1942: The Unique Perception and Embodiment of a Musical Work in the Verbal Art Form

This article examines the interaction between music and literature in E. P. Petrov's essay "The Triumph of Russian Music. At the Rehearsal of the Seventh Symphony" (1942). The relevance of this study stems from the controversial nature of musical ekphrasis and the ways in which musical works are embodied in literature. The article examines synesthetic perception of music, the use of visualization techniques, and mythologization in the "translation" of music into literary language. Interspecific aesthetic characteristics deepen and expand the possibilities for interpreting a musical work.

Keywords: Seventh Symphony, D. D. Shostakovich, E. P. Petrov, journalism, the interaction between literature and music, "musical ekphrasis"

Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича является не только выдающимся произведением музыки XX столетия, но и художественным документом мировой и национальной истории, сохраняющим память о трагедии XX в., борьбе с фашизмом, о Великой Отечественной войне, Ленинградской блокаде.

Исполнению Седьмой симфонии в 1942 г. придавалось государственное значение, о чем свидетельствуют такие факты, как отправка военных музыкантов с фронта для участия в концерте, операция «Шквал» по защите города во время исполнения Седьмой симфонии в блокадном Ленинграде, выступление Д. Д. Шостаковича по радио о том, как идет работа над Седьмой симфонией, доставка партитуры в Ленинград специальным военным самолетом.

Важным было и освещение в периодической печати исполнений Седьмой симфонии: в «Правде» 16 февраля 1942 г. опубликован очерк А. Н. Толстого «На репетиции Седьмой симфонии», в «Литературе и искусстве» от 4 апреля 1942 – «Торжество русской музыки» Е. П. Петрова, в «Комсомольской правде» от 19 августа 1942 г. – статья О. Ф. Берггольц и Г. П. Макогоненко «Ленинградская симфония».

Цель данной статьи – изучить особенность восприятия и словесного воплощения Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в очерке Е. П. Петрова «Торжество русской музыки. На репетиции Седьмой симфонии» (1942).

О трудности воспроизведения музыкального произведения словесными средствами, обусловленной абстрактностью, отвлеченностью, внепредметностью музыки, пишут многие исследователи. Вопрос о специфике восприятия музыкального произведения до сих пор остается дискуссионным в научной среде.

А. Ф. Лосев еще в 1920 г. в «Очерке о музыке» высказал мысль, которую разделяют и современные авторы: «...каждое произведение музыки допускает известную философизацию, точнее говоря, мифологизацию, понимая под мифом метод изображения объективной сущности бытия, невыразимый в понятии»¹.

В работе Л. Г. Лобовой указываются разные пути восприятия музыки в профессиональной и непрофессиональной сферах:

«Интрамузыкальная направленность восприятия вообще, как известно, доминирует в среде профессиональных музыкантов или людей, обладающих высоким уровнем музыкальной подготовки. В то же время, как подчеркивает Д. К. Кирнарская, „на самом высоком уровне подлинно адекватного музыкального восприятия внемузыкальные ассоциации возникают не как бегство от трудностей музыкального восприятия, но как его обогащение, как его неотъемлемая часть, спасающая от обедненно-технологизированного прочтения произведения“. Для неподготовленного же слушателя опора на общекультурный тезаурус тем более может способствовать активизации процессов музыкального восприятия и даже в какой-то степени компенсировать ограниченность возникающего в его сознании слухового образа»².

Исследовательница Н. П. Колоденко предлагает как плодотворный «синестетический подход, основанный на привлечении к восприятию текста психологического механизма межчувственных ассоциаций, позволяющих воссоздать „живую связь“ его элементов»: «Вместе с тем музыкальный текст может, не выходя за пределы системы искусств, в другие области духовной деятельности, и не теряя имманентно музыкальных свойств, обогатиться энергией родственных ему импульсов от смежных искусств. Такие импульсы, идущие не только от временных искусств (театра, кино, художественной литературы), но и от пространственных (живописи, скульптуры, архитектуры), достаточно активно прослеживаются музыковедами»³.

Учитывая известные в науке и в том числе названные выше подходы к восприятию музыки, попытаемся проанализировать особенности восприятия и воплощения Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича в очерке Е. П. Петрова «Торжество русской музыки».

«Музыкальный экфрасис» Седьмой симфонии появляется в контексте размышлений писателя о культуре. Война, развязанная гитлеровской Германией, которая несла с собой уничтожение целых народов, их культуры, обострила внимание к вопросам сохранения культурного наследия, значения культуры для человеческой цивилизации. Советский Союз, по мысли Е. П. Петрова, в этой войне борется за человека, за гуманистические ценности: «Советский Союз бережно принял и приумножил несметные богатства культуры, которые получил в наследство»⁴. Этим объясняется духовная сила русского народа в противостоянии мировому злу.

В очерке противопоставляется «типичный гитлеровский молодой человек», не имеющий духовной опоры в культуре и потому превратившийся в без-

душную машину, – советскому человеку. Д. Д. Шостакович – «удивительный русский композитор, умный, тонкий, благородный музыкант, воспитанный Советской страной»⁵. Седьмая симфония Шостаковича – это «торжество русской музыки», вобравшей в себя «весь мировой музыкальный опыт».

Приступая к рассказу о симфонии, автор отмечает, что «прелесть музыки в том, что она дает человеку полную свободу восприятия»⁶, однако в случае с Седьмой симфонией программа ее представляется «такой ясной, определенной и твердой»⁷.

Д. Д. Шостакович на начальных этапах работы над симфонией хотел создать литературный текст к ней: «В репризе (первой части – *Л. В.*) звучит похоронный марш, и это глубоко трагический эпизод, массовый реквием – просто люди чтут память своих героев. Вначале я очень хотел, чтобы в этой части были слова. Я чуть было не начал писать их сам. Все же решил обойтись без слов, и рад этому. Музыка более выразительна» (из разговора с Рабиновичем)⁸.

Известно также, что Шостакович хотел озаглавить части музыкального произведения: «Война», «Воспоминания», «Родные просторы», «Победа», «но в процессе работы выяснилось, что заголовки ограничивают восприятие»⁹.

Тем не менее программность Седьмой симфонии была определена исторической ситуацией, в которой создавалась, выступлениями по радио композитора, публикацией его высказываний в газетах. Так, 17 сентября по радио Д. Д. Шостакович обратился к слушателям: «Я воеваю с вами из Ленинграда в то время, как у самых ворот его идут жестокие бои с врагом, рвущимся в город, и до площадей доносятся оружейные раскаты... Два часа назад я закончил две первые части симфонического произведения...»¹⁰.

В газете «Правда» 29 марта 1942 г. накануне исполнения симфонии в Москве были опубликованы слова композитора, разъясняющие замысел его музыкального творения: «Мне хотелось создать произведение о наших днях, о нашей жизни, о наших людях, которые становятся героями, которые борются во имя торжества нашего над врагом, которые делаются героями и побеждают... Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию»¹¹.

Картина нашествия возникает в воображении писателя в связи с его размышлениями о «гитлеровских молодых людях» (с одним из них, уже плененным, он беседовал) с куском ржавого железа вместо сердца, готовых уничтожать, убивать: «С железным лязганьем – левой, правой, раз, два, двигались к нашим границам машины умные, как люди, и люди бездушные как машины. Идиотическая важность, с которой они шагали, – левой, правой, раз, два – могла бы показаться комичной, если бы они не шли убивать»¹². А в это время в Советской стране мирно спали люди не знали еще, что утром взойдет «кровавое солнце двадцать второго июня»¹³. На основе восприятия музыкального повествования и личных впечатлений писатель создает сюжетную картину начала войны. В словесной живописи используется образ «кровавого солнца» (ср. «кровавые зори» в «Слове о полку Игореве»), символизирующий грядущие беды и смерть. Картина становится фоном восприятия первой части симфонии. С помощью «вербальной имитации» писатель представляет музыкальное развития тем,

мотивов и лейтмотивов первой части: «Так начинается тема войны... Она возникает после длинного, длинного, покойного и светлого звучания, завершающего вступительную музыку. Она возникает неожиданно и неизбежно. Она начинается с шепота, именно шепота барабанов, и под этот барабанный шепот, после скрипичного пиччикато, какая-то дудка тихонько наигрывает простую и замысловатую, шутовскую и страшную мелодию. Потом мелодия повторяется с назойливой аккуратностью <...> Мелодия повторяется в третий раз, потом в четвертый, пятый, шестой, десятый. Она обрастает железом и кровью»¹⁴.

Автор использует словесные (шепот барабанов, «простая и замысловатая, шутовская и страшная мелодия»), синтаксические повторы, анафору («она») в стремлении передать музыкальные, имитируя, как в первой части симфонии используется одна тема и одиннадцать вариаций с остинатной мелодией, заключающейся в многократном повторении одной и той же музыкальной фразы.

Чтобы передать характер «звучания» нашествия, писатель указывает, голоса каких музыкальных инструментов выделяются и как звучат: «шепот барабанов», «скрипичное пиччикато», «простая и замысловатая, шутовская и страшная мелодия» дудки. В музыке нашествия автор очерка слышит что-то железное, металлическое, что противопоставлено светлой мелодии темы мирной жизни.

Кульминацию нарастания мелодии войны автор описывает как достигнутый «предел металлической мощи ... чудовища», визуализируя и мифологизируя для читателя этот фрагмент и расширяя горизонт интерпретации до векового конфликта добра и зла. «Музыкальным чудом» называет писатель композиционный прием композитора Шостаковича в изображении разрешения конфликта: «Несколько нот в партитуре, – и на всем скаку <...> на предельном напряжении оркестра, простая и замысловатая, шутовская и страшная тема войны заменяется всепоглощающей музыкой сопротивления»¹⁵.

Автор стремится передать эмоциональное впечатление от музыкальных образов (покойное звучание, страшная мелодия), живописное цветовое впечатление (светлое звучание), выражение «шутовская» мелодия создает в воображении и визуальный образ шута, и театральную сцену, в которой он участвует. В субъективно-психологическом переживании музыки автор апеллирует к зрительным и слуховым впечатлениям: «Что-то, что-то железное идет по человеческим костям, и вы слышите их хруст»¹⁶.

Таким образом, можно сказать, что автор очерка создает синестетическую картину восприятия музыки, основанную на межчувственной ассоциации.

Музыкальная тема войны приобретает в восприятии автора очерка визуализированный образ «чудовища с цинковой мордой, которое неумолимо и методично шагает на вас, – раз, два, раз, два». Этот образ в соединении с железным лязгом, возможно, отсылает к апокалиптической картине нашествия саранчи, которую за собой ведет ангел бездны Аваддона (Аббадона): «По виду своему саранча была подобна коням, приготовленным на войну...на ней были брони железные, а шум от крыльев ее – как стук от колесниц, когда множество коней бегут на войну...» (Откр. 9:7-11).

В композиционном плане симфонии Е. П. Петров отмечает контрастность, неожиданные переходы. Кульминация нарастающей мелодии войны вдруг

разрешается «всесокрушающей силой сопротивления», а грандиозную картину битвы, «музыку столкновения» композитор «с чудесной стремительностью» переводит в музыку горя, реквием по погибшим, а затем «спадает тема и опять тихо звучит простая и замысловатая, шутовская мелодия»¹⁷.

Писатель создает литературную парафразу финального эпизода первой части симфонии, используя для передачи ритма, интонации стихотворный текст со строчками разной длины (от 13-сложной в первом и втором стихах до двусложной – в последнем), а также разнообразные повторы, тематизирует музыкальные мотивы:

Помни, помни. Это только начало. Это только начало.

Еще длинный и кровавый путь надо пройти.

Надо пройти.

Помни, помни. Враг силен.

Он здесь. Здесь.

Помни, помни.

Точка¹⁸.

В описании второй и третьей частей симфонии автор использует кинопоэтику и фотопэтику, что можно объяснить влиянием киножурналов военного времени, фоторепортажами в газетах. Е. П. Петров описывает, что возникало в его воображении, когда он слушал симфонию, точнее сказать, он не столько ее слышал, сколько видел, что подчеркивается самим автором: «Я видел и переживал прощание матерей с детьми и нежность невест с женихами, идущими на фронт. Я видел напряжение городов, застывших в ожидании незримого чудовища с цинковой мордой, что летело к ним по черному ночному небу <...> Я видел лучи прожекторов и текущие пунктиры трассирующих пуль, отражающихся в стеклах высоких домов»¹⁹. Перед читателем словно проходят кадры киножурнала, документального кино. Автор использует характерный для кино прием монтажа, где крупный план и общий сменяют друг друга. Современные исследователи отмечают, что для Шостаковича, как и для других композиторов XX в., характерно кинематографическое мышление: «В симфониях Шостаковича, различных инструментальных жанрах Р. Щедрина кинематографическая монтажность проявляется в расчленении звуковой материи на крупные и общие планы, в сочетании горизонтального, вертикального и параллельного монтажа, в сопоставлении монтажных единиц – „кадров“ посредством стыка и наплыва. Аппелляция к кинематографичности позволяет вскрыть изменения в процессе музыкального мышления композиторов XX века, передать в адекватной понятийной форме способность современных композиторов к лаконичному и концентрированному выражению сложнейших эмоциональных, мыслительных процессов и философских концепций»²⁰.

Создавая вербальный образ музыки, писатель использует визуально-цветовые (черное небо, окровавленные резиновые перчатки), визуально-линейные (лучи прожекторов, текущие пунктиры трассирующих пуль), музыкально-световые (лучи прожекторов, пунктиры трассирующих пуль, отражающихся в стеклах) характеристики, которыми наделяются акустические компоненты,

собственно музыкальные образы, то есть создает синестезийное описание, апеллирующее к разным органам чувств.

Можно говорить и о фотографичности описываемых автором образов и картин, запечатлевших остановленное мгновение: «тело бойца, навеки прикинувшегося к земле головой, обращенной в сторону врага», «врач в окровавленных резиновых перчатках».

Содержание третьей части симфонии Шостакович определил как «упоение жизнью, преклонение перед природой»²¹. Этой теме соответствуют «кадры» в очерке Е. П. Петрова: русская природа, дети, человеческая страсть, нежность, улыбка.

Финал симфонии описывается автором с помощью оксюморона «муки счастья», то есть обретение гармонии через страдания, борьбу. В финале симфонии писателю слышится «торжество правды», торжество человека над зверем.

Таким образом, в очерке Е. П. Петрова, посвященном музыкальному произведению и написанном в сложный период Великой Отечественной войны, благодаря приемам визуализации, кинопоэтике, элементам фотографичности, как в репортаже, представляли перед читателем конкретные эпизоды, герои войны. Сильнейшее эмоциональное воздействие музыки на автора порождает в нем скорбь, гнев и выражается в очерке в императиве, обращенном к читателю: «Сейчас не должно быть слабости!» Музыка воодушевляет на борьбу с фашизмом, вселяет уверенность в победу, в торжество правды. В то же время Е. П. Петров подчеркивает, что конкретно-исторические события Великой Отечественной войны в Седьмой симфонии осмыслены композитором как вечная борьба Добра со Злом.

Примечания

¹ Лосев А. Ф. Очерк о музыке // А.Ф. Лосев. Форма. Стиль. Выражение / сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1995. С. 652.

² Лобова Л. Г. Специфика и законы восприятия музыки // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т.8. № 2 (27). С. 135.

³ Колоденко Н. П. Межвидовые эстетические характеристики как компонент интерпретации музыкальных текстов // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 400. С. 116.

⁴ Петров Е. Торжество русской музыки. На репетиции седьмой симфонии // Дмитрий Шостакович. Сост. сб. Г. Ш. Орджоникидзе. М.: Советский композитор, 1967. С. 56.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 54.

⁷ Там же.

⁸ Цит. по: Роузберри Э. Шостакович / Пер. с англ. Челябинск: Урал LTD, 1999. С. 119.

⁹ Цит. по: Хентова С. М. Шостакович в Петрограде-Ленинграде. Л.: Лениздат, 1979. С. 160.

¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹ Там же. С. 176.

¹² Петров Е. Торжество русской музыки. На репетиции седьмой симфонии // Дмитрий Шостакович. Сост. сб. Г. Ш. Орджоникидзе. М.: Советский композитор, 1967. С. 52.

¹³ Там же. С. 52.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 53.

¹⁶Там же. С. 52.

¹⁷Там же. С. 53.

¹⁸Там же.

¹⁹Там же. С. 54.

²⁰Колоденко Н. П. Указ. соч. С. 118.

²¹Цит. по: Хентова С. М. Указ. соч. С. 169.

К. И. Шарафадина

**«Армянский текст» русской поэзии в метакнижной
экспликации (на материале книжной серии М. Д. Амирханяна)**

Автором оценен вклад исследователя русской и армянской литературы, составителя и публикатора М. Д. Амирханяна в дело выявления, изучения и введения в научный оборот «армянского» метатекста русской поэзии, эксплицированного им в книжную серию оригинальных антологических монографий. Автором также выстроена дополненная новыми размышлениями творческая история цикла С. М. Городецкого «Ангел Армении» (1918) как ключевого для «армянского текста», ранее подробно реконструированная М. Д. Амирханяном.

Ключевые слова: русская поэзия XX в., «армянский» метатекст, книжная серия, антологическая монография, творческая история, цикличность

Klara I. Sharafadina

**"Armenian text" of Russian poetry in a metabook explication
(based on the book series by M. D. Amirkhanyan)**

The author evaluates the contribution of Russian and Armenian literary scholar, compiler, and publisher M. D. Amirkhanyan to the identification, study, and introduction of the "Armenian" metatext of Russian poetry, which he explicated in a book series of original anthological monographs. The author also constructs a creative history of S. M. Gorodetsky's cycle "Angel of Armenia" (1918), supplemented by new research, as a key element of the "Armenian text", previously reconstructed in detail by M. D. Amirkhanyan.

Keywords: 20th century Russian poetry, "Armenian" metatext, book series, anthological monograph, creative history, cyclicity

Памяти Михаила Давидовича Амирханяна
(1932–2025)

В 2012 г. в ереванском издательстве «Издательский дом Лусабац» тиражом 500 экземпляров вышла монография (она же – параллельно – поэтическая антология) доктора филологических наук, профессора Михаила Давидовича Амирханяна «Геноцид в Западной Армении и русская поэзия»¹.

Книга стала важной новой страницей в создаваемой М. Д. Амирханяном на протяжении десятков лет (с конца 1980-х гг.) литературоведчески-публицистической летописи на эту лично дорогую для него тему. В нее вошли книги разных лет, последовательно выстраивающих и исследующих отражение этой темы в русской и европейской публицистике и художественной литературе. Одна из последних, «Армения в зеркале русской поэзии», вышла в 2021 г.².

В книге 2012 г. автор-составитель поставил себе, на первый взгляд, чисто литературоведческую текстологическую задачу «собрать воедино разбросанные по разным источникам как известные, так и малоизвестные и неизвестные поэтические произведения русских авторов, освещающие кровавые события в Западной Армении, в частности, в армянском городе Ване и вокруг него»³. И далее пояснял во вступительной статье принцип отбора текстов: «Однажды опубликованные в различных изданиях (конца XIX – начала XX вв.) стихи русских авторов, проявивших сочувственное отношение к событиям в Западной Арме-

нии, которым в большинстве случаев они были свидетелями. Это их не сиюминутные восприятия, воплощенные в стихах, а скорее их сочувствие, потрясения и переживания⁴. Все стихи, как заявил составитель, принципиально были даны без купюр – «как документальный материал очевидцев»⁵.

Скрупулезные разыскания дали такой результат: несколько десятков поэтических произведений, потребовавших попутного комментирования и взвешенной оценки их места в «армянском метатексте» и литературоведческой интерпретации-анализа.

Монография включала три крупных главы-раздела. Первая («Генерал-поэт»⁶) была посвящена «армянским» стихам генерала русской армии А. П. Кулебякина, участвовавшего в русско-турецкой войне 1914–1916 гг.

Вторая глава была посвящена стихам из обширного корпуса «армянского текста» (корреспонденции, публицистика, проза и поэзия) известного русского поэта Сергея Митрофановича Городецкого («С. Городецкий – корреспондент и поэт»⁷).

Третья глава («Стихи малоизвестных и неизвестных поэтов»⁸) вводила в читательский кругозор и научный оборот произведения пятнадцати авторов: С. Зарова, А. Кушлю, С. Бахчисарайцева, С. П. Кроткова, С. Пирвердяева, В. Язвицкого, Е. Алексеева, Е. Алибекова, Е. Кипинова, Г. Кансона, Е. Морозова, Вл. Шуфа, Е. Балковой, а также Ю. Веселовского и Ю. Верховского.

Во вступительной статье составитель пояснил избранную последовательность текстов в антологии: «Хронологическое расположение материала в книге показывает степень нарастания в развитии событий»⁹.

Задуманная как антология, книга в результате стала оригинальной «лейтмотивной» монографией в виде цикла статей-очерков. В них, наряду с текстами, дана их аналитически обдуманная, при этом эмоциональная интерпретация в контексте ключевого тематического лейтмотива – пронзительного отклика русских поэтов на тему геноцида армян.

Обратимся ко 2-ой главе, посвященной С. М. Городецкому. В ней М. Д. Амирханян выстраивает «армянский» метатекст Городецкого, уделяя основное внимание ключевому произведению – поэтическому циклу «Ангел Армении» (1918), составленному из стихов-«зарисовок» увиденной поэтом воочию бесчеловечно-жестокой картины последствий войны в Западной Армении. Эти 12 стихотворений написаны в апреле-июне 1916 г. (только открывающее книгу стихотворение «Ангел Армении» написано позже, в январе 1918 г.). Нам уже приходилось писать о цикле как о неповторимо-личной в своей пронзительности странице «армянского текста» русской поэзии¹⁰.

Комментаторы отмечают «простоту и прекрасную ясность образов» этого цикла. К примеру, так в общей картине бедствия зарисованы знаменитые армянские хачкары: «У могил разрытых / Плачут кроткие слова / На могильных плитах» («Арчак»). Сборник был оформлен заставками и концовками работы Б. И. Рыбова по барельефам древнего островного Ахтамарского монастыря, на обложке – рисунок крылатого ангела.

Но М. Д. Амирханян, можно сказать, намного опередил достойную ее оценку, посвятив обширную главу поэту и этой книге в своей монографии-анто-

логии: «Первым ощущением Городецкого от армянской действительности этой поры было *ни с чем не сравнимое по трагизму чувство поэта*. Описанные С. Городецким надругательства над человеком, развалины вокруг, могилы без конца – все это создавало поразительную картину»¹¹. Или такая оценка: «С. Городецкий полюбил Армению ... растоптанную и разоренную, печальную и тоскующую. *Плененный Арменией и потрясенный ее горем, Г. „вжился“ в армянскую действительность* и описал ее в стихах, очерках, романе, публицистике» (курсив наш – К. Ш.)¹².

В 2010 г. Ирма Сафразбекян представила обновленный вариант «армянского текста» Городецкого в составленном ею сборнике произведений поэта, дополнив его обнаруженными в архиве писателя (передан ей дочерью Городецкого) стихами и последними главами романа «Сады Семирамиды», публицистическими статьями и эссе, сопроводив сделанными в Западной Армении зарисовками Городецкого¹³.

В частности, она опубликовала несколько обнаруженных ею в записных книжках поэта стихотворений, предназначенных для цикла «Ангел Армении». Это четыре стихотворения 1916 г.: «Транспорт», «Ввысь», «Я и ты», «Любимой». Среди них выделяется стихотворение «Любимой».

Вот его текст:

О тебе, о тебе, о тебе
Я тоскую, мое ликование,
Самой страшной отдамся судьбе,
Только б ты позабыла страданье.
Плачет небо слезами тоски,
Звон дождя по садам пролетает.
Сяблонь снегом текут лепестки,
Скорбь моя, как огонь, вырастает!
Вот она охватила сады
И зарю у озер погасила,
Оборвала лучи у звезды,
У вечерней звезды белокрылой.
Ало-черным огнем озарен,
Страшен свод. Но смеясь и сияя,
В высоте, как спасительный сон,
Ты стоишь надо мной, дорогая.
Я к тебе из томленья, из тьмы
Простираю безумные руки.
О, когда же увидимся мы
И сольемся, как в пении звуки!¹⁴

Это стихотворение, по нашему предположению, составляет своего рода лично-интимное продолжение ключевого сюжета стихотворения «Армения» того же 1916 года, положившего начало всему циклу.

М. Д. Амириханян подробно документально реконструировал творческую историю стихотворения «Армения» в своей антологии.

«В 1916 г. корреспондент газеты „Русское слово“ Сергей Городецкий приехал в Тифлис. Это был его третий приезд. В Тифлисе он обратился в общество „Союз городов“ с просьбой отправить его на фронт. Ему предложили поехать в Западную Армению, в г. Ван. Городецкий знал о происходящих там событиях, но отчетливо не представлял всей их глубины и масштабности и что он должен был там делать. Счастливая случайность свела тогда его с известным поэтом Ованесом Туманяном: „В толпе собравшихся хлопотал худощавый высокий человек, принимавший активное участие в создании условий для отъезжающих в Ван на помощь беженцам“. Узнав, что это был известный армянский поэт Ов. Туманян, С. Городецкий обратился к нему: – Я еду в Ван. Я – поэт Сергей Городецкий. Мы знаем Вас... – В Ван? Трудная дорога, трудное дело. От «Союза городов»? Что собираетесь делать? – Не знаю. – Собирайте и спасайте детей. Они там бродят, живут в развалинах. Одичали. Организуем приют»¹⁵.

И далее: «Вечером Ов. Туманян пригласил С. Городецкого к себе домой. Увлекательная беседа об Армении, как признавался позже С. Городецкий, надолго запомнилась ему. Туманян рассказывал о гонимом смертью своем народе, который желает жить в мире и верит в помощь русских. Много говорил он и о назначении поэзии и высоком призвании поэта: „Вы – поэт. Вы едете в разоренную древнюю родину Армении. Напишите про нее. – Я хочу, но я ничего не знаю. – Напишите про то, что увидите, – это и будет поэзия... Я ушел с этого вечера потрясенный и окрыленный, – мой путь стал ясен мне“»¹⁶.

Через несколько дней, 13 апреля 1916 г., Городецкий написал и принес Туманяну стихотворение «Армения», которое, по мнению М. Д. Амирханяна, стало исповедальным и программным в дружбе Городецкого с Арменией: «...поэт как бы заглянул в самого себя и мгновенно, на одном дыхании излил свои переживания в трогательном стихотворении»¹⁷.

В письме от 24 апреля 1916 г., на пути в Ван поэт писал: «В душе у меня начинается какая-то новая песня, первое начало которой положено в Тифлисе, в гостеприимном вашем доме»¹⁸.

Напомним начало стихотворения «Армения»: «Как перед женщиной, неведомой и новой, / В счастливом трепете стою перед тобой. И первое сорваться с уст боится слово, / И первое смущаются глаза мольбой»¹⁹.

Сравним со стихами из «Любимой»: «О тебе, о тебе, о тебе, / Я тоскую, мое ликование, / <...> Я к тебе из томленья, из тьмы / Простираю безумные руки. О, когда же увидимся мы / И сольемся, как в пении звуки!»²⁰.

Очевиден единый лирический сюжет-ситуация – любовное признание: реальной далекой возлюбленной («О тебе, о тебе, о тебе / Я тоскую, мое ликование») и стране («Армения, тебя хочу я полюбить»), олицетворенной в прекрасном женском лике («я красоту твою целую в алые уста»). Здесь, кстати, можно усмотреть реминисценцию на блоковский образ России-«жены» из цикла «На поле Куликовом».

В этих произведениях стоит отметить и единую палитру сквозных для всего цикла образов-концептов: идентифицирующий культурный армянский ландшафт (горы, озера, звездное небо, яблоневые сады), весенний хронотоп, метафоры огня и света («Скорбь моя, как огонь, вырастает!»; «Ало-черным огнем

озарен, / Страшен свод»; «...смеясь и сияя, / В высоте, как спасительный сон, / Ты стоишь надо мной, дорогая») («Любимой») и ср.: «...горят твои венцы – / Жемчужные, алмазные, святые горы»; «Армения, звенящая огнем и кровью!» («Армения»)²¹. Становится очевидным своего рода творческий трансфер «перетекающих» из текста в текст культурных концептов.

Проведенное нами сравнение демонстрирует феномен авторской лирической цикличности, состоящий в переплетающихся и «рифмующихся» мотивно-ассоциативных связях между текстами цикла, цементирующих его целостность как единого высказывания. Суть этого высказывания поэта очевидна: «Обнять любовью / И воскресенья весть услышать над тобой»²².

Таким образом, создававшийся в течение ряда лет усилиями профессора М. Д. Амирханяна «армянский текст» русской поэзии, эксплицированный им в книжную серию оригинальных антологических монографий, можно расценить как его вклад в создание оригинальной видовой модификации обнародования результатов научных разысканий.

Примечания

¹ Амирханян М. Д. Геноцид в Западной Армении и русская поэзия. Ереван: ИД Лусабац, 2012. 158 с.

² Амирханян М. Д. Армения в зеркале русской поэзии / Под редакцией И. В. Романовой; Ереванский государственный университет имени В. Я. Брюсова; Центр русского языка и культуры. Ереван: Копи Принт, 2021.

³ Амирханян М. Д. Геноцид в Западной Армении и русская поэзия. С. 2.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Там же. С. 12–52.

⁷ Там же. С. 53–75.

⁸ Там же. С. 76–152.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Шарафадина К. И. «Не забыть мне Армении никогда»: сакральный код поэтической книги Сергея Городецкого «Ангел Армении» // Арарат: русская и национальные литературы: Материалы Международной научно-практической конференции 26–29 сентября 2024 г. Ереван: Мекнарк, 2024. С. 248–255.

¹¹ Амирханян М. Д. Армения в зеркале русской поэзии. С. 58.

¹² Амирханян М. Д. Геноцид в Западной Армении и русская поэзия. С. 55.

¹³ Городецкий С. М. Последний крик: Стихи и проза / Предисловие, сост. и коммент. И. Сафразбекян. Ереван: Эдит Принт, 2010. 488 с.

¹⁴ Там же. С. 33.

¹⁵ Амирханян М. Д. Геноцид в Западной Армении и русская поэзия. С. 53.

¹⁶ Там же. С. 54.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Городецкий С. М. Последний крик: Стихи и проза. С. 33.

²¹ Там же.

²² Там же.

Л. А. Есауленко

Экфрасис постмодернизма (картина Т. Жерико в романе Дж. Барнса «История мира в десяти с половиной главах»)

Экфрасис представляет собой известный литературный прием, который состоит в описании живописного полотна или архитектурного, скульптурного объекта в литературном тексте. В статье анализируются функции экфрасиса в литературе. Новизна подхода состоит в исследовании этого приема в постмодернистской литературе конца XX в. На примере романа английского писателя Дж. Барнса «История мира в десяти с половиной главах» показано, как экфрасис становится смысловым и структурным принципом, на котором строится произведение.

Ключевые слова: экфрасис, постмодернизм, интерпретация, повествование, интертекстуальность

Larisa A. Esaulenko

Ekphrasis of postmodernism (a painting by T. Géricault in the novel by J. Barnes "The history of the world in ten and a half chapters")

The article analyzes the functions of ekphrasis in literature. The novelty of the approach lies in the study of this technique in the postmodernist literature of the late 20th century. On the example of the novel by the English writer J. Barnes "The History of the World in Ten and a Half Chapters" it is shown how ekphrasis becomes a semantic and structural principle, on which the work is built.

Keywords: ekphrasis, postmodernism, interpretation, narration, intertextuality

Экфрасис – известный литературный прием, знакомый со времен Гомера и Вергилия. В классическом понимании он состоит в описании живописного полотна или архитектурного, скульптурного объекта (иногда и других произведений искусства) в литературном тексте. Функции экфрасиса в литературе многочисленны: передает настроения героя или автора, эмоционально воздействует на читателя, символически углубляет смысл происходящего, часто заставляет по-иному воспринимать известное произведение искусства. Экфрасис в современном литературоведении все больше представляется теоретической проблемой перевода одной художественной системы (визуального искусства) в другую художественную систему (словесного повествования). Экфрастическое описание всегда раздвигает границы вербального повествования, привносит в литературный текст новое художественное измерение и представляет собой синтез литературного и визуального искусств. У. Эко, анализируя экфрасис в своих романах, отмечал в целом, что в постмодернистском произведении этот прием «имеет отношение к вопросу о диалогизме, об иронии и об интертекстуальных переключках»¹.

Примером создания постмодернистского экфрасиса может считаться роман английского писателя Джулиана Барнса «История мира в десяти с половиной главах». Экфрасис у Дж. Барнса является не только усиливающим художественное впечатление стилистическим приемом, но смысловым и структурным принципом, на котором строится его произведение.

Английский писатель, создавая масштабное по охвату полотно «истории мира», предлагает серьезно-игровое понимание этого процесса. Дж. Барнс де-

конструирует историю как общепринятое представление последовательного, рационального, обусловленного причинно-следственными законами движения. Концепция писателя в целом укладывается в постмодернистское понимание о недоустойчивости общего представления о человеческой истории («метаистории»), а также о возможности общего «метапověствования» даже о всем известных событиях. Один из известнейших теоретиков постмодернизма, Ж. Ф. Лиотар понимает недоверие к общим объясняющим теориям («метарассказам») как одну из важнейших черт постмодернистского мышления. «Для Лиотара век постмодернизма характеризуется эрозией веры в «великие метапověствования», в «метарассказы», легитимизирующие, объединяющие и «тотализирующие» представления о современности. Сегодня, пишет Лиотар, мы являемся свидетелями раздробления, расщепления «великих историй» и появления множества более простых, локальных «историй-рассказов». Значение этих крайне парадоксальных по своей природе повествований не в том, чтобы узаконить, легитимизировать знание, а в том, чтобы «драматизировать наше понимание кризиса и прежде всего кризиса детерминизма»².

Абсолютно в духе лиотаровского понимания Дж. Барнс переосмысляет в своем романе историю как «большой нарратив» и предлагает собрание разрозненных глав, в которых символически выражаются вечные проблемы человеческого бытия: страх, насилие, справедливость, надежда, спасение. Таким образом, единство повествования создается не сюжетом, а системой повторяющихся тем и образов. Главными из них становятся образы плавания и корабля (ковчега) как метафоры человеческого пути. Наиболее запоминающиеся главы посвящены плаванию Ноя и его ковчега; круизного лайнера, захваченного террористами; картине Т. Жерико «Плот Медузы»; трагическому путешествию депортированных евреев во время Второй Мировой войны. В научной литературе подробно проанализированы эти образы, в которых соединяются у Дж. Барнса мотивы надежды и спасения, движения и изменения, с одной стороны, и насилия, несправедливости, сегрегации, с другой стороны³.

Предложенная Барнсом мозаичная композиция нарушает историческую хронологию, соединяет различные жанровые зарисовки, совмещает несхожие повествовательные манеры. Чаще всего повествовательный коллаж Дж. Барнса трактуют как выражение необъяснимого хаоса истории. «История человечества в концепции Дж. Барнса, как уже говорилось, – бесконечное кошмарное путешествие от одной катастрофы к другой. Однако кошмар истории повторялся так часто, что трагическая суть катастрофы подверглась редукции, трагедия стала фарсом, симулякрот трагедии»⁴. Но через рассказанные истории катастроф просвечивает и другое: извечное стремление человека к спасению и справедливости. Таким образом, композиционная структура романа является важнейшим средством выражения авторской позиции.

Центральное композиционное и, предположим, смысловое значение в произведении имеет глава «Кораблекрушение», посвященная картине Т. Жерико «Плот Медузы». В главе мы находим подробное описание полотна известного художника эпохи романтизма. Но перед нами не классический экфрасис, а расширенный, многослойный, так как повествователь рассказывает историю,

положенную в основу живописного произведения, предлагает подробный искусствоведческий анализ, излагает историю ее создания, описывает реакцию современников Жерико. Чтобы глубже понять значение данной главы и уточнить функции экфрасиса в романе, обратимся к подробному анализу текста.

Напомним необходимые факты, касающиеся живописного полотна. Картина «Плот «Медузы» была написана в 1818–1819 гг. известнейшим художником эпохи французского романтизма Теодором Жерико. Огромное по своим размерам полотно (491×716 см) было посвящено одному из самых драматичных эпизодов истории французского мореплавания. В июле 1816 г. фрегат «Медуза» потерпел крушение у берегов Сенегала. Спасаясь с тонущего корабля, команда перешла на лодки и в спешке сколоченный большой плот. Но буксирующие плот лодки не смогли выдержать такой нагрузки, поэтому, намеренно перерезав связующие канаты, командование фрегата бросило плот на произвол стихии. После двух недель испытаний, сопровождавшихся смутами, голодом, каннибализмом, из полутора сотен в живых осталось пятнадцать человек. Это событие получило широкую огласку, вызвало общественный скандал. Теодор Жерико изучал множество документов, касающихся катастрофы, встречался, как принято считать, с выжившими участниками крушения. Художник впервые представил свою картину на Парижском салоне 1819 г., то есть спустя три года после кораблекрушения. Произведение вызвало неоднозначную художественную и общественную реакцию, но теперь считается одной из вершин французской живописи XIX в.

Пятая глава романа «Кораблекрушение» имеет четкую композиционную структуру, делится на две главные части, подразделяемые в свою очередь на темы, которые затрагивает автор. Повествователь кратко, но достаточно точно излагает все известные факты катастрофы: потеря фрегата из-за рифа; высадка на плот, который вскоре бросают буксирующие его лодки; первая страшная ночь и первые самоубийства; бунт солдат на плоту; случаи каннибализма, избавление от больных; явление корабля, который прошел мимо, не заметив плот; спасение на пятнадцатый день немногих выживших людей кораблем «Аргус». «Пятнадцать уцелевших, самые сильные из которых не прожили бы более сорока восьми часов, были подняты на борт; капитан и офицеры брига своей неусыпной заботой снова раздули тлеющую в них искорку жизни»⁵. Тем не менее, эта часть не служит простым напоминанием об исторических событиях, к которым обратился Т. Жерико. Очень важна символика, которую подчеркивает автор даже в простом перечислении событий. «Все началось с дурного знака» – это первые слова рассказа. Эпизод начала плавания с юнгой, выпавшим с корабля, добравшимся до спасательного плотика, но вскоре погибшем, служит знаком предопределения. История погибшего мальчика зеркально повторяется с историями строительства собственных плотов другими пассажирами фрегата «Медуза», закончившихся так же трагически. Вместе с тем, отмечается не только символика страшного предопределения, но и спасения: появление белой бабочки как аналога Ноева голубя приносит надежду о близком берегу. В конечном итоге, выжившие на плоту отмечают провидение божие во всем, что случилось. «Двое, позднее написавшие отчет о своих испытаниях, за-

ключают, что спасение показалось им истинным чудом и что в сем благополучном исходе была заметна рука Высших Сил»⁶. В изложении событий все время присутствуют отсылки к библейской истории плавания Ноя. Строительство плота как единственного средства спасения от произошедшей катастрофы уже отсылает к ковчегу Ноя. Отделение здоровых от больных, сброшенных в воду, напоминает разделение на «чистых» и «нечистых», достойных и недостойных занять место в ковчеге; бабочка, появившаяся в момент отчаяния выступает аналогом голубя, принесшего благою весть Ную, – интертекстуальных отсылок становится все больше, и они начинают играть важнейшую роль в описании кораблекрушения. В настоятельных отсылках к библейскому мифу присутствует амбивалентно слитая символика одновременного наказания и спасения. Символизм происходящих событий, явные или скрытые отсылки к библейским и литературным историям плаваний и крушений отодвигают на второй план реальные исторические события с фрегатом «Медуза». В пересказе автора события изначально символичны и приобретают значение философских размышлений о человеческом уделе. Подробный пересказ реальных событий и фактов имеет и второе значение в тексте. Перечисляются основные события кораблекрушения, из коих художнику предстоит выбрать самый символически сильный эпизод, который будет изображен в будущей картине. Что подходит для изображения катастрофы в искусстве, как она должна быть изображена – этим вопросам посвящена вторая, самая объемная часть главы.

Следующая часть главы содержит как подробное эфрастическое описание картины французского живописца, так и теоретические размышления об изображении катастрофы в искусстве. «Конечно, мы должны понять ее, эту катастрофу; а чтобы понять, надо ее себе представить – отсюда и возникает нужда в изобразительных искусствах. Но чаще мы стремимся оправдать и простить, хотя бы отчасти. Зачем он понадобился, этот безумный выверт природы, этот сумасшедший человеческий миг? Что ж, по крайней мере благодаря ему родилось произведение искусства. Может быть, именно в этом главный смысл катастрофы»⁷. Этими словами формулируется искусствоведческая и экзистенциальная гипотеза: смысл человеческих катастроф в том, чтобы стать искусством. Это утверждение автора дополняет и в чем-то переосмысляет аристотелевское представление об искусстве как подражании природе. Событие истории во временном плане предстоит произведению искусства, но в смысловом приобретает свою ценность и свое значение только в искусстве. В этом послыше слышатся отголоски размышлений представителей эстетизма и О. Уайльда, в которых не искусство подражает жизни, а жизнь часто черпает смысл в высоком искусстве. Добавим, что Дж. Барнс формулирует вполне постмодернистскую идею о том, что все существует, чтобы войти в книгу, стать текстом, в том числе текстом искусства. В размышлениях автора и далее будет повторяться мысль, что предопределенность событий с «Медузой» состояла в том, чтобы появилась картина Т. Жерико. Даже в финале главы умиравший художник, в полубреду вспоминая свою картину, произносит лишь одно слово – «виньетка». Слово катастрофа служит для того, чтобы стать фрагментом, виньеткой в огромном поле искусства.

Повествователь особо останавливается на словах Людовика XVIII, сказанных якобы на Салоне 1819 г: «Monsieur Gericault, vous venez de faire un naufrage qui n'en est pas un pour vous». Эта фраза является, скорее, апокрифической, нет прямых исторических документов или мемуаров, которые бы подтверждали этот диалог, хотя Википедия упоминает публикацию в газете «Ле Монитор». Фраза короля в дословном переводе («Месье Жерико, вы только что представили крушение, которое не будет, верно, таковым для Вас») могло нести политический смысл и предупреждение художнику, осмелившемуся запечатлеть страшное для репутации французской власти событие. Но в книге Дж. Барнса слова Людовика подчеркивают не политический и исторический смысл, а художественный триумф художника: «Месье Жерико, ваше кораблекрушение никак нельзя назвать катастрофой»⁸. Так в романе Дж. Барнса приведенные слова французского короля становятся еще одним доказательством концепции, по которой человеческие страдания оправданы тем, что войдут в искусство, навечно останутся частью его истории, а исторические реалии и детали забудутся.

Важное место в рассказе о картине занимает рассуждение о том, что НЕ изобразил Жерико. Например, он отказался изображать первоначальное столкновение корабля с рифом, так как это было бы тяжеловесной политической метафорой, сравнением государства с кораблем, севшим на мель. Художник не стал изображать страшные сцены каннибализма, чтобы не впасть в крайности и не шокировать зрителей; вдобавок, как сказано в романе, это очень редкий сюжет в живописи. Появление белой бабочки над кораблем – слишком сентиментально; сцена окончательного спасения людей – может и эмоциональна, но явно прямолинейна, без символизма. «Иными словами, задуманная им картина не должна была быть: 1) политической; 2) символической; 3) театрально-драматической; 4) шокирующей; 5) рассчитанной на дешевый эффект; 6) сентиментальной; 7) документальной; или 8) недвусмысленной»⁹. Так, в апофатической манере перечисляя, чем не является для Жерико катастрофа, автор подходит к окончательной формулировке ее сути. Катастрофа – это миг между двумя экзистенциальными полюсами; мгновение, предшествующее спасению и мгновение окончательного утраченной надежды; миг, вбирающий в себя жизнь как прошлое и жизнь как будущее. Вся человеческая жизнь и есть этот миг, переживаемая катастрофа.

Далее следует классический экфрасис, детальное описание полотна Т. Жерико, его цветовой гаммы, композиции, расположения фигур. Барнс добавляет немаловажное для него замечание: это описание картины неискушенным взором. То есть взором того человека, который, в отличие от первых зрителей картины на выставке 1819 г., не знает исторических деталей, мук художника, истории создания. Снова автор задвигает исторический контекст на задний смысловой план, не важный для понимания сути изображенного. Все в картине: выбор цветовой гаммы, композиционное изображение плота, людей, солнца, туч – не дает однозначно склониться к определенному смысловому полюсу, спасению или гибели. Повествователь старательно пересчитывает и описывает фигуры людей. Половина изображенных еще полны жизни и надежды, устремлены к невидимому для зрителя спасительному кораблю. Другая

половина уже не живы или близки к смерти, а значит, спасения для них не будет в любом случае. Особое место занимает старик на переднем плане, единственный персонаж, чей взор устремлен за пределы картины, на зрителя. Он, как сказано, «фигура другого жанра», пытающаяся выйти из конкретной картины в широкое поле аллюзий. Размышляя о различных интертекстуальных отсылках, которые вызывает уже у другого, искушенного зрителя эта фигура, повествователь вспоминает Пуссена, Герена, Жироде. Он добавляет и другую отсылку к ранним наброскам Жерико, когда художник пытался изобразить сцену каннибализма, в которой фигурируют старец (отец?) и молодой человек (сын?). Этот персонаж отсылает к «подавленному каннибалистическому мотиву», он напоминает «графа Уголино, скорбящего в башне среди своих умирающих детей, которых он съел»¹⁰. Все реминисценции, как и задумывалось, не приближают к однозначной интерпретации изображенной сцены. Из-за поисков мига, когда весы судьбы не двинулись ни в сторону отчаяния, ни в сторону спасения, Жерико отверг два наброска, на которых спасительный корабль изображен много ближе, уже приближающимся к плоту. Это подорвало бы мощный экзистенциальный символизм, которым пропитана вся картина. Такова гениальность этого полотна: оно стало метафорой человеческого удела, вечно балансирующим между идеей спасения и идеей безнадежного отчаяния.

Заключительная часть главы посвящена самому Т. Жерико и его работе над живописным полотном. Перед читателем возникает словно экфрастическое описание «Жерико за работой». Художник движется к окончательному замыслу через «случайности, счастливые находки, даже блеф»¹¹. Например, Жерико отказывается реалистично изображать полуживые тела, иссохшую плоть выживших. Напротив, крепкие и сильные тела, мускулистые торсы тянущихся к спасению людей нужны ему для передачи энергетического заряда картины; иными словами, только для живописных целей. Повторяется тот же принцип, о котором не раз упоминали: превыше не верность правде жизни, а верность одному лишь искусству, его законам. История изображенного кораблекрушения перестает быть фактом жизни и становится фактом искусства. Отдаляясь от поглощения конкретного исторического события, полотно становится символом человеческого надежды на спасение и отчаяния одновременно, и шире – лилового человеческого чаяния, любой страсти. «Не только надежда, но любая обуревающая нас страсть: честолюбие, ненависть, любовь – часто ли эти стремления приводят нас к тому, чего мы, по нашему мнению, заслуживаем? Как тщетно мы зываем; как темно небо; как высоки волны. Все мы затеряны в море, мечемся по воле течений от надежды к отчаянию, хотим докричаться до спасительного корабля, но нас вряд ли услышат. Катастрофа стала искусством, однако это превращение не умаляет. Оно освобождает, расширяет, объясняет»¹². Воплощенная в искусстве катастрофа именно через превращение в чистое искусство символически расширяет свое значение: она становится выражением человеческого удела в целом.

Три отклика на творение Т. Жерико, помещенные в самом конце главы, подкрепляют мнение автора, что не только для художника, но и для его современников картина представляла не как социальное, историческое, политическое явление, а как ошеломляющий факт искусства. 1) Критики жаловались, что в кар-

тине нет национальной, географической конкретики, точных исторических деталей; 2) Э. Делакруа, который был одним из натурщиков во время написания полотна, вспоминал свое первое впечатление от картины: художественное (не просто эмоциональное) потрясение, почти сумасшествие, выпадение из реального мира; 3) Уже упомянутый факт: Жерико на смертном одре, вспоминая свое творение, произнес только ему одному понятное слово «виньетка». Это воспоминание о кропотливой работе над картиной? Любая деталь, мазок на холсте для него значимее истории, положенной в основу сюжета, и переживаний людей? Признание того, что его творение стало частью, виньеткой на великом полотне мировой живописи? Важно то, что любое объяснение брошенного слова выводит нас в контекст искусства, заставляет вспоминать великую картину, а не реальную историю, пусть и потрясающую своим драматизмом. Размышлениями, приведенными в этой главе, автор подводит нас к главному выводу: все человеческие истории становятся в конечном итоге частью искусства и только в этом виде обретают настоящее бессмертие.

Итак, глава «Кораблекрушение» занимает особое место в композиции романа «История мира в десяти с половиной главах». Повествование в произведении строится как собрание рассказов о путешествиях-главениях как отражении истории человечества, начиная со времен Ноя. Тема кораблекрушения – крушения надежд и веры в спасение – становится кульминационным моментом всего романа. Размышляя о катастрофе как экзистенциальной, исторической проблеме и теме в искусстве, Дж. Барнс обращается к картине французского художника эпохи романтизма Т. Жерико «Плот Медузы». Пятая глава книги содержит экфрасическое описание этого известного полотна. При этом экфрасис выходит за рамки классического понимания. Барнс трансформирует это понятие и делает его многослойным. Экфрасис в романе является сюжето-образующим приемом: описание картины используется для рассуждения о катастрофе в жизни и в искусстве. В других главах также присутствуют элементы скрытого экфрасиса, когда автор не описывает, но ссылается на известные или воображаемые картины. Экфрасис становится и структурным приемом, на котором строится все произведение. Образы реальных или существующих картин выступают сквозным лейтмотивом, связующим повествование воедино. Экфрасис в романе можно охарактеризовать как расширенный, так как перед нами не просто описание конкретной картины, но и рассказ о реальных исторических событиях, история ее создания, развенчание мифов об авторе и его произведении, percepция современников и потомков.

В итоге, картина становится моделью всего произведения Дж. Барнса. История человечества, о которой он рассуждает в книге, – это всегда путешествие и катастрофа, а рассказ о ней – всегда субъективная версия искусства, своего рода «картина» человеческого бытия. Событие истории входит в память как отражение, прежде всего как отражение в искусстве (рассказ, картина, изваяние, изображение), то есть самостоятельным текстом искусства, и именно в этом виде остается навечно в истории. Понятие текста определяется у Дж. Барнса предельно широко, как и в постмодернистской теории, и заменяет само понятие истории.

Примечания

¹ Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. М.: АСТ: CORPUS, 2015. С. 339.

² Ильин И. И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. С. 213.

³ См.: Жук М. И. Концепция человеческого бытия в романе Дж. Барнса «История мира в десяти с половиной главах»// Знание. Понимание. Умение. Научный журнал. Моск. гуман. унив. М., 2009. №3.

⁴ Жук М. И. Концепция человеческого бытия в романе Дж. Барнса «История мира в десяти с половиной главах». С. 161.

⁵ Барнс Д. История мира в десяти с половиной главах. М.: Эксмо, 2013. С. 174.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 176.

⁸ Там же. С. 177.

⁹ Там же. С. 179.

¹⁰ Там же. С. 188.

¹¹ Там же. С. 192.

¹² Там же. С. 196.

РАЗДЕЛ 3. БИБЛИОГРАФИЯ: РЕСУРСЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ • SECTION 3. BIBLIOGRAPHY: RESOURCES, TOOLS, AND CONTEMPORARY FORMS

УДК [01-051:930.25]:[027.54(470.23-25):001.32]

Н. В. Пономарева

Архивы деятелей библиотечно-информационной сферы: значение, проблемы, поиски решений

В различных областях знания архивы их деятелей занимают важное место в определении вклада персоны в развитие области деятельности, понимании процессов ее формирования и взаимосвязей. Архивы деятелей библиотечно-информационной сферы недостаточно полно представлены в библиотеках и мало изучены с точки зрения библиотечно-библиографической рефлексии. Опыт Библиотеки Российской академии наук поможет выявить основные проблемы и возможности в этой деятельности

Ключевые слова: архивы отечественных библиографов, Библиотека Российской академии наук, история библиографии

Nina V. Ponomareva

Archives of figures in the library and information sphere: meaning, problems, search for solutions

In various fields of knowledge, the archives of their figures play a crucial role in determining a person's contribution to the development of a field, understanding its formation processes, and understanding the interconnections between them. The archives of library and information professionals are underrepresented in libraries and have been little studied from the perspective of library and bibliographic reflection. The experience of the Library of the Russian Academy of Sciences will help identify the main challenges and opportunities in this area.

Keywords: archives of Russian bibliographers, Library of the Russian Academy of Sciences, history of bibliography

В последние десятилетия крупные научные библиотеки все чаще принимают на хранение архивы деятелей науки, литературы, культуры. Это расширяет их научный потенциал, позволяет осуществлять исследования в различных областях деятельности, раскрывает новые поисковые возможности в справочно-информационной деятельности.

Однако, сохраняя и популяризируя архивные материалы известных личностей в различных сферах деятельности, библиотеки зачастую оставляют за пределами своего внимания собственную профессиональную сферу.

Не акцентируя внимание на общеизвестных аспектах роли архивов в изучении истории любого вида деятельности, хотелось бы представить их некоторые специфические особенности в нашей профессиональной деятельности. Значение сохранения и изучения архивов деятелей библиотечно-информационной сферы выявляется в процессе работы с ними. Так, в архиве Н. В. Здобнова были выявлены авторские машинопись и рукопись его «Истории русской библиографии», которые позволили раскрыть разночтения авторских и опубликованных текстов книги. В результате проведенных исследований было подготовлено подлинно авторское издание «Истории русской библиографии» с текстологическим и реальным научным комментарием¹. В архиве А. В. Ратнера хранится рукопись неизданного словаря по истории русского освободительного движения. Примеры можно продолжить.

Кроме того, работа с архивами российских библиографов, а также создание биобиблиографических указателей и указателей содержания серийных изданий (журнала «Библиография», «Трудов БАН и ФБОН»), осуществляемых в Секторе (Кабинете) библиотекосведения, неизбежно приводили сотрудников Сектора к поиску сведений о составителях библиографических пособий или авторах статей в журналах и продолжающихся сборниках, особенно первой половины XX в., когда не было принято указывать сведения об авторах, а временами, даже их инициалы. Этот поиск превращается в детективно-библиографическое расследование с весьма непредсказуемым результатом. Оптимальным вариантом в данном случае было бы создание хотя бы крупными библиотеками печатных или электронных справочников их сотрудников, как это было сделано Библиотекой Академии наук в серии «Великая Россия»². Краткие биографии всех сотрудников библиотеки за весь период ее существования в таком справочнике заложат базу сохранения профессиональной памяти и существенно облегчат поиск сведения об авторах научных, методических и библиографических работ, дадут возможность уточнить авторство работы при отсутствии инициалов. Наличие библиотекосведческих архивов могло бы принести существенную пользу в решении этой проблемы.

Занимаясь архивами отечественных библиографов, приходилось интересоваться наличием (или возможностью создания) таких архивов в других библиотеках. Результаты такого общения были неутешительными: библиотеки (а также вузы, имеющие информационно-библиотечные факультеты) не предполагали возможности создания архивов деятелей библиотечно-информационной сферы. Не случайно архивы Н. В. Здобнова и Э. К. Беспаловой (оба – преподавателей МГИК/МГУКИ) оказались в БАН, как и архив А. В. Ратнера (одного из редакторов журнала «Советская библиография» при ГБЛ/РГБ). Архив Г. Ф. Гордукаловой хранится на кафедре медиалогии и литературы СПбГИК (бывшей кафедры библиографии), но сведений о работе с ним в печати не появляется.

Еще одним серьезным поводом для беспокойства в отношении архивов отечественных деятелей в области библиографии и библиотекосведения является их рукописное и эпистолярное наследие. Как правило, прямые наследники не склонны передавать личные материалы (дневники, воспоминания, письма) в «чужие» руки. При этом часто получается, что последующие поколения не в состоянии оценить значимость этих материалов для библиотечно-информационного сообщества, особенно если они профессионально не связаны с ним. Тогда ценные для библиографической рефлексии материалы превращаются для них в «ненужный хлам», который безжалостно уничтожается или выбрасывается. Именно поэтому мы имеем утраченные архивы К. И. Шафрановского – известного библиографа БАН, одного из основателей ежегодника «Библиография изданий Академии наук», 95-летие первого издания которого исполнится в 2027 г.; И. В. Гудовщиковой – доктора педагогических наук, ученого мирового уровня в области иностранной библиографии, имевшей переписку с французским библиографом Луиз-Ноэль Мальклес, болгарскими – Кременой Зотовой и Христо Тренковым, отечественными библиографами (в частности – К. Р. Симоном); отсутствует в БАН архив К. В. Лютовой, кандидата педагогических наук,

соавтора И. В. Гудовщиковой по написанию учебника «Общая иностранная библиография», бывшей в 1978–1986 гг. заместителем директора БАН, молодоступен архив Н. Г. Чагиной, бывшей почти 30 лет деканом Библиотечного факультета ЛГИКа – этот список можно продолжать до бесконечности.

Еще одна проблема исследования архивов в нашей профессиональной сфере в том, что даже хранящиеся в библиотеках и научно-исследовательских учреждениях архивы известных библиографов изучаются не с точки зрения профессиональной рефлексии, а с позиции исследования материалов, собранных в их архивах по истории, литературе и другим областям знания (примерами могут служить, архивы С. А. Венгерова, Б. Л. Модзалевского, С. Д. Балухатого, В. М. Жирмунского, хранящиеся в ИРЛИ).

Пути решения существующих проблем могут быть следующими. Одним из них может быть приобретение архивов деятелей библиотечного дела, библиографии, книговедения, имеющих рукописные, машинописные, эпистолярные материалы и хранение их в научных библиотеках, так как уже имеется печальный опыт их утраты в результате небрежности и непонимания их ценности наследниками. Оптимальным местом хранения архивов библиографов представляются научно-исследовательские отделы или секторы библиографии и библиотекведения научных библиотек, в которых ими будут заниматься заинтересованные люди, способные оценить их значение, исследовать и ввести в научный оборот архивную информацию. При соответствующем интересе, местом хранения таких архивов могут быть профильные кафедры библиотечно-информационных факультетов институтов культуры и университетов. Тогда работа с архивами может стать частью научно-исследовательской работы студентов и преподавателей.

Еще одним способом сохранения архивных материалов деятелей библиотечно-информационной сферы может стать оцифровка материалов, не только хранящихся в архивах, но и находящихся в личном пользовании наших современников. Современные технические средства позволяют достаточно быстро осуществить оцифровку архивных материалов и сделать их доступными широкому кругу заинтересованных пользователей.

Сохранение и изучение архивных материалов будет способствовать выполнению важнейшей функции рефлексии информационной деятельности, осознания ее места в общей структуре человеческой деятельности, достойного освещения ее истории, теории и методики в различные периоды существования общества.

Примечания

¹ Здобнов Н. В. История русской библиографии от древнего периода до начала XX века : коммент. изд. / Б-ка Рос. акад. наук, Рос. нац. б-ка ; под ред. Н. К. Леликовой, М. П. Лепехина ; науч. рук. В. П. Леонов ; отв. ред. Н. К. Леликова ; редкол.: Н. М. Баженова и др. М. : Рус. слово, 2012. 1243 с.

² Великая Россия : рос. биограф. энцикл. / под ред. А. И. Мелуа. СПб. : Гуманистика, 2009– . Т. 13. Биографический словарь Библиотеки Российской академии наук. Кн. 1 / Гл. ред. и сост. В. П. Леонов. 2014. 568 с.; Т. 14. Биографический словарь Библиотеки Российской академии наук. Кн. 2 / гл. ред. и сост. В. П. Леонов. 2014. С. 569–1142.

А. С. Крымская

Марина Константиновна Архипова – представитель ленинградской школы отраслевой библиографии

Статья посвящена Марине Константиновне Архиповой (1923–1995), выпускнице библиотечного факультета, заведующей кафедрой библиографии, доценту кафедры отраслевой библиографии Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской. Приведены краткие биографические сведения о М. К. Архиповой. Отмечено ее участие в разработке курса и учебно-методических материалов по библиографии общественно-политической литературы.

Ключевые слова: М. К. Архипова, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, библиотечно-информационное образование, отраслевые информационные ресурсы, библиография общественно-политической литературы

Albina. S. Krymskaya

Marina Konstantinovna Arkhipova as a representative of the Leningrad school of subject bibliography

The article is dedicated to Marina Konstantinovna Arkhipova (1923–1995), a graduate of the library department, head of the bibliography division, and associate professor of the division of subject bibliography at the N. K. Krupskaya Leningrad state university of culture. It provides a brief biographical profile of M. K. Arkhipova. It notes her contribution to the development of a course and teaching materials on the bibliography of socio-political literature.

Keywords: M. K. Arkhipova, St. Petersburg state university of culture, library and information education, subject information resources, bibliography of socio-political literature

В литературе по истории отраслевой библиографии имя Марины Константиновны Архиповой (1923–1995) занимает скромное место. Обычно она упоминается в публикациях, посвященных наиболее известным представителям библиотечно-информационного факультета Санкт-Петербургского государственного института культуры¹. Имеются короткая биографическая справка в статье И. П. Кузнецовой и Д. А. Бартеньева², воспоминания Л. П. Москаленко³, Е. П. Судариковой⁴ и А. И. Исаченковой⁵, а также упоминание имени М. К. Архиповой в статьях Г. Ф. Гордукаловой и Е. П. Судариковой⁶, З. А. Сафиуллиной⁷.

Между тем, по воспоминаниям ее современников и по ее собственным публикациям можно увидеть, что Марина Константиновна Архипова заслуживает большего внимания. Настоящая статья – дань уважения человеку, послевоенная жизнь которого была связана с Ленинградским институтом культуры и кафедрой отраслевой библиографии. Базой для ее написания послужили те немногие биографические сведения, которые приводятся в приведенной выше литературе, а также труды М. К. Архиповой.

Марина Константиновна Архипова считается родоначальником ленинградской школы отраслевой библиографии социально-экономической литературы⁸.

Она родилась 8 июля 1923 г. в Ленинграде, на Васильевском острове, который, как минимум, для пяти поколений ее семьи, был малой родиной. Дед Марины Константиновны был священником Храма Иконы Смоленской Божьей Матери на Смоленском кладбище, отец – офицером, репрессированным

в 1937 г. До Великой Отечественной войны Марина Константиновна училась в 11-й школе-гимназии, с дореволюционными петербургскими учителями и традициями⁹.

В июле 1941 года она была мобилизована. Вместе с матерью работала сначала санитаркой, потом медсестрой в эвакогоспитале № 2009 Ленинградского флота на пр. 25 Октября, д. 176 (ныне – Невский пр., д. 176)¹⁰. В июле 1943 г. была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

После Великой Отечественной войны Марина Константиновна поступила в Ленинградский государственный библиотечный институт. Отличная учеба была отмечена назначением в январе 1947 г. сталинской стипендии на 1946/1947 учебный год¹¹.

В 1949 г. М. К. Архипова поступила на работу в Ленинградский государственный библиотечный институт на кафедру библиографии, одновременно обучаясь в аспирантуре.

В 1952 г. она успешно защитила кандидатскую диссертацию по педагогическим наукам на тему «Национальная и местная история в трудах научных учреждений и вузов республик, краев и областей СССР (1946–1950)»¹². Цель диссертационного исследования была сформулирована следующим образом: «обзор основных изданий по истории отдельных народов и местностей нашей Родины». Источниковой базой стал массив изданий послевоенных лет (1946–1950) местных научных учреждений. Диссертантом был проведен не только тематический анализ, но и дана оценка качества научной продукции. М. К. Архипова уделила внимание также состоянию и задачам библиографии исторической литературы, подготовив библиографический указатель трудов местных учреждений по национальной и местной истории, изданных за исследуемый период. Если оставить за рамками марксистско-ленинскую тональность диссертационного исследования, которая была свойственна в те годы всем научным исследованиям, и обратиться к практической значимости работы, то следует отметить вклад М. К. Архиповой в изучение проблематики краеведческой библиографии. Именно этому была посвящена последняя глава диссертации и приложение.

Портрет Марины Константиновны будет неполным, если не сказать несколько слов о ее научном руководителе. Им был историк и библиограф, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, ученик выдающегося представителя петербургской исторической школы А. Е. Преснякова (1870–1929) – Владимир Алексеевич Петров (1893–1967). В 1920–1929 гг. В. А. Петров работал в должности библиотекаря Петроградского (впоследствии – Ленинградского) отделения Центрархива¹³. Продолжением служения библиотечной сфере стала работа в Библиотеке Академии наук в 1929–1935, 1938–1943 и 1945–1953 гг. В его послужном списке такие должности, как помощник ученого секретаря БАН, заведующий рукописным отделом, заведующий отделом систематизации и информации, заведующий отделом иностранного комплектования Сектора сети спецбиблиотек БАН СССР, заместитель директора по научной работе БАН¹⁴. В 1953 г. перешел в Ленинградское отделение Института истории, архивом которого заведовал до 1959 г.

Автор трудов по социальной истории России XVI–XVII вв., истории революционного движения в начале XX в., истории рукописных собраний, в 1947–1950 гг. В. А. Петров преподавал в Ленинградском государственном институте культуры, а в 1950–1953 гг. в качестве совместителя вел практические занятия и руководил дипломными работами.

Параллельно делился своими библиографическими знаниями со студентами исторического факультета Ленинградского государственного университета, в котором в 1952–1956 гг. читал курс по исторической библиографии. Если обратиться к списку трудов В. А. Петрова, то можно увидеть, что он уделял внимание источниковедению и библиографии¹⁵.

Полагаем, что тема, выбранная М. К. Архиповой для исследования, не была случайной. Она перекликается с научными интересами В. А. Петрова, который уделял пристальное внимание краеведческим материалам, в том числе их сбору, и подчеркивал их ценность для историка. Небольшой пример. Тема кандидатской диссертации В. А. Петрова звучала как «Урал в дни Отечественной войны. Опыт работы по составлению хроники Свердловской, Челябинской и Пермской областей за первый год Отечественной войны» (Москва, 1944). В ее основу была положена работа по сбору материалов региональных газет для составления картотеки, включавшей более 1 000 карточек, для подготовки «Летописи Отечественной войны на Урале»¹⁶.

Еще одна характерная черта, которая показывает схожесть научных интересов научного руководителя и диссертанта – внимание к источникам зарубежной научной информации. В годы Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации в Свердловске, В. А. Петров инициировал работу по сбору информации о мобилизации науки и техники на оборону в зарубежных странах¹⁷. Итогом этой работы стало ведение в «Вестнике Академии наук» в 1945–1946 гг. рубрики «Наука за рубежом», в которой публиковались результаты его разысканий¹⁸. М. К. Архипова также уделяла внимание библиографии общественно-политической литературы, в частности библиографии международных отношений, в рамках преподавательской и научно-методической деятельности.

В 1961–1977 гг. Марина Константиновна возглавляла кафедру библиографии, а затем до 1983 г. занимала должность доцента кафедры отраслевой библиографии. Ее деятельность была отмечена присуждением ей звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

В период ее заведования на кафедре трудились известные в профессиональном сообществе литературоведы, книговеды и библиографоведы: М. А. Брисман, Б. Я. Бухштаб, М. П. Бронштейн, И. В. Гудовщикова, А. В. Мамонтов, И. Е. Баренбаум, И. А. Шомракова, А. В. Блюм и др.

Время прихода М. К. Архиповой на кафедру библиографии совпало с введением отраслевой специализации и появлением в программах подготовки библиотечных кадров отраслевых библиографических курсов (библиографий общественно-политической, художественной, исторической, технической литературы)¹⁹. По данным Г. Ф. Гордукаловой и Е. П. Судариковой, «до середины 1930-х гг. курс общей библиографии строился как набор отраслевых разделов, которые выделялись в самостоятельные дисциплины»²⁰. В выявленных ими

зачетных книжках студентов за 1944–1946 гг. были указаны следующие курсы отраслевой библиографии: библиография естествознания, библиография художественной литературы, библиография технической литературы, библиография сельскохозяйственной литературы, библиография военной литературы. Как видно, библиография общественно-политической литературы здесь отсутствует²¹. В то же время Г. Ф. Гордукалова и Е. П. Сударикова отмечают, что в первые послевоенные годы в вуз пришел Сергей Иванович Копылов, который более 20 лет вел курс «Библиография общественно-политической литературы»²². «Становление этого курса, – пишут Г. Ф. Гордукалова и Е. П. Сударикова, – было непростым. Оно связано с именами нового поколения – выпускников факультета, принятых в штат института в 1950-е гг. – доброжелательно-строгой Марины Константиновны Архиповой и справедливо-творческой Галиной Максимовны Михайловой». И действительно, именно на 1950–1960-е гг. приходится активная разработка курса по библиографии общественно-политической литературы. Эта работа велась совместными усилиями преподавателей Москвы и Ленинграда, что проявилось в выпуске учебников²³.

По публикациям тех лет можно проследить, какие шли дискуссии вокруг разработки программы курса, в которых самое активное участие принимала Марина Константиновна, но это тема для отдельного изучения²⁴.

Научные и учебно-методические результаты Марины Константиновны, выходявшие в эти годы на страницах журналов, сборников, а также отдельными изданиями²⁵, легли в основу глав учебника по библиографии общественно-политической литературы, который увидел свет в 1988 г.²⁶. В частности, ею была подготовлена третья часть «Система и методика составления библиографических пособий общественно-политической тематики», которая включала следующие главы:

- Система текущих библиографических пособий общественно-политической тематики и методика их составления
- Система ретроспективных, научно-вспомогательных библиографических пособий и методика их составления
- Система рекомендательных библиографических пособий общественно-политической тематики и методика их составления.

Особое внимание в своей научной и преподавательской работе Марина Константиновна уделяла изучению источников информации по экономике, философии, международным отношениям²⁷.

Под ее руководством защитили кандидатские диссертации Л. А. Кожевникова (1971 г.), И. В. Мельник (1973 г.), А. И. Исаченкова (1974 г.), В. И. Апостолова (1976 г.), Т. В. Петрусенко (1976 г.), До Хью Тхик (1980 г.), Е. П. Сударикова (1981 г.), А. Ж. Елтаев (1983 г.). В большинстве своем ученики Марины Константиновны занимались изучением вопросов библиографического обеспечения общественных наук (экономика, философия, история), впоследствии обогатив программы учебных курсов.

Многие годы Марина Константиновна была бессменным ученым секретарем специализированного Совета по защите кандидатских диссертаций. Работала в Научно-исследовательском секторе ЛГИК, где по заказу Института

научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) занималась разработкой информационно-поискового языка по общественным наукам. По направлению Министерства культуры СССР ею был прочитан курс лекций в Болгарском библиотечном институте, неоднократно принимала участие с докладами на сессиях ФИАБ²⁸.

Наш небольшой очерк о М. К. Архиповой хотелось бы завершить словами Л. П. Москаленко: «Марина Константиновна была одной из самых масштабных по своим человеческим и профессиональным качествам личностью в коллективе нашего вуза. Она никогда никому не сделала зла, никогда не оскорбляла и не обижала. Когда ей приходилось кого-то ругать, чувствовалось, что ей неудобно это делать. Человечность и порядочность, доброта и требовательность, готовность всегда поддержать морально и, если надо, материально – это суть ее личности»²⁹.

Примечания

¹ История. Воспоминания. Документы: К 85-летию Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств / отв. ред. П. А. Подболотов; ред.-сост. Г. Ф. Гордукалова. СПб.: СПбГУКИ, 2003. 330 с.

² Кузнецова И. П., Бартеньев Д. А. История кафедры информационной аналитики: материалы для биобиблиографического словаря // Труды СПбГИК. 2013. Т. 197. С. 173–174.

³ Москаленко Л. П. Благодарность и человечность // Газета СПбГУКИ. 2013. Май (№ 5). С. 10.

⁴ История. Воспоминания. Документы: К 85-летию Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. С. 219–220.

⁵ Исаченкова А. И. Мои университеты Вспоминаю всех поимённо // Библиотечное дело. 2018. № 24 (330). С. 27–32.

⁶ Гордукалова Г. Ф., Сударикова Е. П. Творческая история кафедры информационной аналитики // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 197. С. 151, 154, 161, 166.

⁷ Сафиуллина З. А. Прошлое в настоящем // Библиография и книговедение. 2022. № 5/6. С. 184.

⁸ История. Воспоминания. Документы: К 85-летию Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. С. 219.

⁹ Кузнецова И. П., Бартеньев Д. А. Указ. соч. С. 173–174.

¹⁰ Там же. С. 173–174; Архипова Марина Константиновна [Документы] // Память народа 1941–1945 [официальный портал]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat30377699/ (дата обращения: 16.02.2026).

Эвакогоспиталь располагался здесь с 29 июня 1941 г. по 15 декабря 1945 г. Он был сформирован Народным комиссариатом обороны и подчинялся сначала Северному фронту, а с сентября 1941 г. – Ленинградскому фронту (Фронтной эвакуационный пункт-50). Госпиталь общехирургического профиля был рассчитан на 600 коек. В ноябре 2009 г. в здании администрации Центрального района, которое сегодня располагается по этому адресу, состоялось открытие мемориальной доски в память о военном эвакогоспитале № 2009 (см.: На Староневском откроют доску военному госпиталю [24 ноября 2009] // Фонтанка.ру: официальный сайт. URL: <https://www.fontanka.ru/2009/11/24/024/> (дата обращения: 16.02.2026).

¹¹ [Приказом заместителя председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений] // Библиотекарь. 1947. № 3.

¹² Архипова М. К. Национальная и местная история в трудах научных учреждений и вузов республик, краев и областей СССР (1946–1950 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук / ЛГБИ им. Н.К. Крупской. Ленинград: [б. и.], 1952. 24 с.

¹³ Петров Владимир Алексеевич (1893–1967) // Биографика / Санкт-Петербургский государственный университет: официальный сайт. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1767-petrov-vladimir-alekseyevich.html> (дата обращения: 16.02.2026).

¹⁴ Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук / Библиотека Рос. акад. наук. Санкт-Петербург, 2014. Кн. 2. С. 572–573; Валк С. Н. Владимир Алексеевич Петров (1893–1967) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1969. Вып. 2. С. 294–300; К истории разработки библиотечных классификаций в 1930-е годы: сб. док.: коммент. изд. / Библиотека Рос. акад. наук, Отдел науч. систематизации лит.; авт.-сост.: Н. В. Бекханова (отв. сост.), Д. Дракулич-Прийма, Д. М. Омельченко, С. В. Перекрест. СПб.: БАН, 2018. С. 216.

¹⁵ Валк С. Н. Владимир Алексеевич Петров (1893–1967) // Вспомогательные исторические дисциплины. 1969. Вып. 2. С. 297–300.

¹⁶ Уральский филиал Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР: архивный фонд, деятельность, документы / науч. ред. А. С. Мохов, А. В. Шама-наев; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2024. С. 41, 187–195.

¹⁷ Румынская М. Н. Петров Владимир Алексеевич // Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук: официальный сайт. URL: <https://spbiiran.ru/colleague/persons/petrov-vladimir-alekseevich/> (дата обращения: 16.02.2026).

¹⁸ Международные научные связи. Научная жизнь США. Зарубежная печать о советской науке: Хроника и библиография [По материалам зарубежных научных журналов за 1944 год] // Вестник Академии наук СССР. 1945. № 4. С. 153–160; Международные научные связи. Научная жизнь США: Хроника и библиография // Вестник Академии наук СССР. 1945. № 10. С. 120–126; Международные научные связи. Научная жизнь Великобритании: Зарубежная печать о советской науке: Хроника и библиография // Вестник Академии наук СССР. 1946. № 2. С. 109–119; Международные научные связи. Научная жизнь европейских стран в освещении английской и американской научной печати: Хроника и библиография // Вестник Академии наук СССР. 1946. № 3. С. 91–95; Научная жизнь в США: Хроника и библиография // Вестник Академии наук СССР. 1946. № 7. С. 119–131; Международные научные организации: Хроника и библиография // Вестник Академии наук СССР. 1946. № 8. С. 190–197.

¹⁹ Колесникова М. Н. Кафедра книговедения и библиографоведения СПбГУКИ – путь в 90 лет // Библиография. 2013. № 2. С. 44–50.

²⁰ Гордукалова Г. Ф., Сударикова Е. П. Творческая история кафедры информационной аналитики. С. 153.

²¹ М. К. Архипова упоминает, что уже с середины 1930-х гг. в программе был курс «Библиография общественно-политической литературы». См.: Архипова М. К. Библиография общественно-политической литературы и современные требования к вузовскому курсу // Советская библиография. 1976. № 4. С. 58.

²² Гордукалова Г. Ф., Сударикова Е. П. Указ. соч. С. 154.

²³ Левин Л. А., Савицкая Р. М. Библиография общественно-политической литературы: учебник для библиотечных ин-тов. Издания произведений классиков марксизма-ленинизма в СССР. Москва: Госкультпросветитат, 1955. 119 с.; Сахаров Н. И. Библиография общественно-политической литературы: учебник для библиотечных ин-тов / Н. И. Сахаров, Г. П. Фоно-тов, М. К. Архипова, М. И. Левин; Моск. гос. библиотечный ин-т, ЛГИК им. Н. К. Крупской. Ч. 2. Москва: Сов. Россия, 1963. 368 с.

²⁴ Архипова М. К. Библиография общественно-политической литературы и современные требования к вузовскому курсу. С. 57–65; Архипова М. К. Проблемы преподавания

курса «Библиография общественно-политической литературы» // Труды. Л.: ЛГИК, 1981. Т. 56: Вопросы совершенствования библиографической подготовки кадров. С. 5–20.

²⁵ Архипова М. К. Библиография общественно-политической литературы : методические материалы для студентов заочного отделения / Мин-во культуры РСФСР, Ленинградский гос. библ. ин-т им. Н. К. Крупской. Л.: [б. и.], 1959. 76 с.; Архипова М. К. Литература и библиография о современных международных отношениях, политическом и экономическом положении зарубежных стран: учеб. пособие для студентов заоч. отд-ния по курсу «Библиография обществ.-полит. литературы» / Мин-во культуры РСФСР, Ленингр. гос. библ. ин-т им. Н. К. Крупской. Кафедра библиографии. Л.: [б. и.], 1961. 69 с.; Архипова М. К., Михайлова Г. М. Библиография общественно-политической литературы: методические указания для студентов заочного отделения / Мин-во культуры РСФСР, Ленингр. гос. библ. ин-т им. Н. К. Крупской. 2-е изд. испр. и доп. Л.: [б. и.], 1963. 123 с.; Архипова М. К. Библиографическая информация по общественным наукам в периодических изданиях // Сов. библиография. 1969. № 1. С. 37–55; Архипова М. К., Михайлова Г. М. «Библиография общественно-политической литературы» и современные требования к вузовскому курсу // Сов. библиография. 1976. № 4. С. 57–60.

²⁶ Ильичева Л. С. Библиография общественно-политической литературы: учеб. для студентов библ. фак. ин-тов культуры и пед. вузов / Л. С. Ильичева, Н. И. Сахаров, М. К. Архипова ; ред. Н. Е. Артемов. М.: Кн. палата, 1988. 240 с.

²⁷ Архипова М. К. Ретроспективная библиография по экономике: учеб. пособие для студентов библ. фак. / ЛГИК им. Н. К. Крупской. Ленинград, 1974. 35 с.; Архипова М. К. Состояние и задачи научно-информационной библиографии по философии // Библиография в помощь науке. Л., 1975. С. 23–44.

²⁸ Кузнецова И. П., Бартеньев Д. А. Указ. соч. С. 173.

²⁹ Москаленко Л. П. Благородство и человечность. С. 10.

А. И. Исаченкова

М. К. Архипова – мой наставник и научный руководитель

В статье представлены воспоминания заведующей кафедрой библиографоведения (1980–1995), декана факультета документально-информационных коммуникаций Пермского государственного института культуры (1995–2001) Анны Ивановны Исаченковой о ее наставнике и научном руководителе Марине Константиновне Архиповой (1923–1995) – одном из ведущих преподавателей Ленинградского государственного института культуры. Приведены факты из биографии М. К. Архиповой, ее научные интересы, практика взаимодействия с коллегами и аспирантами. Отмечено влияние М. К. Архиповой на профессиональное становление автора воспоминаний.

Ключевые слова: М. К. Архипова, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Пермский государственный институт культуры, отраслевая библиография, библиотечное образование

Anna I. Isachenkova

M. K. Arkhipova as my mentor and academic supervisor

The article presents the memoirs of Anna Ivanovna Isachenkova, head of the bibliographic studies department (1980–1995) and dean of the department of documentary and information communications at the Perm state institute of culture (1995–2001), about her mentor and academic supervisor, Marina Konstantinovna Arkhipova (1923–1995), a leading faculty member at the Leningrad state university of culture. The article includes facts from Arkhipova's biography, her research interests, and her interactions with colleagues and graduate students. Of focus is Arkhipova's influence on the author's professional development.

Keywords: M. K. Arkhipova, St. Petersburg state university of culture, Perm state university of culture, subject bibliography, library education

В 1970 г. я с отличием окончила библиотечный факультет Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской. За годы учебы на отделении научных и массовых библиотек активно работала в комсомольской организации факультета и института (была членом РК ВЛКСМ Дзержинского района Ленинграда), неоднократно награждалась почетными грамотами Ленинградского городского и областного комитетов ВЛКСМ и ЦК ВЛКСМ. Моя общественная жизнь в институте был весьма насыщенной.

На предварительном распределении декан факультета доцент Нина Григорьевна Чагина проинформировала, что Совет факультета рассмотрел мою кандидатуру и рекомендовал для поступления в аспирантуру на кафедру библиографии. Я дала согласие. Был еще вариант – направление на преподавательскую работу в Краснодарский институт культуры.

Основанием для рекомендации в аспирантуру являлось мое ежегодное участие в студенческих научных конференциях. На последнем году обучения моя работа под руководством доцента кафедры философии И. М. Болотникова на тему «Особенности экономической борьбы рабочего класса развитых капиталистических стран», представленная на городской конкурс студенческих работ, посвященных 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, получила Диплом II степени.

Еще со второго курса (1967 г.) меня заинтересовала история института, его студенчества. Я работала сначала над курсовой работой по этой теме, потом углу-

ленно изучала историю подготовки специалистов в ЛГИК на протяжении четырех десятилетий. Просмотрела много газетных публикаций, архивные материалы, встречалась с бывшими выпускниками 30–60-х гг., которые рассказывали об учебе в нашем институте (Институт внешкольного образования, Институт политпросветработы им. Н. К. Крупской, Коммунистический политико-просветительный институт, Библиотечный институт, Институт культуры). Брала интервью у старейших педагогов ЛГИК – Екатерины Аркадьевны Горш, Василия Федоровича Сахарова, Георгия Георгиевича Фирсова, Ревекки Александровны Штейнпресс и других.

Начиная с юбилейного 1968 г. (50-летия ЛГИК) в газете «За кадры советской культуры» (институтская многотиражка) публиковались отрывки из моей работы, получившей тогда название «Сквозь годы учебы, борьбы и труда». Это многостраничное издание было отпечатано на пишущей машинке, переплетено и передано проректору по научной работе доценту Надежде Ивановне Сергеевой для музея института.

Для поступления в аспирантуру необходимо было представить реферат, свидетельствующий о способности кандидата иметь исследовательские навыки. Основой моего реферата стала научная работа по истории вуза. Ее я переделала, сделала акцент на содержательную подготовку студенчества, изучаемые дисциплины и методы обучения. Профессор Соломон Абрамович Рейсер, блестящий знаток истории ЛГИК, ознакомился с рефератом и написал положительный отзыв. Я сдала вступительные экзамены и в октябре 1970 г. была зачислена в аспирантуру на кафедру библиографии. Такова предыстория моей предстоящей научной карьеры.

Научным руководителем мне назначили кандидата педагогических наук, доцента Марину Константиновну Архипову, заведующую кафедрой библиографии (с 1961 по 1977 г.). Ее я запомнила с третьего курса, когда она во втором семестре на нашем потоке читала курс «Библиография общественно-политической литературы». Лекции по первой части курса, семинарские и практические занятия проводила преподаватель Лариса Петровна Москаленко.

Марина Константиновна в 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Национальная и местная история в трудах научных учреждений и вузов республик, краев и областей СССР». В период моего обучения в аспирантуре она работала над докторской диссертацией по проблемам библиографического обеспечения общественных наук. К сожалению, как выяснилось позднее, ей не удалось написать и защитить эту работу, хотя по теме ею было опубликовано немало работ. По-видимому, тема была слишком общей и обширной, а кроме того сказывалось неравномерное состояние развития библиографии всего комплекса общественных наук.

После долгих раздумий Марина Константиновна предложила мне тему, над которой в свое время работала, и по которой не сумела защититься старший библиограф ГПБ им. Салтыкова-Щедрина Галина Павловна Почепко. Она была соискателем на кафедре библиографии и исследовала проблемы философской библиографии под руководством М. К. Архиповой. Ей удалось опубликовать в журнале «Вопросы философии» (1962, № 2) обзор библиографических материалов, имеющих в распоряжении советских философов.

Я мало что понимала в проблемах библиографии, тем более, в философской. Нужно было хорошо знать структуру, состав, проблематику этой науки, а затем разбираться и в ее библиографическом обеспечении. После долгих раздумий тема была сформулирована – «Научно-вспомогательная библиография по истории философии: история, современное состояние, перспективы развития». С учетом ошибок предыдущего диссертанта были сужены рамки научной дисциплины (взята история философии) и самой библиографии (только научно-вспомогательный вид). Казалось, все ясно, можно приступать к работе.

Обоснование темы диссертационного исследования для ее утверждения на Ученом совете института заняло достаточно много времени. Выяснилось, что предмет исследования также широк. Помимо истории философии (диалектического и исторического материализма) необходимо охватить и историю смежных с ней наук: логику, этику, эстетику, научный атеизм. От предмета исследования зависело выявление и изучение всего массива библиографической продукции за годы Советской власти (1917–1972 гг.).

Ставилась задача – проследить процесс развития научно-вспомогательной библиографии (текущей и ретроспективной), выявить и проанализировать имеющуюся библиографическую продукцию, методику библиографирования марксистско-ленинской философской литературы и предложить пути совершенствования системы научно-вспомогательной библиографии по истории философии и библиографического обеспечения философской науки.

По сути дела, я должна была видеть законченный вариант диссертации, чтобы смоделировать все его положения в данном обосновании. Я начала паниковать, понимая, что обоснование мне не написать. Марина Константиновна предложила план его написания. А как быть с его наполнением? Тогда я обратилась за помощью к Василию Федоровичу Сахарову (1901–1986), заведующему кафедрой библиотековедения. О нем я написала статью «Пропагандист книги» для институтской газеты к 50-летию ЛГИК. Неоднократно бывала в их доме, когда он рассказывал о своей жизни и работе. Его жена Мария Ильинична поила меня чаем, а за столом вели разговоры на разные темы. Василий Федорович помог мне растолковать содержание моего обоснования популярным языком. Я его несколько раз переписывала, получилось три рукописных страницы, а затем сдала Марине Константиновне на согласование.

Как научный руководитель Марина Константиновна уделяла большое внимание своим аспирантам. Под ее руководством защитили кандидатские диссертации в разные годы: Лариса Анатольевна Кожевникова (1972), Изольда Владимировна Мельник (1974), Анна Ивановна Исаченкова (1974), Татьяна Викторовна Петрусенко (1977), Елена Павловна Сударикова (1981)¹. Это те, кого я знала. Л. А. Кожевникова работала в Хабаровском институте культуры, защитила докторскую диссертацию, затем долго работала в ГПНТБ СО РАН в Новосибирске. И. В. Мельник переехала в Минск, работала в институте культуры (я была у нее в гостях). Т. В. Петрусенко работает в Российской национальной библиотеке (была зав. отделом комплектования, неоднократно с ней встречалась, вели переписку). Е. П. Сударикова много лет была деканом библиотечно-информационного факультета в Санкт-Петербургском институте культуры.

Работая со мной, Марина Константиновна давала мне конкретные задания на определенный отрезок времени (до следующей встречи). Объясняла, что я должна изучить и написать, какие источники использовать и проанализировать, последовательность этой методики. Говорила она быстро, я не всегда успевала записать сказанное, сокращала слова. Потом, разбирая ее задания, выстраивала для себя весь алгоритм подготовки параграфа (писала я диссертацию по параграфам).

На очередную встречу с руководителем приносила уже отпечатанный на машинке текст первого варианта параграфа. Пришлось купить портативную машинку «Москва-6». Марина Константиновна при мне вычитывала текст, редактировала, делала замечания, на полях обозначала вопросы, требующие уточнения.

При написании диссертации и других работ нужно было избавляться от публицистического стиля и осваивать стиль научный. Огромную помощь в этом оказали мне Марина Константиновна, Василий Федорович и Михалина Петровна Бронштейн. Михалина Петровна читала аспирантам спецкурс по методике редактирования. Она учила нас логическому построению предложений, «видеть» повторы и лишние фразы. Благодаря этим педагогам мой любимый тогда публицистический стиль был искоренен навсегда. На смену ему пришел сухой и невыразительный стиль анализа библиографических пособий, когда в каждой строчке или предложении приходилось употреблять слово «библиография», «библиографический список», «пособие» или «указатель». Не было четкого понимания термина «библиография». Под этим термином понимали и указатель, и область научной и практической деятельности. В последующие годы с принятием ГОСТов терминология была упорядочена.

В конце 1971 г. Марина Константиновна предложила мне принять участие в XVII научной конференции профессорско-преподавательского состава ЛГИК. У меня уже были проанализированы пристатейные библиографические списки в пятитомной «Философской энциклопедии», вышедшей впервые в 1970 г. Нужно было подготовить краткие тезисы доклада на двух страничках. Опыт написания таких тезисов отсутствовал. Одно дело – теория, другое – практика. Методами свертывания информации аспиранты-второкурсники еще владели, так как собственных публикаций пока не было.

Получив от Марины Константиновны советы по разделению текстов на составные части, попыталась кратко изложить в нескольких предложениях суть материала. Тезисы долго не получались, я опять нервничала, перечеркивала текст, рвала листы бумаги. Тем не менее, справилась и с этим сложным для меня процессом. Тезисы были напечатаны в сборнике материалов этой конференции. Позднее они будут расширены, конкретизированы и опубликованы в виде статьи в академическом научном журнале «Вопросы философии» (1972, № 10).

В процесс сбора материала все шло гладко. Выявляла библиографические пособия по философии: указатели, обзоры, прикижные и пристатейные списки. Но уже нужны были публикации. На этот момент обратил мое внимание Сергей Пайчадзе, к тому времени завершавший обучение в аспирантуре. «Постарайся сделать пару публикаций в первый – второй годы обучения, а то

диссертацию напишешь, а публикаций не будет», – сказал он. Сергей Антонович Пайчадзе долго проработал в Хабаровском институте культуры, позднее защитил докторскую диссертацию и работал в ГПНБ Сибирского отделения РАН (1936–2007). Как я была ему благодарна за этот совет!

В конце 1972 г. работа над диссертацией была прервана из-за болезни (перенесла несколько операций). Однако, имея достаточный собранный материал, продолжала понемногу писать, находясь на больничной койке. Впоследствии через Министерство культуры РСФСР мне продлили обучение в аспирантуре еще на полгода. После первой публикации (до защиты диссертации у меня были опубликованы три научные статьи в философских журналах, одно учебное пособие, двое тезисов и одна рецензия на указатель) работа над диссертацией шла четко в соответствии с намеченным планом.

Думаю, что со мной как с аспиранткой у Марины Константиновны проблем не было. Я не нарушала оговоренных сроков представления материалов, переделывала текст диссертации в соответствии с замечаниями руководителя, овладевала логикой изложения текстовой части диссертации, самостоятельно связывалась с редколлегиями журналов по вопросам публикаций, учитывала замечания рецензентов моих статей.

Мне повезло не только с научным руководителем, но и с темой диссертации, которая не была разработана в советской библиографии. Поэтому мои статьи по философской библиографии были востребованы, поскольку ученые-философы понимали значимость библиографического обеспечения своей науки. После окончания аспирантуры я опубликовала еще четыре статьи в журналах «Вопросы философии», «Философские науки», «Научный коммунизм». Заведующий кафедрой философии ЛГИК и мой консультант профессор А. И. Новиков удивлялся и говорил мне: «Аня, как вам удалось опубликоваться в журнале „Вопросы философии“? Не все доктора наук могут там публиковаться». Я пожимала плечами, а сама думала: «Да это же тема такая актуальная!». Свою диссертацию я защитила в срок, который был дан для обучения в аспирантуре.

Защита состоялась 12 апреля 1974 г. Защищалась я первой. Ученый секретарь специализированного Совета по защите диссертаций Марина Константиновна Архипова огласила все материалы, предшествующие защите. После моего доклада выступили оппоненты А. И. Новиков (1921–2000) и Т. Н. Данченко, зачитан официальный отзыв от ГПБ им. Салтыкова-Щедрина как ведущего учреждения. Затем Марина Константиновна сделала обзор отзывов, поступивших на автореферат диссертации от других организаций.

Один из отзывов был написан заведующим отделом истории философии Западной Европы и Америки Института философии АН СССР Теодором Ильичем Ойзерманом (1914–2017), членом-корреспондентом Академии наук. Он являлся членом редколлегии журнала «Вопросы философии» и интересовался библиографией философской литературы. Вероятно, с его помощью и были опубликованы три мои статьи в этом журнале.

Были представлены отзывы Константина Николаевича Любутина, заведующего кафедрой истории философии Уральского государственного университета, а также от кафедр библиографии Казанского и Челябинского институтов куль-

туры. При обсуждении мне пришлось ответить на четыре вопроса, которые задал профессор Борис Яковлевич Бухштаб (1904–1985). Речь шла об отборе и разделении марксистской и буржуазной литературы в текущих библиографических указателях ИНИОН. Вопрос этот дискуссионный, и я ответила, как посчитала нужным.

В результате голосования за присуждение мне ученой степени проголосовали 20 членов Совета, и два – против. Меня это очень расстроило, но Галина Максимовна Михайлова откровенно пояснила: «Это не тебе два голоса „против“, а твоему научному руководителю М. К. Архиповой».

Защита прошла за 1 час 10 минут. После ее окончания ректор института, председатель Ученого совета Евгений Яковлевич Зазерский (1923–1991) сказал всем присутствующим: «Вот так нужно защищаться!».

Нас, аспирантов, приглашали на заседания кафедр, когда проходили дискуссии по актуальным вопросам библиографии или шло обсуждение диссертационных исследований. В 70-е гг. шли острые дискуссии о роли и месте библиографии в системе смежных наук, о видовой структуре библиографии, особенно о таком виде, как критическая библиография. Я была свидетелем жарких споров на заседании кафедры библиографии между Михаилом Аркадьевичем Брискоманом (1904–1975) и Абрамом Ильичем Барсуком (1918–1984). Свое мнение высказывали все преподаватели кафедры, в том числе И. Е. Баренбаум (1921–2006), М. П. Бронштейн (1902–1976), М. К. Архипова (1923–1995), Н. Г. Чагина (1919–2003), В. А. Ефимова (1921–2008), И. В. Гудовщикова (1918–2000), Г. М. Михайлова, Л. М. Равич (1923–2006), А. В. Мамонтов (1930–1999) и другие. Сколько было эмоций в этих жарких спорах! Они будоражили нашу «скромную и тихую» библиографию, которая имела свою историю, но не имела своей теории и в основном базировалась на методике составления указателей и ведения информационной и справочно-библиографической работы. Эти дискуссии помогали раздвинуть рамки традиционной библиографии и выйти за ее пределы.

Марина Константиновна как руководитель кафедры выслушивала доводы всех, потом подводила итоги, обращая внимание на отдельные моменты дискуссии, которые заслуживают внимания, и на те, которые требуют дальнейшего развития или доработки. У меня сложилось впечатление, что коллектив кафедры под руководством М. А. Архиповой был очень дружным, а главное – высокопрофессиональным. Это поколение педагогов-наставников, прошедших войну, блокаду Ленинграда. Они были очень внимательны и небезразличны к нам, по-доброму высказывали свои замечания и помогали, если возникала необходимость. Мы, аспиранты, многому научились у них, посещая заседания кафедры, участвуя в конференциях и публичных защитах диссертаций.

Хотелось бы обратить внимание на роль Марины Константиновны как ученого секретаря специализированного диссертационного Совета. Она мастерски управляла процессом защиты диссертации: представляла документы, имеющиеся в деле, кратко и самое основное раскрывала в содержании отзывов на диссертации и авторефераты. Четко организовывалось и проходило закрытое голосование по подсчету голосов. Мне было интересно наблюдать за всеми этапами прохождения защиты диссертации, поскольку предстояло пройти такую же «экзекуцию».

После защиты диссертации в апреле 1974 г. меня направили в Челябинский институт культуры старшим преподавателем кафедры библиографии. Через два года из-за отсутствия жилья я переехала в г. Пермь во вновь открытый институт культуры, где жилищная проблема решилась в первые же месяцы работы. В Пермском государственном институте культуры я проработала 35 лет и остаюсь инициативной и сопричастной к работе вуза до сих пор.

С Мариной Константиновной я поддерживала переписку, мы неоднократно встречались. Это было в сентябре-октябре 1978 г., когда я проходила обучение на ФПК при ЛГИК по специальности «Библиография общественно-политической литературы». В 1981 г. Марина Константиновна предложила мне выступить в качестве оппонента на защите кандидатской диссертации Елены Судариковой, которая состоялась 7 апреля в ЛГИК.

В 1986 г. Управление учебных заведений и научных учреждений МК СССР утвердили меня в качестве официального рецензента на рукопись учебника для вузов «Библиография общественно-политической литературы» под редакцией Н. Е. Артемова. Учебник подготовили М. К. Архипова, Л. И. Ильичева и Н. И. Сахаров, он был выпущен издательством «Книга» в 1988 г.

Самая запоминающаяся встреча состоялась в мае 1986 г., когда мне пришлось взять с собой в командировку в Ленинград свою 7-летнюю дочь Алену. Оставить ее было не с кем, поэтому Марина Константиновна выступила в роли бабушки. Она нянчилась с ней, гуляла по городу, водила в Зоологический музей. Алена до сих пор хранит дома ее подарок – плюшевую собачку с голубыми ушками.

Кем была и стала для меня Марина Константиновна за годы нашего знакомства? Официально – научным руководителем, заведующей кафедрой и ученым секретарем специализированного Совета по защите диссертаций. Неофициально – наставником, коллегой, которая вложила в меня свои знания, душу, свое отношение к преподаваемой дисциплине, может быть, не очень интересной с точки зрения содержания и идеологии. Мы спорили с ней по вопросам методики преподавания общественно-политической библиографии, приходили к согласию, когда точки зрения совпадали. Я внедрила в преподавание наглядные схемы и таблицы, отразалась от перечисления большого количества библиографических указателей по отраслям общественных наук, использовала методы проблемного изложения в лекционном материале. С ее стороны я ощущала поддержку.

В личной жизни Марина Константиновна была заботливой матерью для сына и женой для Бориса Самсоновича Пинхасовича. Готовила вкусные обеды, была гостеприимной хозяйкой. Очень жалею, что большие расстояния между Ленинградом и Пермью не позволяли мне встречаться и общаться с ней чаще. Однако ленинградская профессиональная школа и ее педагоги – это та «закваска», тот мощный фундамент, на котором построена вся моя успешная научно-педагогическая карьера, и одним из основных и памятных «кирпичиков» этого фундамента навсегда останется для меня мой научный руководитель – Марина Константиновна Архипова.

Примечания

¹ Кожевникова Л. А. Библиография в помощь партийному просвещению: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1972; Мельник И. В. Журнал «В мире книг» (1958–1972) как тип книговедческого издания: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1974; Исаченкова А. И. Научно-вспомогательная библиография по истории философии (история, современное состояние, перспективы развития): автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1974; Петрусенко Т. В. Система научно-вспомогательной ретроспективной библиографии о народном хозяйстве: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1977; Сударикова Е. П. Классификация философской литературы в научно-вспомогательных библиографических пособиях: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1981.

Е. Н. Буринская

Имя, достойное памяти

Автор тепло вспоминает годы работы на кафедре общей библиографии и книговедения, которой заведовала М. К. Архипова. Подчеркнуты деловые и личные качества М. К. Архиповой, ее успешная деятельность как руководителя кафедры.

Ключевые слова: М. К. Архипова, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, библиотечно-информационное образование, библиотечный факультет, кафедра библиографии

Elena N. Burinskaya

A name worthy of memory

The author warmly recalls her years of work in the Department of General Bibliography and Book Science, headed by M. K. Arkhipova. M. K. Arkhipova's professional and personal qualities, as well as her successful work as the department's head, are highlighted.

Keywords: M. K. Arkhipova, St. Petersburg State Institute of Culture, library and information science education, library faculty, Department of Bibliography

Вспоминаю Марину Константиновну Архипову с большой теплотой. Я пришла на кафедру общей библиографии и книговедения в 1963 г. молоденькой аспиранткой. Марина Константиновна сразу отнеслась к новому члену кафедры по-матерински. Ее разговоры, вопросы, советы очень поддерживали. Ее речь и манера говорить всегда сопровождалась шутливыми замечаниями и доброй улыбкой.

В 60-е гг. состав кафедры был значительный – вместе с аспирантами и соискателями иногда собиралось около 40 человек. Аудитория кафедры № 214 была переполнена. При этом на заседаниях кафедры часто обсуждались общетеоретические профессиональные вопросы. Страсти кипели, но Марина Константиновна как настоящий капитан уверенно вела свой корабль к цели, умела сказать веское слово и все заканчивать миром и пониманием.

Жалею, что не пришлось послушать ее лекций. Ближайшие коллеги по предметной комиссии общественно-политической литературы, да и все остальные очень дорожили ее мнением и высоко ценили ее умение просто и доходчиво излагать студентам материал по непростым общественно-политическим вопросам мира. Марина Константиновна посещала лекции других преподавателей, особенно начинающих как я. Ее замечания и предложения для меня оказались очень ценными.

Много лет Марина Константиновна была секретарем Ученого совета по защите диссертаций. Здесь ее профессионализм и умение держать руку на пульсе проявились в полной мере.

Как женщина Марина Константиновна одевалась стильно, но строго. Однажды произошла смешная история. Дело в том, что в 60–70-е гг. в СССР купить что-либо элегантно из одежды было очень трудно. Сначала надо было выстоять очередь. Однажды в Гостином дворе продавали импортные серые шер-

стояные костюмы «джерси». На следующий день три дамы из состава кафедры, в том числе и Марина Константиновна, пришли в одинаковых костюмах. На что легендарная М. П. Бронштейн с юмором заметила: «Я и не знала, что вы из одного детского дома!».

Мы очень сожалели, когда пришла весть, что Марина Константиновна передает свои полномочия заведовать кафедрой И. Е. Баренбауму, который тогда защитил докторскую диссертацию. Марина Константиновна приняла решение перейти на соседнюю кафедру библиографии технической литературы. Члены нашей кафедры пригласили Марину Константиновну на чашку чая и постарались передать ей искренние слова благодарности. Каждый вспоминал случаи из жизни кафедры, когда Марина Константиновна делала все возможное и невозможное для процветания кафедры и ее членов. Также мы подарили ей красивый павлопосадский платок. Марина Константиновна расплакалась.

Помню прощание. Была вся наша кафедра. Было тяжело. Не верилось. Марина Константиновна прожила всю жизнь в коммунальной квартире. При этом никогда не жаловалась на неудобства. Ей и мужу Б. С. Пинхасовичу принадлежали две комнаты. Обстановка была более чем скромная. Очень жаль, что Марина Константиновна не увидела внука. Она была бы счастлива.

Т. А. Белогорская

Марина Константиновна Архипова (Штрихи к портрету)

В статье представлены воспоминания доцента кафедры научно-технической информации Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской Татьяны Анатольевны Белогорской о коллеге по библиотечному факультету Марине Константиновне Архиповой (1923–1995). Приведены факты из личной жизни и профессиональной деятельности М. К. Архиповой, показаны ее взаимоотношения с коллегами на факультете.

Ключевые слова: М. К. Архипова, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, библиотечно-информационное образование, библиотечный факультет

Tatyana A. Belogorskaya

Marina Konstantinovna Arkhipova (Strokes for a Portrait)

This article presents the memoirs of Tatyana Anatolyevna Belogorskaya, Associate Professor of the Department of Scientific and Technical Information at the N. K. Krupskaya Leningrad State Institute of Culture, about her colleague in the Library Department, Marina Konstantinovna Arkhipova (1923–1995). It provides details from M. K. Arkhipova's personal life and professional career, and describes her relationships with colleagues in the faculty.

Keywords: M. K. Arkhipova, St. Petersburg State Institute of Culture, library and information science education, library faculty

В середине 50-х гг. прошлого века я была принята на работу в ЛГБИ им. Крупской в качестве лаборанта кафедры Библиографии. Тогда ее заведующим был Иван Андреевич Мохов. Поскольку он находился в длительной командировке в Улан-Уде, его замещал Михаил Аркадьевич Брискман, научный руководитель моей выпускной работы.

В ту пору на кафедре происходили изменения: создавались так называемые лаборатории негуманитарного профиля. Идея их создания принадлежала Мохову, а Брискман временно оказался у руля этого процесса. Он поручил мне комплектование книг и библиографических указателей технического, естественнонаучного и сельскохозяйственного содержания. При том, что мои знания в этом деле были на нуле, рекомендаций относительно предстоящей работы не получила.

Спустя несколько дней на пороге аудитории № 214 появилась женщина средних лет, с которой в студенческую пору я не сталкивалась и имени ее не знала. Она задала мне пару вопросов: «Кто вы? Что тут делаете?». В ответ чуть ли не со слезами на глазах я поделилась с ней своей беспомощностью в деле комплектования негуманитарного фонда. Выслушав меня, она сказала: «На кафедре библиотекведения работает Зелик Израилевич Ривлин. Он сейчас занимается комплектованием литературы. Найдите его. Он вам поможет решить задачу и многому научит».

Без промедления я последовала ее совету. А когда обрисовала Ривлину адресовавшую к нему особу, он понял, что речь идет о Марине Константиновне Архиповой. От него я узнала, что мы с ней работаем на одной кафедре.

Можно сказать, Ривлин вторично принял меня на работу. В течение года мы вдвоем чуть ли не ежедневно посещали библиотеки разного профиля – район-

ные, заводские, профсоюзные, системы Академии Наук. Под его руководством мне удалось создать фонд литературных и библиографических источников для отраслевых лабораторий. А когда встречала Марину Константиновну, она всякий раз интересовалась результатами моей работы. Отобранные мной источники информации много лет использовались студентами на практических занятиях.

Таким образом Мохов, Брискман, Ривлин, Архипова сыграли роль спускового крючка в моей профессиональной деятельности. В дальнейшем я воспринимала их одновременно в качестве коллег и учителей.

Архипова возглавляла кафедру Библиографии 16 лет. За это время произошли изменения в кадровом составе, в создании научных работ и методических материалов. В числе научно-педагогической элиты были такие заметные фигуры, как М. А. Брискман, Л. М. Равич, И. В. Гудовщикова, И. Е. Баренбаум, Н. Г. Чагина, А. И. Барсук... Она со вниманием относилась к молодежи, группировавшейся вокруг кафедрального ядра. Некоторые из аспирантов после защиты диссертации по ее рекомендации оставались работать на кафедре библиографии, на ответственных должностях в крупных библиотеках страны и в созданных Институтах культуры. Архипова плодотворно работала в Научно-исследовательском секторе института, была членом группы по обеспечению информацией ИНИОН Академии наук СССР, вела лекционную работу за пределами института... Во время ее руководства кафедрой расширились границы баз производственной практики студентов за счет областных библиотек крупных городов. Благодаря Архиповой закрепилось содружество кафедр библиографии и технической литературы, впоследствии несколько раз менявшей название. На «родственной кафедре» (такое определение принадлежало Марине Константиновне) сложилась группа под названием «могучая кучка»¹. Последнее свидетельствовало о деловых и одновременно дружеских отношениях преподавателей.

До того, как Марина Константиновна связала себя с Библиотечным институтом, она пережила трудности военного времени. Ее юность совпала с войной с фашистской Германией и блокадой Ленинграда. В то время молодая девушка работала в госпитале. После окончания войны она поступила в Библиотечный институт, затем была аспирантура и работа над диссертацией, посвященной общественно-политической библиографии. Тогда эта дисциплина впервые была введена в программу подготовки студентов.

Поскольку в ту пору отсутствовала официальная защита диссертаций, степень кандидата присваивалась на основе представленных работ. Аналогичный путь прошли И. А. Мохов, В. А. Ефимова (Поцелуева), Н. Г. Чагина... Позднее они стали ведущими преподавателями института.

Предметом научного интереса Архиповой были литература и библиография о международных отношениях, политическом и экономическом положении зарубежных стран. Она впервые в практике библиографической подготовки студентов обратила внимание на зарубежные издания. Затем она продолжала эту работу, результатом которой были подготовленные ею учебные пособия.

Будучи стойким трудолюбом, Марина Константиновна проводила в институте значительную часть дня. Иногда покидала стены особняка на Дворцовой наб.

глубоким вечером одной из последних. В этом отношении напоминала Гертруду Васильевну Гедримович (кафедра технической литературы), справедливо отмеченную юмористической строкой: «А ведь предание гласит: Гертруда никогда не спит». Эти «стахановки» действовали согласно формуле поэта Николая Заболоцкого:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться,
И день и ночь, и день и ночь!

С другой стороны, для некоторых сотрудников института подобный объем работы представлялся кандалами. Благодаря работоспособности Марины Константиновны в институте проходила значительная часть ее жизни. При этом она со вниманием относилась к коллегам, прежде всего к женщинам, интересовалась их семьями. В теплое время года она напоминала им о домашних обязанностях: «Кончайте трудиться, голуби мои! Пора в семью. На дачу. Под куст...».

Параллельно с Архиповой длительное время библиографию общественно-политической литературы преподавал Сергей Иванович Копылов. Трудно представить столь отличающихся друг от друга людей! Она – человек ответственный, профессионально владеющий материалом и требовательный педагог; он – талантливый импровизатор, развлекающий аудиторию разного рода шутками. Аналогичным способом Копылов общался с коллегами – давал им прозвища. И себя не забыл – назвал «старой кониной». Мне он присвоил титул «швабры»: «Тобой удобно пол мыть», – говорил он. Ему принадлежала фраза: «Библиография загнала меня в гроб».

Родом Копылов был из Вологды, о чем свидетельствовала его речь с ударным О: поОговорим, поОдумаем, поОсмеемся...

В своих действиях Сергей Иванович был непредсказуем. Лекции и практические занятия он превращал в спектакли. В их числе был такой: «Получаю я запрос от читателя. И сразу направляюсь за стеллажик с книжечками. А там непременно пройду по классикам – Марксу, Энгельсу и, конечно, по нашему Ленину. И все время напряженно думаю, от чего устану. Но не вечно же общаться с классиками! Когда-то и выходить к читателю надо!».

После такой мизансцены студенты дружно хохотали. Не случайно из аудитории, где Копылов проводил занятия, доносился громкий смех. К тому же, страдая «русским недугом», он появлялся в институте в состоянии подпития.

В роли заведующей кафедрой и руководителя предметной комиссии библиографии общественно-политической литературы Архипова годами работала в одной упряжке с непредсказуемым Копыловым, сменившим программу обучения на вольное плавание. Скорее всего, представление об этике не позволяло ей поднять руку на талантливого человека, оригинала с нестандартными методами поведения, своего рода энциклопедию прозвищ и выражений.

Сергея Ивановича дожил до почтенного возраста, к сожалению, с трагическим концом.

У Марины Константиновны была довольно быстрая и образная речь, меняющаяся в разных ситуациях. В личных беседах ее голос и артикуляция выглядели

необычно. Предполагаю, что таким способом она сознательно придавала своей речи искусственный характер с игровым оттенком. Ничего подобного она не допускала в процессе лекций и практических занятий со студентами и в деловых ситуациях.

Такому индивидуальному общению с коллегами есть объяснение. Дело в том, что природа «наградила» ее заячьей губой, которая в свое время была ликвидирована. Но на лице остался след. Не исключая того, что в детстве он ее тревожил, и тогда она придумала голосовую игру, отвлекающую собеседников от шрама. Впоследствии речевая манера закрепились, превратилась в спутника неформального общения.

Хотя мое предположение носит риторический характер, оно имеет право на жизнь. Я довольно быстро перестала обращать внимание как на небольшой дефект ее лица, так и на особенность поведения в процессе личного контакта. Мои рассуждения на этот счет не камень в ее огород, а, напротив, желание воспроизвести реальный облик достойного человека.

По натуре Архипова не была конфликтным человеком. Она умела корректно разряжать обстановку, сохраняя при этом права на собственную точку зрения. Однако имел место эпизод, превративший ее в жертву конфликта. Он касалось обсуждения одной из работ библиографа, книговеда и литературоведа Абрама Ильича Барсука (1918–1984)². Этот случай подробно описал Исаак Григорьевич Моргенштерн (1932–2008) – в прошлом выпускник и аспирант Библиотечного института, а впоследствии профессор Челябинского института культуры. По его словам, Марина Константиновна «просто ненавидела» Барсука за то, что он был противником такой рутины, как общественные обязанности и разного рода формалистика³.

Любопытно, что о произошедшем Моргенштерн написал в 2008 г., то есть спустя десятилетия. (Барсук скончался в 1984 г., спустя 11 лет завершилась и жизнь Архиповой.)

С Моргенштерном я общалась со студенческой поры. Из его рук получила книгу воспоминаний с описанием взаимоотношений Барсука и Архиповой. В свою очередь, намеревалась обсудить с ним его сомнительное утверждение о «ненависти» Архиповой к Барсуку. К сожалению, наш разговор не состоялся по причине кончины Исаака Григорьевича. В память о нем храню его тексты и письма.

По поводу упомянутого им конфликта скажу следующее. Употребив слово «ненависть», Моргенштерн допустил ошибку. Такое понятие неприменимо к Марине Константиновне, поскольку она никогда не носила камень за пазухой. Напротив, ей было свойственно уважительное отношение к коллегам, аспирантам, студентам, некоторых из которых по-человечески опекала. Ей присуща была эмоциональность, но она не прибегала к оскорблениям, не унижала собеседника, то есть не грешила моральными принципами. Общение она строила на доказательности и уважении коллег.

Длительное время ее личная жизнь была ограничена родственниками. Сыну двоюродной сестры (или племянницы?) она уделяла особое внимание – занималась с ним, приводила мальчика в институт. Одновременно Марина интересовалась «кафедральными детьми»; за редким исключением у каждого они

имелись. Некоторые ее фразы о детях свидетельствовали о психологическом настрое на детство.

И все же личная жизнь не обошла ее стороной. Но это произошло за пределами молодости.

В этом месте я должна вспомнить ее избранника – Бориса Самсоновича Пинхасовича, человека неординарного.

В институте он профессионально был связан с факультетом культурно-просветительной работы, где занимался историей кино. В Ленинграде он считался авторитетным киноведом. Студенты его обожали. До приобщения к кино Пинхасович прошел нелегкий путь участника войны, в ходе которой был разведчиком и получил ранение.

По характеру Марина и Борис существенно различались: она – организованная, трудолюбивая, ответственная; он – натура артистическая, эмоциональная, многоречивая, с разбросом интересов. Правда, их объединяло чувство юмора, но оно проявлялось по-разному: у Марины в пастельных тонах, у Бориса в виде фонтана острот. Кроме того, у него была необычная привычка награждать поцелуями женщин, которых встречал в институтских коридорах.

Вскоре после знакомства завязались наши дружеские отношения, и мы перешли на «ты». Во время очередной встречи разговор зашел о его платонической привязанности к дамским щечкам. И тогда Борис обратился ко мне с необычной просьбой посвятить ему стихи. Он сетовал на то, что еще ни разу не был объектом моего сатирического пера.

– Напиши хоть к пятидесятилетию моего грехопадения! – просил он. – О многих ты писала, а обо мне нет ни одной вирши. Выходит, я хуже других?!

– Я могу написать про тебя пьесу, басню и даже либретто, но у меня нет уверенности, что после прочтения моих правдивых строк ты не вычеркнешь меня из списка претенденток на твой поцелуй.

– Клянусь, ты займешь первое место среди институтских леди! – заверил он.

Получив от Пинхасовича заказ на посвященное ему стихотворение, я подумала, что он достойный материал для сатирического жанра. И киновед отличный! Все фильмы смотрел, все о них знает. А голос – труба! К тому же, муж Марины Архиповой.

В качестве эпиграфа к своему стихотворению я использовала цитату из институтской газеты «За кадры советской культуры»: – «В институте говорят: он целует всех подряд...»⁴. То стихотворение я поместила в свою «любопытную папку», где оно хранится по сей день.

Не следует воспринимать мои юмористические экскурсы в качестве примеров безделья сотрудников. Дело в том, работа в стенах института и за их пределами была напряженной, требовала длительного присутствия и эмоциональных затрат. На таком фоне время от времени непроизвольно появлялись островки юмора – от коротких реплик до развернутых стихов. Они носили отвлекающий характер и помогали восстановить работоспособность. В этом жанре, безусловно, лидировал Аркадий Васильевич Соколов.

С Мариной Константиновной сложились обоюднo уважительные отношения. При том, что она называла меня по имени, я обращалась к ней по имени и отчеству. За годы общения на «ты» мы не перешли.

Появление ребенка нас сблизило. Узнав о радостном событии, я приобрела детские вещи и отправилась домой к родителям поздравлять с новорожденным. В тот день увидела другую Марину – оживленную, помолодевшую, со светящимися глазами. Она получила от судьбы подарок в зрелом возрасте, когда некоторые женщины становятся бабушками.

Вскоре она пришла в институт с мальчиком на руках, нашла меня, положила завернутого в одеяло на стол и произнесла короткую фразу: «Вот такой экземпляр».

Пополнение в семье не повлияло на объем ее работы. Впереди у нее были годы активного труда – преподавание, создание учебных материалов, работа в научно-исследовательском секторе института, участие в научных конференциях...

К сожалению, на пике активности Марину Константиновну подкараулила тяжёлая болезнь. Она перенесла операцию, в корне изменившую жизнь. Болезнь стала точкой невозврата к активной деятельности. В 1983 г. завершилась ее работа в Институте культуры. Пинхасович ушел на пенсию одновременно с ней. В домашних стенах она верила в выздоровление, но ее надежды не сбылись...

Архипова, безусловно, была одной из ключевых фигур своего времени в рамках института. К сожалению, отсутствуют развернутые воспоминания о ней. Они ограничены справедливой, но краткой заметкой Е. П. Судариковой, первоначально студентки, а затем коллеги по институту⁵.

До сих пор для меня остаются за кадром место и дата ее рождения, время кончины, фото. В настоящее время таких данных нет в доступных источниках. Тем не менее многолетнее присутствие Архиповой в институте, характер и объем ее работы заслуживают большего внимания.

В моей «любопытной папочке» хранится групповая фотография с лицами сотрудников, проработавшими в институте 25 лет и более. Она датирована 1983 г. На снимке мы с Пинхасовичем стоим во втором ряду. Марины Константиновны на фото нет. Не по причине ли болезни?

Марины Константиновны не стало в 1995 г. Борис Пинхасович пережил ее на долгие годы. Он скончался в 2012 году на 91 году жизни. В противоположность Архиповой, его жизнь и деятельность широко представлены документами, включая фото, хранящимися в Президентской библиотеке (Санкт-Петербург).

Марина Константинова – близкий мне по духу человек. Таких не забывают. Воспоминания о ней и ее времени – часть того, что храню в памяти и в своем архиве.

P.S. В начале нового века после многолетнего перерыва я оказалась в Институте культуры на Дворцовой наб., д. 2. За время моего отсутствия он существенно изменился. В частности, аудитории приобрели иной вид. Но аудитория под номером 214 была узнаваемой. Когда заглянула в нее, мысленно вернулась в прошлое. И тотчас память подкинула вопрос, некогда заданный Мариной Константиновной Архиповой: «Кто вы? Что вы тут делаете?».

Примечания

¹ Фраза «могучая кучка» была введена в оборот моим мужем. Он привык к обсуждению профессиональных вопросов не только визуально, но и по телефону. По этому поводу однажды сказал: «Удивительно, что за время твоего отсутствия из Могучей кучки никто не позвонил».

² Баренбаум И. Е. А. И. Барсук как книговед и библиографовед (К 70-летию со дня рождения) // Книга. Исслед. и материалы. М., 1988. Сб. 57. С. 134–143.

³ Моргенштерн И. Г. ABCD/АБВГДЕ: Воспоминания, письма. 2-е изд., испр. и доп. Челябинск, 2008. С. 134–135.

⁴ Поверьте, пробегут века,
настанет час таких заметок:
«Напротив книжного ларька
Борис высматривал брюнеток».
Поверьте, в наши дни и лета
он умудряется за год
поцеловать два факультета
и третьего открытие ждет.

Поверьте, он не ловелас!
Но почему-то сердце чувствует,
что встретив в коридоре вас,
он тотчас же вас поцелует.
Поверьте, он не женолюб,
ему чужды страстей заботы,
а что касается до губ,
то он предпочитает щеки.
Поверьте, он вас не прижмет
ни к радиатору, ни к стенке.
Помеха ли большой живот
или дрожат его коленки?

Поверьте, он давным-давно
собрав сполна все кино сведения,
задумал личное кино
и создал поцелуеведенье.

Б. Пинхосович не дремал.
Уж мы то знаем, нам поверьте!
Ну а кого не целовал,
Терзаться им до самой смерти...
ЛГИК, сентябрь 1985 г.

⁵ История. Воспоминания. Документы: К 85-летию Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств / Отв. ред. П. А. Подболотов; ред.-сост. Г. Ф. Гордукалова. СПб.: СПбГУКИ, 2003. С. 219–220.

Н. Г. Кузьмина

Указатели, каталоги литературы по библиографии, книговедению и полиграфии 1920-х гг. К 100-летию выпуска

Указатель, каталог является одним из наиболее распространенных библиографических пособий. Выявлены краткие биографии составителей, изложены структура и содержание каталогов. Новизна исследования заключается в поиске оригинальных указателей, систематизация их, что позволило расширить существующие знания о библиографической работе в 1920-х гг.

Ключевые слова: указатель, каталог, книгоиздательство, техника печати

Nina G. Kuzmina

Indexes and Catalogs of Literature on Bibliography, Book Science, and Printing in the 1920s. Celebrating the 100th Anniversary of the Publication

The index and catalog are among the most widely used bibliographical aids. Brief biographies of the compilers are provided, and the structure and content of the catalogs are described. The novelty of this study lies in the search for original indexes and their systematization, which has expanded existing knowledge of bibliographic work in the 1920s.

Keywords: index, catalog, book publishing, printing technology

В 1920–1930-х гг. стремительно развивались многие отрасли народного хозяйства, в том числе полиграфическая. Возводились новые полиграфические комплексы, реконструировались, объединялись и перестраивались старые типографии. Открывались учебные заведения, в которых готовили наборщиков, печатников, переплетчиков. Расширялась сеть книготорговых пунктов, магазинов, торговли почтой. Для учащихся и молодых рабочих, сотрудников магазинов были необходимы учебники и учебные пособия и справочники. В создавшемся положении нужно было срочно организовать выпуск справочников, каталогов, за что взялся М. М. Кривин.

Кривин Моисей (Мовша) Менделеевич (Моисеевич) (1873–1947) – художник, преподаватель, резчик печатей, типографщик. «В 1900 г. обосновался в Казани. В 1902 г. получает разрешение на производство каучуковых штампов. В 1904 г. возбуждает ходатайство об открытии небольшой типографии для производства мелких печатных работ. Разрешение получено в 1905 г. и типографию разместил в здании городского пассажа, а в 1914 г. перевели ее на Пролонную ул., в дом Стахеева под вывеской «Фабрика каучуковых штампов и граверно-резное заведение»¹.

М. Кривин считался искусным мастером, чему подтверждение награды, полученные им на различных выставках². В типографии, помимо мастера, трудились наборщик и печатник, выполняя мелкие акцидентные работы. Будучи владельцем «типографско-граверного заведения», М. М. Кривин активно занимался политической деятельностью, состоял членом Казанской группы социалистов. В 1908 г. вместе с другими организовал кружок еврейской социал-демократической рабочей партии, которая функционировала под названием «Поалей Цион», образованной в 1900–1901 гг. в Екатеринославле. Позже такие организации появились в Варшаве, Вильно, Витебске, Одессе и других городах.

После 1917 г. типография М. М. Кривина как «маломощная» не была национализирована и продолжала функционировать как кооперативно-промысловое товарищество под вывеской «Трудовая артель «Штемпель». Сам М. М. Кривин в течение трех лет преподавал в полиграфической школе³. Школа им. А. В. Луначарского открыта в 1922 г. при Первой государственной (Большой университетской) типографии). Курс обучения – 4 года, действовали два отделения: татарское и русское. В школе готовили наборщиков, печатников и переплетчиков. М. М. Кривин преподавал историю книгопечатания. В 1940 г. школа преобразована в Ремесленное училище с 2-х летним сроком обучения (ныне – Полиграфический лицей № 4 г. Казань)⁴.

В 1920 г. М. М. Кривин, проживая и трудясь в г. Казани, как преподаватель полиграфической школы начал собирать информацию об изданиях по печатному делу. Начал работу над составлением каталога «Полиграфия. Систематический предметный указатель литературы по всем отраслям и вопросам печатного дела», который вышел в 1926 г. Обложка указателя оформлена портретом Гутенберга, который автор позаимствовал с обложки книги «Полиграфическое производство» А. Е. Каплана, но клише вырезал на дереве сам М. М. Кривин⁵.

Обязанность издания профессиональной литературы была возложена на Профессиональный Союз рабочих печатного дела. В предисловии составитель отметил, что «специальная производственно-техническая литература, издаваемая в последние годы нашим союзом, остается без внимания... и у широких кругов рабочих к ней совершенно не развит интерес»⁶. Единственный производственно-технический журнал «Полиграфическое производство» в 1920–1930 гг. недостаточно полно освещал технические вопросы, в частности, о новой технике и оборудовании, особенно в интерпретации для учащихся профтехнических училищ – сетовал М. М. Кривин.

Составитель сокрушался, что «слишком бедна пока количественно наша специальная литература. В большинстве случаев она неудовлетворительно качественно. Изложенный в ней материал затронут... отрывочно, поверхностно и трафаретно. Целый ряд вопросов ещё совершенно не затронут и ждет своей очереди по разработке и углублению»⁷. Хотя в дореволюционном прошлом издавались весьма содержательные отдельные издания и статьи в периодических изданиях исторического и практического характера, мало кому известные в 1920-х гг.

Кропотливый труд по составлению указателя растянулся на шесть лет и вышел только в 1926 г. В течение шести лет автор-составитель обработал свыше 4500 указателей, среди которых источники – издания прошлого и последнего времени, т.е. вышедшие до 1926 г. Сначала автор выпустил проект каталога, т.е. проспект о том, какие издания войдут в указатель литературы.

Всю имеющуюся в наличии литературу автор-составитель разделил на отделы. Первый отдел посвящен истории и теории письменной и книжной графики. Во всех остальных восьми разделах сосредоточены практические, преимущественно производственно-технические и, отчасти, теоретические сочинения. Автор не забыл свое ремесло по изготовлению штампов и в шестом отделе поместил литературу по резьбе, чеканке и каучукографии, а также учебные пособия по штемпельному делу. Составитель не пренебрег вопросами професси-

ональной организации и охраны труда и указал книги по санитарии и гигиене в печатном деле, а также о тарифе, нормировке труда и оплате женской работы в типографиях. На некоторые издания автор привел рецензии. Указатель ограничен только литературой на русском языке, т. к. широкий круг лиц не владел иностранными языками.

Указатель предназначался как рядовому типографскому рабочему, ученику полиграфической школы, так и хозяйственнику, администратору, культработнику-профессионалу, книготорговцу, издателю, литературному и техническому работнику прессы, педагогу и научному исследователю.

Таким образом, перечень книг «Полиграфия. Систематический предметный указатель литературы по всем отраслям и вопросам печатного дела» М. М. Кривина был только проектом выпуска каталога.

Осуществить печать задуманного каталога удалось только через 15 лет. В 1941 г., накануне начала Великой Отечественной войны, в Москве вышел «Указатель литературы по полиграфии. Систематический перечень книг и журнальных статей по вопросам печатной и издательской техники». Причем автор планировал его издавать в нескольких выпусках, т. е. каталог 1941 г. был обозначен как выпуск 1. Указатель, объемом 232 страниц имел пять отделов, почти соответствующих проекту 1926 г. В первом отделе составитель поместил книги по графическому оформлению печатной продукции и по редакционно-издательской технике, во второй отдел вошли издания по общей полиграфии, высокой печати с подразделами словолитное и наборное дело, клише и стереотип, технология печати, а также издания по глянцовой и глубокой печати. В третий отдел помещены издания по специальным отраслям печатного дела (нотопечатание, картография, печать для слепых, гектография и др.). Четвертый отдел отведен для книг по переплетному и картонажному делу. В пятый отдел помещены издания по материаловедению. В каталоге указаны журнальные статьи, которые распределены в соответствующие отделы. Автор не ограничился изданиями, вышедшими после 1917 г. В указателе М. М. Кривина представлены издания и статьи, увидевшие свет в последней трети XIX в. В частности, много статей из журналов «Писчебумажное производство», «Графические искусства и бумажная промышленность», «Вестник графического дела», а также послереволюционных «Полиграфического производства» и «Полиграфическая техника». Несколько статей автор взял из «Обзора Первой выставки печатного дела» (1895 г.). В каталоге представлены книги таких дореволюционных авторов, как П. Коломнин, М. Рудаметов, И. Булгаков, И. Богданов, а также авторов 1920–1930-х гг., таких как Н. Проскурнин, М. Коган, М. Баландин, В. Бушунов, С. Арбузов, Н. Фомин, И. Антокольский, Л. Фрейдин, А. Грилихес и др.

Таким образом, в «Указатель литературы по полиграфии. Систематический перечень книг и журнальных статей по вопросам печатной и издательской техники» М. М. Кривина вошло более 150 изданий и статей, которые давали возможность познакомиться со всем спектром выпущенной научной и учебной литературы и статьями специальных журналов. Издание имело целью ликвидацию технической безграмотности как среди работников типографий, так и между учащимися полиграфических школ.

В 1920–1930-х гг. помимо полиграфии огромное значение имело книговедение. Работники книжных магазинов, преподаватели книжных курсов и техников нуждались в перечне книг и статей по всем вопросам библиографии.

Очередным каталогом, составленным специалистом библиотечного дела, стал «Указатель литературы по книжному делу за 1917–1923 гг.» (М., 1924). Составитель Н. Орлов. Николай Николаевич Орлов (1898–1965) – библиограф, библиотечный деятель, автор свыше 160 научных работ⁸, в частности о выдающихся искусствоведах, библиографах, библиографоведах, таких как Д. В. Ульянинский, В. Я. Адарюков, У. Г. Иваск и др., а также трудов по библиографии библиотекосведения. В предисловии он отметил, что «материал в большей своей части описан по личной библиотеке автора, другая небольшая часть извлечена из «Книжной Летописи» <...> и из других печатных источников»⁹.

Материалы в указателе расположены по Международной десятичной классификации и собраны в отделы: о книге вообще, печать и цензура, журналы книжного дела, история книгопечатания, книгопечатание, техника книгопечатания, книгоиздательство и книжная торговля. В каждом отделе издания расположены по алфавиту авторов и заглавий, кроме отдела «Книгоиздательство», где расположение произведено в алфавитном порядке названий издательств.

Составитель посетовал на технические затруднения, связанные с тем, что ему пришлось «к сожалению, отказаться от воспроизведения названий в старой орфографии, т.к. в типографиях отсутствует нужный шрифт»¹⁰.

В первом разделе «О книге вообще» помещены произведения: «История книги» В. В. Буша (1888–1934) – литературоведа, этнографа, краеведа, фольклориста, библиографа, профессора¹¹; «О книге. Лекции, читанные на библиотечных курсах» Н. К. Вержбицкого (1889–1973) – писателя-мемуариста, автора книги «Записки старого журналиста» и воспоминаний о С. А. Есенине, А. И. Куприне и др.¹²; «Похвала книге» И. А. Шляпкина (1858–1918) – русского педагога-филолога, палеографа, историка древнерусского искусства¹³.

В следующем разделе «Печать и цензура» помещены книги Н. В. Дризена «Драматическая цензура двух эпох», «Дела московской цензуры в царствование Павла 1», «Законы о печати» С. И. Сахарова и др.

На первом месте в числе журналов книжного дела упомянуты «Бюллетень государственного издательства», бюллетень Постоянного совещания представителей кооперативного издательства и книжной торговли, бюллетень Центрального товарищества «Кооперативного издательства», бюллетень Фабрик изготовления государственных знаков и др. Далее представлены журналы «Книга», «Книгопечатник», «Книжник», «Печатное искусство», «Полиграфия»¹⁴ и др. В то сложное время журналы имели огромное значение, т. к. помещали оперативную информацию, технические сведения и рекламу. Издание журнала было сопряжено с трудностями по поиску материалов для производства печати: бумаги, краски, электричества для приведения в действие оборудования. Периодические журналы пытались издавать видные специалисты печатного дела, каким был И. Д. Галактионов, издававший журнал «Книгопечатник». Иван Дмитриевич Галактионов (1869–1941) – русский советский историк книгопечатания, библиограф, один из крупнейших деятелей советской полиграфии,

прошедший путь от наборщика до ответственного работника Госиздата в Ленинграде, автор ряда книг и статей по типографскому, преимущественно наборному, делу¹⁵.

В раздел «История книгопечатания» помещены книги «Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России», «Максим Грек. Биографический очерк его жизни и деятельности» В. И. Анисимова. Владимир Ильич Анисимов (1870–1932) – ученый-полиграфист, автор многочисленных работ по полиграфии и истории книжного дела¹⁶. В каталог помещены также книги о крупнейшей типографии Ленинграда – «Печатном дворе», например, «Печатный двор. Пятилетняя работа для книги»¹⁷. Здесь же указаны «Типографский календарь на 1922 г.» под редакцией И. Д. Галактионова, «Искусство книгопечатания в его историческом развитии» М. И. Щелкунова. Михаил Иванович Щелкунов (1884–1938) – историк книги, библиофил, теоретик науки о книге – книговедении, автор фундаментального труда «История, техника, искусство книгопечатания» (1926).

В разделе «Книгопечатание» отражены издания по печати и о деятельности Полиграфического отдела ВСНХ: «Положение русской полиграфической промышленности» С. Арбузова, «Полиграфическая промышленность. Обзор деятельности» Г. Балашева, различного вида калькуляции, нормы выработки, работы о повышении квалификации в полиграфическом производстве, многочисленные материалы по образованию рабочих-подростков и фабрично-заводского ученичества.

В каталог вошли не только центральные издания, выпущенные в Москве и Ленинграде, но и местные произведения печати – «Типографское дело в Вологде» С. Клыпина, бюллетень Сибирского областного управления издательским делом, «Омский книжник», «О книгах и печатниках» в честь открытия школы полиграфического производства в г. Орел, доклад Калужского Губернского полиграфического отдела на 1 декабря 1920 г., «Инструкция по управлению национализированными предприятиями полиграфического производства, находящимися в ведении полиграфотдела татарского Совета народного хозяйства», «Полиграфическая промышленность Украины» А. В. Нилова и др.

К числу особенностей этого каталога можно отнести нахождение в нем книг, уставных документов и отчетов таких дореволюционных издательств, как Товарищество на паях «Книгоиздательство А. Ф. Девриен», товарищества «Начатки знаний», устава «Русского библиологического института бр. А. и И. Гранат», кооперативного издательства «Задруга», а также новых, возникших после 1917 г., издательств – Всеукраинского книготоргового товарищества «Книгоспилка» (Харьков), товарищества «Колос», издательства «Молодая гвардия», «Революционная мысль» и др.

В целом, в данном каталоге, в большей степени собрана не литература об издательствах и истории книгопечатания, а нормативно-правовые акты, уставы и отчеты о деятельности издательств, книготорговых организаций и учебных заведений.

В заключение следует сказать, что указатели и каталоги по полиграфии, издательскому делу и книговедению служили библиографическими пособиями

библиотекарям, работникам книжных магазинов, преподавателям и сыграли огромную роль в становлении издательско-полиграфической и книготорговой отраслей народного хозяйства.

Примечания

¹ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. Р 828-1. Оп. 1. Д. 349. Л. 4.

² Габдельганеева Г. Г. Еврейские типографии в Казани в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. Ч. 1. С. 123.

³ Кривин М. М. Полиграфия: систематический предметный указатель литературы по всем вопросам печатного дела. Казань: Тип. Совета Народных Комиссаров ТССР, 1920–1926. С. 4.

⁴ Ключевская Е. П. Полиграфическая школа имени А. В. Луначарского // Tatarica: Татарская энциклопедия. URL: <https://tatarica.org/ru/razdely/obrazovanie/sredne-specialnoe-obrazovanie/istoricheskie-obrazovatelnye-uchrezhdeniya/poligraficheskaya-shkola-imeni-lunacharskogo> (дата обращения 09.03.2025).

⁵ Кривин М. М. Полиграфия: систематический предметный указатель литературы по всем вопросам печатного дела. Казань: Тип. Совета Народных Комиссаров ТССР, 1920–1926. С. 2.

⁶ Там же. С. 4.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Толстяков А. П. Орлов Николай Николаевич // Книга: энциклопедия / Гл. ред. В. М. Жарков. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 459.

⁹ Орлов Н. Н. Указатель литературы по книжному делу за 1917–1923 гг. М.: Б. и., 1924. С. 3.

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ Зюзин А. В. Буш Владимир Владимирович // Литературоведы Саратовского университета 1917–2009: материалы к биографическому словарю / под ред. В. В. Прозорова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. С. 53.

¹² Юшкин Ю. Б. Вспоминая... небылое (О воспоминаниях Н. Вержбицкого) // Литературная учеба. 2005. № 6. С. 3.

¹³ Шляпкин Илья Александрович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб.: Тип. и лит. Б. М. Вольфа, 1898. Т. 2. С. 342.

¹⁴ Орлов Н. Н. Указатель литературы по книжному делу за 1917–1923 гг. С. 9.

¹⁵ Галактионов И. Д. // Большая советская энциклопедия в 65 т. / гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Сов. Энциклопедия, 1929. Т. 14. С. 331.

¹⁶ Анисимов В. И. Что должен знать печатник, работающий на скоропечатной машине: Пособие в вопросах и ответах для учащихся полигр. школы ФЗУ: С рис. в тексте и отд. прил. образца трехцветной печати. Л.: Изд-во и тип. Школы ФЗУ Ленпромпечатьсоюза, 1933. С. 3.

¹⁷ Орлов Н. Н. Указатель литературы по книжному делу за 1917–1923 гг. С. 11.

М. С. Маадыр

Библиографическое раскрытие журналов Тувинской Народной Республики в современной электронной среде

В статье рассмотрены библиографические сведения о журналах Тувинской Народной Республики, выложенные на сайте Национальной библиотеки Республики Тыва. Даны библиографическое описание номеров, содержание публикаций и другие дополнительные сведения об изданиях «*Revolustug arat*» (Революционный арат), «*Revolustun xerei*» (Заря революции) и «Под знаменем Ленина-Сталина», выходивших в Тувинской Народной Республике, в государстве, существовавшем с 1921 по 1944 г.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, журналы, сайт Национальной библиотеки Тувы, библиографическое описание, аннотация, содержание публикаций

Maja S. Maadyr

Bibliographic disclosure of journals of the Tuvan People's Republic in the modern electronic environment

The article examines bibliographic information about the journals of the Tuvan People's Republic, posted on the website of the National Library of the Republic of Tyva. A bibliographic description of the issues, contents of publications and other additional information about "*Revolustug arat*" (Revolutionary Arat), "*Revolustun xerei*" (Dawn of the Revolution) and "Under the Banner of Lenin-Stalin", published in the Tuvan People's Republic, a state that existed from 1921 to 1944, are given.

Keywords: Tuva People's Republic, magazines, website of the National Library of Tuva, bibliographic description, abstract, content of publications

Журнальный мир Тувинской Народной Республики (ТНР), государства, существовавшего в период с 1921 по 1944 гг., был достаточно разнообразным. Вместе с продолжающимися выходили 15 разных изданий. Это «Залуудчудинг зорилго» (Задачи молодежи), «*Revolustug arat*» (Революционный арат), «*Revolustug internasionalizm tees*» (За революционный интернационализм), «*Ertem oruu*» (Путь науки), «Современная Тува», «Новая Тува» и другие, учредителями которых были Тувинская народно-революционная партия (ТНРП), Тувинский революционный союз молодежи (ТРСМ), Министерство культуры, Комитет советских граждан и некоторые другие организации и ведомства.

Цель настоящей статьи – осветить библиографическое раскрытие журналов ТНР в современном электронном пространстве.

В теоретическом плане данная проблема почти не изучена. Отдельные сведения имеются в монографиях Е. Т. Тановой¹ и В. С. Кан², посвященных истории периодической печати Тувы. Автором статьи опубликованы работы, в которых рассмотрены вопросы выпуска журнальной продукции в Туве и их сохранность в современных архивохранилищах³. Большое источниковедческое значение по теме имеют указатель публикаций «Журналы Тувинской Народной Республики»⁴. Первые библиографические сведения о некотором ряде журналов ТНР зафиксированы в печатном каталоге «Книги периода Тувинской Народной Республики», вышедшем в 1989 г.⁵.

Отражение журналов ТНР в интернет-пространстве начато несколько лет назад Национальной библиотекой им. А. С. Пушкина Республики Тыва (далее НБ РТ; библиотека). На сегодняшний день на ее сайте размещены ресурсы, представляющие для пользователей библиографическую информацию о журналах, издававшихся в республике, в том числе в 30–40-х гг. XX в. Они содержатся в рубриках «Библиографические указатели» и «Открывая прошлое», входящие в разделы «Читатели» и «Ресурсы». В первой в виде PDF-файла выложен каталог «Издания периода Тувинской Народной Республики (из фонда Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва), оцифрованный с одноименного печатного издания⁶. Каталог состоит из 111 библиографических сведений о книгах и журналах. Из них только в 14 записях содержится информация о 3 тувинских журналах: «Revolustug arat» (Революционный арат), «Revolustuŋ xereli» (Заря революции) и «Под знаменем Ленина-Сталина», выпущенных в 1937, 1941, 1942, 1943 и 1944 гг. Всего в данном ресурсе отражены 16 номеров упомянутых журналов, которые приводим в табличной форме:

Название журнала	Учредитель, издатель	Год выхода, номер	Номер библиографической записи	Количество публикаций
Revolustug arat (Революционный арат)	TARN TK (ЦК Тувинской народно-революционной. партии)	1937 № 3	98	8
- // -		1937 № 4	99	6
- // -		1937 № 6	100	4
Revolustuŋ xereli (Заря революции)	TAR Sajttar Cöbyleliniŋ canynda uran-cyylder komitediniŋ organy (Комитет искусств при Совете Министров ТНР)	1941 № 2	101	20
Под знаменем Ленина-Сталина	Центральный комитет Тувинской Народно-революционной партии	1942 № 1	102	10
- // -		1942 № 2	103	24
- // -		1942 № 3	104	19
Под знаменем Ленина-Сталина	Центральный комитет Тувинской Народно-революционной партии	1943 № 1-2	105	22

- // -		1943 № 3	106	24
- // -		1943 № 4	107	13
- // -		1943 № 5	108	21
- // -		1943 № 6	109	18
- // -		1944 № 1-2	110	9
- // -		1944 № 3	111	6
		16 но- мера	С 98 по 111	204

Некоторые номера журналов выходили, как видно из ресурса, в объединенном формате. В частности, это № 1–2 за 1943 г. и № 1–2 за 1944 г. политико-экономического журнала Центрального комитета (ЦК) Тувинской народно-революционной партии «Под знаменем Ленина-Сталина» (библиографические записи 105 и 110).

Ниже выборочно даны примеры библиографического описания журналов (с указанием номера записи), отраженных в PDF-версии:

98. Revolustug arat : Tarn TK-nyň aj sanlypnda ýner setkyyly / red. Kyzyl-ool. – Kyzyl, 1937. – № 3. – 58 ar. – На латин. шрифте. – 3000 экз.

Революционный арат: ежемесячный печатный орган ЦК ТНРП.

101. Revolustug xereli: TAR Sajytтар Сөбүлелинiñ сабында uran-çyldar komitediniň organь. – Kyzyl, 1941 . – № 2, maj . – 40 ar. – На латин. шрифте . – 1000 экз. Заря революции.

102. Под знаменем Ленина-Сталина : полит. - эконом. журн. ЦК ТНРП. – Кызыл, 1942. – № 1, август. – 94 с. – 500 экз.

Описания дополнены сведениями о шрифте, которым отпечатаны журналы, об объеме тиража, формате и составе редколлегии, переводами названий на русский язык. Приведено также содержание номеров. Например, 3-й номер «Революционного арата» (название приводим на русском языке) за 1937 г. состоит из 8 публикаций (переводы сделаны автором):

- Тока. Доклад о международном положении;
- Сталин. Доклад об упущениях в партийной работе, о ликвидации троцкистов и других неугодных, прочитанный 3 марта 1937 г. на Пленуме ЦК РКП (б);
- Ответ Сталина Пленуму ЦК РКП(б), озвученный 5 марта 1937 г.;
- Седип-оол. О 2-м съезде врачей республики;
- Приветствие Тока 2-му съезду врачей республики;
- Постановление по докладу врача Колесникова об обеспечении отдаленных сумонов (сел) медицинскими учреждениями;

- Тавариштай. Передовые методы о развитии земледелия
- Тавариштай. Задачи по развитию основного направления животноводства – земледелия.

Описание некоторых номеров снабжено аннотациями о целях и задачах журналов. Так, во 2-м номере журнала «Заря революции» за 1941 г. сказано, что его цель заключается в выявлении талантливых авторских сил и публикации их первых художественных сочинений, в популяризации достижений национальной культуры и искусства, произведений и биографии русских классиков. Материалы номера распределены по разделам: «Наши писатели», «Новые песни» и «Устное народное творчество». В них 20 публикаций, среди которых постановления ЦК ТНРП о проведении юбилейных мероприятий, посвященных 100-летию со дня гибели русского классика М. Ю. Лермонтова, Совета Министров ТНР об оплате гонорара авторам художественных произведений; о размере тарифов гонорара; работы Т. Сарыг-оола о необходимости совершенствования литературного кружка, И. Исполнева о популяризации художественной самодеятельности; рассказ С. Тока «Мое детство», биография украинского писателя Т. Г. Шевченко, его стихи «Завещание» и «Сон».

В 1-й номер журнала «Под знаменем Ленина-Сталина» за 1942 г., судя по содержанию, включены 10 работ. Из них можно назвать публикации партийного лидера ТНР С. Тока «Под руководством товарища Сталина на разгром врага»; приглашенных в ТНР советских специалистов Г. Петрова «К вопросу об изучении закономерностей экономики ТНР»; М. Суцевского «Колхозы ТНР в дни Отечественной войны»; В. Сотникова «Некоторые итоги работ сельскохозяйственной опытной станции»; А. Пальмбаха «XII лет тувинской письменности». Из местных авторов можно отметить статью начинающего в то время литератора Т. Пюрбю «Тувинская национальная литература к 21-й годовщине ТНР». В аннотации указана периодичность выхода – журнал ежемесячный; напечатан на русском языке.

В номерах военного времени, как видно из анализируемого ресурса, часто печатались приказы, речи, заявления Верховного Главнокомандующего товарища И. В. Сталина, итоги боев на советско-германских фронтах.

Кроме того, отражены сведения и о составе редколлегий журналов. Так, редактором «Революционного арата» был Ойдуп, техническим редактором – Базыр-Сат, членами – Кызыл-оол, Седип-оол, Тавариштай, Сарыг-оол, Тамдынчап, Лопсан и Лундуп. Это были в основном представители государственного аппарата, либо формирующейся тувинской научной интеллигенции.

В редколлегию журнала «Под знаменем Ленина-Сталина» входили, судя по дополнительным сведениям, советские специалисты В. Белов, М. Волков, А. Пальмбаха, Я. Калиничев, Г. Мирошниченко, М. Суцевский. Ответственным редактором был С. Тока, занимавший пост Генерального секретаря ЦК ТНРП, также С. Сонам, Х. Базыр-Сат, С. Баир и С. Лопсан.

В целом в рассмотренном ресурсе представлены 16 журнальных номеров, в которых опубликованы 204 работы. В настоящее время журналы ТНР имеют статус редких изданий. Выложенные на сайте НБ РТ 3 журнала хранятся в секторе книжных памятников библиотеки, о чем тоже указано в дополнительных сведениях.

Принцип расположения сведений в PDF-каталоге – хронологический, внутри – в порядке публикаций. Библиографические записи выполнены в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Описание журнальных номеров сделано на языке оригинала без изменения: на тувинском – на графике новотюркского латинизированного алфавита, выбранного за основу тувинской национальной письменности (1930–1944 гг.), и русского, на которого с 1941 г. стали переводить тувинскую письменность. Каталог снабжен указателями имен и фамилий, заглавий работ.

Рубрика «Открывая прошлое (периодика Тувы)», размещенная в разделе «Ресурсы» сайта Национальной библиотеки Тувы, создана, как отмечено, в 2019 г. при поддержке Фонда президентских грантов⁷. Здесь две подрубрики: «Журналы» и «Газеты». Это полнотекстовые ресурсы с библиографическим описанием. В подрубрику «Журналы» включены четыре издания. Помимо рассмотренных выше, включен журнал «Lenin-Stalinnin tugunun adaa-pile». Это тувиноязычный вариант журнала «Под знаменем Ленина-Сталина». Всего в подрубрике можно прочитать 20 журнальных номеров: «Revolustuq arat» (Революционный арат) – №№ 3, 4, 6 за 1937 г.; «Revolustun xereli» (Заря революции) – №№ 1, 2, 3-4; «Lenin-Stalinnin tugunun adaa-pile» (Под знаменем Ленина-Сталина) – № 3 за 1942 г.; № 4 за 1943 г. и «Под знаменем Ленина-Сталина» – №№ 1, 2, 3 за 1942 г.; №№ 1-2, 3, 4, 5, 6 за 1943 г.; №№ 1-2, 3 за 1944 г.

В заключение отметим, Национальной библиотекой Республики Тыва предпринимаются попытки осуществить библиографическое раскрытие местной периодики, в том числе журнальной, в электронном пространстве. В планах намечено сотрудничество с другими учреждениями республики, где хранятся более полные комплекты 15 журналов, издававшихся в ТНР с 1925 г. Таким образом, в недалекой перспективе библиотека может обеспечить доступ пользователей к этим журналам в виде баз данных или коллекций с более продуманным программным инструментарием. Это позволит ознакомиться заинтересованным исследователям и другим категориям читателей с событиями и явлениями, происходившими в народной республике, также сохранить документальное наследие ТНР.

Примечания

¹ Танова Е. Т. История возникновения периодической печати Тувы. Кызыл, Тув. кн. изд-во, 2006. 96 с.

² Кан В. С. Становление и развитие периодической печати Тувы (1921–1991 гг.): монография. Абакан, ООО «Журналист». 2021. 272 с.

³ Маадыр М. С. Журналы Тувы // Журналы Сибири и Дальнего Востока. Из истории социального бытования. Новосибирск, 2007. С. 56–73; Маадыр М. С. Журналы Тувинской Народной Республики в современных архивохранилищах // Роль и значение архивов и архивных документов в сохранении исторической памяти народа. Кызыл, 2018. С. 43–47.

⁴ Журналы Тувинской Народной Республики (1926–1944 гг.). Указ. публикаций / сост. Б. Барсайхан, З. М. Монгуш, С. В. Ондар и др. Кызыл, 2011. 172 с.

⁵ Книги периода Тувинской Народной Республики (1930–1944 гг.) / сост. З. М. Монгуш. Тув. респ. б-ка им. А. С. Пушкина. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1989. 64 с.

⁶ Издания периода Тувинской Народной Республики (из фонда Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина Республики Тыва): каталог / ГБУ «Нац. б-ка им. А. С. Пушкина Респ. Тыва», сектор кн. памятников; сост.: А. К. Аракчаа, С. Н. Доржу. Кызыл, 2015. 55 с. URL: <https://tuva-library.ru/uploads/documents/izdania/izdaniya-periodaniya-TNR.pdf> (дата обращения: 16.02.2026).

⁷ Журналы. URL: <https://tuva-library.ru/contents/1349-jurnalyi.html> (дата обращения: 16.02.2026).

В. Э. Кулев, А. В. Русаков

Обеспечение сохранности и доступности фондов. Проблемы перевода фонда в электронный формат

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются библиотеки при переводе традиционных фондов в цифровой вид. Также рассмотрены возможные способы их решения. Представлены выводы о преодолении проблем цифровизации при достижении целей повышения сохранности и доступности фондов, путем решения технических, технологических и правовых вопросов, как приоритетной задачи для достижения цифровой безопасности и цифровой независимости страны.

Ключевые слова: сохранность и доступность фондов, цифровая трансформация, цифровизация, библиотеки

Vladimir E. Kulev, Alexey V. Rusakov

Ensuring the preservation and accessibility of collections. Challenges of converting collections to electronic format

The article examines the challenges libraries face when converting traditional collections to digital format. Possible solutions are also discussed. Conclusions are presented on how to overcome digitalization challenges while achieving the goals of improving collection preservation and accessibility by addressing technical, technological, and legal issues as a priority for achieving digital security and the country's digital independence.

Keywords: collection preservation and accessibility, digital transformation, digitalization, libraries

В условиях быстрого развития информационных технологий и растущих требований пользователей к доступности информации непосредственно с «рабочего места» вопросы сохранности и доступности фондов научных и технических библиотек становятся особенно актуальными. Цифровая трансформация культурного и научного наследия – один из ключевых способов обеспечить пользователям удобный и эффективный доступ к важной научной информации. При этом процесс цифровизации фондов является сложным и многогранным, требующим всестороннего подхода и учета множества факторов – от технического обеспечения до правовых аспектов.

В Библиотеке по естественным наукам Российской академии наук (БЕН РАН) проводится анализ вышеназванных проблем и поиск способов их решения. Проводимая работа основана на теоретических и эмпирических методах, а именно методах системного и сравнительного анализа, экспертных оценках и т. д.

Результаты проведенной работы могут быть использованы для повышения эффективности процессов цифровизации в библиотеках различного уровня, также для разработки новых методических рекомендаций и формирования эффективной методологии создания, хранения и развития цифровых коллекций.

Основной фонд большинства библиотек по-прежнему содержится на традиционных (бумажных) носителях и состоит из книг, журналов и газет, которые, несмотря на удобство для чтения, требуют особых условий хранения и подвержены физическому износу, пожарам и воздействию влаги¹. Помимо этого, такие носители имеют ограниченную доступность и сложности при поиске информации в них, что создает дополнительные трудности при их использовании. Циф-

ровизация фондов является наиболее эффективным способом решения подобных проблем. На сегодня цифровые коллекции насчитывают многомиллионную аудиторию пользователей и играют ключевую роль в развитии науки, культуры и образования. Цифровизация фондов сокращает время на поиск информации, упрощает доступ к редким источникам, предоставляет возможность удаленной работы с документами и удобная навигация по фондам.

Одним из ключевых направлений при цифровой трансформации фондов является разработка критериев отбора источников для последующей оцифровки с учетом их типа – книги, периодические издания, авторефераты и диссертации, тезисы конференций и научных симпозиумов, методические материалы и другие. В качестве основных критериев могут выступать параметры целостности материала, наличия подтверждающих данных, возможности повторного использования и доступности для обмена, востребованности и статистики использования, а также исторической, культурной и научной ценности². При этом независимо от типа источника базовым набором критериев остается информативность, которая оценивается по релевантности, научной значимости, актуальности и полноте содержания.

При оценке информативности научных материалов учитывается анализ количественных показателей – цитирования в профильных изданиях, импакт-факторы журналов, контент-анализ и др., и качественных – отзывы и рекомендации признанных экспертов, мнения ученых и прочее. Часть этих показателей носит неоднозначный характер и требует экспертной оценки, которая является субъективным фактором, влияющим на процесс оценки. Поэтому одной из важнейших задач при отборе источников для цифровизации становится формализация критериев, определение их иерархии и регулярная проверка (верификация) выбранных материалов.

В практическом применении на примере БЕН РАН процесс цифровизации начинается с отбора документов «комиссией по координации оцифровки фондов», оценки актуальности и анализа ценности информации на основе разработанных критериев³. При положительном результате документ фонда включаются в электронную библиотеку, что является одним из способов обеспечения сохранности фондов и повышения доступности информации для пользователей, а также улучшает качество обслуживания и расширяет список доступных ресурсов.

В БЕН РАН перед цифровизацией фондов проводится предварительный комплексный анализ материалов, включающий их типологическую характеристику, хронологические данные, наличие библиографического описания в АБИС ТОПАЗ, количественные и качественные характеристики (объем и количество изданий, физическое состояние источника, типы переплетов, возможности их расброшюровки или резки) и т. п. На основе этих данных устанавливается порядок оцифровки, при котором первоочередное внимание уделяется наиболее востребованным материалам.

В процессе оцифровки исторических изданий, характеризующихся не только информационной, но и предметной ценностью, могут возникать проблемы, связанные с технологическими, эксплуатационными, репродукционными особенностями и с сохранности материалов вследствие естественной деградации бумаги⁴.

Технологические аспекты цифровизации библиотечных фондов характеризуются определением технических требований к конечному результату, оценкой состояния оригиналов, утверждением параметров разрешения и цветопередачи. Для дальнейшей работы в рамках оцифровки используются различные типы сканирования в зависимости от типа исходного материала:

- бесконтактный метод реализуется с применением планетарных (книжных) сканеров – применяется для книг, брошюр и сшитых изданий, не подлежащих расшивке, используется комплекс планетарных сканеров различных форматов;
- поточный метод осуществляется на промышленных сканерах – предназначается для оцифровки периодических изданий, авторефератов и других материалов, допускающих расшивку или резку;
- специализированное сканирование, включающее оцифровку микрофильмов и микрофильмов с использованием специального оборудования;
- сканирование с использованием обычных планшетных сканеров для частичной оцифровки и вспомогательных работ.

Для повышения качества результата сканирования и достижения его приемлемого уровня могут применяться дополнительные операции: обрезка полей; расширение зоны сканирования; очистка от шумов; разбишка на статьи и выпуски; сжатие файлов. При обработке цифровых изображений форматы выбираются с учетом типа создаваемой цифровой копии, метода сканирования, пользовательских запросов, удобства работы с материалом. Наиболее распространенные форматы: TIFF и PDF – для распознавания текста, JPEG – для изображений, HTML и XML – для электронных книг и онлайн-чтения. Стандарты качества в БЕН РАН соответствуют требованиям Национальной электронной библиотеки⁵, а для книжных памятников действуют повышенные нормативы⁶. Результатом является создание оптимизированных PDF/A-1b файлов с параметрами: сжатие 80% и разрешение 300 DPI.

Для добавления отсканированных файлов в Электронную библиотеку необходимо решить проблему детального структурирования информации, которая решается с помощью приведения источников к единому формату; формирования метаданных; создания структуры для многоаспектного поиска.

Еще одной значимой проблемой, с которой сталкиваются как отечественные, так и зарубежные библиотеки⁷, является обеспечение сохранности и доступности оцифрованных фондов. Современные методы хранения цифровых коллекций требуют дальнейшего развития и совершенствования с учетом необходимости выбора технологий долговременного хранения, обеспечения аутентичности документов, создания условий для поддержания интерпретируемости форматов, а также проведения оценки надежности и безопасности систем хранения.

Для решения задач обеспечения хранения и доступности фондов в БЕН РАН действует модель, предложенная В. А. Цветковой и О. О. Махно. Данная модель представляет собой систему, состоящую из трех блоков – методологического, технологического и лингвистического – которые обеспечивают управление всеми процессами: комплектованием информационных фондов; обработкой входящих информационных ресурсов и собственных генерируемых данных; хране-

нием традиционных, и электронных ресурсов, предназначенных для хранения и использования в информационном обслуживании; а также поддержкой пользователей⁸.

Несмотря на все преимущества оцифровки библиотечных фондов, ключевая проблема в РФ – вопросы авторского права. Согласно четвертой части ГК РФ (ст. 1274, 1275), для цифровизации изданий требуется идентификация правообладателя и заключение лицензионного соглашения, что делает оцифровку всего фонда (в том числе по запросам пользователей и НИИ) нецелесообразной из-за временных затрат и экономической составляющей. Мы считаем такое состояние дел пробелом в законодательстве, ограничивающим информационную поддержку исследователей и обучающихся. Подобного мнения придерживается, как мы понимаем, и профессиональное библиотечное сообщество, в частности Российская библиотечная ассоциация, на протяжении многих лет предлагающее следующие правовые послабления: предоставление бесплатного доступа к произведениям в пределах библиотеки; право библиотек на создание резервных копий с возможностью платного доступа при согласии правообладателя. Причем данная позиция была сформирована еще в начале 2010-х гг., но так и не получила развития в законодательстве РФ⁹. Но, если посмотреть на зарубежный опыт, то можно заметить успешную реализацию аналогичных решений в ряде стран¹⁰. Например, в Канаде с 2012 г. библиотеки могут свободно оцифровывать и публиковать материалы, в Швейцарии в 2011 г. правительство заявило о законности бесплатного копирования авторской продукции в Интернете. Также в ЕС действует директива, согласно которой библиотеки, архивы и музеи имеют право создавать цифровые копии любых произведений и иных охраняемых объектов, постоянно находящихся в их фондах для целей образования, научных исследований и сохранения культурного наследия.

В БЕН РАН оцифровка проводится после заключения договоров с авторами, а доступ к материалам регулируется внутренними документами и договорами с пользователями, при этом копирование и скачивание произведений с сайта библиотеки запрещено.

В процессе цифровизации фондов выполнение операций по приведению источников к единому формату, формированию метаданных и созданию структуры для расширенного поиска открывает возможность использования современных систем машинного обучения (МО) и искусственного интеллекта (ИИ) для дальнейшего анализа и обработки информационных массивов с целью эффективного удовлетворения запросов пользователей.

Учитывая темпы развития алгоритмов ИИ и МО¹¹, а также популярность таких методов в научно-технической среде, может оказаться, что неоцифрованные источники выпадут из видимости современных поисковых систем, либо их вес при формировании результатов анализа будет относительно низким. Исходя из этого критерии отбора источников для оцифровки (такие, как полнота, достоверность, информативность, актуальность и т. д.) имеют большое значение.

Преодоление проблем цифровизации, а также повышение доступности и сохранности при переводе традиционных фондов в цифровой формат, включающее решение технических, технологических и правовых вопросов, является

одной из приоритетных задач обеспечения цифровой безопасности и цифровой независимости страны.

Примечания

¹ Кулев В. Э., Махно О. О., Митрошин И. А. Сохранность и доступность фонда научной библиотеки: современность и перспективы // Вестник РГГУ. Серия: Информатика. Информационная безопасность. Математика. 2025. № 1. С. 20–37; Цветкова В. А., Кулев В. Э. Обеспечение сохранности и доступности электронных фондов библиотеки // Информационные ресурсы России. 2024. № 2 (197). С. 38–53.

² Бескаравайная Е. В. Анализ критериев отбора данных, предназначенных для длительного хранения в научной библиотеке // Научные и технические библиотеки. 2025. № 7. С. 102–121.

³ Махно О. О., Кулев В. Э., Митрошин И. А. О цифровой трансформации фондов Библиотеки по естественным наукам РАН // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2025. № 7. С. 26–33.

⁴ Кулев В. Э., Махно О. О., Митрошин И. А. Сохранность и доступность фонда научной библиотеки: современность и перспективы. С. 20–37.

⁵ Приказ Минкультуры России от 09.03.2017 № 268 «Об утверждении Единых требований к форматам объектов Национальной электронной библиотеки». URL: <https://base.garant.ru/71645782/> (дата обращения: 10.10.2025).

⁶ Приказ Минкультуры России (Министерство культуры РФ) от 30 декабря 2020 г. № 1780 «Об утверждении Положения о реестре книжных памятников». URL: <https://docs.cntd.ru/document/573421586> (дата обращения: 16.02. 2026).

⁷ Махно О. О., Кулев В. Э., Митрошин И. А. О цифровой трансформации фондов Библиотеки по естественным наукам РАН. С. 26–33; Бескаравайная Е. В., Митрошин И. А. Современные методы хранения данных в библиотеках: ключевые аспекты и решения // Научные и технические библиотеки. 2024. № 8. С. 78–97.

⁸ Tsvetkova V. A., Makhno O. O. The Model and Principles of Building an Automated Library and Information System // Automatic Documentation and Mathematical Linguistics. 2024. Vol. 58, № 2. P. 141–148.

⁹ Вислый А. И. Проблемы и перспективы работы российских библиотек в условиях соблюдения законодательства об авторском праве [Интервью] // Гарант.Ру: официальный сайт. 2011. URL: <https://www.garant.ru/interview/344576/> (дата обращения: 10.10.2025).

¹⁰ Кареева О. Границы законного // Национальная библиотека Беларуси. 2018. URL: <https://nlb.by/content/news/library-news/granitsy-zakonnogo/>

¹¹ Рынок искусственного интеллекта в России: применение в различных отраслях и перспективы развития // Деловой профиль. 2025. 16 сентября. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii/> (дата обращения: 10.10.2025).

Т. Д. Байтураев

Библиография издания о походе Александра Македонского в Бактрию и Согдиану

В статье анализируются ключевые аспекты монографии академика Э. В. Ртвеладзе «Александр Македонский в Бактрии и Согдиане», посвященной исследованию военно-политических и географических нюансов похода великого полководца в Центрально-азиатское Междуречье. Особое внимание уделяется источниковедческому потенциалу и значению библиографической информации, представленной в научной работе, для комплексной реконструкции маршрутов похода, а также изучения материальной и духовной культуры Бактрии и Согдианы античного периода. Автор статьи подчеркивает важность локализации древних топонимов, упомянутых в монографии, которые служат ценным ориентиром для дальнейших междисциплинарных исследований истории и археологии региона.

Ключевые слова: Э. В. Ртвеладзе, Александр Македонский, Бактрия, Согдиана, библиография, историческая география, античная культура, топонимика

Toychibay D. Baituraev

Bibliography on the campaign of Alexander the Great in Bactria and Sogdiana

The article analyzes key aspects of Academician E. V. Rtveladze's monograph "Alexander the Great in Bactria and Sogdiana" which investigates the military, political, and geographical nuances of the Great Commander's campaign in the Central Asian Interfluvium. Particular emphasis is placed on the source-study potential and the significance of the bibliographic information presented in this scholarly work for a comprehensive reconstruction of the campaign routes and the study of the material and spiritual culture of ancient Bactria and Sogdiana. The author highlights the importance of localizing ancient toponyms mentioned in the monograph, which serve as a valuable framework for further interdisciplinary research into the history and archaeology of the region.

Keywords: E. V. Rtveladze, Alexander the Great, Bactria, Sogdiana, bibliography, historical geography, ancient culture, toponymy

В монографии академика Э. В. Ртвеладзе «Александр Македонский в Бактрии и Согдиане» проанализирован ряд вопросов, связанных с походами Александра Македонского на территории Бактрии и Согдианы¹. На основе сопоставления сведений письменных источников с материалами, полученными в результате изучения археологических памятников, автором проведен научный анализ локализации маршрутов передвижения Греко-Македонской армии в ходе военных кампаний. Особое внимание уделено исследованию древних переправ вдоль реки Оксус (Амударьи), которые были использованы при завоевании отдельных регионов Центральной Азии, предпринята попытка их научной идентификации и обоснования на основе археологических находок и письменных свидетельств.

В книге подробно рассматриваются походы Александра Македонского в Бактрию и Согдиану в 329–327 гг. до н. э., в том числе маршруты, проходившие через горные районы современных Сурхандарьинской, Кашкадарьинской и Самаркандской областей. Анализ переходов через реки и ирригационные каналы, а также изучение связанных с ними топонимов позволили выявить

особенности материальной и духовной культуры местного населения. Существенное значение при этом имеет датировка археологических находок, обнаруженных на соответствующих памятниках, что способствует более точной реконструкции культурно-исторических процессов региона.

Важной особенностью издания является наличие в каждом разделе развернутого библиографического аппарата по соответствующей тематике, что существенно повышает его научную ценность.

Издание открывается разделом «От редактора», подготовленным академиком А. Сагдуллаевым. В нем рассматриваются вопросы локализации древних населенных пунктов на основе сопоставления сведений античных авторов, сопровождавших Александра Македонского, с результатами местных археологических исследований. Путем сравнительного анализа определяется характер выявленных поселений (городские центры или сельские населенные пункты), после чего дается их интерпретация в контексте данных, представленных в книге.

В завершение редакторского предисловия приводится библиография использованных источников, посвященная истории поселений народов Центральной Азии конца эпохи бронзы и раннего железного века. Данный библиографический корпус служит источниковедческой основой для оценки степени достоверности и научной обоснованности выводов, сформулированных автором.

Во введении автора, включенном в следующий раздел издания, показано, что существование различных интерпретаций принципов реконструкции путей продвижения армии Александра Македонского во внутренние районы междуречья, проходивших через горные массивы, предгорья и речные долины, обусловило обращение Э. В. Ртвеладзе к данной проблематике.

В разделе «От редактора» представлен библиографический список из 10 источников, на которые опирается редактор в ходе анализа. Расположение литературы определяется последовательностью цитирования в тексте. В библиографию включены публикации, непосредственно связанные с рассматриваемой проблемой, в том числе зарубежные издания. Из общего числа источников два представлены в форме монографий, остальные – в виде научных статей. При этом одна монография опубликована на французском языке, одна статья – на узбекском языке, остальные публикации представлены на русском языке. Э. В. Ртвеладзе применяет комплексный метод исследования. Библиографический список ориентирован на использование научными сотрудниками, исследователями, докторантами, магистрантами и студентами, специализирующимися в области истории Центральной Азии. В то же время он может быть использован в качестве справочного материала обучающимися профильных школ, лицеев и педагогами различных образовательных направлений. В целом представленный библиографический корпус следует рассматривать как систематизированный и репрезентативный перечень научной литературы по изучаемой проблеме.

А. Сагдуллаев в процессе подготовки книги к изданию уделяет особое внимание тщательному изучению письменных источников, всестороннему отбору фактического материала, а также выявлению деталей, имеющих принципи-

альное значение для решения конкретных научных задач. Отмечается целенаправленная работа по сопоставлению русскоязычных переводов источников с их оригиналами, прежде всего в терминологическом аспекте.

Кроме того, подчеркивается необходимость глубокого анализа истории постановки исследуемых вопросов и проблем, критического осмысления выводов и наблюдений предшествующих исследователей с целью извлечения релевантной научной информации, а также комплексного изучения археологических материалов и вещественных находок, используемых в качестве аргументационной базы исследования.

Автором также привлечены опубликованные в конце XIX – начале XX вв. труды, архивные документы и отчеты путешественников и исследователей, содержащие важные сведения о системе путей сообщения Центральной Азии и Узбекистана, в том числе о караванных маршрутах Восточной Бухары и ныне утраченных переправах через Амударью. Целью анализа является обоснование положения о том, что данные пути сообщения функционировали уже в древности и средневековье и не являлись результатом инфраструктурных преобразований XX в.

Реконструкция древних маршрутов осуществлялась на основе комплексного подхода с привлечением данных топонимики, этнонимики и гидронимики, картографических материалов, опубликованных источников, а также устных свидетельств местного населения, сопоставленных с результатами географических, ботанических и геологических исследований. Для повышения достоверности реконструкций материалы публикаций были соотнесены с современными научными данными и реальными природно-географическими условиями соответствующих территорий.

Использование материалов археологических раскопок позволило определить хронологические рамки существования отдельных населенных пунктов, а также периоды функционирования древних путей сообщения. Введение в научный оборот данных широкомасштабных археологических обследований региона обеспечило возможность формирования целостного представления о плотности и характере расселения населения в различные хронологические периоды, что особо подчеркивается автором во введении к изданию.

В библиографический список, составленный к введению книги, автор издания Э. В. Ртвеладзе включил публикации, на которые он опирался при написании вводного раздела. По первому цитированию, посвященному походам Александра Македонского в Бактрию и Согдиану, приведена библиография из семи источников, из которых шесть представлены монографиями на русском языке и один – монографией на английском языке.

Ко второму цитированию отнесены одна зарубежная публикация, а также работы краеведа Н. М. Маева, включая статью, опубликованную на русском языке в конце XIX в., и книгу, изданную на немецком языке в 1906 г. В библиографический список по третьему цитированию включены иностранные монографии и статьи. Для четвертого, пятого и шестого цитирований представлены библиографические данные более чем пяти научных публикаций на различных языках. По седьмому, восьмому и девятому цитированиям приведено

по одному изданию, тогда как по десятому цитированию включены три журнальные статьи и одна статья из научного сборника. Все публикации, вошедшие в библиографический аппарат введения, относятся к категории научных изданий и ориентированы на специалистов, исследователей и научных работников, изучающих данную проблематику.

Первая глава книги Э. В. Ртвеладзе озаглавлена «Вторжение Александра Македонского на правобережье Амударьи» и посвящена анализу событий военной кампании 329 г. до н. э. На основе сведений греко-македонских авторов, сопровождавших Александра Македонского, автором рассматриваются названия городов и крепостей региона. Их сопоставление с сообщениями Арриана об Аорне позволяет выдвинуть альтернативную гипотезу локализации данного города.

Материалы маршрутных исследований советско-афганских археологических экспедиций в Южной Бактрии, выявивших десятки населенных пунктов и археологических объектов VI–IV вв. до н. э., используются в качестве археологической базы исследования. Особое внимание уделено памятнику Алтын-Дилертепа, открытому и изученному З. А. Хакимовым². Памятник расположен к северу от Балха, на древнем караванном пути, ведущем к переправам через Оксус, откуда осуществлялось сообщение с Северной Бактрией и Согдом.

Алтын-Дилертепа представляет собой крупный населенный пункт округлой планировки диаметром около 800 м, окруженный мощной оборонительной стеной с башнями. В центральной части выявлены три прямоугольные крепости общей площадью около 3 га, обладавшие сложной системой фортификаций, включая двухрядные башенные стены. Значительные размеры поселения, наличие развитого оборонительного комплекса и обширных пригородных зон позволяют рассматривать Алтын-Дилертепа как крупный городской центр Бактрии рассматриваемого периода.

Включение Алтын-Дилертепа в состав государства Ахеменидов свидетельствует о том, что данный населенный пункт не являлся обычной деревней, а функционировал как крупный городской центр Бактрии. Согласно сведениям Арриана, «Аорн и Баистра – крупнейшие города в пределах Бактрии». Отсутствие иных населенных пунктов сопоставимого уровня в регионе позволяет идентифицировать Алтын-Дилертепа с городом Аорн. Дополнительным аргументом в пользу такой идентификации является его расположение на маршруте через Оксус, соединяющем Бактрию с северными территориями. Несмотря на существующие различия в источниках относительно местоположений переправ через Оксус, собранные данные позволяют реконструировать маршруты армий того времени с высокой степенью достоверности.

В первой главе книги приведено 91 цитирование с библиографическими ссылками на книги и статьи, опубликованные в различных странах, причем отдельные публикации, относящиеся к одному источнику, объединены под основным номером. Данный библиографический аппарат обеспечивает системное соотнесение анализа исторических событий с существующими публикациями.

Во второй главе исследуются маршруты продвижения войск, расположение переправ и потенциальные препятствия на пути через горные районы,

реки и каналы, на основании данных местных и греческих источников. Для цитирований второго раздела приведена отдельная библиография из 125 публикаций, относящихся к рассматриваемым темам.

Заключительный раздел содержит библиографию из 7 источников, дополнительно включены материалы по различным аспектам эпохи. Также в книгу включены публикации М. Е. Массон о восприятии Александра Македонского местными народами Средней Азии, что расширяет интерпретацию историко-культурного контекста исследуемой проблемы³.

Рассмотрены следующие аспекты: Сравнительный анализ древнегреческих источников (Арриана, Курций Руфа, других авторов) и локальных материалов. Археологическая типология и датирование находок (керамика, монеты, строительные остатки). Географический и топонимический анализ для восстановления маршрутов и древних путей. Использование библиографического аппарата для сопоставления данных отечественных и зарубежных публикаций.

В монографию включена развернутая библиография, включающая источники на русском, французском, английском и узбекском языках. В частности, для введения использованы семь источников на русском и один на английском языке для анализа первого цитируемого эпизода, также в публикации Н. М. Маева (рус. и нем. издания конца XIX – начала XX вв.), более 125 источников и статей для анализа маршрутов и археологических данных.

Монография Э. В. Ртвеладзе «Александр Македонский в Бактрии и Согдиане» представляет собой комплексное, методически выверенное исследование, которое сочетает исторические источники, археологические данные и библиографический анализ. Работа имеет фундаментальное значение для изучения истории Центральной Азии, материальной и духовной культуры древнего населения региона, а также историко-географического анализа маршрутов Александра Македонского.

Данная исследование Э. В. Ртвеладзе превращает легендарный поход Александра Македонского из «мифологизированного эпоса» в доказуемую историческую реальность. Для современных исследователей эта книга может являться обязательным справочником в изучении топонимики и археологии античного периода Средней Азии.

Данная книга академика Э. В. Ртвеладзе ценна своим библиографическим аппаратом, о котором можно сделать заключение, что он может служить читателям всех возрастов, долгое время и можно сказать вечно. В этом издании собраны ссылки на редкие работы исследователей XIX – начала XX вв. (Н. Маев, В. Крестовский). Очень интересно приводятся данные нумизматики (монеты с изображением Александра и местных правителей), что позволяет уточнить хронологию событий. Данное издание может служить связующим звеном между европейской классической наукой и региональными исследованиями Центральной Азии, а также значительно пополняет круг публикаций, посвященных библиографическим трудам⁴.

Примечания

¹ Ртвеладзе Э. В. Александр Македонский в Бактрии и Согдиане: историко-географический очерк. Ташкент: Media Land, 2002. 184 с.

² Хакимов З. А. Раскопки Олтин-Дилертепа. Ташкент: Фан, 1985. 112 с.

³ Массон М. Е. Отношение местного населения Средней Азии к Александру Македонскому. Ташкент: ТашГУ, 1971. 24 с.

⁴ Байтураев Т. Д. Библиография Бабура и Бабуридов // Вестник СПбГИК. 2021. № 3. С. 172–176; Байтураев Т. Д. Библиография изданий Г. А. Пугаченковой как источник краеведческой библиографии // Вестник СПбГИК. 2021. № 2. С. 170–173; Байтураев Т. Д. Региональные, страноведческие и краеведческие издания академика Э. В. Ртвеладзе и библиографирование этих изданий // Библиография и книговедение. 2022. № 5-6. С. 206–213.

Н. М. Мустафаева

Оценка качества электронных ресурсов Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки средствами вебометрии

С помощью инструментов веб-аналитики по основным вебометрическим показателям проанализированы электронные ресурсы Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки: официальный сайт, «Электронная библиотека», «Театральный календарь» и проект «Наш Островский». Выявлены сильные и слабые стороны ресурсов, предложены рекомендации по оптимизации их работы и дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: вебометрия, электронные ресурсы, электронная библиотека, качество, Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека

Natalya M. Mustafaeva

Quality assessment of electronic resources of the St. Petersburg state theatrical library by webometrics

Using web analytics tools, the key webometric indicators of digital resources of the St. Petersburg State Theatre Library were analyzed: the official website, the "Electronic Library", the "Theatrical Calendar", and the "Our Ostrovsky" project. The study identified the strengths and weaknesses of each resource, proposed recommendations for optimizing its performance, and outlined further research perspectives.

Keywords: webometrics, electronic resources, electronic library, quality, Saint Petersburg State Theatrical Library

Управление информационными ресурсами является неотъемлемой частью работы аналитических подразделений библиотек. На данный момент происходит усиление значимости ресурсов, создаваемых специалистами в цифровой среде, особенно актуален этот вопрос на фоне активного развития искусственного интеллекта и заполнения интернет-пространства сгенерированным контентом.

С развитием электронных ресурсов стал расширяться инструментарий для оценивания качества генерируемого информационного контента.

Вебометрия первоначально рассматривалась преимущественно как «средство определения количественных характеристик создаваемых и функционирующих интернет-ресурсов»¹. Это раздел информатики, в рамках которого исследуются количественные аспекты конструирования и использования информационных ресурсов, структур и технологий применительно к Всемирной паутине. Термин введен Томасом Алминдом и Петером Ингверсеном в 1997 г.

Задачами вебометрических исследований являются измерение веб-активности, оценка видимости и доступности ресурсов. Согласно разработанной методологии, к основным вебометрическим показателям относят: «количество посещений сайта; количество просмотров страниц, которые сделали посетители за все посещения сайта; показатель отказов, анализ гиперссылок и т. д.»². Наравне со стандартными характеристиками в анализ встраиваются технологии, более привычные для бизнеса: анализ семантического ядра сайта для улучшения показателей его поисковой выдачи и конкурентный анализ.

Регулярный мониторинг основных показателей позволяет производить оценку качества ресурсов для оптимизации затрат на их создание и обновление.

Целью предпринятого исследования является оценка качества электронных ресурсов Театральной библиотеки при помощи доступных вебометрических метрик.

Специалисты Санкт-Петербургской государственной театральной библиотеки создают как привычные (сайт, информационная система «Электронная библиотека»), так и уникальные (фактографическая база данных «Театральный календарь», иллюстрированная полнотекстовая электронная коллекция драматических произведений А. Н. Островского «Наш Островский») ресурсы. К подлежащим анализу относятся:

- сайт библиотеки (<https://sptl.spb.ru/>);
- «Электронная библиотека» (<http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/1-razdely>);
- «Театральный календарь» (<https://cal.sptl.spb.ru/>);
- «Наш Островский» (<https://nashostrovskiy.ru/>).

Сайт библиотеки в его современном варианте существует с 2023 г. Содержательно он наполнен информацией о деятельности библиотеки, ежедневно обновляется.

«Электронная библиотека» создается с декабря 2019 г., стала доступна для пользователей в Международный день театра, 27 марта 2020 г. Размещена и работает на платформе ИнфоРост. Содержательно наполнена специализированными (театральными) периодическими изданиями, монографиями, методическими материалами, драматургическими произведениями, архивными материалами и эскизами, хранящимися в библиотеке. Продолжается оцифровка и размещение документов из коллекции «Книжные памятники», в четвертом квартале 2025 г. в разработку был запущен раздел «Авторские картотеки». Особенностью ресурса является роспись содержания каждого номера периодических изданий, также предоставляется поиск по полным текстам.

Ресурс «Театральный календарь» в современном виде существует с весны 2020 г. На сайте публикуются статьи, рассказывающие о знаменательных датах из истории петербургского драматического, балетного и музыкального театра от его основания до середины XX в. Целью проекта является на сохранение, систематизация и популяризация национального наследия в сфере театрального искусства. Он носит просветительско-образовательный и информационный характер и призван привлечь внимание широкой аудитории к истории театра.

«Наш Островский» был подготовлен к весне 2023 г., к 200-летию юбилею А. Н. Островского. Это электронное собрание драматических произведений А. Н. Островского. Ресурс содержит полные тексты пьес с комментариями и иллюстрациями к ним, а также информацию о первых публикациях произведений, их цензурной и сценической истории.

Чтобы оценить качество представленных выше ресурсов, был проведен вебометрический анализ по основным показателям. В ходе работы были использованы данные, полученные при помощи следующих инструментов:

- Яндекс.Метрика – изучение трафика и поведения пользователей;
- PR-CY – анализ ссылочного профиля, оценка скорости и юзабилити;
- SimilarWeb – измерение трафика и оценка семантики;

- Wayback Machine – интернет-архив, используется для отслеживания истории изменений ресурса.

Данные инструменты были выбраны по следующим критериям: доступность (финансовая и географическая), сочетание всех необходимых аспектов анализа, надежность, подтвержденная их использованием в авторитетных исследованиях³. Дополнительно был проведен анализ статистики посещений «Электронной библиотеки», собираемой на платформе инструментами ИнфоРоста.

Таблица 1. Ключевые вебометрические показатели для каждого ресурса

Название ресурса	Видимость в поисковых системах: количество индексируемых страниц	Ссылочная масса: число внешних ссылок	Юзабилити: скорость загрузки, адаптивность под мобильные устройства, структура навигации, наличие версии для слабовидящих	Контентная насыщенность: глубина сайта, частота обновлений	Техническая доступность: инструмент сбора статистики, безопасность соединения
Сайт библиотеки	39 000 (Яндекс) 34 900 (Google)	28,6 К внешних ссылок	Скорость загрузки: 7,8 сек. (ПК) 19,9 сек. (мобильное устройство) сайт правильно отображается на всех устройствах размещена карта сайта есть версия для слабовидящих	66 стр. ежедневно обновляется	Яндекс. Метрика сайт безопасен
«Электронная библиотека»	39 000 (Яндекс) 17 700 (Google)	—	Скорость загрузки: 1,8 сек. (ПК) 5,6 сек. (мобильное устройство) нет адаптации для мобильного устройства отсутствует карта сайта есть версия для слабовидящих	23 743 узлов ежемесячно обновляется	ИнфоРост сайт безопасен

Театральный календарь	406 (Яндекс) 508 (Google)	—	Скорость загрузки: 1,4 сек. (ПК) 3,4 сек. (мобильное устройство) сайт правильно отображается на всех устройствах размещена карта сайта есть версия для слабовидящих	15 стр. ежедневно обновляется	Яндекс. Метрика сайт безопасен
Наш Островский	25 (Яндекс) 25 (Google)	157 внешних ссылок	Скорость загрузки: 1,8 сек. (ПК) 9,9 сек. (мобильное устройство) сайт правильно отображается на всех устройствах размещена карта сайта есть версия для слабовидящих	9 стр. обновляется раз в квартал	Яндекс. Метрика сайт безопасен

На основании таблицы 1 с ключевыми вебометрическими показателями можно сделать следующие выводы:

- Сайт библиотеки лидирует по видимости: 39 000 индексированных страниц в Яндексе и 34 900 – в Google, с 387 запросами по ключевым фразам. Это самый высокий показатель среди проанализированных ресурсов. «Электронная библиотека» также демонстрирует хорошую видимость, но немного уступает сайту.

- «Театральный календарь» и «Наш Островский» имеют значительно меньшую видимость: индексируются минимально, что связано с малым объемом контента и небольшим количеством внешних ссылок.

- Сайт библиотеки и «Наш Островский» правильно отображаются на всех устройствах, имеют карту сайта и версию для слабовидящих – это показатель высокого уровня юзабилити. «Электронная библиотека» имеет недостатки: отсутствует адаптация под мобильные устройства и карта сайта.

- Все ресурсы используют инструменты для сбора статистики (Яндекс.Метрика, ИнфоРост) и безопасны с точки зрения пользователей.

• Узкоспециализированные ресурсы («Театральный календарь», «Наш Островский») менее заметны в поисковых системах, но могут быть эффективны в своей нише при условии качественного юзабилити и безопасности.

Таблица 2. Показатели ресурсов в Яндекс.Метрике за 2025 г.

Название ресурса	Количество сессий	Тип устройства	Источники переходов, поисковые системы	География пользователей (страны/города)	Наиболее популярная страница
Сайт библиотеки	42 605	Десктоп: 64% Мобильное устройство: 36 %	Поисковые системы: 41% Прямые заходы: 30% Сторонние сайты (каталог, «Электронная библиотека»): 2% Социальные сети (Вконтакте): 1% Яндекс: 56% Google: 44%	Россия (91%) Санкт-Петербург (61%) Москва (14%)	Афиша мероприятий (https://sptl.spb.ru/afisha)
Театральный календарь	26 684	Десктоп: 69% Мобильное устройство: 31%	Поисковые системы: 37% Прямые заходы: 33% Сторонние сайты (сайт библиотеки): 11% Социальные сети (Вконтакте): 9% Яндекс: 70% Google: 22% Рамблер: 8%	Россия (96%) Санкт-Петербург (24%) Москва (23%)	29 января (статья о персоналии: Антон Павлович Чехов) (https://cal.sptl.spb.ru/yan29)
Наш Островский	9181	Десктоп: 62% Мобильное устройство: 38%	Поисковые системы: 59% Прямые заходы: 24% Сторонние сайты (сайт библиотеки): 4% Социальные сети (Вконтакте): 1% Яндекс: 74% Google: 26%	Россия (91%) Москва (23%) Санкт-Петербург (21%)	«Бесприданница» (https://nashostrovskiy.ru/bespridan)

При анализе данных, собранных при помощи сервиса Яндекс.Метрика за 2025 г., можно подтвердить, что наиболее посещаемым ресурсом является сайт библиотеки. Как правило, пользователи обращаются к ресурсам через

компьютер, однако оптимизация для мобильных устройств также важна, ведь около трети посещений приходится на браузеры в смартфонах. Также есть возможность оценить географический охват пользователей: в основном, это жители Москвы и Санкт-Петербурга. Самыми значимыми источниками трафика являются поисковики, что влечет за собой необходимость повышения видимости сайтов в поисковых системах. Также предоставлена возможность изучить наиболее популярные страницы каждого ресурса, представленные в таблице 2.

При сборе статистики «Электронной библиотеки» используется специализированная система управления контентом ИнфоРост, а не инструменты Яндекс.Метрики. Разработчиками предоставлена возможность изучить следующие статистические показатели:

- Визиты (анонимные/авторизированные);
- Просмотры узлов (анонимные/авторизированные);
- Просмотры узлов без учета исключенных узлов (анонимные/авторизированные);
- Поисковые запросы (анонимные/авторизированные);
- Просмотры документов (анонимные/авторизированные);
- Просмотры указателей (типы) (анонимные/авторизированные).

В рамках оценки качества и контроля эффективности управления ресурсом наиболее интересны два показателя: Просмотры узлов без учета исключенных узлов и поисковые запросы. На протяжении 3 лет (2020–2023 гг.) отмечается устойчивый рост числа просмотров узлов (страниц) «Электронной библиотеки». В Таблице 3 выделены наиболее высокие показатели анонимных просмотров узлов в течение каждого года.

Таблица 3. Динамика анонимных просмотров узлов без учета исключенных узлов (2020–2025 гг.)

Месяц/Год	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Январь	293	11363	22159	27100	62995	71410
Февраль	939	13419	22082	35477	46532	80215
Март	2906	12647	19217	58059	51442	96980
Апрель	5886	14052	21446	44353	82939	78055
Май	8556	21471	22805	91161	72206	89248
Июнь	8004	17910	18925	46837	80661	56592
Июль	4715	19672	17851	46070	65008	58028
Август	4807	18707	18025	43062	73853	58183
Сентябрь	4177	22890	23814	36500	60664	62214
Октябрь	7108	17230	22872	40986	47987	52993

Ноябрь	8316	18545	24107	51468	52937	47145
Декабрь	9423	21656	24701	61071	55818	64119

Практически во все годы прослеживается сезонность: пик просмотров приходится на май–июнь, после чего наблюдается спад. Например, в 2023 г. пик достигает почти 100 000 просмотров в мае, а затем происходит снижение. Минимумы просмотров обычно приходится на декабрь–январь. Можно предположить, что в период весенней сессии активность проявляют студенты, использующие материалы «Электронной библиотеки» при подготовке к сдаче экзаменов.

Анализ данных позволяет сказать, что ресурс находится в стабильном состоянии, однако в 2025 г. показатели ухудшились. Это связано с техническими неполадками на сервере, которые приводили к отсутствию доступа к ресурсу на протяжении нескольких часов, а иногда и дней. Работы по предотвращению технических сбоев активно ведутся.

Благодаря мониторингу статистических данных в середине 2024 г. удалось изменить систему поиска в «Электронной библиотеке», что моментально сказалось на количестве поисковых запросов. В каждый узел сайта вшита поисковая строка, позволяющая искать необходимую информацию в тексте документов всего раздела, его подразделов или конкретного документа.

Сложностью для работы с системой InfoРост является необходимость вручную исключать отдельные общие узлы из автоматически собираемой статистики. Так при анализе самых посещаемых узлов нужно критически оценивать причину их популярности: наиболее посещаемой логично оказывается главная страница с разделами. Дополнительно затрудняет объективный анализ выдвижение на первые места в рейтинге посещаемости находящихся в разработке подразделов, так как с ними наиболее часто взаимодействуют сотрудники за короткий период времени.

Инструменты платформы веб-аналитики SimilarWeb были использованы для оценки географии посещений, а также для определения верности семантического поля. В ноябре 2025 г. сайт Театральной библиотеки посещали пользователи не только из России, но также из США, Украины, Беларуси, Германии и Нидерландов. Необходимо учитывать, что данные показатели отражают географию пользователей неидеально, так как инструменты анализируют конкретный IP-адрес пользователя, который может быть изменен при помощи специальных сервисов.

Согласно технологическому анализу семантического поля, сайт библиотеки и Театральный календарь относятся к категории «Искусство и культура» («Art and Culture»). Это отличается от показателя в схожей категории в системе PR-CY, там указанные ресурсы отнесены к разделу «Наука и образование». Причинами для этого могут быть различия в методологии классификации сайтов и определения категорий по ключевым словам на разных платформах. Для оставшихся ресурсов категория не определена.

Применение веб-аналитики для изучения библиотечных электронных ресурсов осложнено, если они были размещены на сторонних платформах, на-

дежность которых не была оценена заранее. В ходе изучения была выявлена проблема: нет возможности оценить характеристики старых версий сайта библиотеки, существовавших с 2007 по 2023 г., так как доступ к ним на сегодняшний момент уже заблокирован владельцем платформы для размещения.

Подводя итог, следует отметить, что наиболее эффективным по вебометрическим показателям является сайт библиотеки. «Электронная библиотека» содержит большой объем контента, но требует доработки в плане удобства использования и скорости загрузки. «Театральный календарь» демонстрирует сбалансированные показатели для нишевого ресурса: хорошая адаптивность, умеренная видимость, еженедельные обновления. «Наш Островский» – не большой, но хорошо структурированный ресурс с адекватной ссылочной массой и юзабилити, однако страдает от низкой видимости в поисковых системах и низкой частоты обновлений.

В качестве рекомендаций предложены следующие изменения в управлении информационными ресурсами библиотеки:

- Добавление социально-демографических характеристик пользователя для составления портрета среднего посетителя электронных ресурсов библиотеки;
- Расширение возможностей изучения статистических показателей в Яндекс.Метрике (метрики вовлечения и лояльности: показатель отказов, количество повторных посещений, среднее время, проведенное на странице и т. п.);
- Продолжение сотрудничества с разработчиками платформы ИнфоРост для улучшения сбора статистических данных и более сегментированного учета;
- Изменение функции клавиши «Ресурсы» в меню сайта библиотеки для увеличения видимости и доступности их для посетителей (переход на статью о ресурсах с кратким описанием каждого, разделение на ресурсы собственной генерации и корпоративные ресурсы, в создании или продвижении которых участвует библиотека);
- Установление специального расширения для измерения скорости загрузки каждого из ресурсов, которое будет доступно техническим специалистам библиотеки для предупреждения сбоев.

Некоторые исследователи рассматривают вебометрию как средство социологического исследования. Вебометрический анализ является эффективным инструментом для объективной оценки цифровых библиотечных ресурсов. Но нужно учитывать, что анализ сети с помощью сетевых инструментов может искажать реальную картину, так как «поисковые системы как «измерительные устройства» обладают низкой надежностью, измерения, проведенные в одинаковых условиях, не всегда дают согласующиеся результаты»⁴, поэтому необходимо использовать дополнительные инструменты в совокупности с вебометрическими для получения максимально полной информации о качестве ресурсов.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в объединении углубленных результатов вебометрического анализа с данными, полученными с использованием иных исследовательских методов: опросы пользователей, анализ конкурентной среды и контент-анализ. Регулярный мониторинг показателей позволит отслеживать динамику развития ресурсов, более эффективно

распределять затраты времени и сил на их наполнение, дополнять их материалами, удовлетворяющими потребности пользователей.

Примечания

¹ Кибакин М. В. Вебометрика как диагностический инструментальный цифровой социологии: содержание, предназначение, опыт использования // Цифровая социология. 2020. № 1. С. 14.

² Ударцева О. М. Анализ популярности библиотечных сайтов с использованием систем сбора статистических данных // Учёные записки АГАКИ. 2019. № 3 (21). С. 87.

³ Наумова В. В. Мониторинг информационного пространства Дальневосточного отделения РАН // Вестник ДВО РАН. 2012. № 2 (162). С. 117–122; Ударцева О. М. Виртуальная география посетителей библиотечных сайтов // Научные и технические библиотеки. 2021. №12. С. 91–108.

⁴ Печников А. А. Об измерениях вебометрических индикаторов // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 10–2. С. 400.

Д. А. Арутюнян

Информационное обеспечение культурологического образования

Рассмотрено состояние учебно-методической обеспеченности и информационной поддержки культурологического образования. Проанализированы хронологическая, авторская и издательская структуры документального потока учебников по культурологии с 1994 по 2025 гг. Выявлены причины изменения динамики выхода в свет учебников. Сформированный массив учебных изданий послужил базой для создания первого реестра учебников по культурологии.

Ключевые слова: культурологическое образование, культурология, информационная поддержка, учебно-методическая обеспеченность, информационные ресурсы

Diana A. Arutunyan

Information support of cultural studies education

The state of educational and methodological provision and information support of cultural education was considered. The chronological, author and publishing structure of the documentary flow of textbooks on cultural studies from 1994 to 2025 has been analyzed. The reasons for changes in the dynamics of textbook publication have been identified. The formed set of educational publications served as a basis for the creation of the first register of textbooks on cultural.

Keywords: cultural education, cultural studies, information support, educational and methodological provision, information resources

Культурология как научная и учебная дисциплина прошла непростой путь становления и институционализации как в России, так и за рубежом. Идея и дефиниция культурологии были сформулированы немецким философом В. Ф. Оствальдом в книге «Энергетические основы науки о культуре» (1909)¹. Американский антрополог Л. А. Уайт, продолжая и развивая замысел В. Ф. Оствальда, в исследовании «Наука о культуре» (1949) обосновал необходимость рассмотрения культурологии как отдельной науки и заложил некоторые её теоретические основы.

В западной научной традиции широкое распространение получило направление *cultural studies*, являющееся в большей степени практикоориентированной дисциплиной, изучающей культуру как «инструмент социального и политического контроля»², и не тождественное по своей сущности содержанию отечественной культурологии. В России культурология представляет собой интегративную науку, изучающую целостный феномен культуры³, не сводящую к понимание своего объекта (культуры) к аксиологическим трактовкам.

Согласно публикациям А. Я. Флиера, начало становления отечественной культурологии как науки отсчитывается от публикаций Э. С. Маркаряна «О концепции локальных цивилизаций» (1962) и «Очерки теории культуры» (1969), в то время как культурология как направление подготовки в России существует порядка тридцати лет⁴.

Говоря о становлении культурологии как образовательной программы, исследователи обозначают точкой отсчёта появление первых образовательных стандартов по культурологии. В источниках встречаются разные даты: 1993 г.⁵

и 1995–1996 гг.⁶. Культурология как учебная дисциплина появилась раньше, чем были приняты образовательные стандарты, и преподавалась под названием «Теория культуры». В программе курса «Теория культуры» 1989 г., составленной С. Н. Артановским, С. Н. Иконниковой, Э. В. Соколовым, Л. В. Петровым и О. И. Даниленко, термины «теория культуры» и «культурология» уравниваются и рассматриваются как новая социально-гуманитарная отрасль знания и учебный предмет⁷. Первая программа курса «История культурологии» была разработана С. Н. Иконниковой и опубликована в Санкт-Петербургской академии культуры (ныне – Санкт-Петербургский государственный институт культуры) в 1994 г.⁸.

История становления культурологии как учебной дисциплины находит отражение в работах С. Н. Иконниковой. В статье «Контуры и перспективы исторической культурологии» она перечислила имена ученых, способствовавших развитию культурологического образования в России, и назвала города, в которых в 1960-х гг. стали открываться кафедры культурологии – Москва, Ленинград, Киев, Ростов-на-Дону, Свердловск, Новосибирск и другие⁹. Центры становления и развития культурологии как учебной и научной дисциплины, научные школы культурологии и их представителей подробно обзорекает А. Б. Ройфе¹⁰.

В учебном пособии А. Я. Флиера «Культурология для культурологов», где рассматривается история становления культурологии как учебной дисциплины во всем мире, в том числе освещается вопрос развития культурологии и отечественного специального культурологического образования, отмечается, что в России культурология была признана как специальность высшего образования в 1989 г., а с 1995 г. была введена в номенклатуру специальностей Министерства науки и ВАК России (приказ Миннауки РФ от 28.02.1995 № 24 «О номенклатуре специальностей научных работников»). Среди тех, кто занимался разработкой культурологии как специальности высшего образования и учебной дисциплины, А. Я. Флиер отмечает С. Н. Иконникову в Санкт-Петербурге, Г. И. Звереву и Т. Ф. Кузнецову в Москве, Г. В. Драча в Ростове-на-Дону¹¹.

В начале XXI в. культурология, конкурирующая в ряде областей с философией и другими социальными и гуманитарными науками, вызывала неоднозначное отношение со стороны научного сообщества. В ходе реорганизации Высшей аттестационной комиссии (ВАК) в 2000-х гг. ряд членов Российской академии наук выступили за исключение культурологии из номенклатуры специальностей научных работников, аргументируя свою позицию неопределённостью предмета культурологии и отсутствием общепринятой дефиниции понятия «культура». Предложение об отмене присуждения ученых степеней кандидата и доктора культурологии, выдвинутое Отделением философии РАН, вызвало дискуссию, в которой сохранение статуса культурологии как научной дисциплины было поддержано Отделением литературы и языка РАН и рядом вузов Министерства культуры РФ, вследствие чего культурология была возвращена в номенклатуру ВАК¹².

К концу первой четверти XXI в. можно говорить о том, что культурология прошла путь от дисциплины, встречающей неоднозначное отношение в научном сообществе, до образовательной программы и научной специальности, которые получили обобщенное название «культурологическое образование». Под «культурологическим образованием» исследователи понимают «трехсторонний про-

цесс обучения, воспитания и развития», направленный на «освоение индивидом культурологического знания, формирование умений анализировать, оценивать и интерпретировать явления культуры, приобретение опыта общения в пространстве культурологического знания»¹³. В настоящее время образовательные программы по культурологии, по данным сайта «Поступи Онлайн», представлены в 41 вузе и 25 городах России¹⁴.

Анализ потока по культурологии позволяет сделать вывод, что современное состояние культурологии как учебной дисциплины можно характеризовать как динамично развивающееся. Об этом свидетельствуют наличие в потоке определенных видов публикаций. В частности, Г. Ф. Гордукалова отмечает, что особенностью активного развития любой дисциплины является выход обобщающих монографий, справочников и учебников, что свидетельствует о накоплении значимого для общества знания и наличии потребителей профильной информации¹⁵. Показательным фактором является динамика выхода в свет учебной и научной литературы, на которую обращает внимание В. М. Соловьев: «Буквально каждый месяц выходит в свет новый или уже переизданный вузовский учебник культурологии, не говоря уже о целом море обстоятельной научно-исследовательской литературы по этой специальности»¹⁶.

Вопрос о роли учебной литературы в процессе изучения культурологии и актуальности содержания специализированных учебников по культурологии неоднократно поднимался исследователями. М. Г. Племенюк отмечает, что в настоящее время учебники рассматриваются скорее как «навигаторы получения знаний», то есть как литература, которая формирует у студента герменевтическую компетенцию, способствующую стремлению к самообразованию, получению навыка успешной социальной адаптации¹⁷.

В соответствии с этой точкой зрения на учебную литературу возникает необходимость актуализации учебников. Одним из аспектов, требующих внимания, является «балансировка исследовательских направлений и материала учебников», на что указывают И. В. Леонов и А. С. Тургаев¹⁸. По мнению М. Г. Вохрышевой, содержательное наполнение учебников адресуется не только студентам, но и преподавателям. Учебник в значительной степени определяет методический аспект преподавания дисциплины¹⁹, выступая в качестве информационного ресурса, необходимого для профессиональной и учебной деятельности.

Цель настоящего исследования – составить реестр учебников по культурологии, который позволит дать оценку современного состояния информационной и учебно-методической обеспеченности культурологии как учебной дисциплины, а также послужит базой для специалистов-культурологов для анализа развития культурологического знания в учебной литературе. Для этого были поставлены следующие задачи: выявить учебники по культурологии, проанализировать хронологическую динамику выхода учебных изданий, определить ядро авторов, занимающихся культурологическими исследованиями и ведущие издающие организации – издательства и высшие учебные заведения.

В публикациях, посвященных рассмотрению культурологии как учебной дисциплины, исследователи, как правило, акцентируют внимание на учебных пособиях²⁰. В качестве материалов для самостоятельной подготовки студентам

рекомендуются в основном учебные пособия²¹. В ходе анализа публикаций нами не было выявлено отдельных работ, посвящённых учебникам, в то время как учебник предназначен для систематического изучения учебной дисциплины, а учебное пособие зачастую посвящено отдельным темам и аспектам.

Базой исследования послужили электронные каталоги Российской национальной библиотеки и Российской государственной библиотеки, образовательная платформа «Юрайт», электронно-библиотечная система Book.ru, Национальная электронная библиотека.

Поиск учебных изданий осуществлялся по ключевому слову «культурология» в заглавиях публикаций. Выявлено 129 учебных изданий, вышедших в свет с 1994 по 2025 г., названия которых содержат ключевое слово «культурология» (например, учебники «Основы культурологии», «Введение в культурологию», «История культурологии» и др.). В электронном формате опубликовано 5 учебников.

К числу первых учебников, вышедших в свет в 1994 году, относятся издания Л. К. Кругловой («Основы культурологии») и Б. С. Ерасова («Социальная культурология») ²².

Анализ микропотока документов показывает, что в первое десятилетие (1994–2003 гг.) было выпущено 23 учебника, во второе десятилетие (2004–2013 гг.) издано 53 учебника, в третье десятилетие (2014–2023 гг.) вышло в свет 38 учебников. С 2024 г. было издано 15 учебников, помимо изданий под общим названием «Культурология», выходили также учебники с названиями «Сравнительная культурология» ²⁴ и «История культурология» ²⁵.

Увеличение количества учебников в период с 2004 по 2013 г. свидетельствует об активном процессе развития науки и многообразии точек зрения на содержание учебной дисциплины и образовательной программы, тогда как уменьшение количества издаваемых учебников с 2014 по 2023 г. демонстрирует период стабилизации.

Изменение динамики выхода в свет учебников также может быть обусловлено обновлением федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), которые требуют обеспеченности учебной литературой, в связи с чем учебники могли дополняться и переиздаваться. Изменения в образовательных стандартах могут быть связаны и с уменьшением количества издаваемых учебников. Так, А. Я. Флиер в работе «Академизм культурологии – свидетельство её научной зрелости», вышедшей в 2015 г., пишет, что «объемы преподавания культурологии в вузах России в последние годы сократилось» ²⁶. Этот тезис подтверждается изменением динамики выхода учебников в период с 2014 по 2023 г.

Из 129 учебников 27 изданий имеют подзаголовок с целевым назначением. Среди видов направлений, для студентов которых подготовлены специализированные учебники: военные, медицинские, социально-гуманитарные, технические и экономические специальности. В зависимости от уровня подготовки можно выделить, что 129 учебников, из них 5 учебников предназначены для магистрантов и аспирантов.

Без уточнения специальности под общим заголовком «для негуманитарных» или «для некультурологических» специальностей выпущено 3 учебника.

Анализ заголовков учебников позволяет сделать вывод о том, что содержание учебной дисциплины может видоизменяться в зависимости от направления подготовки обучающихся. Полагаем, что изучение содержания учебников по культурологии для студентов разных специальностей может помочь найти специфические разделы дисциплины, наиболее актуальные для специалистов разных областей знания.

Авторская структура включает 191 автора. Из них 128 авторов лишь один раз участвовали в подготовке учебников по культурологии. Из 129 учебников 57 изданий подготовлено авторскими коллективами.

Наибольшее количество учебников подготовлено следующими авторами – С. Н. Иконникова (9 наименований, в 8 в составе авторского коллектива, в 5 изданиях в качестве редактора), Н. Г. Багдасарьян (8 наименований, 4 издания в составе авторского коллектива, в них же в качестве редактора), П. С. Гуревич (7), А. С. Кармин (7) и др. (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение учебных изданий по авторам

ФИО автора	Общее количество учебников, годы издания	Из общего количества учебников:		
		В составе авторского коллектива	В качестве редактора издания	Стереотипные издания, годы издания
Иконникова С. Н.	9 (2005, 2010, 2014, 2018, 2023, 2025)	8	5	7 (2007, 2008, 2011, 2012, 2013, 2014, 2025)
Багдасарьян Н. Г.	8 (1998, 2002, 2004, 2007, 2010, 2012, 2014, 2017)	4	4	9 (1999, 2001, 2006, 2007, 2011, 2013, 2015, 2025)
Гуревич П. С.	7 (1996, 1999, 2003, 2007, 2011, 2016, 2019)	-	-	9 (2002, 2004, 2006, 2008, 2013, 2017, 2021, 2023, 2025)
Кармин А. С.	7 (1997, 2001, 2004, 2005, 2009, 2025)	3	-	3 (2006, 2007, 2008)
Большаков В. П.	6 (2010, 2013, 2018, 2023, 2025)	4	4	2 (2011)
Борзова Е. П.	6 (2010, 2018, 2023, 2025)	5	-	1 (2011)
Викторов В. В.	5 (2004, 2007, 2009, 2010, 2019)	-	-	-
Каган М. С.	5 (2003, 2005, 2014, 2025)	3	2	11 (2007, 2008, 2012, 2013, 2014, 2018, 2025)

Королев В. К.	5 (2010, 2011, 2013, 2020, 2022)	5	-	5 (2012, 2014, 2016, 2023, 2025)
Розин В. М.	5 (1998, 1999, 2003, 2025)	-	-	4 (2000, 2002, 2005)

Отдельно отметим, что учебники всех перечисленных авторов издавались с внесенными дополнениями или без таковых в течение последних пяти лет, в том числе в 2025 г., что может свидетельствовать об актуальности содержащейся в изданиях информации.

Анализ издательской структуры потока учебной литературы по культурологии показал, что в число издающих организаций входят издательства, образовательные и научно-исследовательские учреждения. Всего было выявлено 62 организации, издающих учебники по культурологии. Из 129 учебников 18 изданий подготовлены совместно несколькими организациями. Такие издания засчитывались для каждой издающей организации отдельно, поэтому общий массив учебников при анализе издательской структуры составил 150 изданий.

Всего выявлено 33 издательства, издавших 106 учебников (72%), 26 образовательных учреждений – 38 учебников (26%), 3 научно-исследовательские организации – 3 учебника (2%). Без указания издательства выпущены 3 учебника.

Детальное рассмотрение распределения литературы по издающим организациям позволило выявить ведущие издательства, выпускающие учебники по культурологии. Наибольшее количество учебников приходится на следующие издательства: «Юрайт» (26 наименований), издательская группа «ИНФРА-М» и «КНОРУС» (по 10 наименований), издательство «ЮНИТИ-ДАНА» (7 наименований), издательством «Гардарики» (5 наименований).

Далее следуют издательства «Высшая школа», «Лань», «Питер» (по 4 издания), «Аспект-пресс», «Проспект» (по 3 издания), «Академический проект», «Директ-Меда», «Культура и спорт», «Научная книга», «Экзамен», «Высшее образование» по 2. По 1 учебнику выпустило 17 издательств.

На 26 выявленных образовательных организаций приходится 38 изданий. Наибольшее количество учебников выпущено Финансовым университетом при Правительстве РФ (6 наименований). По два учебника издано Кубанским государственным аграрным университетом, Мордовским государственным университетом им. Н. П. Огарева, Новосибирским государственным техническим университетом, Санкт-Петербургским государственным институтом кино и телевидения, Санкт-Петербургским государственным университетом, Санкт-Петербургским государственным университетом водных коммуникаций, Уральским федеральным университетом им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. По одному учебнику выпустило 18 вузов.

По географическому охвату образовательных организаций лидирующие позиции занимают Москва (9 организаций) и Санкт-Петербург (6), также представлены вузы девяти городов – Екатеринбург (3), Новосибирска (2), Астрахани, Краснодара, Красноярска, Ростова-на-Дону, Рязани, Саранска, Уфы.

Научно-исследовательские организации в издательской структуре представлены Институтом социологии РАН, Южно-российским филиалом Всероссийского НИИ им. Д. С. Лихачева и ВНИИгеосистем (по 1 изданию), при этом все три учебника подготовлены при совместном издании с другими организациями.

Таким образом, сделать следующие выводы:

- из 129 учебников 64 издания издавались как стереотипные, что позволяет сделать вывод о том, что содержание этих изданий обладает высокой степенью актуальности;
- в ядро авторов вошли С. Н. Иконникова, Н. Г. Багдасарьян, П. С. Гуревич, А. С. Кармин, В. П. Большаков, Е. П. Борзова, В. В. Викторов, М. С. Каган, В. К. Королев и В. М. Розин.
- издательствами-лидерами являются «Юрайт», «ИНФРА-М», «КНОРУС», «ЮНИТИ-ДАНА» и «Гардарики»;
- ведущие позиции по выпуску учебников сохраняют Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и Новосибирск.

В данной работе статистический анализ призван выступить в качестве маркера развития науки. В вопросе издания учебников по культурологии преодолен тридцатилетний рубеж, что требует подведения итогов проведенной работы. Развитие культурологии как учебной дисциплины сопровождается активным изданием учебной литературы, а, следовательно, многообразием точек зрения на содержательные и методологические аспекты преподавания культурологии. Для преодоления разночтений и систематизации дисциплины видится актуальной перспектива создания единого универсального учебника по культурологии.

Составленный на библиотечно-информационном факультете СПбГИК реестр учебников по культурологии может представлять интерес для студентов-культурологов как источник для выявления учебной литературы по конкретным тематическим разделам культурологии, а для специалистов в области культурологии как основа для подготовки будущих учебников и расширения представления о современном состоянии учебной литературы по культурологии.

Примечания

¹ Бондарев А. В. История культурологии: память научного сообщества и проблема самоидентификации // Человек в мире культуры. 2014. № 3. С. 11.

² Бурькина А. П. Особенности исследовательской оптики cultural studies на примере анализа театра Но периода Эдо // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2016. № 4. С. 78.

³ Выжлецова Н. В. Проблема определения предмета культурологии // Общество: философия, история, культура. 2020. № 2 (70). С. 78–82. С. 79.

⁴ Флиер А. Я. Культурология как система познания // Вестник ЧГАКИ. 2016. № 2 (46). С. 53.

⁵ Костина А. В. Культурология: специфика становления и поиски методологии // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 1. С. 58.

⁶ Зверева Г. И. Культурология как академическая проблема // Вестник РГТУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2007. № 10. С. 17.

⁷ Теория и история культуры: темат. планы, программы курсов и спецкурсов, метод. рекомендации по организации учеб. процесса / ЛГИК им. Н. К. Крупской; науч. ред. С. Н. Иконникова. Л.: ЛГИК. 1989. С. 20.

- ⁸ История культурологии: программа курса / Санкт-Петерб. гос. акад. культуры ; сост. С. Н. Иконникова. СПб.: [б. и.]. 1994. 8 с.
- ⁹ Иконникова С. Н. Контуры и перспективы исторической культурологии // Вестник СПбГИК. 2012. № 1. С. 6–14.
- ¹⁰ Ройфе А. Б. География отечественной культурологии в контексте развития науки и образования // Мир культуры и культурологии. 2024. Т. 1. Вып. 1–2. С. 66–81.
- ¹¹ Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М.: Согласие. 2015. С. 20.
- ¹² Челышев Е. П. Культурология в системе гуманитарных наук: недавняя история и насущные проблемы // Пространство и Время. 2011. № 3. С. 21.
- ¹³ Токарев С. Н. Культурологическое образование в системе непрерывного образования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2005. № 10. С. 254.
- ¹⁴ Поступи онлайн : сайт. СПб. 2016. URL: <https://postupi.online/specialnost/51.03.01/> (дата обращения: 28.01.2026).
- ¹⁵ Гордукалова Г. Ф. Информационные ресурсы гуманитарных наук: Экономика. Вып. 1: Учебное пособие. СПб.: СПбГУКИ, 2000. С. 54.
- ¹⁶ Соловьев В. М. Культурология: учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. С. 60.
- ¹⁷ Племенюк М. Г. Изучение культурологии в пространстве междисциплинарной рефлексии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2010. № 125. С. 146.
- ¹⁸ Леонов И. В. Тургаев А. С. Научная культурологическая школа Санкт-Петербургского государственного института культуры // Вестник Санкт-Петербургского института культуры. 2025. № 4 (65). С. 39.
- ¹⁹ Вохрышева М. Г. Информационно-культурологический подход к оценке учебной литературы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. № 3. С. 75.
- ²⁰ Ройфе А. Б. География отечественной культурологии в контексте развития науки и образования. С. 76.; Токарев С. Н. Культурологическое образование в системе непрерывного образования. С. 254.
- ²¹ Лелеко В. Д. Информационные ресурсы по культурологии в подготовке бакалавров, магистров и аспирантов-культурологов // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. Т. 200. С. 371–378.
- ²² Круглова Л. К. Основы культурологии : учебник для вузов / С.-Петерб. гос. ун-т вод. коммуникаций. СПб.: СПбГУВК, 1994. 339 с.
- ²³ Ерасов Б. С. Социальная культурология: в 2 ч. Ч. 1. М.: АО «Аспект-пресс», 1994. 379 с.
- ²⁴ Борзова Е. П. Сравнительная культурология: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 555 с.
- ²⁵ Дианова В. М., Солонин Ю. Н. История культурологии : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2026. 366 с.
- ²⁶ Флиер А. Я. Академизм культурологии – свидетельство ее зрелости // Культура культуры. 2015. № 3 (7). С. 38.

РАЗДЕЛ 4. КЛАССИКИ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ НАУКИ • SECTION 4. CLASSICS OF LIBRARY AND INFORMATION SCIENCE

УДК 02(092)“1925/2019”

Классики библиотечно-информационной науки (общая ред. и сост. проф. М. Н. Колесниковой)

Краткая биография А. Н. Ванеева (1925–2019); информация о Юбилейном симпозиуме, посвященном столетнему юбилею классика библиотечно-информационной науки, проведенном в Санкт-Петербургском государственном институте культуры 30 января 2025 г.; восемь докладов, представленных как стендовые на симпозиум. В них освещены различные аспекты профессиональной деятельности А. Н. Ванеева, актуальные вопросы развития библиотечного дела страны в свете научного наследия ученого.

Ключевые слова: А. Н. Ванеев, столетие, юбилейный симпозиум, доклады участников, библиотековедение

30 января 2025 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося ученого и методиста, талантливого педагога высшей школы, профессора, доктора педагогических наук, заслуженного работника культуры Российской Федерации, заслуженного работника культуры Республики Таджикистан, участника Великой Отечественной войны Анатолия Николаевича Ванеева.

Он родился в г. Киров (ныне г. Вятка). После окончания средней школы поступил на исторический факультет Кировского педагогического институт (1942), но в 18 лет был призван в действующую армию (январь 1943). В сентябре этого же года под Смоленском был ранен, направлен в госпиталь, после излечения вернулся на фронт. Воевал на 3-м Белорусском фронте, участвовал в боях за освобождение Смоленска, Минска, Вильнюса, Каунаса, Кенигсберга. Его военные заслуги отмечены орденом Великой Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», медалью Георгия Жукова и др.

После окончания войны и демобилизации А. Н. Ванеев работал пришел Кировской областной библиотеке им. А. И. Герцена (библиотекарь, библиограф, заведующий научно-методическим отделом, заместитель директора по научной работе). Заочно окончил Московский библиотечный институт, позднее защитил диссертацию «Изучение и распространение передового опыта массовых библиотек в РСФСР» (1966). В 1968 г. семья Ванеевых переехала в Ленинград. До 2015 г. включительно ученый работал на кафедре библиотековедения Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного института культуры доцентом, позже профессором, был заведующим кафедрой (1974–1995). В 1980 г. защитил докторскую диссертацию «Развитие библиотековедческой мысли в СССР». Выдающийся ученый сформировал собственную научную библиотековедческую школу (с 1979 по 2010 гг. защищены 27 кандидатских и две докторские диссертации соискателей из России, Болгарии, Вьетнама, Таджикистана, Туркменистана, Украины).

А. Н. Ванеев был членом редколлегии журнала «Советское библиотековедение» (1977–1991), в 2000-е г. – членом редакционного совета журнала «Библиосфера» (Новосибирск, ГПНТБ СО РАН); входил в состав Ученого Совета Российской

национальной библиотеки, Диссертационного совета института по защите кандидатских и докторских диссертаций по специальности 05.25.03; состоял членом Международной Академии информатизации при ООН.

30 января 2025 г. в Белом зале Санкт-Петербургского государственного института культуры состоялся Юбилейный симпозиум, посвященный столетнему юбилею классика библиотечно-информационной науки, организованный кафедрой библиотековедения и теории чтения, Кировской ордена Почета государственной универсальной областной научной библиотекой им. А. И. Герцена совместно с Российской библиотечной ассоциацией, Петербургским библиотечным обществом и профессиональным журналом «Библиотечное дело» (Санкт-Петербург).

Участникам симпозиума впервые были показаны фильмы о жизни и профессиональной деятельности А. Н. Ванеева «Защитник Отечества. Библиотековед. Педагог» (кафедра библиотековедения и теории чтения СПбГИК), «А. Н. Ванеев. Начало пути» (Кировская ГУОНБ им. А. И. Герцена); состоялись презентации юбилейного выпуска журнала «Библиотечное дело» (2025, № 2) и биобиблиографического указателя: Анатолий Николаевич Ванеев (1925–2019): к 100-летию со дня рождения : указ. публикаций профессора А. Н. Ванеева и лит. о нем. / сост. Н. В. Пономарева; науч. ред Н. В. Колпакова; автор предисл. М. Н. Колесникова. Санкт-Петербург, 2025. 114 с. Научная библиотека института провела презентацию альбомов библиотечных открыток А. Н. Ванеева, архивных материалов о нем, выставку научных трудов библиотековеда.

На форуме выступали ученики и коллеги ученого, педагоги высших учебных заведений, специалисты библиотек; обсуждались актуальные вопросы развития библиотечного дела Российской Федерации в свете научного наследия А. Н. Ванеева (Е. Б. Артемьева, И. В. Балкова, С. А. Басов, Е. И. Борисова, В. А. Бородина, М. Н. Колесникова, В. П. Леонов, И. С. Пилко, Н. В. Стрельникова и др.). Состоялась дискуссия «Объект и предмет библиотечной науки: к формированию методологической парадигмы российского библиотековедения XXI века» по докладу С. А. Басова¹.

Доклады выступавших на симпозиуме опубликованы в указанном номере журнала «Библиотечное дело». Стендовые доклады участников с их согласия предоставлены для публикации в данном издании «Трудов» СПбГИК.

Примечания

¹ См. Библиотековедение. 2025. № 3. С. 224–236.

Е. Г. Ахти

Методическая деятельность библиотек в эпоху цифровизации

Охарактеризованы изменения в методической деятельности библиотек в XXI в., возникший кризис в вопросе сохранения системы их методического обеспечения. Определены факторы, влияющие на его разрешение, предлагается новый подход к организации методической деятельности на примере модели ее организации в Центральной городской публичной библиотеке имени В. В. Маяковского в Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: методическая деятельность, кризис, инновационный подход, модель методического обеспечения, ЦГПБ имени В. В. Маяковского

Elena G. Ahti

Methodological activity of libraries in the era of digitalization

The article describes the changes in the methodological activities of libraries in the 21st century, as well as the crisis in the issue of preserving the system of their methodological support. The factors influencing its resolution are identified, and a new approach to the organization of methodological activities is proposed using the example of the model of its organization in the Central City Public Library named after V. V. Mayakovsky in St. Petersburg.

Keywords: methodological activity, crisis, innovative approach, methodological support model, V. V. Mayakovsky Central State Library

В последние десятилетия библиотеки переживают значительные изменения, вызванные стремительным развитием цифровых технологий. Цифровизация затрагивает все аспекты библиотечной деятельности, включая методическую работу, которая становится ключевым элементом в обеспечении доступа к информации и внедрения цифровых технологий обслуживания пользователей.

В начале 1990-х гг. в профессиональном сообществе сложилась кризисная ситуация в вопросе необходимости сохранения системы методического руководства библиотеками, который предлагалось решать (что нередко и происходило на практике) и радикальным способом – ликвидацией методической службы как необязательной, изжившей себя библиотечной структуры.

В последние годы мы наблюдаем как реформирование библиотечной отрасли (перепрофилировании их деятельности, понижении статуса, переименовании и наделении несвойственными библиотекам функциями) привело к тому, что научная и методическая деятельность центральных библиотек сведены к минимуму. Внутриведомственное и межведомственное библиотечное взаимодействие практически отсутствует, что не могло не сказаться на качестве работы библиотек.

Преодолеть «методический кризис» призвана рациональная точка зрения – большинство специалистов признали необходимость сохранения методической деятельности библиотек с принципиально иным концептуальным подходом. Они отмечают возросшую значимость методической работы в современных условиях и ее перспективность в связи с новыми социально-экономическими условиями.

В этом подходе значимую роль сыграла «Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года», утвержденная Распоряже-

нием Правительства РФ № 608-р от 13.03.2021. Среди основных направлений, наряду с модернизацией библиотечной системы страны, развитием и сохранением библиотечного фонда, информационными технологиями и кадровым обеспечением названо научное и методическое обеспечение деятельности библиотек.

В условиях децентрализации системы управления научная и методическая функции являются системообразующими для всей библиотечной отрасли страны. Эта деятельность способствует формированию единой системы организации библиотечного обслуживания населения конкретного региона, а также отдельной сети библиотек. В частности, определены основные моменты, необходимые для ее развития:

- усиление роли центральных библиотек как сетевых координационных научно-методических центров и центров повышения квалификации библиотечных специалистов;
- усиление межбиблиотечного и межведомственного взаимодействия;
- выявление и поддержка профессиональных инноваций, экспертная оценка и продвижении эффективных практик, их нормативное закрепление;
- использование информационно-коммуникационных технологий в методической деятельности;
- развитие проектных и маркетинговых технологий в деятельности библиотек;
- расширение международного профессионального взаимодействия и укрепление общественного сотрудничества.

Эти задачи невозможно реализовать при традиционном подходе к организации методической деятельности библиотеки. Напомним, что многие годы на практике методический отдел был тесно связан с библиографическим отделом. Методическая помощь библиотекам во многом являлась помощью библиографической. Методист должен был не только рекомендовать библиотекарям формы и методы работы, но в большей степени литературу, с которой им предстоит работать. Зачастую отдел так и назывался методико-библиографический. В ряде библиотек эта практика сохраняется и сегодня.

Анализируя современные публикации в профессиональной печати, библиотечные ресурсы интернет, отчеты библиотек о работе приходится отметить, что в части случаев методисты сводят свою деятельность исключительно к организации и проведению культурно-массовых мероприятий. Или подходят к методическому обеспечению работы библиотеки несколько формально. Особенно ярко это прослеживается в работе муниципальных и поселковых библиотек.

В ряде библиотек в структуру методических служб включены сектора или группы, деятельность которых не связана непосредственно с методической работой: сектор межбиблиотечного абонемента, сектор внестационарного обслуживания или группа по регистрации, статистическому учету и контролю (пользователей библиотеки).

В большинстве случаев непрофильных специалистов – психологов, программистов, маркетологов, специалиста по связям с общественностью так же определяют в методические отделы. В итоге методическая служба состоит из специалистов, функционально не связанных друг с другом, что не способствует эф-

фективности работы и требует пересмотра подходов к кадровой политике библиотек¹, в том числе и с участием учебных заведений, готовящих будущих библиотечарей².

Можно говорить о том, что это – очень узкое и устаревшее понимание сущности методической работы. Сегодня методисты ведут активный поиск нестандартных форм продвижения книги и чтения, внося в традиционную работу новые идеи, разрабатывают интересные программы мероприятий, меняют саму библиотеку, делая ее современной и нужной, в том числе через совершенствование методического инструментария оценки эффективности библиотечной деятельности³.

Именно поэтому нужен совершенно иной подход к организации методической деятельности.

В Санкт-Петербурге система методической поддержки сложилась уже давно. Центральная городская библиотека им. В. В. Маяковского – это полноценный методический центр для городских библиотек, идеолог создания библиотечной корпорации, ее головной сетевой центр и безусловная движущая сила, не только сохраняющая созданную систему, но и активно ее развивающая. Благодаря эффективной работе методических служб в городе 15 лет назад была успешно реализована программа модернизации общедоступных библиотек. В городе сформирована и развивается первая в России полноценная Единая система библиотечного обслуживания.

Сегодня нет однозначного, устоявшегося определения методической деятельности библиотек. Отсутствуют термины и понятия, отражающие новые виды методической деятельности в современной цифровой среде. Официально зафиксированы только понятия «методическое обеспечение», «научно-методическая деятельность» в примерном положении Российской библиотечной ассоциации «Научно-методическая деятельность центральной библиотеки субъекта Российской Федерации» (2015). Несмотря на многозначность и неопределенность существующей терминологии, можно выделить приоритетный аспект многообразных понятий методической деятельности библиотек – инноватика, т. е. выявление и распространение прогрессивного опыта, новшеств. Но необходимо помнить, что любое нововведение должно быть целесообразным, положительно влиять на качество обслуживания и работу библиотеки в целом.

Деятельность Маяковки постоянно расширяется, и в 2006 году было принято решение реорганизовать научно-методический отдел. Была сделана ставка на системный подход, и он в полной мере себя оправдал. Методическая деятельность рассматривается как система, целостный комплекс взаимосвязанных элементов. Осуществлен уход от безадресного описания опыта для многих библиотек к практической помощи по его адаптации и внедрению в конкретных библиотеках.

Главным звеном в организации и реализации методической деятельности в ЦГПБ им. В. В. Маяковского является Управление научно-организационной работы и сетевого взаимодействия (УНОРиСВ), которое осуществляет научно-методическую, научно-организационную, научно-исследовательскую, образовательную, издательскую и координационно-технологическую деятельность, обеспе-

чивая профессиональную поддержку структурным подразделениям Маяковки и общедоступным библиотекам Санкт-Петербурга по различным вопросам библиотечной практики. Проводит библиотекведческие, маркетинговые и социологические исследования, как самостоятельно, так и в партнерстве с другими структурными подразделениями библиотеки и общедоступными библиотеками города.

Специалисты УНОРисВ совместно с профильными отделами библиотеки разрабатывают регламенты, методические решения, стандарты на различные виды и процессы библиотечной деятельности. Такая организация работы позволила регламентировать большинство технологических процессов и направлений работы. Это одно из основных условий полноценной и продуктивной работы корпорации. Регулярно проводится аудит деятельности библиотек-участниц Корпорации (КСОБ СПб) на соблюдение утвержденных норм, правил, стандартов.

Система повышения квалификации в рамках КСОБ СПб позволяет своевременно обучать специалистов новым навыкам и технологиям. Для сотрудников, которые работают с ресурсами и услугами Единой системы библиотечного обслуживания проводится обязательное итоговое тестирование с последующей выдачей сертификата соответствия.

Уже не первый год коллегиальные решения принимаются не только на заседаниях Координационного научно-технического совета Корпорации, но и в рамках методических мероприятий – методобъединений и Круглых столов директоров. Все предложения, технологии и документы, которые выносятся на суд библиотекам, проходят сквозь сито внутренних совещаний библиотеки им. В. В. Маяковского.

УНОРисВ координирует работу подразделений ЦГПБ им. Маяковского и всех общедоступных библиотек города, а также анализирует их работу и осуществляет методическую поддержку. Серьезный анализ показателей дает возможность сделать выводы о состоянии Единой системы библиотечного обслуживания города и предпринять необходимые меры для корректировки отдельных направлений работы и развития библиотек в соответствии с потребностями пользователей.

Современная библиотека сталкивается с вызовами цифровизации, изменяющей потребности пользователей, и необходимостью постоянного обновления информационных ресурсов. В таком контексте роль методиста приобретает особую важность – его задачей становится не только поддержание традиционных библиотечных функций, но и активное внедрение новых технологий и методик для повышения качества услуг и удовлетворения потребностей пользователей.

Для того, чтобы проводить анализ деятельности работы библиотеки, давать экспертную оценку, внедрять инновации, методист сам должен быть высококвалифицированным специалистом с полноценным пониманием как устроена и работает библиотека. Перед современными методистами стоят сложные задачи:

- мониторинг и анализ эффективности работы библиотеки и внесение предложений по ее оптимизации;
- разработка методических материалов (пособия, инструкции, презентации);
- консультирование;
- разработка и внедрение новых услуг и сервисов библиотеки;

- обучение и повышение квалификации библиотекарей;
- работа с маркетингом и продвижением библиотечных услуг;
- внедрение инновационных технологий и цифровых ресурсов;
- взаимодействие с внешними организациями и участие в различных проектах;
- адаптация библиотеки к новым формам работы;
- формирование и поддержка корпоративной культуры в библиотеке.

В условиях быстрого технологического развития и изменяющихся информационных потребностей пользователей методисты становятся ключевыми игроками в обеспечении качественного обслуживания. Они не только адаптируют библиотеку к современным требованиям, но и помогают сотрудникам совершенствовать свои профессиональные навыки. Методисты стимулируют библиотеку к постоянному развитию. В итоге они является двигателем библиотечного прогресса, обеспечивая актуальность и эффективность работы учреждения.

Так аналитическая работа библиотеки им. В. В. Маяковского по состоянию технического и технологического уровня библиотек города позволила сформировать пакет предложений по развитию библиотек на ближайшие годы, который был принят и одобрен Правительством Санкт-Петербурга. Третий год идет новый этап модернизации библиотек города, предусматривающий не только обновление компьютерного, сетевого, серверного оборудования, программного обеспечения, но и интеграцию библиотечного обслуживания на основе Единого электронного читательского билета с существующими информационными системами Санкт-Петербурга. Это позволяет библиотекам стать полноправными членами единого городского информационного пространства.

Такой формат организации системы методического обеспечения в Санкт-Петербурге сохраняется на протяжении многих лет и доказал свою эффективность.

Примечания

¹ Туралина Н. А. Фоменко И. Г. Профессиональное развитие кадрового потенциала библиотеки // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 2 (55). С. 180–188.

² Вайцехович Н. Ю. Профессиональная адаптация выпускников специальности «Библиотечно-информационная деятельность» // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. № 4 (53). С. 164–170.

³ Пилко И. С. Методический инструментарий оценки эффективности библиотечной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2025 № 4 (65). С. 177–182.

А. И. Балковский

Методологический дискурс библиотековедения: современный взгляд

Вопрос методологии в библиотековедении остается довольно значимым уже не одно десятилетие. Свои мысли в методологическом дискурсе излагали такие видные учёные как Ю. Н. Столяров, В. С. Крейденко, Н. С. Карташов, не обошёл стороной данную проблему и А. Н. Ванеев. В работе рассмотрены выводы, предложенные А. Н. Ванеевым в статье «О методологической базе библиотеческих исследований», произведён анализ того, что в библиотечной науке остаётся актуальным и сегодня, а что значительно улучшилось или изменилось. Результаты исследования могут натолкнуть библиотечное сообщество на актуализацию совместной плодотворной работы в области библиотечной методологии.

Ключевые слова: методология, библиотековедение, методы, библиотечные исследование, библиотечная теория, А. Н. Ванеев

Andrey I. Balkovsky

Methodological discourse of library science: a contemporary perspective

The issue of methodology in library science has remained quite significant for decades. Such prominent scientists as Y. N. Stolyarov, V. S. Kreidenko, N. S. Kartashov, and A. N. Vanyev have presented their thoughts in the methodological discourse. The paper considers the conclusions proposed by A. N. Vanyev in the article "On the methodological basis of library research", analyzes what in library science remains relevant today, and what has significantly improved or changed. The results of the study can push the library community to actualize the joint productive work in the field of library methodology.

Keywords: methodology, library science, methods, library research, library theory, A. N. Vanyev

На ежегодной международной конференции «Крым» в 2005 г. Ю. Н. Столяров поднял проблему непонимания методологии в библиотечном деле. На ней он привёл разнообразные примеры некорректного употребления этого термина в научных библиотеческих публикациях, а также путаницы между методологией и методом¹. Данная проблема действительно является одной из ключевых в библиотековедении и, что важно, она остается актуальной и на сегодняшний день.

А. Н. Ванеев также находился в методологическом дискурсе на протяжении многих лет. Его значимые публикации касались методологии истории библиотековедения, развития библиотеческой мысли и самой библиотечной методологии в целом. По словам Г. В. Варгановой: «ученый позитивно оценивал использование отечественными исследователями множества методологических подходов, позволяющих получить достоверное и надежное знание: исторического, науковедческого, системного, структурного и др.»². Как исследователь истории библиотековедения, А. Н. Ванеев осознавал, что методология обязательно должна быть связана с методологическими достижениями философии, социологии, культурологии, психологии, педагогики и иными науками. Кроме этого, библиотековед обращал внимание на то, что исследователям будет полезно в своих разысканиях возвращаться к авторам и идеям, которые в своё время не обрели должной известности в научном сообществе. Рассмотрение таких идей под другим углом позволит исследователям получить объёмное знание о развитии библиотечной теории и практики³.

В рамках обозначенной проблемы мы остановимся на двух работах ученого, в которых он делал обзор публикаций коллег и производил анализ предлагаемых там методов, либо критиковал за неточности в несоответствии положений и концепций заявленным методологиям. В статье «Разработка методологических и методических проблем библиотековедения» А. Н. Ванеев при помощи исторического подхода рассмотрел публикации таких видных деятелей библиотечного дела как Н. С. Карташов, В. С. Крейденко, Г. К. Пузиков, Б. А. Смирнов, упомянутого в начале Ю. Н. Столярова и др. Данная статья является весьма полезной, так как, во-первых, мы можем видеть, как формировалась мысль библиотечной методологии, и как она стала выглядеть в конце XX в.. Во-вторых, в одной статье раскрыты позиции многих библиотековедов в этом ключевом вопросе, а также самим А. Н. Ванеевым даются комментарии или излагаются собственные мысли по поводу написанного его коллегами. В результате учёный делает вывод, что: «методология является одной из фундаментальных сторон любой науки. [...] Переосмысление философии библиотечной науки и идеологии библиотечной деятельности требует и более четкого понимания методологии библиотековедения. [...] Более правильно рассматривать методологию библиотековедения как учение о принципах построения, формах и способах научного познания объекта библиотечной науки»⁴.

В статье «О методологической базе библиотековедческих исследований», вышедшей год спустя, А. Н. Ванеев взял для анализа авторефераты уже 1992–2007 гг. В данной статье учёный критиковал авторов за невнимание к общенаучным методологическим принципам и смешение методологических принципов с теоретическими, о чем, как мы писали в самом начале, было заявлено в поднимаемой Ю. Н. Столяровым проблеме. Подводя итоги своей статьи, А. Н. Ванеев приходит к следующим выводам:

- Анализ авторефератов показал, что в отечественной библиотечной науке нет единого представления о содержании понятия «методология библиотековедческого исследования»;
- В библиотековедческих исследованиях четко не разграничиваются понятия «методологический принцип» и «методологический подход», иногда они рассматриваются как синонимы;
- Во многих диссертациях использовалась совокупность различных методологических подходов, что позволяло всесторонне рассмотреть проблематику исследования;
- В библиотековедческих исследованиях наряду с общенаучными методологическими подходами все чаще используются подходы, заимствованные из методологического арсенала отдельных наук, что обогащает методологию библиотековедения и конкретизирует применяемые подходы к проблематике конкретных библиотековедческих исследований;
- В библиотековедении зачастую не различаются теоретические и методологические положения. Теоретические положения и концепции неправомерно рассматриваются как методологические;
- Теоретические положения, которые соискатели называют «методологическими», носят подчас абстрактный характер и не способствуют решению задач конкретного библиотековедческого исследования;

- Заслуживает внимания стремление ряда библиотекведов формулировать «методологические» положения, которые были бы непосредственно связаны с темой диссертации и способствовали ее рассмотрению;
- Теоретической базой исследования являются научные идеи и концепции, разрабатываемые учеными, а не их «труды». Последние являются не методологической, а источниковой базой исследования;
- Методологическую базу библиотекведческого исследования следует искать не в других науках, а непосредственно в библиотекведении⁵.

Цель данной статьи – проанализировать, что к началу второй четверти XXI в. в библиотечной науке улучшилось, а что не поменялось и до сих пор остаётся актуальной проблемой.

Во-первых, А. Н. Ванеев считал, что «в библиотечной науке нет единого представления о содержании понятия „методология библиотекведческого исследования“»⁶. Действительно, даже на сегодняшний день исследователи не придерживаются какого-то конкретного определения и исходят из разных источников, хотя в данном вопросе всё же есть продвижение. Так, в 2012 г. В. С. Крейденко написал содержательную статью «Методология библиотекведения как раздел библиотекведения», где раскрыл суть как самой методологии библиотекведения, так и её главные составляющие, а также принципы и подходы в ходе библиотекведческого исследования. На наш взгляд, на сегодняшний день данная статья частично устарела. Так, например, указанные в работе методологические принципы *объективности и конкретности истины* в силу проблематичности поставленных в обозначение вопросов понятий «сознания» и «достоверной истины» можно заменить *феноменологическим принципом*, который, не отменяя свойств упомянутых принципов, корректирует их и снимает необходимость доказательства либо уточнения приведённых понятий. Таким образом, хотя данная статья частично утратила свою актуальность, но в ней всё ещё собрана вся важнейшая теория, касающаяся методологии библиотекведческого исследования.

В 2022 г. за авторством Е. А. Плешкевича вышла монография «Методология отечественного библиографоведения: очерки истории и теории»⁷, в которой автор указывает на слабость развития концептуальных представлений о природе библиотечного дела, а также тенденций развития и влияния современных технологий на библиотечное дело. Основываясь на материалах диссертационных исследований, Е. А. Плешкевич описывает методологические аспекты историографии истории библиотечного дела, начиная с эпохи античности, проводит исторический обзор становления библиотечного дела как социального института и формирования библиотечной теории и методологии. Отдельные главы данной методологии посвящены информационному, документальному и социальным подходам в библиотекведении. В результате, вклад данной монографии очень важен для библиотечного сообщества, так как в ней изложены ключевые методологические аспекты, широко представлены методологические подходы, и с исторической перспективы рассмотрен процесс формирования всего вышеописанного. Стоит также сфокусироваться на замечаниях автора. Современные исследователи должны быть погружены

в контекст развития библиотечной методологии и дополнять уже существующие подходы такими предложениями, которые будут содержать в себе работу и взаимодействие с современными технологиями, которые, безусловно, оказывают огромное влияние на развитие библиотек всех типов. В настоящем времени мы ожидаем, что появится такой исследователь, который, основываясь на работах В. С. Крейденко и Е. А. Плешкевича, сможет предложить уже свою содержательную статью. Ведь как писал В. С. Крейденко: «Социальное назначение методологии – поиск все более действенных принципов, методов и других средств библиотечного познания более глубоких и полных знаний о библиотечных объектах. В библиотековедении такие исследования получают достаточное признание и развитие. Методологию развивают библиотекари, исходя из потребностей науки, прежде всего, постоянные участники исследований, библиотечные методологи, люди, специально изучающие специфику методологии и глубоко разбирающиеся в ней»⁸.

Во-вторых, А. Н. Ванеев отмечает непонимание библиотековедами разницы между библиотековедческим принципом и подходом. Вновь обратимся к статье В. С. Крейденко, где он определяет подход как «способ мышления – проект методов и других исследовательских средств, которые собирается в определенной последовательности использовать в своей работе ученый. Эти средства сопрягаются с той теорией, строятся на той теоретической базе, на основе которой предполагается проводить исследование»⁹, а методологический принцип как «стратегическое направление исследовательской деятельности, опирающееся на знание объективных закономерностей библиотечной отрасли»¹⁰. И снова после 2012 г. дискуссии о библиотечной методологии как таковой пошли на спад. В последующие годы и до нашего времени исследователи больше внимания уделяют разнообразным предложениям методик и подходов, не рассматривая уже существующие направления в библиотечной теории и методологии.

В-третьих, А. Н. Ванеев говорит о различии теоретических и методологических положений в исследовании. Теоретические положения могут путаться с методологическими, а также носить абстрактный характер; в то же время методологические положения намеренно «подгоняются» под тему диссертации. Данная проблема носит комплексный характер, и по сегодняшний день появляются работы, в которых можно найти все вышеописанные неточности в том или ином виде. И если с концептуализацией теоретических и методологических положений ещё можно разобраться, написав развернутую статью на эту тему, то последнее утверждение так или иначе всегда будет мелькать в научных работах более низкого качества. Действенным может стать лишь более интенсивная работа в проведении библиотековедческих конференций, семинаров и круглых столов, где опытные специалисты будут делиться с коллегами своим опытом и предупреждать их от такого рода ошибок.

Например, последним событием такого уровня была конференция «Применение искусственного интеллекта в библиотечно-информационной деятельности»¹¹ в ИНИОН РАН, которая состоялась 29 мая 2024 г. Всего на конференцию зарегистрировалось 312 участников, и в докладах поднимались про-

блемы как теоретического, так и практического и методологического уровней. Ключевым для конференции является то, что все доклады на ней сопровождаются развёрнутыми дискуссиями и непосредственным обсуждению поднятых тем уделяется достаточное внимание и время. Учитывая, что вопрос применения искусственного интеллекта в библиотечном деле на сегодняшний день по праву можно считать наиболее актуальным – его обсуждение на всех уровнях должно поддерживаться ведущими исследователями и представителями смежных дисциплин. Выложенная в общий доступ запись конференции также оказывается полезной, так как, по сути, продолжает коммуникацию между библиотековедами уже на цифровом уровне. Таким образом, проведенная конференция за счёт своего высокого качества как со стороны организации, так и со стороны дискурса формирует значимый вклад в развитие библиотечной методологии и развивает актуальное направление. Для качественного развития библиотечной науки таких мероприятий должно стать больше. Дополнительно можно упомянуть XXVIII Международную конференцию «LIBCOM-2024»¹², которая проходила с 17 по 22 ноября 2024 г. На ней также затрагивались темы искусственного интеллекта, цифровизации библиотек, дополнительно обсуждались другие значимые проблемы в библиотечном научном сообществе.

Подводя итоги данной статьи, добавим, что А. Н. Ванеев сформулировал в методологическом дискурсе библиотековедения такие значимые проблемы, которые остаются актуальны и сегодня. На решение некоторых из них понадобились годы работы; иные, например, использование совокупности методологических подходов в научных работах, хорошо себя зарекомендовали с тех пор, и эта тенденция продолжает развиваться на текущем этапе развития библиотековедения.

В заключении можно сказать, что современным специалистам необходимо объединяться и слаженно работать в исследовании библиотечной методологии, дополнять уже существующие работы на эту тему или оспаривать их, коммуницировать друг с другом для выявления более эффективных подходов и методов в данном направлении. Процесс выстраивания сильной методологической базы должен продолжаться, учитывая преемственный опыт, и, быть может, однажды в библиотечном сообществе появится новая коллективная монография «Библиотечковедческих исследований»¹³.

Примечания

¹ Столяров Ю. Н. Методология библиотековедения, библиографоведения, книговедения: содержание понятия, соотношение с теорией. URL: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea2005/disk/124.pdf> (дата обращения: 08.01.2025).

² Варганова Г. В. Историко-библиотековедческие исследования в научном наследии А. Н. Ванеева // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 3 (44). С. 157; Варганова Г. В. Методологический инструментарий библиотековедческих исследований А. Н. Ванеева // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2025. № 1 (62). С. 167–172.

³ Ванеев А. Н. История библиотечного дела и библиотековедения. СПб., 2012. 308 с.

⁴ Ванеев А. Н. Разработка методологических и методических проблем библиотековедения (обзор публикаций второй половины XX в.) // Библиосфера. 2007. № 3. С. 51.

⁵ Ванеев А. Н. О методологической базе библиотековедческих исследований // Библиосфера. 2008. № 4. С. 5–6.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Плешкевич Е. А. Методология отечественного библиотековедения: очерки истории и теории. Саратов : Техно-Декор, 2022. 322 с.

⁸ Крейденко В. С. Методология библиотековедения как раздел библиотековедения // Библиосфера. 2012. № 5. С. 54.

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 52.

¹¹ Конференция «Применение искусственного интеллекта в библиотечно-информационной деятельности» // ИНИОН РАН. URL: <https://inion.ru/ru/about/news/konferentcia-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-bibliotechno-informatcionnoi-deiatel-nosti/> (дата обращения: 09.01.2025).

¹² Двадцать восьмая Международная конференция и выставка «LIBCOM-2024». URL: <https://libcom2024.gpntb.ru/?fmt=infomail&sid=50522584c476880d2625a7cddc5e8744> (дата обращения: 26.01.2025).

¹³ Библиотековедческие исследования: методология и методика. М.: Книга, 1978. 248 с.

Н. С. Беляев

Основные направления научной работы Отдела Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы РАН на современном этапе

Охарактеризована научная деятельность Отдела Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы Российской Академии наук по трем направлениям: библиографоведение, библиотековедение и книговедение. Представлены библиографические указатели о А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове и М. Горьком, другие труды сотрудников библиотеки, раскрывающие отечественное книжно-литературное наследие.

Ключевые слова: Отдел библиотеки, Институт русской литературы РАН, научная деятельность, издания

Nikolay S. Belyaev

The main directions of scientific work of the Library Department of the Academy of Sciences at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences at the present stage

The scientific activity of the Library Department of the Academy of Sciences at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences is characterized in three areas: bibliography, library science and book studies. The bibliographic indexes about A. S. Pushkin, M. Y. Lermontov and M. Gorky, as well as other works by library staff, revealing the national book and literary heritage, are presented.

Keywords: Library Department, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, scientific activity, publications

Научная работа является одной из основных задач библиотеки Пушкинского Дома (Отдел Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)). Постепенно развиваясь в XX в., к началу третьего тысячелетия она стала проводиться по трем магистральным направлениям – библиографоведение, библиотековедение и книговедение.

Основными трудами в области библиографоведения стали продолжающиеся персональные ретроспективные библиографические указатели, составляемые на протяжении многих десятилетий и отражающие литературу о А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове и М. Горьком. Они в настоящее время являются наиболее полными источниками библиографической информации, связанной с этими писателями, и давно уже заслужили серьезный авторитет среди специалистов. В их основу положены различные опубликованные материалы, объединенные по хронологическому принципу, а затем соответствующим образом структурированные. Весь представленный материал почерпнут из разных источников – текущих и ретроспективных библиографических пособий, статейных и прикнижных списков литературы, просмотра выставок новых поступлений, организуемых в БАН как для сотрудников, так и для читателей и т. д. Все большее значение в этой работе приобретает Интернет и, прежде всего, специализированные сайты, где можно не только выявить сведения о ранее неизвестных публикациях, но иногда и ознакомиться с ними в электронном

виде. Существенно, что в персональных библиографических указателях, даются только те публикации, которые были просмотрены *de visé*.

Интерес со стороны российского общества к отечественному литературному наследию значительно возрос, что связано с общей государственной политикой и переоценкой отношения к недавнему прошлому. Столь благоприятная тенденция отразилась и на общем потоке публикаций. Особенно она прослеживается на библиографических указателях о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова, выходивших на протяжении многих лет в издательстве БАН. Так, в 2021 г. был опубликован указатель, включивший в себя библиографическую информацию за 2012–2014 гг. (около 2800 записей), в прошлом году вышел указатель за 2015–2017 гг. (более 2200 записей) (сост. – Н. С. Беляев, отв. редактор – Г. В. Бахарева). По сравнению с более ранними персональными библиографическими указателями советского периода массив библиографических записей увеличился на 90%. Немаловажно, что сложившемуся положению дел способствует и рост числа государственных и общественных организаций – вузов, музеев, библиотек, ассоциаций, профессионально занимающихся вопросами лермонтоведения.

Не меньшее значение имеют библиографические указатели, отражающие литературу о М. Горьком. Они включают самый разнообразный печатный материал: монографии, сборники, статьи, посвященные известному советскому писателю. Все библиографические записи расположены в хронологической последовательности, а затем в алфавите авторов и заглавий. В указателе есть самостоятельные отделы – «Справочные издания», «Изучение творчества М. Горького в школе и вузе», «М. Горький и искусство». Приложениями к изданию явились «Алфавитный указатель имен и названий периодических изданий, кружков, обществ и учреждений», «Тематический указатель», «Алфавитный указатель произведений М. Горького». Научно-библиографическая работа, связанная с М. Горьким, особенно большой интерес представляет для специалистов-литературоведов ИМЛИ, занимающихся изданием Собрания его писем. В 2020 и 2023 г. вышли материалы к библиографии М. Горького, охватывающие период с 2011 по 2018 г. (составитель Е. Б. Валульская, научный редактор Г. В. Бахарева).

Безусловно, магистральным направлением в научно-библиографической работе библиотеки Пушкинского Дома является сбор и публикация библиографической информации, связанной с А. С. Пушкиным. В ИРЛИ существует отдел пушкиноведения, который кроме издания Собрания сочинений А. С. Пушкина ведет серьезную многоаспектную работу по изучению его наследия. В отличие от ранее рассмотренных библиографических указателей, посвященных М. Ю. Лермонтову и М. Горькому, библиографическая информация, связанная с А. С. Пушкиным, регулярно помещается в периодически выходящих выпусках «Временника Пушкинской комиссии». В 2019 г. Л. А. Тимофеевой и Ю. А. Сорокиной был подготовлен объемный труд «Библиография произведений А. С. Пушкина и литературы о нем. 1999 юбилейный год» (СПб., 2019). Кроме того, этими специалистами были подготовлены для различных изданий, прежде всего, уже упомянутого «Временника Пушкинской комиссии» персональные библиогра-

фические списки отечественных пушкинистов XX–XXI вв. – С. А. Кибальника, Н. Н. Петруниной, Л. И. Вольперт, Р. В. Иезуитовой, В. Д. Рака, Л. М. Аринштейна, М. Н. Виролайнен и др.

Однако независимо от персоналии, которой занимается библиограф, ему приходится прикладывать немало усилий по сбору и анализу имеющихся в его распоряжении источников. На своем пути он сталкивается со множеством проблем, от качественного решения которых непосредственно зависит конечный результат его труда. Во-первых, к сожалению, далеко не все тематически близкие издания на сегодняшний день отражаются в специальных текущих библиографических пособиях. Во-вторых, многие издательства, особенно региональные, игнорируют закон об обязательном экземпляре, что приводит к неизбежным лакунам, иногда невосполнимым в фондах библиотек. В-третьих, после 1991 г. комплектование отдела БАН при ИРЛИ РАН новыми профильными изданиями было явно недостаточно в связи с недофинансированием. Следовательно, более 90% всего печатного массива приходится просматривать в читальных залах Библиотеки Академии наук и Российской национальной библиотеки, что, безусловно, значительно замедляет обработку книг, журналов и газет как для картотек библиотеки Пушкинского Дома, так, и, следовательно, для персональных библиографических указателей. В сложившейся непростой ситуации, учитывая тяжелое финансовое положение БАН, следовало бы перенаправить имеющийся обязательный экземпляр, непосредственно связанный с литературой о А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове и М. Горьком в отдел БАН при ИРЛИ РАН, где в ней особенно нуждаются не только библиографы, но и сотрудники ИРЛИ.

Однако научная работа Отдела БАН при ИРЛИ РАН в области библиографоведения не исчерпывается исключительно составлением персональных ретроспективных указателей. Серьезный опыт в области ведения специализированных каталогов и картотек, а также библиографического обслуживания специалистов в области литературоведения, безусловно, требовал осмысления и обобщения, что выразилось в виде докладов на международных и всероссийских научных конференциях, а затем и в форме публикаций – «Отечественная критика, связанная с творчеством М. Ю. Лермонтова, на страницах газет начала 1840-х гг.» («Печать и слово Санкт-Петербурга»), «Лермонтовский кабинет библиотеки Пушкинского Дома: основные направления работы» (М. Ю. Лермонтов в контексте литературы и культуры народов Евразии), «Полное художественное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова: неосуществленный проект П. Е. Щеголева» (Лермонтовские чтения–2022), «Проведение юбилейных мероприятий, связанных со столетием со дня рождения М. Ю. Лермонтова в средних и низших учебных заведениях России» (Лермонтовские чтения–2019) (докладчик и автор статей Н. С. Беляев).

Не менее важным направлением в научной работе библиотеки Пушкинского Дома являются книговедческие исследования, прежде всего, базирующиеся на изучении ее фонда. Основой для них служат постоянно пополняющиеся «Картотека дарственных надписей» и «Картотека личных библиотек». В 2011 г. было принято решение о переводе картотеки дарственных надписей в элек-

тронный вид, что позволило в дальнейшем подготовить многотомный каталог «Издания с дарственными надписями из собрания Библиотеки Пушкинского Дома». Весь представленный материал был систематизирован в алфавите дарителей, а затем разделен на несколько выпусков, в которые вошли инскрипты, имеющие историко-культурное значение. Для столь востребованного издания среди специалистов-гуманитариев, начиная с 2012 г. Н. С. Беляевым была просмотрена большая часть всего библиотечного фонда. В ходе этой непростой работы дополнительно было выявлено несколько тысяч ранее неучтенных инскриптов, а также незафиксированных печатных материалов, принадлежавших к отдельным частным собраниям или реорганизованным библиотекам и в разные годы поступивших в библиотеку Пушкинского Дома. С 2014 по 2020 г. в издательстве БАН вышло пять выпусков каталога «Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома», в которые было включено более 5500 инскриптов (сост. Н. С. Беляев, ответственный редактор Г. В. Бахарева). В настоящий момент эта работа продолжается и в ближайшие годы планируется выпустить дополнительный том к основному своду. Существенно, что практический опыт по составлению такого рода изданий требовал своего осмысления, что стало темой для специальной публикации Н. С. Беляева «Методика подготовки печатных каталогов дарственных надписей на примере серии каталогов из собрания Библиотеки Пушкинского Дома» в продолжающемся сборнике «Личные библиотеки в составе фондов российских книгохранилищ: проблемы изучения» (РНБ).

На рубеже 2010–2020-х г. стало активно развиваться направление по изучению собраний, ранее принадлежавших отдельным образовательным и культурно-просветительским учреждениям, а также писателям, литературоведам, критикам, журналистам, библиографам. В этот период Н. С. Беляевым был подготовлен целый ряд выступлений на международных и всероссийских конференциях по данной проблематике, которые затем были опубликованы в виде статей в периодических и продолжающихся изданиях. Прежде всего, они были посвящены целенаправленному изучению собраний писателей, переводчиков, литературоведов: А. С. Пушкина, П. А. Плетнева, Л. Н. Андреева, А. Ф. Онегина-Отто, Б. Л. Модзалевского, Н. А. Котляревского, П. В. Анненкова, Ф. Ф. Фидлера, Э. Л. Линецкой, В. Б. Кудрявцева и др.

В последние годы в современном российском обществе особенно заметен интерес к жизни Российского Императорского Дома. В данном контексте небезынтересны книжные собрания, принадлежавшие отдельным его представителям. Примечательно, что в Пушкинском Доме есть издания из собраний всех российских императоров, начиная с Александра I и заканчивая Николаем II. В 2015–2017 г. Н. С. Беляевым были собраны материалы для доклада «Библиотеки Российского Императорского Дома в фонде Отдела БАН при ИРЛИ РАН».

Особой вехой в этом направлении стала публикация каталога «Издания из собрания великого князя Константина Константиновича в Библиотеке Пушкинского Дома» (СПб., 2022; сост. Н. С. Беляев, отв. редактор Г. В. Бахарева), включившего уникальные книги, принадлежавшие президенту Академии наук, поэту, литературному критику эпохи Серебряного века. Очень важно, что фигура

великого князя Константина Константиновича знаковая для Института русской литературы, так как он является одним из основателей Пушкинского Дома. В связи с этим в 2015 г. был начат сбор материала для описания собрания великого князя Константина Константиновича. Библиотека эта интересна не только тем, что принадлежала столь высокопоставленной и знатной особе. Она содержала в себе значительное количество маргиналий, отражавших отношение ее владельца к тем или иным литературным сочинениям современников, на которые он довольно часто составлял обширные рецензии с тщательным разбором наиболее ярких мест; здесь же можно обнаружить и его политические взгляды, прежде всего, на развитие общественного движения начала XX в.

Примечательно, что в отделе БАН при ИРЛИ РАН хранится библиотека известного литературоведа, библиографа и библиофила П. А. Ефремова, в ходе просмотра библиотечного фонда которой было выявлено около 1200 изданий, ранее ему принадлежащих. Столь серьезное собрание интересно, прежде всего, в научном плане. Общеизвестно, что издания из этой библиотеки содержали значительное количество маргиналий, включая ценные заметки самого П. А. Ефремова, которые, по сути, являлись самостоятельными научными исследованиями. В конце 2010-х гг. собрание П. А. Ефремова стало темой двух взаимосвязанных исследований, подготовленных Н. С. Беляевым. Первое из них – изучение поступления его в Пушкинский Дом в 1908 г., второе – более объемное – создание описания библиотеки П. А. Ефремова. Если тема проведения библиотеки П. А. Ефремова нашла свое логическое завершение в публикации в журнале «Русская литература» в 2019 г., то вопрос подготовки каталога коллекции ученого требовал более длительного времени, в настоящее время эта работа включена в общий научный план Библиотеки Академии наук, что позволит ее осуществлять более целенаправленно.

Существенным направлением в научной работе отдела БАН при ИРЛИ РАН является изучение истории отдела как одного из ведущих культурных учреждений России. В 2019 г. удалось опубликовать монографию «История Библиотеки Пушкинского Дома, 1906–2016» (Н. С. Беляев), рецензентами которой выступили сразу два крупных ученых – профессор Санкт-Петербургского государственного института культуры, библиотеквед М. Н. Колесникова и главный научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), историк литературы Т. Г. Иванова. Исследование базировалось в значительной степени на изучении архивных материалов и раскрывало все направления ее деятельности. Важное место в книге занял отдел, посвященный биографиям сотрудников библиотеки. В 2021 г. книга была награждена поощрительным дипломом «Всероссийского конкурса научных работ по библиотекведению, библиографии и книговедению», организованным Министерством культуры Российской Федерации, в номинации: «Лучшая научная работа в области библиотекведения». Примечательно, что и сегодня это направление также развивается. В 2022 г. в материалах Международных книговедческих чтений, организуемых Национальной библиотекой Беларуси, вышла статья о первой заведующей библиотекой Пушкинского Дома – «Еввалия Павловна Казанович – уроженка Могилевской губернии на службе русской науки» (Н. С. Беляев). Нынешнее поколение библиотекарей не остав-

ляет своим вниманием современников, отдавших много лет своей жизни и сил на благо библиотеки. В 2023 г. исполнилось 90 лет Ольге Валентиновне Миллер – известному отечественному библиографу и лермонтовед, чьи работы вошли в Золотой фонд отечественной науки. К этой дате были подготовлены две публикации: «Ольга Валентиновна Миллер – ученый и библиограф»¹ и «Сотрудник библиотеки Пушкинского Дома Ольга Валентиновна Миллер – лермонтовед и библиограф»².

В конечном итоге, научная работа в Отделе БАН при ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) успешно развивается по нескольким важным направлениям, ориентированным на читателя – специалиста в области истории русской литературы. Особенно хотелось отметить, что многие советы и консультации, полученные от известного русского библиотековеда и педагога А. Н. Ванеева в период обучения в Санкт-Петербургском государственном институте культуры, до сих помогают в решении насущных исследовательских вопросов сотрудникам библиотеки ИРЛИ – в прошлом его ученикам.

Примечания

¹ Беляев Н. С. Ольга Валентиновна Миллер – ученый и библиограф // Палимпсест : лит. журн. 2023. № 1. С. 123–135.

² Беляев Н. С. Сотрудник библиотеки Пушкинского Дома Ольга Валентиновна Миллер – лермонтовед и библиограф // Источники по лермонтоведению и изучению лермонтовских мест : материалы междунар. науч. лермонтовск. конф., 24–26 мая 2023 г. Пятигорск, 2024. С. 39–52.

Н. Г. Донченко

**Вклад профессора А. Н. Ванеева в подготовку кадров
для Северо-запада России (1995–2010)**

Рассмотрена деятельность профессора А. Н. Ванеева в Санкт-Петербургском государственном институте культуры, его работа в государственных экзаменационных комиссиях в филиалах института в Северо-Западном федеральном округе. Охарактеризованы подготовленные им учебные пособия по истории библиотечного дела, библиотечному менеджменту и методическому обеспечению библиотечной деятельности для самостоятельной работы студентов-заочников.

Ключевые слова: А. Н. Ванеев, подготовка кадров, заочное обучение, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Natalya G. Donchenko

**Professor A. N. Vaneev's contribution to the training of personnel
for the North-West of Russia (1995–2010)**

The article examines the activities of Professor A. N. Vaneev at the St. Petersburg State Institute of Culture, as well as his work on state examination commissions at the institute's branches in the North-Western Federal District. The article also describes the textbooks he has prepared on the history of library science, library studies, library management, and methodological support for library activities for independent study by part-time students.

Keywords: A. N. Vaneev, personnel training, correspondence education, St. Petersburg State Institute of Culture

Профессор Анатолий Николаевич Ванеев (1925–2019) – известный ученый, талантливый педагог и удивительный человек. Его деятельность высоко оценена коллегами-учёными, коллегами – педагогами и практиками библиотечного дела. По мнению известных ученых, докторов педагогических наук В. Р. Фирсова и Г. В. Михеевой «вклад А. Н. Ванеева в развитие библиотечного дела нашей страны огромен, он касается всех направлений этой области науки и практики, учёный-теоретик, внёсший вклад в разработку общетеоретических проблем библиотечного дела; учёный-историк, построивший «историческое здание» отечественного библиотечного дела от его зарождения по XXI в.; методист-практик, прошедший все ступеньки библиотечной профессии – от библиотекаря Кировской областной библиотеки имени А. И. Герцена – до заместителя директора этой библиотеки, от внештатного преподавателя учебно-консультационного пункта Ленинградского государственного института культуры – до заведующего кафедрой этого института в Ленинграде; учёный-педагог, подготовивший целую плеяду современных теоретиков-библиотечников и организаторов библиотечного дела не только в нашей стране, но и за рубежом»¹.

Не менее весомый вклад внес Анатолий Николаевич в подготовку библиотечных кадров высшей квалификации. Более пятидесяти лет его жизнь и профессиональная деятельность были тесно связаны с Санкт-Петербургским государственным институтом культуры (СПбГИК). Он прошёл в институте славный путь от преподавателя до профессора и заведующего кафедрой. В последние годы своей педагогической деятельности в институте Ванеев в основном работал

на заочном отделении библиотечно-информационного факультета и руководил аспирантами.

На протяжении многих лет СПбГИК был и остается ведущим вузом культуры в нашей стране по подготовке кадров для библиотек северо-западных регионов России. Уже стало традицией то, что абитуриенты из этих регионов выбирают именно библиотечно-информационный факультет и заочную форму обучения.

Северо-Западный регион России включает 11 субъектов Российской Федерации, объединенных в федеральный округ. В Северо-Западном федеральном округе находятся республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Мурманская, Новгородская, Псковская области, Санкт-Петербург и Ненецкий автономный округ с общим населением около 14 миллионов человек. В округе существует достаточно большая библиотечная сеть. В рассматриваемый хронологический период по данным аналитической справки Министерства культуры Российской Федерации насчитывалось около 4000 библиотек, в которых работали более 13 000 сотрудников, из них 47,5% с высшим библиотечным образованием, 42,6% – средним библиотечным, 9,95% – средним общим образованием².

Библиотечно-информационный факультет СПбГИК имел авторитет в отрасли и хорошие возможности в подготовке кадров как в количественном, так и в качественном выражениях. На рубеже 1990–2000-х гг. на библиотечно-информационном факультете по очной, заочной и очно-заочной формам обучалось приблизительно 1800 студентов, в том числе 10% по целевому приему. Ежегодный набор составлял 330 человек, из них: 140 по очной форме, 130 по заочной форме и 60 по очно-заочной форме. На факультете работали известные в стране ученые и педагоги, авторы многих учебников и учебных пособий преподавали студентам общепрофессиональные и специальные дисциплины.

Впервые на факультете в 1995 г. состоялся выпуск специальной группы, состоящей из сотрудников библиотек Республики Карелия. Набор был осуществлен по инициативе Министерства культуры Республики Карелия и приказу Министерства культуры Российской Федерации. Среди выпускников этой группы были сотрудники Национальной библиотеки, городских, районных и сельских. В середине 1990-х гг. были открыты филиалы института в Великом Новгороде, Пскове, Архангельске, Сыктывкаре, Советске Калининградской области и учебно-консультационный пункт в Петрозаводске. Успехам заочного отделения библиотечно-информационного факультета во многом способствовала активная работа с заочниками профессоров В. С. Крейденко, А. В. Мамонтова, И. А. Шомраковой, В. А. Бородинной, доцентов Е. Н. Буринской, Р. Ф. Грининой, И. И. Тихомировой, Е. Н. Томашовой. Но, безусловно, наиболее значительный вклад в развитие заочного обучения на библиотечно-информационном факультете в эти годы внёс профессор Ванеев. Он всегда с удовольствием работал со студентами заочного отделения. Основная причина заключалась в том, что он сам получал высшее профессиональное образование по заочной форме. А. Н. Ванеева и заочное отделение библиотечно-информационного факультета связывали долгие годы тесного и плодотворного сотрудничества³. Он особенно много работал со студентами-заочниками после ухода с должности заведующего кафедрой библиотеко-

ведения в 1995 г. Профессор А. Н. Ванеев не только преподавал студентам-заочникам учебные дисциплины «Библиотековедение» и «Библиотечный менеджмент» (ранее «Организация, экономика и управление библиотечным делом»), но и был членом Государственной аттестационной комиссии долгие годы. Впервые на факультете им были разработаны методические рекомендации для студентов-заочников для подготовки к государственному экзамену по специальности⁴.

В институт на заочное отделение в основном поступали лица, имеющие среднее библиотечное образование, они определялись в специальные группы для обучения по сокращённой программе со сроком обучения 3 года. Для них был разработан специальный учебный план. В разработке программы и учебного плана принимал участие профессор А. Н. Ванеев в качестве эксперта.

На протяжении 15 лет Анатолий Николаевич выезжал в филиалы института. Ежегодно по 2 раза в каждый филиал, в итоге получалось 10 командировок в учебный год. Помимо чтения лекций, проведения семинарских и практических занятий по библиотекведческим дисциплинам во всех филиалах института, в Калининградском филиале он руководил выпускными квалификационными работами в рамках функциональной специализации «Библиотечное обслуживание в общедоступных библиотеках». Анатолий Николаевич помогал руководителю специализации профессору Владимиру Семеновичу Крейденко в подготовке студента дипломных работ.

При этом он не переставал заниматься научной и методической работой. За период с 1995 по 2010 гг. им опубликовано 144 работы. Анатолий Николаевич привозил в филиалы свои книги и учебные пособия по истории библиотечного дела, библиотекведению, библиотечному менеджменту и методическому обеспечению библиотечной деятельности⁵. Ученый передавал свои книги безвозмездно областным библиотекам и филиалам института. Благодаря ему фонды региональных библиотек пополнялись учебной литературой и использовались не только студентами, но и практиками. Иногда в филиалах для студентов и сотрудников библиотек проходили презентации новых книг. Большое практическое значение для обеспечения учебного процесса в филиалах и библиотечной практики имели издания о конфликтах в библиотеках, методической деятельности⁶. Особо стоит упомянуть «Справочник библиотечаря»⁷, научным редактором которого был Ванеев. Он также написал и несколько разделов для справочника. «Справочник библиотечаря», впервые в новой концепции опубликованный в 2000 г. и переизданный ещё много раз, надолго стал настольной книгой для студентов-заочников, особенно в филиалах института.

Говоря о профессоре А. Н. Ванееве как преподавателе, обязательно надо вспомнить о методах, которые он использовал на практических занятиях. Это деловые игры по учебной дисциплине «Библиотечный менеджмент» и библиотечные кроссворды по учебным дисциплинам «Библиотековедение» и «История библиотечного дела»⁸.

Долгие годы в филиалах института Анатолий Николаевич выполнял обязанности члена Государственной аттестационной комиссии. Вопросы, которые он задавал студентам на государственном экзамене по специальности и защите дипломных работ, всегда были по существу, конкретны и лаконичны. В некоторых

обстоятельствах ему приходилось выполнять обязанности заместителя председателя комиссии. Тогда он составлял отчет о работе комиссии. Его отчеты были обстоятельными и глубокими, наглядно свидетельствовали о его высоком методическом мастерстве.

Роль профессора Ванеева в подготовке библиотечных кадров в условиях заочной формы обучения огромна. В период его активной работы на заочном отделении окончили институт около 3000 человек, из них 800 человек – в филиалах. Многие выпускники 1990–2000-х гг. сегодня занимают руководящие посты в библиотеках разных систем и ведомств, работают ведущими библиотекарями в районных и городских библиотеках, заведуют школьными и сельскими библиотеками не только в северо-западном регионе страны.

Примечания

¹ Фирсов В. Р., Михеева Г. В. Человек, не подвластный времени // Анатолий Николаевич Ванеев: биогр. науч.- пед. деятельности. СПб., 2014. С. 16.

² Северо-Западный федеральный округ. Библиотеки // Культура России: аналитический справочник / под ред. В. С. Малышевой. М., 2005. С. 164.

³ Донченко Н. Г. Профессор А. Н. Ванеев и заочное отделение БИФ // Анатолий Николаевич Ванеев: биогр. науч.- пед. деятельности. СПб., 2014. С.44.

⁴ Ванеев А. Н. Методические указания по подготовке к государственному экзамену по библиотекведению. СПб., 1993. 6 с.

⁵ Ванеев А. Н. Библиотекведение в России в первой половине XIX в.: учеб. пособие. СПб.: СПбГАК, 1995. 60 с.; Ванеев А. Н. Библиотекведение в России во второй половине XX века: учеб. пособие. СПб.: СПбГАК, 1999. 70 с.; Ванеев А. Н. Библиотечное дело: теория, методика, практика. СПб.: Профессия, 2004. 368 с.; Ванеев А. Н. Библиотечный менеджмент: метод. разработка для студ. заоч. отд-ния. СПб.: СПбГУКИ, 1999. 16 с.; Ванеев А. Н. Кафедра библиотекведения библиотечно-информационного факультета (1991–2004) // От книжно-библиотечной комиссии Института внешкольного образования до кафедры библиотекведения и теории чтения СПбГУКИ: историч. очерк. Санкт-Петербург, 2009. С.84–95; Ванеев А. Н. Развитие библиотекведческой мысли в России: XI-нач. XX века. М.: Пашков дом, 2003. 304 с.; Лаврик О. Л. Историческое библиотекведение во взглядах А. Н. Ванеева: методология и методы исторических исследований // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2025. № 1 (62). С. 177–182; Леонов В. П. Классик отечественного библиотекведения // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2025. № 1 (62). С. 183–186; Михеева Г. В. Классик отечественного библиотекведения // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2025. № 1 (62). С. 187–190.

⁶ Ванеев А. Н. Конфликты в библиотеке: предупреждение и разрешение. СПб.: Профессия, 2001. 120 с.; Ванеев А. Н. Методическое обеспечение библиотечной деятельности: учеб. пособие. М.: Профиздат, 2000. 144 с.

⁷ Справочник библиотекаря /А. Н. Ванеев и др.; науч. ред. А. Н. Ванеев, В. А. Минкина. 3-е изд., исп. и доп. СПб.: Профессия, 2005. 496 с.

⁸ Ванеев А. Н. Программа курса «Развитие библиотекведческой мысли в России» // Современное библиотечно-информационное образование: учеб. тетр. Санкт-Петербург, 1997. Вып. 2. С.107–112; Ванеев А. Н. Управление библиотечным делом: метод. разработка для студентов 4-го курса. СПб.: СПбГАК, 1995. 16 с.

И. Д. Кадыров

Критическое мышление библиотекарей как инструмент повышения устойчивости к информационным атакам и манипуляциям

Рассмотрено понятие критического мышления, его значения в современной жизни, основных компонентов, путей формирования. Охарактеризованы информационные атаки и манипуляции. Представлены способы библиотек и библиотекарей в формировании информационной безопасности.

Ключевые слова: критическое мышление, информационная безопасность, информационные манипуляции, библиотекари

Ildar D. Kadyrov

Critical thinking of librarians as a tool to increase resilience to information attacks and manipulation

The concept of critical thinking, its importance in modern life, its main components, and ways of formation are considered. Information attacks and manipulations are characterized. The methods of libraries and librarians in the formation of information security are presented.

Keywords: critical thinking, information security, information manipulation, librarians

Темп жизни ускоряется, и это то, что характеризует нашу действительность. Еще тридцать лет назад жизнь была более размеренной, а коммуникация медленной, чего не скажешь о сегодняшнем дне, где за минуту можно получить и отправить десятки сообщений в мессенджерах, социальных сетях, найти информацию в интернете, вызвать такси, заказать продукты курьеру и дать команду пылесосу убирать дом. С одной стороны, жить стало проще, с другой, создается эффект «белки в колесе», когда все время спешишь и ничего не успеваешь.

Цифровые аборигены, то есть молодежь, которые, метафорически говоря, научились пользоваться гаджетами раньше, чем начали ходить, также ощущают это ускорение.

Телевидение, социальные сети и мессенджеры заставляют быть всегда «в курсе», быстро реагировать на поступающую информацию, и не важно, какого человек возраста, учится или работает, всем приходится ежедневно обрабатывать много информации, порой не нужной, недостоверной, а иногда и откровенно фейковой, манипулятивной. Кроме того, знания, которые мы используем сегодня, завтра могут устареть. С другой стороны, оперативная информация позволяет быстро принимать решения. И то, и другое сказывается на физическом и психологическом здоровье в условиях роста темпа жизни и количества информации.

В мире, где информация самый ценный ресурс, должен быть проводник к знаниям, маяк, помогающий не потеряться в этом потоке информации и научить работать с ней. Поэтому как бы ни хотелось некоторым думать об исчезновении профессии библиотекаря и библиотеки в целом, именно они являются сегодня тем маяком и проводником в мире знаний и информации.

Библиотекари также, как и многие другие профессионалы, например, преподаватели, журналисты и аналитики данных, подвергаются информационной

перегрузке, информационным атакам и манипуляциям. Чтобы противостоять этому и помогать делать это другим, нужно владеть навыками эффективного мышления. По мнению Джо У. Ф. Лау, эффективное мышление обладает свойствами критичности и креативности¹. Оба важны одинаково. Креативность – свойство для поиска альтернативы в решении проблемы, критичность – помогает оценить альтернативу.

В данной статье речь идет о критическом мышлении библиотекарей – инструменте, с помощью которого они смогут находить нестандартные решения для противодействия и устойчивости к информационным атакам и манипуляциям, рассмотрены компоненты критического мышления, обоснована важность его развития.

Если говорить кратко, то критическое мышление – умственный процесс, который включает анализ, оценку и интерпретацию информации для принятия решений. На практике это означает подвергать сомнению полученные сведения, использовать логические и рациональные методы решения проблем. Это позволяет человеку быть независимым в своих суждениях.

Основные компоненты критического мышления включают:

1. Разделение информации на части, чтобы выявить взаимосвязи и понять структуру аргументов.
2. Оценку и анализ данных, поиск достоверных источников, проверку информации. Отбор истины из предположений.
3. Формулировку собственного мнения на основе данных.
4. Использование логических принципов при доказательстве собственных суждений и аргументов.
5. Самоанализ, то есть способность осознавать и корректировать свои когнитивные процессы и предвзятость.

На Всемирном экономическом форуме в Давосе (2020), участники включили критическое мышление в число важных навыков, которые ценятся работодателями и станут более значимыми в ближайшей перспективе².

Как понять, что человек обладает критическим мышлением? По мнению Н. Непряхина³, главы Школы критического мышления, человек, который обладает критическим мышлением, способен:

- быть наблюдательным, внимательным и любознательным;
- быть рациональным, понимать логические и причинно-следственные связи между разными идеями и понятиями;
- быстро анализировать суждения окружающих и оценивать их;
- давать объективную оценку происходящему и доносить ее до окружающих;
- принимать взвешенные решения;
- замечать нестыковки, несоответствия и ошибки в логике и аргументации;
- рефлексивно оценивать собственные мнения и верования;
- признавать свои ошибки.

В основе критического мышления лежит потребность в безопасности. По мнению Л. В. Астаховой особое внимание необходимо направить на осознание и актуализацию потребности в информационно-психологической безопасности (ИПБ), так как информационно-психологические воздействия носят скрытый характер и, зачастую, не осознаются личностью, что приводит к негативным последствиям.

Именно потребность в ИБП должна запустить механизм критического мышления, которое Л. В. Астахова рассматривает как особый вид умственной деятельности, позволяющей выявлять негативные информационные воздействия в текстах, основываясь на логике, рефлексии, анализе, интерпретации, знаниях видов информационных воздействий, что приводит в действие защитные установки личности⁴.

Для библиотекарей критическое мышление необходимо, так как они выступают посредниками между информацией и пользователями.

Библиотеки традиционно считаются источником достоверной и объективной информации. Однако в условиях информационных атак и манипуляций их репутация и эффективность могут быть поставлены под угрозу.

Информационные атаки и манипуляции могут принимать различные формы – от распространения фейковых новостей до кампании по дезинформации. Они влияют на общественное мнение и снижают доверие к информации. Если рассматривать библиотекарей как хранителей знаний и проводников в мире информации, то именно они должны играть одну из ключевых ролей в противодействии этим угрозам.

Что такое информационные атаки и манипуляции? Информационные атаки – это действия по распространению ложной или недостоверной информации с целью повлиять на общественное мнение, дестабилизировать ситуацию или навредить репутации организаций или отдельных граждан. Манипуляции – это искажение восприятия информации, например, выборочные факты, эмоциональные призывы и другие техники убеждения.

Некоторые примеры таких явлений:

- фейки о библиотеках. Например, фейковые новости о запретах на определенные книги или изменении в политике доступа к информации. Такие атаки могут подорвать доверие общественности к библиотекам,
- дезинформация. Например, в условиях политической напряженности может происходить распространение ложной информации о мероприятиях или лекциях, проводимых в библиотеках,
- социальные медиа-атаки направлены на дискредитацию деятельности библиотеки или ее сотрудников,
- использование статистических данных для манипуляции общественным мнением о значимости и эффективности библиотек,
- кибератаки на библиотеки с целью изменения или уничтожения информации, подмену данных в каталогах, кража личных данных, как читателей, так и сотрудников библиотеки и др.

В открытых источниках есть примеры информационных атак на библиотеки. В 2020 г. Публичная библиотека Нью-Йорка (NYPL) столкнулась с распространением ложной информации в социальных сетях о том, что она собирается закрыть несколько филиалов из-за сокращения бюджета. На самом деле библиотека закрывалась на две недели из-за COVID-19. Библиотека была вынуждена выпустить официальное заявление и опровергнуть ложь⁵.

Бостонская публичная библиотека США в 2021 г. подверглась кибератаке с целью нарушить доступ к ее цифровым ресурсам. Библиотека была вынуждена временно ограничить доступ к некоторым онлайн-сервисам⁶.

28 октября 2023 г. на Британскую библиотеку была совершена кибератака, в результате которой произошла утечка данных, уничтожение значительного объема серверного оборудования. Были заблокированы все пользователи, и украдены базы данных с персональными данными пользователей и сотрудников. Атаку осуществила группа Rhysida, которая чуть позже выложила файлы библиотеки в даркнете и организовала аукцион, потребовав 20 биткоинов за полный набор данных⁷.

12 октября 2024 г. подверглась кибератаке публичная библиотека Калгари. В результате некоторые системы учреждения оказались под угрозой, что привело к досрочному закрытию всех филиалов. В рамках защитных мер библиотека также отключила все серверы и ограничила доступ к компьютерам, находящимся в ее распоряжении⁸.

Примеры подобных атак и манипуляций на российские библиотеки, к счастью, мы не нашли. Однако, если подобные примеры есть, их необходимо освещать в открытых источниках, чтобы общественность и пользователи библиотек знали, что такое возможно, и были готовы отражать, в том числе, негативные информационно-психологические воздействия и критически оценивать поступающую информацию.

Как библиотеки и библиотекари могут противодействовать информационным атакам и манипуляциям? Это должно выражаться в следующем:

1. Проверять факты и источники информации, а также обучать сотрудников и читателей методам выявления дезинформации;
2. Разрабатывать и проводить для пользователей тренинги, а для библиотекарей программы повышения квалификации по развитию критического мышления;
3. Оставаться открытыми в вопросах политики доступа к информации. Это повышает доверие пользователей;
4. Сотрудничать с организациями и экспертами в области борьбы с дезинформацией для укрепления позиций библиотеки как надежного источника информации;
5. Уметь адаптироваться к новым вызовам, использовать критическое мышление для разработки эффективных стратегий работы с информацией.

Таким образом, критическое мышление библиотекарей должно способствовать их профессиональному развитию, укреплению их роли как надежных проводников в мире информации.

В заключение отметим: развивать критическое мышление можно и нужно. Этот навык не дается легко, это труд, который обязательно принесет пользу. Критическое мышление – это не про критику (как думают некоторые). Это про то, как безопасно жить и ориентироваться в бесконечном потоке информации, про то, как сомневаться в ней. Чем сложнее высказывание или идея, тем больше вопросов необходимо задать. Важно проверять информацию, даже, если источник кажется достоверным, необходимо самим искать первоисточники.

Примечания

¹ Лау Джо У. Ф. Введение в критическое мышление и теорию креативности : пер. с англ. М.: Эксмо, 2017. 368 с.

² Это 10 главных профессиональных навыков будущего – и сколько времени потребуется, чтобы их освоить : материалы Междунар. экономического форума в Давосе. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/10/top-10-work-skills-of-tomorrow-how-long-it-takes-to-learn-them/> (дата обращения: 10.10.2024).

³ Непряхин Н. Что такое критическое мышление? URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e0608ea9a7947fa3c1bcf34?from=copy> (дата обращения: 11.10.2024).

⁴ Астахова Л. В., Харлампьева Т. В. Критическое мышление как средство обеспечения информационно-психологической безопасности личности : монография. М.: РАН, 2009. 144 с.

⁵ Нью-Йоркская публичная библиотека временно закрывает все свои филиалы. URL: <https://www.nypl.org/press/new-york-public-library-temporarily-close-all-locations> (дата обращения: 09.10.2024).

⁶ Хакеры атаковали одну из крупнейших в США библиотек. URL: <https://www.itsec.ru/news/hakeri-atakovali-odnu-iz-krupneyshih-v-ssha-bibliotek> (дата обращения: 09.10.2024).

⁷ Кейс Британской библиотеки: политика полной прозрачности как образец для подражания. URL: <https://ib-bank.ru/bisjournal/news/21162> (дата обращения: 13.10.2024).

⁸ Библиотеки закрываются из-за кибератаки. URL: <https://immigrant.today/canada/27934-biblioteki-zakryvajutsja-iz-za-kiberataki.htm> (дата обращения: 11.10.2024).

И. Е. Кознова

**Мир чтения советского школьника
(по дневникам Ивана Хрипунова, 1937–1941 гг.)**

О становлении личности через чтение (по материалам читательских дневников советского сельского школьника Ивана Хрипунова). Представлена картина формирования читательского вкуса подростка в контексте исторических событий в стране конца 1930-х – 1941 гг., когда автор, мобилизованный на войну, вскоре погибает. Отражены его оценки разных произведений отечественной и зарубежной литературы.

Ключевые слова: чтение школьника, 1930-е гг., читательское развитие, читательский дневник

Irina E. Koznova

**The World of reading for a Soviet schoolboy
(based on the diaries of Ivan Khripunov, 1937–1941)**

About the formation of personality through reading (based on the materials of the readers' diaries of the Soviet rural schoolboy Ivan Khripunov). The article presents a picture of the formation of a teenager's reading taste in the context of historical events in the country in the late 1930s – 1941, when the author, mobilized for the war, soon dies. His assessments of various works of Russian and foreign literature are reflected.

Keywords: schoolboy reading, 1930s, reader's development, reader's diary

Памяти всех защищавших Родину
в Великую Отечественную войну

Взросление поколения родившихся в 1920-е гг. пришлось на предвоенные годы, когда в советском обществе произошел поворот к освоению исторического и культурного наследия. Значимое место в этом процессе отводилось формированию круга чтения советского читателя, а школа и библиотеки играли в нем ведущую роль.

Сельский школьник Иван Хрипунов, родившийся в 1923 г. и бывший на два года старше Анатолия Ванеева, ставшего впоследствии видным библиотековедом, педагогом и автором учебников, описал путь становления себя как читателя в дневниках, которые он вел с января 1937 по 1941 г.¹. Следует отметить, что ведение дневника – явление крайне редкое и скорее уникальное для сельской среды. По замыслу Хрипунова дневнику предстояло стать правдивым и точным повествованием о жизни. Он также загадывал, что спустя многие годы дневниковые записи позволят ему вернуться в прошлое и заново его «пережить».

Иван родился в многодетной крестьянской семье, предки которой были выходцами из Малороссии. Его отец был участником Первой мировой войны, а вернувшись домой, занялся развитием своего хозяйства, расположенного на одном из хуторов Нижнего Поволжья. В коллективизацию семья была «раскулачена», отца Ивана выслали в Сибирь. Оставшись без главы и хозяйства, семья бедствовала, подвергалась унижениям, при этом мать работала в колхозе. Отцу удалось сбежать из ссылки, он долго скрывался, но смог вернуться в родные места и стал

сапожничать. Однако притеснения в колхозе продолжались, и семья, опасаясь нового ареста главы, а также в поисках «хлебного места», переехала в 1937 г. в одну из станиц на Кубани. Жизнь там, однако, оказалась тяжелее, и в августе 1940 г. они совершили новый переезд – в Ростовскую обл., в район Сальских степей. Иван был мобилизован на фронт осенью 1941 г. и погиб в 1942 г., его родители умерли в оккупации, старший брат воевал, вернулся с фронта, создал семью. В ней и были сохранены дневники и другие записи подростка.

На протяжении тех лет, что Иван Хрипунов вел дневники, главным его занятием была учеба в школе. Он был отличником, награждался похвальными грамотами, и можно предполагать, что чтение было составной частью его жизни. Тем не менее в дневнике за 1937 г. записи об этом занятии практически отсутствуют. Есть только упоминание о Пушкине как «величайшем русском поэте» и о покупке на базаре книжки «Зимовье на Студеной» Д. Мамина-Сибиряка.

В следующем 1938 г. в дневнике появилось больше записей о чтении. 30 июня 1938 г. Иван записался в библиотеку, а в середине августа отметил в дневнике, что во время летних каникул «читал книги, работал по домашнему и помогал отцу сапожничать», вслед за чем шел перечень прочитанного: «В людях», «Щорс», «Всадник без головы», «Я – сын трудового народа», «Приключения Тома Сойера», «Белеет парус одинокий», «Марсельцы», «Робинзон Крузо», «Борьба за огонь», «Гоголь», «Жерминаль», «Старая крепость», «Приключения Гекльберри Финна», «Дети капитана Гранта»².

Очевидно, что в жизни Ивана произошли изменения, связанные именно с чтением. Позже в «Автобиографии», написанной в сентябре 1941 г. Иван пояснил, как он превратился в заядлого читателя. У Ивана был друг Анатолий, годом старше. У мальчиков были схожие интересы и представления. Оба не любили общества, были тихие, смирные и робкие, особенно по отношению к девочкам; катались на лыжах и коньках. Но главное – любили читать. Иван стал читать позже Анатолия, только с июля 1938 г. До этого он думал, что чтение книг помешает ему в учебе, однако потом понял, что даже помогает ей. Первые взятые в библиотеке книги увлекли подростка так, что их чтение стало «болезнью». Иван читал за едой, по ночам. Так, среди ночи 23 октября 1938 г. Иван вместе с сестрой и матерью проводил отца в поездку за разным товаром в Ленинград через Москву. Вернувшись домой, парень не лег спать, а сел читать книгу и читал до утра³. В другой раз он читал до рассвета, а затем «выгнал в табун корову»⁴. Наиболее интересной для Ивана стала приключенческая литература, а среди авторов – Ж. Верн⁵. Кстати, по свидетельству старшего сына А. Н. Ванеева – Сергея Анатольевича, его отец в школьные годы был активным читателем и тоже отдавал предпочтение приключениям, в частности, книгам Майн Рида. В семье было собрание сочинений писателя.

21 ноября И. Хрипунов следующим образом описал свое вхождение в мир книги: «Обыкновенно я в библиотеке беру читать книги. Сначала я не имел охоты читать книги, но потом так ими увлекся, что до полуночи сижу над ними, часто нехорошо выучиваю уроки. Мать и отец бранят за это, будто я от этого потеряю зрение. Когда я кончаю читать книгу – несу в библиотеку. И в это время себя чувствую отчего-то радостно и весело»⁶. Когда 17 декабря из-за холода

в школе учеников после первого урока распустили по домам, парень, придя домой, с жадностью стал рисовать и читать книги, а об уроках ему не хотелось и думать⁷. А вот в январе 1939 г. в связи с большим количеством школьных уроков и объемом домашних заданий школьнику пришлось отложить в сторону чтение библиотечных книг⁸. Впрочем, интерес к чтению не затмевал у И. Хрипунова желания предаться тем или иным забавам. 8 декабря после обильного снегопада Ивану так захотелось на лыжи, что он сразу же бросил книги и принялся кататься по пушистому снегу⁹.

Отношение же родителей к увлечению сына было скептическим. Тот хорошо показал это в записи 5 декабря 1938 г.: «Сегодня вечером, когда я читал книгу, отец сказал: „Иван, брось читать. Як она тобы ны доймет. Пойди к Курилину (хозяину) и позови его к нам с мандалиной!“ Я почему-то не пошел, а за меня пошла мать. И когда мы сели ужинать, то званный явился с женою». Павел стал играть на гитаре, хозяин на мандолине, мать с отцом и хозяйка любовались играющими. Иван то смотрел в книгу, то на них. Вскоре по просьбе всех он взял балалайку и заиграл, потом увлекся игрой. Отец радовался, обещал дать сыну денег на конфеты, размечтался о семейном струнном оркестре...¹⁰.

Скепсис родителей еще более усилился и вызвал новую волну страха после того, как однажды пришедший к ним знакомый рассказал неприятную для Ивана историю, согласно которой один парень, отлично учившийся и просиживавший вечера над книгами, «потом стал мешаться умом (сдувая воображаемую с предметов пыль) и сошел с ума». Знакомый предостерегал: «Смотри, Иван, ты тоже то делаешь, чтоб и с тобою того не случилось. Надо больше на воздухе быть». Вывод подростка лежал в другой плоскости: «*И я уже не стал иметь полного права читать книги* (курсив наш. – И. К), от которых еще станет „дурно“»¹¹.

Полуграмотному отцу Ивана мир книг был чужд и непонятен. Впрочем, его жизнь полностью сводилась к заботам о хлебе насущном, к стремлению заработать больше, купить продукты, промтовары, проблем с приобретением которых становилось все больше. Если вернуться к упомянутой выше поездке отца, то 31 октября от него пришла открытка. Иван воспроизвел ее текст на страницах дневника: «Стал. облос. Станция Чирнишково Чир. Района улица Кузнецкая дом № 21 (на самом деле наш дом № 29) Ивану Ехремовичу Хрипунову. Из Ленинграда 27-го октября, 7 часов утра. Добрый день многоуважаемая сима сообщая, что сейчас ожидаю у станции утра в Ленинграде прибыл благополучно насчет товару низнаю как есть или нет через час пойдем у Город Ленинград погода и здесь хороша но прохладна пока остануся жив и здоров. 27 октября в 7 часов утра Хрипунов»¹². По возвращении отца 1 ноября домой выяснилось, что поездка получилась неудачной: вся Москва и Ленинград были заполнены длинными и беспорядочными очередями. Милиция проверяла документы у стоявших в очереди, выводила из нее («выпихивала») иногородних, жителей других районов города, штрафовала их. Все же отцу удалось купить кое-что из одежды для членов семьи¹³.

Да и Иван с сестрами вынужден был между уроками, чтением книг и рисованием стоять в долгих очередях за хлебом и мануфактурой. Особенно частым и тяжелым стояние в очередях стало после переезда Хрипуновых с Нижнего Поволжья на Кубань весной 1939 г. Кстати, их поездка по железной дороге предпо-

лагала пересадку в Ростове; тогда же подросток впервые увидел город, да еще и крупный, который произвел на него сильное впечатление. В Ростове Иван купил за 25 коп. брошюру «Доклад Сталина на XVIII съезде ВКП(б)» и сразу принялся читать ее в поезде, но скоро от чтения и, укаченный движением, он заснул¹⁴.

В одной из двух комнат (малой), что Хрипуновы снимали, стоял стол с книгами Ивана и его младшей сестры. Вступив еще на старом месте в январе 1939 г. в комсомол, подросток в новой для него школе станицы Динской пошел в мае на комсомольское собрание, прихватив с собой книгу и тетрадь, чтобы «чем-нибудь развлечь себя за шесть, а то и больше часов собрания»¹⁵.

В Динской Иван записался в районную библиотеку. Правда, пошел он туда не без робости и даже в первый раз не дошел до нее, но все же потом довел дело до конца, а в дневнике подробно описал процедуру записи¹⁶. Библиотека размещалась в общем с избой-читальней здании; их разделял узкий коридор; обе состояли из двух комнат. Иван приходил в читальню ради прессы и новостей, поскольку в Динской они не получали газет на дом¹⁷. Перед началом учебного года подросток записался и в школьную библиотеку. Ее главными преимуществами были удобство расположения и возможность для читателей самим выбирать книги на стеллажах. Однако Иван описал в дневнике настолько отталкивающий образ библиотекаря-мужчины, что все преимущества для школьника в итоге свелись «на нет».

Районная библиотека даже фигурировала как место случайной встречи Ивана с девочкой, которая ему прежде нравилась. Так, 26 марта 1940 г. он долго просматривал картинки, развешанные по стенам библиотеки, и стал уж выходить, как «вдруг перед самым моим носом распахнулась дверь, и появилась... Иванова. От неожиданности она вскрикнула, я же остался спокоен»¹⁸. Интересно совпадение: в тот день Иван взял в библиотеке «Героя нашего времени».

Интенсивность, с которой Иван читал, отражена в летних дневниковых записях 1939 г. За восемь дней июля он взял в библиотеке семь книг: «Тихий Дон» (книгу 1), «Кабардинский фольклор», «Рассказы» Горького, «Северные повести» Джека Лондона и «Путешествие на край света». Правда, он признавался, что не дочитал первую часть романа В. Гроссмана «Степан Кольчугин» и вовсе не читал книги «Адмирал Макаров». Затем он читал «Казак» Л. Толстого, «Витязя в тигровой шкуре» Ш. Руставели, «очень смешную» книгу «Село Степанчиково» Ф. Достоевского.

С этого времени в дневнике регулярно появлялись записи о полученных и сданных книгах, и чаще – оценочного характера. Так, подростку понравилась переведенная на русский язык и опубликованная в СССР в 1937 г. научно-популярная книга «Стоит ли им жить?» американского писателя-бактериолога Поля де Крюи, изданная в США в 1937 г. Иван сразу оценил ее не только познавательную, но и практическую пользу, записав способ лечения ожогов. Когда подросток описывал посвященный 60-летию со дня рождения И. Сталина 21 декабря 1939 г. школьный вечер с докладом директора школы о жизни и деятельности вождя и спектаклем школьного драмкружка по революционной пьесе В. Билль-Белоцерковского «Шторм», для него знание, почерпнутое благодаря переведенному в устную речь письменному слову, предстало истинным. Спектакль пред-

стал «*правдивым изображением людей и событий*» (курсив наш. – И. К.)¹⁹. Почему оно стало для школьника таковым, можно только предполагать. Скорее всего, на данном этапе жизни принимать официальную версию событий революции и Гражданской войны для И. Хрипунова было естественно. Возможно, «правдивость» лежала в основе рассказов старших о переживании провинцией тех давних лет. В дневниках подробные сведения на этот счет отсутствуют, хотя сообщается, что отец рассказывал о своем партизанском прошлом в Гражданскую. Аналогичные впечатления у Ивана были от первой части книги Т. Богданович «Холоп-ополченец». По его мнению, «здесь *довольно правдиво*» (курсив наш. – И. К.) описывается борьба русского народа в 1606–1609 гг. против бояр и боярского царя Василия Шуйского²⁰. Кстати, книги Т. Богданович считались в те годы заслуживающими внимания. В частности, в Ленинграде при поддержке городского методического центра – кабинета детского библиотекаря Ленгорона со школьниками проводились коллективные обсуждения новых художественных книг, в числе которых назывались исторические повести Т. Богданович и «Как закалялась сталь» Н. Островского²¹.

Поскольку Иван Хрипунов вынашивал мысль стать писателем, он последовательно и упорно работал над собой. Хотя в восьмом классе уроков русского языка уже не было, школьник занимался самообразованием. Читая художественную литературу, он выписывал отдельные слова, обогащая тем самым свой лексикон. Явно последнее слово было почерпнуто из книг. Литературные занятия Ивана, в частности, стихосложение, так же помогали усвоению грамматики. Однако школьник признавался в наличии серьезного разрыва между письменной речью и устной, между тем, как говорили в школе и дома: «Однако правильному построению предложений, лучшему объяснению мыслей мешает то, что отвечаешь урок по-русски, а дома говоришь как угодно», «на хохлацком жаргоне»²².

После переезда в Ростовскую обл. Иван замечал в письме от 19 октября 1940 г. своему единственному другу Анатолию: «Тебе хотя и скучно, но ты можешь сходить, скажем, на Вербовку и развеять свою скуку и хандру. А мне некуда пойти: знакомых нет и родных тоже. Весь мой маршрут такой: школа – дом, дом – библиотека, дом – магазины, дом – артезианский колодезь или водокачка. Летом, когда мы сюда приехали, я занялся заготовкой топки, с поля возил налегенными нами кизеки. Выйдешь в поле – и сердце радуется. *Кругом свободно, легко дышит грудь, легкий ветерок играет в волосах „словно голубь воркует“* (Островский) (курсив наш. – И. К.). А какой пейзаж! Куда не глянь – везде бугры, балки и разбросанные поселки, среди которых вьется окруженная зелеными насаждениями железная дорога. Вправо – Развильное, влево – бугор, скирды, пасутся стада овец и коров. Накладешь кизеков в тачку и поедешь домой по дороге»²³.

Книги стали неперенным атрибутом жизни подростка. Как для традиционного крестьянина сращенность его тела с землей-матушкой – естественное состояние, так и Иван Хрипунов ощущал свою неразрывность с книгами и персонажами литературных произведений. По мере погружения подростка в дневники, появления в них все более развернутых записей ярче проявлялись его интересы и мечты. Чтение стало для него способом вхождения «в сознательную и человеческую жизнь»²⁴. Иван не пояснял, сам ли он решил делать подробные записи

впечатлений от прочитанных книг, или это был совет библиотекарей. Во всяком случае, в те годы метод сбора и анализа отзывов читателей о прочитанных книгах получил в библиотековедении высокую оценку²⁵.

То характеризую свою жизнь за первые месяцы 1941 г. и подчеркивая, что «она была полна разочарований, неуверенности, грусти, страха и мечты», Иван приходил к выводу: «Я был похож на Печорина, Онегина и Обломова. Они тоже были образованными людьми, но не знали жизни и поэтому не могли к ней приспособиться. Их слова расходились с делом. Обломов завершил и Печорина, и Онегина, и Рудина и других „лишних людей“. Он умел мечтать, но не умел ничего делать. Увы, и я во многом Обломов. Я не вижу перед собой будущего, я даже не знаю настоящего... Почему я такой? Почему я тоскую? Почему я боюсь людей и иду в каждое учреждение, как на казнь? ... Я боялся долго идти в библиотеку и только в 7-м классе начал брать из библиотеки книги. Почему же я не знаю жизнь этих учреждений?»²⁶. То, имея в виду себя, он изображал героя своего рассказа как «человека в футляре», когда речь заходила о собственной стеснительности и неумении общаться в компании сверстников, особенно с девушками, которых можно было назвать «богинями красоты», пользуясь языком западных романистов²⁷.

В «Автобиографии», написанной И. Хрипуновым в сентябре 1941 г., он отмечал, что ему казалось, будто его отец воспитывался и рос не в доме деда Охрима, а в доме деда Каширина²⁸.

Хрипунову импонировал реализм русских и зарубежных классиков. Тем не менее, «Записки охотника» И. Тургенева тезке писателя не понравились. Он посчитал, что «автор много уделяет внимания биографиям и портретам, не описывает внутренней жизни и совершенно равнодушно относится к окружающему его миру»²⁹.

«Приключения Мюнхгаузена» для Ивана изобиловали «самой явной ложью». Не вызвал в нем интереса роман Г. Филдинга «История Тома Джонса, найденныша». Далекими по времени и проблемам были для Ивана коллизии произведения: «Слишком много внимания уделяется любовным интригам, пьянке, вкусным обедам, различным похождениям. О другом чем-нибудь дельном ничего не говорится... Лица очерчены односторонне, и никак не верится в их существовании. А раз все неправда, то какая охота читать такое произведение?»³⁰. Казалось бы, в дневниках И. Хрипунова немало места уделено его переживаниям влюбленности, выходкам отца в моменты сильного опьянения, еде, всевозможным событиям. Но у Филдинга, по мнению подростка «предложения, состоящие из ряда самых нежных слов, не очень понятны, и не сразу дойдешь до смысла их содержания. Лица какие-то романтически нереальные», в то время как внутри Хрипунова сталкиваются самые разнообразные чувства и состояния, а вокруг бурлит настоящая жизнь, притом полная лишений и невзгод.

Дневники наполнены сведениями о заработках и ценах, о многочасовых, нередко безуспешных стояниях в очередях за хлебом и мануфактурой, об обмороках и конфликтах в них, о столкновениях горожан и сельчан. В отдельные месяцы и годы подобные записи были практически ежедневными. Кубанский период жизни семьи Хрипуновых особенно оказался едва обеспеченным самым необ-

ходимым, хотя отец, старшие брат и сестра работали. Съемное жилье топить приходилось бурьяном, огород располагался далеко, что делало его привлекательным для краж. Кур, свиней и корову они не смогли завести, приходилось все покупать («жить из базара»), цены росли. Иван описывал семейное питание: «Поешь желтых кукурузных лепешек с луком или с борщом, представляющем собой мутную жидкость, в которой плавают почерневшие кусочки свеклы и кукурузная крупа, – и снова ждешь следующего обеда или ужина...»³¹. Безусловно, описание Филдингом вкусных обедов, о чем в дневнике речь шла буквально через одну-две страницы, вызывало раздражение. Иван характеризовал бытие семьи как «люмпен-пролетарское»: «живешь впроголодь, всегда не доедаешь», «полуголодная, холодная жизнь»³².

А вот книга «Отец Горио» Бальзака затронула многие струны души Хрипунова, в том числе и потому, что французский писатель был современником Пушкина: «очень понравилась своим реализмом и оставила во мне чувство презрения к высшему кругу и глубокого уважения и сочувствия к бедному Горио... Когда я читал ее, я глубоко переживал невзгоды и редкие удачи главных героев...». Печальный конец Горио произвел на Ивана-читателя тяжелое впечатление, что создало его «пессимистическое настроение», в котором ему пришлось оформить школьную стенгазету «Отличник»³³.

После консультации по литературе перед очередным годовым экзаменом Иван взял 31 мая 1940 г. в библиотеке художественные произведения Герцена и описал свои впечатления от процесса чтения: «Как человек эмоциональный, я был приведен в восторг некоторыми успехами героев. Но когда же герои попадали в западню или в какое-либо другое неприятное положение, когда над ними нависала грозная туча – я сочувствовал их горю и, затаив дыхание, ждал развязки. Она приходила неожиданно, причем герои не всегда добивались своих целей». Одновременно подросток отметил, что из-за периода испытаний в школе он стал меньше читать. Однако не это было главным. Гораздо важнее признание, что *«книги отрывают меня от реальной жизни и уносят в вымышленный мир фантазий»* (курсив наш. – И. К.). Начиная учиться в 8 классе, я ставил себе целью больше войти в реальную жизнь, не бояться всего, как я делал до этого»³⁴. Именно работу в стенгазете Хрипунов рассматривал в качестве полезного опыта подобного вхождения.

С началом Великой Отечественной войны И. Хрипунов не прекратил читать, к тому же он собирался продолжать учебу в 10 классе. Напротив, восприятие им событий обострило потребность в чтении, а то, в свою очередь, соотносилось с реальностью. 28 июля 1941 г. в дневнике появились его размышления в связи с повторным чтением книги Н. Островского «Как закалялась сталь». Она произвела на юношу «очень большое впечатление», он переписал в дневник знаменитые рассуждения Павки о жизни. Иван сравнивал себя с Павкой Корчагиным и видел между собой и героем большую разницу, хотя оба имели желание служить народу. Однако в отличие от Корчагина, умевшего согласовать свою волю с действием, у Хрипунова получалось наоборот: «Я хочу работой помочь народу строить социализм, но работа моя была короткой. У меня не хватило духа справиться с появившимися трудностями. А Павка был тверд характером. Он умел

быть выдержанным. Главной целью жизни у него была борьба за народное счастье». Иван давал себе в дневнике обязательство стараться хоть немного приблизиться к железному характеру, которым обладал Павка. Но намерения «вырваться вперед» омрачались трудностями, связанными с восстановлением свидетельства о рождении, без которого он не мог получить паспорт³⁵.

Одновременно всплывали строки М. Лермонтова, 100-летие со дня гибели которого исполнилось накануне, 27 июля: «Печально я гляжу на наше поколение...». Хрипунов задавался вопросом: «Неужели это можно применить ко мне?»³⁶. Спустя несколько дней, 3 августа, он возвращается к описанию своего психического состояния: «Моя жизнь сейчас такая скучная, грустная и сонливая, так пахнет обломовщиной, что я хотел уже было забросить дневник. Неужели не надоест писать одно и то же: разочарованность, грусть и пассивность. Но в то время, когда я реально грущу и нахожусь в бездеятельности, я живу полной жизнью в дневнике... Запись дневника – это моя умственная, духовная жизнь. Она служит зеркалом для моей повседневной реальной жизни. И потерять ее нельзя. Сейчас время военное, идет война, беспрецедентная во всей истории количеством жертв»³⁷.

Роман Э. Л. Войнич «Овод», содержание которого Иван подробно изложил в дневнике, затронул его смелостью и отвагой главного героя. Увлекательными, хотя не как у Ж. Верна, оказались для него и романы Г. Дж. Уэллса «Когда спящий проснется», «Первые люди на Луне» и «Война миров». Как и в других случаях, Иван составлял конспект прочитанного и кратко характеризовал писателя. И тут же рядом в дневнике – тревожащие душу наблюдения военной повседневности: «На фронт поступают все новые и новые мобилизованные, лошади, продовольствие, вооружение... Часто проходят эшелоны с ранеными красноармейцами, разбитыми самолетами. Нередко видишь на платформах автомобили и трактора, отправляемые на фронт. Везут на фронт мобилизованных. Они из окон машут руками... Ужасную картину представляют проводы. Хотя я никогда не хожу на станцию, но со слов бывших там людей я знаю, что проводы уходящего на фронт сопровождаются истерическими криками и рыданиями, точно кого хоронят»³⁸.

Трагедия, которую пережил Иван и его родные в коллективизацию и голод 1933 г., мучения, которые перенес отец в ссылке, война – вот та реальность, которую Иван сопоставлял с прочитанными книгами. И как бы ни были замечательны и правдивы книги, для юноши они все равно находились по ту сторону действительности. Обобщая в «Автобиографии» свой небольшой жизненный опыт, он писал в сентябре 1941 г., за два месяца до ухода на фронт: «Я прочел уже много книг и нигде не видел таких страданий, которые были бы равны страданиям отца. Если бы кто написал об этом книгу, она была бы лучше надуманных романтических походов героев Жюль Верна»³⁹. Возможно, в нем жила мысль самому написать подобную книгу.

Иван записал ночью 3 ноября 1941 г.: «Мне не спится. Я мечтаю о будущей жизни, вспоминая прошедшее. Думаю о своем будущем большом произведении, в котором отражу свою жизнь, дам полное описание современного общества. Недалеко от меня, за столом-верстаком сидит отец и оканчивает пошивку моих новых сапог... Потом я стал читать „Краткий курс истории ВКП(б)“»⁴⁰.

А 4 ноября бомбили Развильную, и Иван видел два низко летящих самолета с крестами. И два совершенно разных эпизода, один из которых относится к сиюминутному времени, а другой – к вечности, были зафиксированы им в дневнике: «Мы испугались, сердце билось, как у воробья, тело морозило, зубы тряслись. Было подавленное настроение. Мы ожидали: вот-вот упадет на нас бомба и разорвет нас. Прибежала из библиотеки Райка, она там сдала „Казачков“ и „Одиссею“ и взяла „На поле Куликовом“»⁴¹.

Вскоре Иван ушел на фронт и остался там навсегда...

Его дело защиты Родины продолжил вятский юноша Анатолий Ванеев.

Примечания

¹ Хрипунов И. Дневники 1937–1941 годов / авт.- сост., науч. ред., вступ. статья, сост. указ. С. И. Быкова. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 488 с. с ил.

² Хрипунов И. Указ. соч. С. 48.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 61–62.

⁵ Там же. С. 362.

⁶ Там же. С. 60.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Там же. С. 78.

⁹ Там же. С. 67.

¹⁰ Там же. С. 64–65.

¹¹ Там же. С. 68–69.

¹² Там же. С. 54.

¹³ Там же. С. 56.

¹⁴ Там же. С. 97–98.

¹⁵ Там же. С. 115.

¹⁶ Там же. С. 135.

¹⁷ Там же. С. 138–139.

¹⁸ Там же. С. 202.

¹⁹ Там же. С. 174.

²⁰ Там же. С. 279.

²¹ Житомирская Н. Н. Советский подросток – читатель исторической книги // История русского читателя: сб. науч. тр. Л., 1979. Труды ЛГИК им. Н.К. Крупской. Вып. 3, Т. 42. С. 108–109.

²² Хрипунов И. Указ. соч. С. 196–197, 383.

²³ Там же. С. 287–288.

²⁴ Там же. С. 336–337.

²⁵ Ванеев А.Н. Методика изучения читателей и библиотечной практики (обзор публикаций 30-х гг. XX в.) // Библиосфера. 2007. № 3. С. 44–45.

²⁶ Хрипунов И. Указ. соч. С. 309 Там же. 310.

²⁷ Там же. С. 336–337.

²⁸ Там же. С. 367.

²⁹ Там же. С. 240.

³⁰ Там же. С. 204–205.

³¹ Там же. С. 203.

³² Там же. С. 235.

³³ Там же. С. 208–209.

³⁴ Там же. С. 227–228.

³⁵ Там же. С. 325.

³⁶ Там же. С. 325.

³⁷ Там же. С. 327.

³⁸ Там же. С. 329.

³⁹ Там же. С. 377.

⁴⁰ Там же. С. 461–462.

⁴¹ Там же. С. 369.

М. Ю. Матвеев

Проблемы семейного чтения в XXI в.: необходимость сохранения традиций и преемственности поколений

Рассматриваются проблемы, касающиеся семейного чтения в современной России, включая сложности определения базового понятия, изменения в характере семейного чтения в XXI в., специфику издания, репертуар и непосредственное содержание детской литературы, влияние Интернета и домашних библиотек на чтение и взаимоотношения в семье. Отмечается, что преодоление кризисных явлений зависит от совместных усилий всех лиц, связанных с книжной сферой, – писателей, издателей, критиков, педагогов и библиотекарей.

Ключевые слова: семейное чтение, детское чтение, кризис чтения, детская литература в XXI в., домашние библиотеки, чтение в электронной среде, традиции чтения

Mikhail Y. Matveev

Problems of family reading in the 21st century: the need to preserve traditions and continuity of generations

The problems related to family reading in modern Russia are considered, including the difficulties of defining the basic concept, changes in the nature of family reading in the 21st century, the specifics of publishing, the repertoire and direct content of children's literature, the influence of the Internet and home libraries on reading and family relationships. It is noted that overcoming the crisis phenomena depends on the joint efforts of all persons associated with the book industry – writers, publishers, critics, educators and librarians.

Keywords: family reading, children's reading, reading crisis, children's literature in the 21st century, home libraries, reading in an electronic environment, reading traditions

Анатолий Николаевич Ванеев, чей юбилей отмечается в 2025 г., – удивительно многогранный ученый и историк, интересовавшийся самыми разными темами и направлениями, связанными с библиотечным делом. Следует подчеркнуть, что в число его научных интересов, начиная со второй половины XX в., постоянно входили проблемы чтения, – начиная от истории вопроса и первых попыток его обсуждения (включая разработку требований к библиотекарю)¹; и конечная теоретическими рассуждениями и дискуссиями в библиотечной прессе о руководстве чтением и рекомендации литературы².

В XXI в. количество точек зрения по поводу руководства чтением резко увеличилось, что свидетельствует о непреходящей актуальности данной темы. Сформировались различные подходы к данной теории: социологический (Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Н. А. Зоркая), педагогический (А. Я. Черняк), акмеологический (В. А. Бородина), культурологический (Т. Г. Галактионова), гуманистический (И. И. Тихомирова) и др. По мнению Т. Б. Марковой, «в современном обществе руководство чтением приобретает черты мягкого контроля или ориентирования в литературе... Следует говорить об „ориентирующем чтении“, включающем в себя влияние на процесс чтения книги читателем, консультативную помощь в выборе нужной книги из многообразия литературы, создание оптимальных условий для организации собственной системы чтения...

В последнее время литература утратила свои основные функции – ориентира, формы эстетизирования идей, развития мыслительных и творческих способностей личности... Между тем посредством чтения литературы осуществляются два этапа мыслительной деятельности человека – „узнавание нового“ и „преображение старого“. Эти две функции должно сегодня осуществлять руководство чтением»³.

Именно изменение социокультурной ситуации во многом и вынуждает не забывать о тех теоретических работах в области чтения, которые написал в свое время А. Н. Ванеев. Удивительно, но многие вопросы, связанные с руководством чтением, в настоящее время стали даже более насущными и обсуждаемыми, чем это было в советский период. Насколько точны определения чтения, приводимые в энциклопедических изданиях? Почему библиотекари неоднозначно относятся к массовой литературе, и их оценки делаются примерно поровну между положительными, отрицательными и нейтральными? Насколько быстро меняется художественная литература, в особенности литература для детей? Стал ли непреодолимым разрыв между поколениями? Ответить на подобные вопросы очень и очень непросто, и здесь необходимо учитывать как опыт предшественников, так и публикации наших современников.

Что касается настоящего доклада, то он посвящен семейному чтению – одному из важнейших составляющих при формировании культурной, мыслящей и образованной личности. Пример близких людей и, прежде всего, родителей, часто оказывается решающим в дальнейшей «читательской биографии» человека, а домашняя библиотека становится исходной гаванью, откуда начинается плавание по бескрайнему книжному морю. При обилии публикаций, посвященных данной теме, некоторые ее аспекты оказываются неразработанными, и прежде всего это относится к самому базовому понятию: различные исследователи включают в него разные смысловые значения.

Так, в энциклопедическом словаре «Чтение» данный термин определяется следующим образом: «Семейное чтение (*англ.* – family reading) – чтение в семье как социальном институте, взаимодействующем с другими социальными институтами (детским садом, школой, дополнит. образованием, детскими исправительными учреждениями и др.); основная форма читательского развития – разновозрастное межчитательское общение в „большой“ и „малой“ семье со здоровыми и „особыми“ детьми (с проблемами в здоровье); – добровольная, систематическая и целенаправленная совместная познавательная-коммуникативная и эмоционально-эстетическая деятельность членов семьи, стоящих на разных ступенях социализации, для удовлетворения и развития разнообразных потребностей семьи в читательском развитии, в воспитательных и образовательных целях; доминирующий тип чтения – вслух (взрослые – детям, дети – взрослым, дети – детям, старшие – младшим; попеременное чтение); возможность непосредственного обсуждения, диалога; одна из эффективных форм развития ребенка с раннего возраста и средство привлечения его и членов семьи к чтению и библиотеке; средство когнитивного и коммуникативного развития; – давняя традиция русского быта XVIII – нач. XX в., присущая разным сословиям; транслирование читательских поведенческих образцов и матерью, и отцом»⁴.

Несмотря на громоздкость и излишнюю описательность такого определения, оно не охватывает всех явлений, связанных с семейным чтением, – во многом потому, что оно отражает взгляд профессионалов и не учитывает точки зрения рядовых любителей чтения. Как отмечает Н. А. Зырянова, результаты опросов читателей в библиотеках по поводу того, что же такое семейное чтение, выявляют очень сложную картину: «Ответы распределились следующим образом: 26% — „обсуждение прочитанного всей семьей или ее частью“; 25,2% — „книги для каждого члена семьи отдельно“; 23,8% — „чтение вслух для всех членов семьи“; 13,2% — „литература, интересующая всех членов семьи или ее части“; 11,3% — „когда все члены семьи заняты чтением“»⁵. Таким образом, оказывается, что право на существование имеют самые разные варианты ответа, причем второе место (с незначительным отставанием от первого) занял вариант, наиболее далекий от традиционных представлений о семейном чтении.

В то же время семейное чтение можно понимать и в еще более широком смысле, чем это делают авторы статьи в энциклопедическом словаре. Так, Е. А. Колосова выделяет четыре группы терминов, объясняющих данное понятие: «1) чтение: чтение в семье, домашнее чтение, чтение вслух, совместное чтение, чтение родителей с детьми и др.; 2) работа библиотек: работа с родителями, руководство чтением детей в библиотеке, работа с семьей, помощь в организации семейного досуга и др.; 3) психология и социология детского чтения: читательские характеристики каждого члена семьи, различные виды чтения, характерные для конкретных семей, сфера читательских интересов семьи, практики чтения и др.; 4) традиция: традиция семейного чтения, возрождение традиции семейного чтения. Таким образом, понятие семейного чтения является многоаспектным и может рассматриваться с разных методических и методологических позиций»⁶.

Помимо трудностей с определением базового понятия, среди специалистов нет единого мнения и по некоторым общим проблемам, связанным с чтением детей. Так, в частности, библиотековеды не могут в точности сказать, как сделать чтение фактором социализации подростка, насколько этому способствует современная литература и можно ли (и нужно ли) руководить детским чтением⁷.

Как отмечают Е. А. Колосова и В. П. Чудинова, при проведении социологических исследований очень многое остается «за кадром». В числе малоизученных вопросов – то, как семья стимулирует интерес к чтению у девочек и мальчиков разного возраста, каков общий «культурный багаж» семьи и культура чтения родителей, каковы семейные традиции приобщения к литературе и др.⁸. Между тем у детей вызывает удивление тот факт, что главной семейной реликвией может оказаться книга, передающаяся из поколения в поколение. Именно так зарождается бережное отношение к книге и формируются чувство сопричастности к истории своей семьи. Однако далеко не все современные родители понимают значимость этого момента.

Изменения в семейном чтении в постсоветский период начались практически сразу же, но особенно они стали заметны в XXI в.⁹. Одна из наиболее существенных современных проблем заключается в том, что родители оказываются

далеки от проблем детского чтения: во многих случаях они не могут подобрать своим детям нужную литературу, поскольку очень плохо в ней разбираются. Более того, они не способны выступить даже в роли собеседников, с которыми можно обсудить понравившееся произведение¹⁰. По данным В. П. Чудиновой, уже в середине 1990-х гг. количество родителей, которые не заботились о приобщении ребенка к чтению, доходило до 50%, и только 22% взрослых время от времени устраивали совместные семейные чтения¹¹. Если же брать самые последние годы, то ситуация ничуть не изменилась к лучшему и даже еще более усугубилась: старшее поколение намного лучше осведомлено о современной детской литературе, чем нынешние 30–35-летние родители, которые в свои юные годы уже читали мало¹². Сказывается и нехватка хорошо продуманных рекомендательных пособий. Репертуар чтения детей и подростков формируется в основном случайным образом – за счет таких же случайных рекомендаций сверстников, влияния медиасреды и экранной культуры¹³.

На семейное чтение оказывает влияние не только активность или пассивность родителей, но и непосредственное состояние современной детской литературы. Одна из ее особенностей состоит в том, что в ней появилось немало книг с неопределенным читательским назначением, которые читают и взрослые, и дети, но как к ним относиться, доподлинно неизвестно. Самый яркий пример такого рода – это серия Д. Роулинг о Гарри Поттере, однако есть и более спорные произведения, которые только выглядят как детское фэнтези, а на самом деле представляют собой неоднозначные сказки для взрослых с размытыми критериями добра и зла (как например, трилогия Ф. Пулмана «Темные начала»)¹⁴.

Согласно данным В. П. Чудиновой, целый ряд переводных книг ставит в тупик не только родителей, но и библиотекарей: «Где образец настоящей счастливой полной семьи? Тяжелые психологические книги, от которых веет безысходностью, опасны для подростка. Детская книга, поднимая и затрагивая самые разные и порой очень острые вопросы, должна всегда показывать выход из создавшейся ситуации»¹⁵.

Отечественная литература также не дает существенных поводов для оптимизма. Как отмечает В. А. Цветкова, проблема состоит не только в том, что количество новых детских книг, выпускаемых в России, несопоставимо мало по сравнению с потребностью в них. Не меньшее беспокойство вызывает тот факт, что немалая часть издателей и литературных критиков полагает, что в стране в настоящее время вообще нет такого явления, как российская детская литература¹⁶. И действительно, в мутном потоке фэнтези и детских детективов встречаются лишь отдельные хорошие книги современных российских авторов (А. А. Геворгизова, А. А. Усачева, Д. Р. Сабитовой, Е. Б. Пастернак, С. В. Востокова, М. Я. Бородинской), но они не влияют на ситуацию в целом. Кроме того, вышедшие в свет книги избирательны по своему читательскому назначению. Как признают сами издатели, издательство детской литературы ориентировано в основном на читателей-дошкольников, для младшего и среднего школьного возраста книг выпускается в два раза меньше, а издания для юношества вообще единичны¹⁷. Что же касается издания классической детской литературы, то издатели предпочитают не рисковать и из года в год выпускают книги одних

и тех же авторов. Постоянное обращение к уже проверенной детской литературе ограничивает выбор и не позволяет ни родителям, ни самим юным читателям узнать, что же сейчас есть нового в литературе для детей.

Не внушает оптимизма и то, как описывается в художественной литературе сам процесс чтения. Здесь, в частности, можно отметить следующий факт: один из самых «книгоцентричных» жанров – это семейные саги, но в современной русской прозе они широкого распространения не получили. Кроме того, писатели вообще редко затрагивают книжную тематику, – возможно, потому, что видят изменения в семье как в первичной ячейке общества. Это касается, в том числе, и утраты традиций семейного чтения. Вот как это описывается в романе А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени»: «Читали вслух: Диккенса, Толстого, Чехова. Когда у Антона подросла дочка, он пытался устроить такие же семейные чтения, и позже – когда появилась внучка. Но НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ ни тогда, ни потом – что-то ушло безвозвратно, и нельзя было повторить даже такую простую вещь»¹⁸.

Можно отметить и тот факт, что взрослые не показывают пример чтения своим детям: смотря телевизор и, в лучшем случае, читая детективы, любовные романы и литературу по приусадебному хозяйству и кулинарии, они не учитывают того, что их рассуждения о пользе чтения воспринимаются детьми как пустые слова и демагогия. При этом позиция старших в семье не лишена предвзятости: культурное поведение людей своего поколения они оценивают намного благожелательнее, чем своих детей и поколение их сверстников. Еще в большей степени это относится к кругу чтения: в отличие от своей молодости, только 34% взрослых полагают, что есть книги, которые в настоящее время могут объединить детей друг с другом, причем все они относятся к жанру фэнтези¹⁹.

Следующая проблема – использование Интернета детьми, которое может быть расценено по-разному. С одной стороны, дети, регулярно выходящие в Сеть, более активны и избирательны в чтении, чем те, кто им не пользуется. С другой, Интернет – это символ разрыва между поколениями, своего рода экран, который отгораживает младших членов семьи от старших, как экран телевизора, в свою очередь, отгораживает старших от младших. Во многих случаях увлечение детьми Интернетом является четким показателем неблагополучия в семье: в «книжных» семьях психологического напряжения гораздо меньше. Как отмечает Б. В. Дубин, кризис чтения как у школьников, так и у взрослых – это кризис умения и желания обобщать свой опыт, дефицит общего в социуме и в отдельно взятой семье. В то же время кризисные явления являются отражением неблагоприятной демографической ситуации: в неблагополучных семьях отношение к книге, чтению и библиотеке гораздо хуже, чем в благополучных²⁰.

Таким образом, можно с большой степенью вероятности утверждать, что семейное чтение в настоящее время переживает тяжелый кризис. Здесь сказываются и неумение родителей разбираться в современной литературе, и недостаток внимания к детям, и политика в области детского книгоиздания. Однако «самое страшное... – это колоссальный разрыв между культурными поколениями. Между ними всегда были противоречия, но такого разрыва и непонимания на уровне смысла, менталитета не было никогда»²¹.

А есть ли что-нибудь отрадное в современной ситуации, – такое, что способно сохранить интерес к литературе и печатному слову? Как ни странно, есть, и это не что иное, как наличие в домах жителей страны книжных собраний. Так, в частности, исследование домашнего чтения в Тульской области (2022–2023) показало, что домашние библиотеки, поддерживаемые разными поколениями, по-прежнему «живут» в современных семьях, препятствуя забыванию традиций семейного чтения. Единственной проблемой в данном случае стало то, что домашние библиотеки в большинстве случаев невелики по объему: обычно это несколько полок, в то время как пара книжных шкафов – это большая редкость²². Однако это обстоятельство – не столько веяние современности, сколько наследие «лихих 90-х», когда шло обвальное сокращение количества домашних книжных собраний, и в первую очередь – наиболее крупных из них. В целом же можно признать, что при обилии негативных факторов (как внешних, так и внутренних) семейные книжные традиции в России все же сохранились. Дальнейшее зависит от согласованных и продуманных усилий всех лиц, связанных с книжной сферой, – писателей, издателей, критиков, педагогов и библиотекарей. Однако ничуть не меньшая роль принадлежит родителям: от того, как они сами относятся к книге, зависит и чтение их детей.

Примечания

¹ Ванеев А. Н. Принцип активности библиотеки // Ванеев А. Н. Развитие библиотечно-ведческой мысли в России (XI – начало XX в.) / РГБ. М., 2003. С. 188–202; Ванеев А. Н. Разработка учения о библиотечной профессии // Ванеев А. Н. Развитие библиотечно-ведческой мысли в России (XI – начало XX в.) / РГБ. М., 2003. С. 202–207.

² Ванеев А. Н. Библиотековедение в России конца XX века : учеб. пособие. СПб.: Профессия, 2007. С. 101; Ванеев А. Н. К дискуссии о руководстве чтением // Научные и технические библиотеки. 1992. № 6. С. 24–26; Ванеев А. Н. Разработка теоретических аспектов руководства чтением // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. Т. 218 : Ванеев А. Н. Развитие библиотечно-ведческой мысли в СССР, 1917–1980. С. 106–109; Захарчук Т. В. Вклад А. Н. Ванеева в развитие библиотечной науки: библиометрический анализ публикаций // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2025. № 1 (62). С. 173–176.

³ Маркова Т. Б. Трансформация теории руководства чтением в информационном обществе // Библиосфера. 2015. № 3. С. 45.

⁴ Бородин А. В., Бородин С. М. Семейное чтение // Чтение: энцикл. словарь / Под ред. Ю. П. Мелентевой. М., 2021. С. 221–222.

⁵ Зырянова Н. А. Взгляд на чтение детей через призму родительского мнения // Современный читатель в зеркале исследовательских проектов общедоступных библиотек: сб. материалов исслед. / Сост.: Л. В. Глухова, А. Г. Макарова, А. С. Степанова ; науч. ред. В. В. Ялышева. СПб., 2018. С. 147–153.

⁶ Колосова Е. А. Семейное чтение : к определению понятия // Чтение : многообразие возможностей : сб. ст. и материалов / РНБ ; сост.: А. С. Степанова, В. В. Ялышева; ред. С. А. Давыдова. СПб., 2017. С. 99.

⁷ Зырянова Н. А. Взгляд на чтение детей через призму родительского мнения. С. 151–152; Чтение. XXI век: коллектив. моногр. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; науч. ред.-сост. В. Я. Аскарова. Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2014. С. 222.

⁸ Колосова Е. А., Чудинова В. П. Чтение девочек и чтение мальчиков (на примере социологических исследований РГДБ) // Читатель, пользователь, клиент: новые модели

библиотечного обслуживания : сб. ст. / РНБ; сост.: Л. В. Глухова, А. Г. Макарова, А. С. Степанова, В. В. Ялышева. СПб., 2021. С. 88–89.

⁹ Чудинова В. П., Голубева Е. И., Сметанникова Н. Н. Недетские проблемы детского чтения. М.: Шк. 6-ка, 2004. 336 с.; Матвеев М. Ю. Кризис чтения в России: подходы, гипотезы, сомнения // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2024. № 1 (58). С. 164–171.

¹⁰ Колосова Е. А. Детское чтение в представлениях родителей: проблемы межпоколенческого взаимодействия // Человек читающий: Homo legens – 8. Молодежное чтение в России и за рубежом. Пути формирования читающего поколения : сб. ст. / под общ. ред. М. В. Белоколенко, Е. С. Романичевой. М., 2016. С. 56–58.

¹¹ Чудинова В. П. Книжная вселенная детства // Читающая Россия: мифы и реальность: материалы Рос. науч.-практ. конф. Москва, дек. 1996 г. М.: Либерия, 1997. С. 82–84.

¹² Зырянова Н. А. Взгляд на чтение детей через призму родительского мнения. С. 150–151.

¹³ Кутейникова Н. Е. Навигатор по современной отечественной детско-подростковой литературе : метод. рекомендации. М.: МАЭСТРО ПлаТинум, 2017. 158 с.

¹⁴ Пальгуева Г. Что поставим на «золотую полку»? // Библиотечное дело. 2009. № 19. С. 7.

¹⁵ Чудинова В. П. Тенденции и содержание чтения подростков: возможности коррекции // Чтение. XXI век : коллектив. моногр. / науч. ред.-сост. В. Я. Аскарова ; Челябин. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2014. С. 117.

¹⁶ Цветкова Б. Л. Массовая литература как культурный феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 2 (42). С. 133.

¹⁷ Яковлева Ю. Состояние литературы: детские книги в России // Colta.ru. 29.05.2015. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/7485> (дата обращения: 14.09.2022).

¹⁸ Чудаков А. П. Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. М.: Время, 2014. С. 223.

¹⁹ Зырянова Н. А. Взгляд на чтение детей через призму родительского мнения. С. 148–150.

²⁰ Дубин Б. В. О чтении и нечтении сегодня // Библиотечное дело. 2011. № 12. С. 12–18.

²¹ Тематическая дискуссия «Медиаканалы продвижения чтения» // Национальная программа поддержки и развития чтения: год девятый: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы» (Москва, 26–27 нояб. 2015 г.). М., 2016. С. 190.

²² Бобкова Т. В. Домашняя библиотека: современные тенденции существования и роль в жизни семьи // Книга и чтение в зеркале социологии: XXI век : сб. ст. / РНБ; сост.: А. Г. Макарова, А. С. Степанова, В. В. Ялышева. СПб., 2023. С. 197–203.

Е. А. Плешкевич

Вклад А. Н. Ванеева историю библиотековедения и библиотечного дела

О вкладе А. Н. Ванеева в развитие методологии историко-библиотековедческих исследований. Проанализированы развиваемые им основные теоретико-методологические положения, среди которых ведущее место занимает прикладной подход к историческим изысканиям в интересах решения актуальных проблем библиотечного дела. Второе положение касалось переноса акцента с пересказа руководящих партийных и советских документов на изучение людей, их идей и мыслей, благодаря чему история библиотечного дела была «одушевлена». Третье связано с разработкой понятия библиотековедческой мысли и концепции ее развития. В ходе реализации данных положений им были собраны и обобщены исторические материалы. Были выявлены и проанализированы противоречия в представлениях о природе библиотечно-библиотековедческой мысли. Первое из них связано с узостью подхода к самому понятию мысли, не учит ее междисциплинарной природы. Второе стало следствием сложившихся ранее расширенных представлений о библиотековедении как отрасли деятельности и знаний.

Ключевые слова: А. Н. Ванеев, история и методология библиотековедческой и библиотечной мысли, библиотековедение

Evgeny A. Pleshkevich

Contribution of A. N. Vaneev to the history of library science and librarianship

It is devoted to the contribution of A. N. Vaneev to the development of the methodology of historical and library research. The main theoretical and methodological provisions developed by him are analyzed, among which the applied approach to historical research occupies a leading place in the interests of solving urgent problems of librarianship. The second provision concerned the shift of emphasis from the retelling of leading party and Soviet documents to the study of people, their ideas and thoughts, so that the history of librarianship was "animated". The third is related to the development of the concept of library science thought and the concept of its development. During the implementation of these provisions, he collected and summarized historical materials. Contradictions in the concepts of the nature of library and library science thought were revealed and analyzed. The first of them is related to the narrowness of the approach to the very concept of thought, not taking into account its interdisciplinary nature. The second was the result of previously developed expanded ideas about library science as a branch of activity and knowledge.

Keywords: A.N. Vaneev, history and methodology of library science and library thought, library science

30 января 2025 г. исполняется сто лет со дня рождения известного отечественного ученого библиотековеда, доктора педагогических наук, профессора Анатолия Николаевича Ванеева (1925–2019). Центральное место в его многогранном научном творчестве занимает история библиотечного дела, которой он посвятил более сорока лет. Полученные им результаты представлены в докторской диссертации, а также в многочисленных научных публикациях. Его научно-историческое наследие многогранно, оно еще ждет своего кропотливого исследования. В статье мы хотели коснуться его отдельных теоретико-методологических положений, оказавших влияние на становление и развитие библиотечной истории и, как нам представляется, сохраняющих свою актуальность для будущих изысканий. Сразу оговоримся, что отдельные аспекты его исторических изысканий нами уже рассматривались¹.

Библиотечная история как инструмент познания настоящего. историческим изысканиям А. Н. Ванеев обращается уже сложившимся ученым в начале

1970-х гг. Комментируя данный биографический факт, А. В. Соколов задается вопросом: «Почему-то управленческая проблематика не стала главной и единственной в кругу научных интересов Анатолия Николаевича, она осталась в этом круге, но в роли периферийного, хотя и немаловажного элемента [...] на первое место, надо признать, совершенно неожиданно, выдвинулась история библиотечковедческой мысли, на которую до Ванеева никто из солидных библиотечковедов не обращал внимания»². По нашему мнению, мотивами обращения к историческим изысканиям стали следующие соображения. Во-первых, изначальный юношеский интерес к истории. Из его биографии нам известно, что после окончания школы Ванеев поступил на исторический факультет Кировского пединститута, откуда в 1943 г. со второго курса ушел на фронт. Во-вторых, это практический взгляд на историю. Объясняя свой интерес к историческим изысканиям, Ванеев в ряде работ приводит высказывание Н. К. Крупской о связи настоящего с прошлым³. «Для того, чтобы по-настоящему поставить дело в данный момент, писала она, надо изучить то, что делалось в те труднейшие годы, когда в огне борьбы зарождались ценные мысли, интересные формы работы, которые нельзя было осуществить потому, что не было предпосылок для их осуществления»⁴. Данная точка зрения была ему близка. Так, после возвращения с фронта в 1946 г. он устроился на работу в Кировскую областную библиотеку им. А. И. Герцена и перевелся на заочное отделение в Московский государственный библиотечный институт, который в 1951 г. окончил по специальности библиография. С этого времени начинается его становление как практика. С 1946 по 1962 г. он работал в указанной библиотеке; с 1957 г. в должности заместителя директора по научной работе. Во второй половине 1950-х гг. он приступил к преподавательской деятельности в учебно-консультативном пункте Ленинградского государственного библиотечного института, открытом на базе областной библиотеки в Кирове. В 1960-х гг. под руководством З. И. Ривлина он обратился к научно-исследовательской работе, защитив по ее итогам в 1966 г. кандидатскую диссертацию, посвященную передовому опыту массовых библиотек⁵. Год спустя вышло его первое пособие по методической работе⁶. Переход его на преподавательскую работу расширил круг интересов, прежде всего, в области библиотечковедения.

Ориентируясь на решения практических и педагогических задач в начале 1970-х гг. Ванеев обратился к проблематике использования исторических материалов в библиотечковедческих исследованиях⁷. Изучение прошлого библиотечной теории и практики, отмечал он, позволяет глубже понять настоящее, помогает видеть перспективы изучаемой проблемы. Проблемы библиотечковедения, рассуждал он, требующие исторического подхода, определяются не отдаленностью событий от наших дней, а их актуальностью для современной теории и практики⁸. Из приведенных нами рассуждений следует, что Ванеев оставался в рамках избранной им тематики, добавив исторический подход.

«Одушевление» библиотечной истории. Исторические изыскания Ванеев начал с осмысления представлений об истории библиотечного дела и изучения работ предшественников, прежде всего представителей московской исторической школы – В. Е. Васильченко, К. И. Абрамова⁹. История библиотечного дела, отмечалось ими, раскрывает процесс возникновения и развития библиотек, из-

учая взгляды того или иного общества на библиотеку; в рамках данного курса студенты знакомятся с состоянием теории и практики библиотечного дела с древнейшего периода до наших дней¹⁰. Задачами курса по данной дисциплине были названы изучение событий библиотечного дела в их развитии, внутренней связи и взаимодействии с другими событиями и явлениями жизни и их объяснение с позиций марксизма-ленинизма. Несложно заметить, что авторы учебного курса планировали рассматривать историю библиотечного дела комплексно, изучая теорию и практику, события и явления библиотечной деятельности. Однако на практике данная комплексность не была реализована в полной мере, поскольку акцент делался на библиотечную политику советского государства и партийных органов. Следствием этого стала обезличенность описываемых исторических процессов, односторонний подход к оценке теоретико-методологических достижений прошлых лет. К сожалению, отмечал Ванеев, в одной из своих первых работ по истории библиотечного дела, взгляды его теоретиков, как правило, не освещаются. Более того, во многих изданиях, особенно относящихся к советскому периоду, даже не упоминаются имена ученых, не раскрывается их вклад в развитие теории, методики и практики¹¹. В другой работе Ванеев критикует К. И. Абрамова за «безымянность» истории библиотечного дела, хотя работы некоторых библиотекведов того времени были использованы им при написании монографии¹². Ванеев полагал, что причины обезличивания заключались в реконструкции советского библиотечного строительства на основе некритического пересказа постановлений, распоряжений и резолюций по библиотечному делу. При таком подходе развитие библиотечного дела представляется как неуклонное выполнение указаний В. И. Ленина и КПСС, в результате которых оно успешно развивалось¹³.

Напомним читателю, что борьба за возвращение человека в историю была одним из направлений во французской исторической науке. Мы не нашли в работах Ванеева ссылки на работы французских историков, в частности на Л. Февра, утверждающего, что история – это наука о человеке, о прошлом человечества, а не о вещах или явлениях¹⁴. Однако то обстоятельство, что Ванеев некоторое время учился на историческом факультете дает нам основания предполагать, что он знал о французской школе анналов, ее боях за историю и возможно ориентировался на нее. «Одушевление» советской библиотечной истории в работах Ванеева включало два направления. Первое из них было связано с изучением биографий ведущих библиотекведов страны. Основателем данного направления выступил Ю. В. Григорьев, инициировавший еще в 1944 г. биографическую серию «Деятели книги» и подготовивший более двадцати работ, посвященных библиотекведам и книговедам. В рамках данного направления Ванеев исследовал и опубликовал биографии таких библиотекведов, как Б. В. Банк, Н. И. Бузиньер, В. И. Горовиц, Ф. Э. Доблер, Т. В. Крюгер, З. И. Ривлин, Я. В. Ривлин, М. Н. Слуховский, М. А. Смушкова, Э. М. Шершевская, И. М. Цареградский, заложивших основу советского библиотекведения.

Второе направление является более масштабным и значимым. Оно было связано с выделением в истории советского библиотекведения истории библиотекведческой мысли. Результаты данных изысканий были представлены им

в учебном пособии и монографии, а также в докторской диссертации, посвященной истории библиотековедческой мысли в СССР¹⁵. Первоначально Ванеев увязывал изучение мысли с необходимостью показать формирование и эволюцию взглядов советских библиотековедов по общетеоретическим и методологическим проблемам библиотековедения¹⁶. Позже – с тем, чтобы дать оценку взглядов, их сравнительно-историческую характеристику, показать истоки и тенденцию их развития, значение для прошлого, настоящего и будущего, воплощение в библиотечной практике¹⁷.

Это было отмечено рецензентами. Так, Ю. Н. Столяров подчеркивал, что ее автору удалось выявить основные тенденции развития советского библиотековедения, раскрытие борьбы нового со старым, прогрессивного с реакционным, показать научное и социальное лицо ведущих библиотековедов, определив их место в истории библиотековедения¹⁸. На базе этих исследований Ванеев начинает разработку понятия библиотековедческой мысли и ее эволюции.

История библиотековедческой мысли как научное понятие. Понятие научной мысли является достаточно распространенным в отечественной исторической науке. В истории библиотечного дела понятие мысли использовал М. И. Слуховский¹⁹. Теоретико-методологической основой библиотековедческой мысли как понятия стало, во-первых, определение советского библиотековедения как комплексной общественной науки, разрабатывающей теоретические основы общественного пользования произведениями печати, во-вторых, выделение в ее истории двух основных направлений, или вернее сказать составляющих: это история организация советской библиотечной науки, включая создание научно-исследовательских учреждений, проведение научных конференций и съездов, издание научных работ, и история идей и теоретической мысли по вопросам сущности, предмета и объекта библиотековедения, его структуре, основополагающим принципам, роли библиотек в жизни общества и их социальным функциям и другим вопросам, относящимся к общему библиотековедению. Именно вторая часть, по мнению Ванеева, является главным, основным содержанием библиотековедения, так как именно она отражает те теоретические идеи, мысли, суждения, которые формируют библиотечную науку²⁰. Комментируя данную точку зрения, спросим о соответствии содержания истории библиотековедческой мысли истории библиотековедения. Ответ на данный вопрос можно прочесть в учебном пособии, посвященном истории библиотековедения в России в конце XX в.²¹. В предисловии к нему Ванеев отмечает, что целью данной работы является анализ развития отечественной библиотековедческой мысли, формирование и эволюция взглядов отечественных библиотековедов по общетеоретическим и методологическим проблемам библиотековедения как науки конца XX столетия. При этом он относит к ним все то, «что обозначается обобщающим названием „общее библиотековедение“»²². На наш взгляд, такой подход не совсем точно отражает содержание истории библиотековедческой мысли как таковой, поскольку история данной мысли – это история взаимодействия библиотечного дела вкупе с библиотечной наукой и обществом. Она включает в себя также изучение философских, культурологических, педагогических, книговедческих и иных идей, через которые библиотечное дело влияет на современное

общество. В этом плане история библиотековедческой мысли должна занимать в библиотековедении пограничное положение, поскольку к ней необходимо отнести не только исследования собственно библиотековедов, но и труды книговедов, философов, педагогов и других ученых, оказывающих влияние на формирование библиотековедческого знания и библиотековедения как научной дисциплины.

Библиотековедческая мысль в России XI – начало XX в. В начале 1990-х гг. А. Н. Ванеев обратился к истории дореволюционной библиотековедческой мысли. Обобщающая работа по данной проблематике вышла в свет в 2002 г.²³, в 2018 г. она была переиздана²⁴.

Теоретико-методологической новизной данных исследований стало введение в историю библиотечного дела древней и средневековой Руси понятий библиотечной и библиотековедческой мысли. По мнению О. С. Чубарьяна, появление библиотечной мысли было связано с созданием публичных библиотек в XVIII в.²⁵. Ванеев предложил иной взгляд, увязывая возникновение мысли с появлением библиотек. Зарождение отечественной библиотечной мысли, подчеркивает он, совпадает по времени с организацией на Руси первых библиотек. Появление библиотековедческой мысли Ванеев связывает с работами В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, А. И. Богданова, И. Г. Бакмейстера и других ученых и библиотекарей XVIII в.²⁶. На первый взгляд, предложенная им схема логична. Однако использование Ванеевым понятия библиотековедческой мысли в заглавии, при том что в самом тексте он оперирует понятием библиотечной мысли, создает впечатление, что оба понятия используются им как синонимы. Более того, библиотечная мысль включена им в структуру библиотековедческой. На это в свое время обратил внимание И. В. Лукашов в юбилейной статье, отметив, что под библиотековедческой мыслью следует понимать взгляды специалистов на статус отраслевой науки (ее предмет, объект, методологию, организацию исследований и т. д.); для обозначения представлений о функциях библиотеки, их типологии, работе библиотекаря можно, продолжил рассуждать Лукашов, применять более широкое понятие «библиотечная мысль»²⁷. Тот факт, что в юбилейной статье, несмотря на ее традиционно комплиментарный стиль, была поднята проблема соотношения библиотечной и библиотековедческой мысли свидетельствует о важности данной проблемы для истории библиотечно-библиотековедческой мысли.

К истории складывания расширенного толкования библиотековедения и библиотековедческой мысли. Синтез представлений о библиотечной и библиотековедческой мысли, по нашему мнению, стал следствием расширенных представлений о библиотековедении не только как научной дисциплине, но и как определенной системе представлений о библиотечном деле и библиотеке. Причины этого мы связываем с особенностями развития библиотечной терминологии в дореволюционный период и с формированием представлений о библиотековедении как отрасли деятельности и научной дисциплине.

Начнем с терминологии. В упрощенном виде эволюцию библиотечной терминологии можно изобразить следующим образом. В средневековой Руси, начиная с XIV–XV вв., место хранения книг называлось книгохранилище (книгохра-

нительня), должностное лицо, отвечающее за хранение книг – книгохранитель, а сама деятельность по их хранению – книгохранительство²⁸. Слово «библиотека» появляется в русском языке лишь в XVII в.²⁹ и, по наблюдениям М. И. Слуховского, только в XVIII в. оно прочно укореняется в русском обиходе, вытеснив книгохранительницу и другие ее средневековые синонимы³⁰. В XVIII в. для обозначения библиотечной деятельности появляются производные слова: библиотекарь (библиотекариус, библиотекарий), а также «библиотекарское дело» и «библиотекарство». Так, в 1724 г. И. Д. Шумахеру поручалось «при академии библиотекарское и секретарское дело отправлять»³¹. Слово «библиотекарство», по-видимому, появилось позже. В одном из документов, датированном 1745 г., профессора Императорской академии наук упрекают советника директора Императорской Петербургской библиотеки И. Д. Шумахера за то, что он «исходатайствовал И. И. Тауберту титул унтер-библиотекаря дабы ему помалу и библиотекарство и канцелярское правление поручить»³². Из приведенной цитаты видно, что речь идет о библиотечной деятельности, которую по аналогии со словом книгохранительство называли библиотекарством. Спустя сто лет данное слово использует В. И. Соболевский. «Что касается меня, вспоминал он в 1867 г., то в библиотечной науке я ставлю себя не выше хранителя [...] правда, что я немножко библиотекарь, [...] в библиотекарство меня втянули следующие обстоятельства»³³. Из данного высказывания следует, что Соболевский разделял библиотекарство как практическую библиотечную деятельность и библиотечную науку, представления о которой видимо к этому времени уже начали складываться.

Что касается термина «библиотековедение», то, как известно, его предложил немецкий библиотекарь, автор одного из первых немецких руководств по библиотечному делу Мартин Шреттингер. Под ним он понимал совокупность практических сведений, необходимых для того, чтобы собрание книг превратить в библиотеку. В. В. Скворцов назвал Шреттингера первым библиотековедом, ощутившим потребности в библиотековедении как новой науке³⁴. С данным мнением сложно согласиться. Подготовка Шреттингером учебного руководства («*Handbuch der Bibliothekswissenschaft*», Wien, 1834), но не научного трактата, акцент на упорядочивание и систематизацию коллекции книг, призыв к профессиональному обучению библиотекарей дают нам основания рассматривать его скорее как одного из основателей библиотековедения как учебной дисциплины, но не науки. По мере распространения термина «библиотековедение» его содержание постепенно расширялось. Австрийский библиотековед Ф. Эйхлер определил его как исследование литературных памятников, условий и истории их возникновения, распространения и эксплуатации³⁵. В нашей стране в качестве обобщающей науки в то время рассматривались библиология и книговедение.

Вероятнее всего в первой половине XIX в. слово «библиотековедение» попадает в русский язык. Оно было включено в словарь Ф. Толля, в котором со ссылкой на немецкие источники трактовалось как систематическое изложение сведений об устройстве и управлении библиотек³⁶.

Развитие ряда библиотек как научных учреждений вывело на первый план термин библиотековедение, содержание которого было разделено на широкий и узкий смыслы. В широком смысле оно определялось как научные и техниче-

ские знания в области библиотечного дела, в узком, прикладном смысле – это учение об устройстве библиотеки и управления ею³⁷. В предисловии к «Руководству по библиотечной технике» помощник библиотекаря Императорского Санкт-Петербургского университета И. П. Мурзин, отмечал, что библиотекарю «необходимо знание тех практических регулирующих технических норм, которые содействуют быстрому и правильному функционированию библиотечных учреждений и что необходимость в них выдвинула научно-практическую дисциплину – библиотекведение»³⁸. В 1912 г. С. Д. Масловский определил библиотекведение как синоним науки о библиотеке и обосновал его расширенное толкование³⁹. «Быстрое развитие библиотечного дела», – аргументировал он свою точку зрения, – «привело к широкой разработке библиотечной теории, что вызвало разделение библиотечного персонала на группу ученых библиотекарей и группу младшего библиотечного персонала, выполняющего практически механическую работу». Структура библиотекведения, по его мнению, должна включать «теоретическую или собственно научную и прикладную, узко техническую часть»⁴⁰. Принятие данной точки зрения способствовало поглощению термина библиотекарство библиотекведением в его значении как отрасли деятельности. Позднее М. И. Слуховский определил библиотекведение как отрасль знания⁴¹.

Другой причиной использования термина «библиотекведение» в расширенном значении стало предложение В. В. Скворцова разделить историю библиотекведения на два этапа – донаучный и научный. Первый донаучный этап он увязывал с понятием «библиотекведческой мысли»⁴². В исторических исследованиях широкая трактовка библиотекведения получила развитие в работах Ю. В. Григорьева⁴³, который начал разработку данной темы с изучения идей отдельных ученых и библиотекведов и далее на этой основе подготовил монографию, которая была опубликована уже после его смерти Ю. Н. Столяровым.

В итоге были созданы теоретико-методологические условия для расширенного толкования библиотекведения и включения библиотечной мысли в структуру библиотекведческой.

Критика расширенного толкования понятия «библиотекведческая мысль». Анализ расширенного понимания «библиотекведческой мысли» мы хотели бы начать с крайне важного методологического тезиса Н. Н. Розова о том, что у советских историографов древнерусских библиотек нет согласованности в определении самого предмета исследования, единообразия понимания термина «библиотека» в отношении к древнейшему периоду истории русской книги⁴⁴. В результате в научной литературе сложились как минимум две концепции: книговедческая и библиотекведческая. В контексте первой – библиотеки – это посредники в структуре книжного дела, обеспечивающие общественное пользование книгами. Исследование развития книги в XVII в. ленинградский историк книги С. П. Луппов связывал с изучением вопросов создания книги (книгопечатание, переписка книг), пути ее распространения среди населения, условия возникновения книжных собраний и библиотек, их роли в развитии культуры страны⁴⁵. В рамках второй концепции библиотечное дело – это самостоятельный социальный институт, реализующий образовательные, научные, просветительские, идеологические и иные задачи в интересах государства

и общества, при помощи управления чтением книг из специальным образом организованного библиотечного фонда. Мы полагаем, что применительно к периодам древней и средневековой Руси возникли библиотеки в кнговедческом понимании. М. И. Слуховский рассматривал данные книжные собрания при монастырях и церквях как библиотечные прототипы⁴⁶. В крупных монастырях располагались книжные центры, включающую книжную мастерскую и собрание книг, в церквях – только собрание книг. В обоих случаях книжные собрания предназначались для удовлетворения локальных религиозных и религиозно-образовательных потребностей священнослужителей и прихожан. Исходя из этого, мы полагаем, что отечественное формирование библиотечного дела включало два этапа: первый протобиблиотечный этап протекал с первой трети XI и до XVI столетия; второй, собственно библиотечный, этап разворачивался в XVII–XVIII столетиях⁴⁷. Исходя из этого, применительно к первому протобиблиотечному этапу можно говорить о развитии книжной мысли, включающей в себя организацию церковных и иных собраний книг. На это обратил внимание еще Васильченко. Комментируя его исследования по истории древнерусской библиотеки, Ванеев отметил отсутствие в его работе четкого разграничения между историей книги, просвещения и библиотечного дела⁴⁸. По-видимому, данного разграничения тогда еще не существовало.

Зарождение библиотечной мысли, по нашему мнению, связано с развитием библиотечного дела, как отрасли деятельности. Одним из признаков появления данной отрасли, на наш взгляд, является переход от книжной к библиотечной терминологии в XVI–XVII вв.: от книгохранилищницы и книгохранительства к библиотеке и библиотекарству.

Что касается возникновения библиотековедческой мысли, то оно связано с началом использования научных методов исследования проблем библиотечного дела. В этом плане, при всем нашем уважении, ни В. Н. Татищев, ни М. В. Ломоносов библиотековедами не являлись, и их рассуждения не выходят за рамки книжной мысли того времени. Одним из первых примеров проявления библиотековедческой мысли, по нашему мнению, стали исторические изыскания профессора немецкого права В. Ф. Кlossиуса, посвященные либерии И. Грозного⁴⁹. Известно также о намерении Кlossиуса заняться историей библиотек в русских и польских краях⁵⁰. Безусловно, можно привести и другие примеры оригинальных библиотековедческих мыслей, однако они возникли гораздо позже.

Подводя итоги, хотим еще раз отметить многогранность и фундаментальность историко-библиотековедческого наследия А. Н. Ванеева. Благодаря его изысканиям были созданы условия для установления тесной взаимосвязи между историческими изысканиями и практикой современного библиотечного дела. В рамках первого положения он развивал практический взгляд на исторические изыскания, предлагая ориентироваться на актуальные проблемы современного библиотечного дела. Второе положение касалось переноса акцента с пересказа руководящих партийных и советских документов на изучение людей, их идей и мыслей, благодаря чему история библиотечного дела была «одушевлена». Третье положение связано с развитием понятия библиотековедческой мысли и концепции ее эволюции. В ходе реализации данного положения им были собраны

и обобщены исторические материалы по развитию библиотековедческой мысли и тем самым созданы условия для развития нового направления в истории библиотекведения и библиотечного дела.

Вместе с тем, нами были вскрыты противоречия в представлениях о природе библиотечно-библиотековедческой мысли. Первое из них связано с узостью подхода к самому понятию мысли, не учет ее междисциплинарной природы. Второе стало следствием сложившихся ранее расширенных представлений о библиотековедении как отрасли деятельности и знаний, включающей в себя совокупность теоретических и узкотехнических знаний. Их разрешение, на наш взгляд, будет способствовать развитию библиотековедения.

Анализ разработанной Ванеевым концепции библиотековедческой мысли показывает, что она обладает высоким теоретико-методологическим потенциалом, создавая предпосылки для будущих изысканий. Их содержание, как нам представляется, должно быть направлено на уточнение представлений об источниках книжной, библиотечно-библиотековедческой мысли, а также близкой к ней архивной мысли и выявление оригинальных отечественных идей и концепций. В этом плане перспективны, во-первых, сравнительные исторические изыскания по истории мировой книжной и библиотечно-библиотековедческой мысли. Во-вторых, комплексные исторические книговедческие и библиотековедческие изыскания, и, в-третьих, аналогичные архивно-библиотековедческие исследования. Их реализация, по нашему мнению, придаст мощный импульс развитию истории не только библиотечного дела и библиотековедения, но и смежных дисциплин. И в этом, безусловно, большая заслуга уважаемого Анатолия Николаевича, чей столетний юбилей со дня рождения мы торжественно отмечаем!

Примечания

¹ Плешкевич Е. А. Становление научной мысли в библиотековедении // Библиосфера. 2015. № 1. С. 3–9; Плешкевич Е. А. К вопросу о генезисе отечественного библиотековедения и его науковедческого статуса // Библиосфера. 2016. № 3. С. 80–85; Плешкевич Е. А. Методология отечественного библиотековедения: очерки истории и теории. Саратов: изд-во «Техно-Декор», 2022. 324 с.

² Соколов А. В. Родом из героического поколения. К 90-летию А.Н. Ванеева // Библиотечное дело. 2014. № 23 (233). С.3.

³ Ванеев А. Н. К разработке вопросов историко-библиотековедческих исследований // Сов. библиотековедение. 1976. № 5. С. 30; Ванеев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР, 1917–1980. СПб.: СПбГИК, 2019. С.15.

⁴ Цит. по: Ванеев А. Н. К разработке вопросов историко-библиотековедческих исследований // Сов. библиотековедение. 1976. № 5. С. 30. Сразу оговоримся, что в указанном Ванеевым источнике данное высказывание Н. К. Крупской отсутствует, и мы не смогли установить источник, из которого оно было взято.

⁵ Ванеев А. Н. Изучение и распространение передового опыта массовых библиотек в РСФСР : дис. ... канд. пед. наук. Киров, 1965. 359 с.

⁶ Ванеев А. Н. Методическое руководство библиотеками : учеб. пособие по курсу «Библиотековедение». Л., 1968. 41 с.

⁷ Ванеев А. Н. Использование исторического материала в библиотековедческих исследованиях. Л.: [б.и.], 1973. 68 с.

- ⁸ Ванеев А. Н. Использование исторического материала в библиотечных исследованиях // Ванеев А. Н. История библиотечного дела и библиотечного строительства : сб. ст. СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2013. С. 12–43.
- ⁹ Абрамов К. И., Васильченко В. Е. История библиотечного дела в СССР (до 1917 г.). М.: Сов. Россия, 1959. 199 с.; Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти. 1917–1920. М.: Книга, 1974. 263 с.
- ¹⁰ Абрамов К. И., Васильченко В. Е. Указ. соч. С. 12–17.
- ¹¹ Ванеев А. Н. Биографии библиотечников в серии «Деятели книги» // Сов. библиотечное строительство. 1975. № 2. С. 75.
- ¹² Ванеев А. Н. К. И. Абрамов «Библиотечное строительство в первые годы Советской власти. 1917–1920». Москва: Книга, 1974. 242 с.: Рецензия // Сов. библиотечное строительство. 1976. № 2. С. 110–112.
- ¹³ Ванеев А. Н. Использование исторического материала в библиотечных исследованиях. С. 31.
- ¹⁴ Февр Л. Бои за историю : сб. ст. М.: Наука, 1991. С. 19.
- ¹⁵ Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в СССР (1917–1959) : учебн. пособие. Л., 1976. 151 с.; Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в СССР. М.: Книга. 1980. 232 с.; Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в СССР : дисс. ... д-ра пед. наук. Л., 1980. 438 с.
- ¹⁶ Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в СССР (1917–1959). С. 3.
- ¹⁷ Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в СССР, 1917–1980. СПб.: СПбГИК, 2019. С. 16. Монография Ванеева А. Н. «Развитие библиотечной мысли в СССР» (М.: Книга, 1980) была переиздана в 2019 г. под названием «Развитие библиотечной мысли в СССР, 1917–1980» (СПб.: СПбГИК, 2019). В статье мы использовали переиздание 2019 г.
- ¹⁸ Столяров Ю. Н. Новая монография по развитию общетеоретической библиотечной мысли // Научные и технические библиотеки СССР. 1978. № 2. С. 35.
- ¹⁹ Слуховский М. И. Из истории книжной культуры России. Старорусская книга в международных культурных связях. М.: Просвещение, 1964. С. 8.
- ²⁰ Ванеев А. Н. Когда в России библиотечное дело стало наукой? // Библиосфера. 2016. № 3. С. 75–79.
- ²¹ Ванеев А. Н. Библиотечное дело в России конца XX века : учебн. пособие. СПб.: Профессия, 2007. 246 с.
- ²² Там же. С. 5.
- ²³ Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в России (XI – начало XX в.) М.: Пашков дом, 2002. 304 с.
- ²⁴ Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в России, XI – начало XX в. СПб.: СПбГИК, 2018. 348 с.
- ²⁵ Чубарьян О. С. Общее библиотечное дело. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Книга, 1976. С. 13.
- ²⁶ Ванеев А. Н. Развитие библиотечной мысли в России, XI – начало XX в. С. 66.
- ²⁷ Лукашов И. В. Горизонты научного поиска : К 75-летию со дня рождения А. Н. Ванеева // Библиотечное дело. 2000. № 2. С. 79.
- ²⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–.... Вып. 7. С. 198–199.
- ²⁹ Там же. Вып. 1. С. 184.
- ³⁰ Слуховский М. И. Термин «библиотека» в феодальной России // Археологический ежегодник за 1971. М., 1972. С. 112.
- ³¹ Материалы для истории Императорской академии наук. В 10 т. СПб.: Тип. Императорской акад. наук, 1885–1900. Т. 1. С. 30.
- ³² Там же. Т. 7. С. 422.

- ³³ Соболевский В. И. Записки старого библиотекаря // Исторический вестник. 1886. № 11. С. 298.
- ³⁴ Библиотечная энциклопедия. М.: Пашков дом, 2007. С. 1171.
- ³⁵ Эйхлер Ф. Библиотекведение высшего порядка в его отношении к методам научного исследования и преподавания / Пер. с нем. С. И. Бернштейна; под ред. Э. А. Вольтера. СПб.: Изд-во газ. «Шк. и жизнь», 1913. С. 16.
- ³⁶ Настольный словарь для справок / Сост. под ред. Ф. Толля. В 3 т. СПб.: Изд. Ф. Толля, 1863–1866. Т. 1. С. 258.
- ³⁷ Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний / Под ред. Южакова. СПб.: Кн. изд-во «Просвещение», 1900–1909. Т.3. С. 200–202.
- ³⁸ Руководство по библиотечной технике. Опыт практического библиотековедения / Сост. по соч. Dr. A. Grausel; пер. Я. Борисов; под ред. И. Мурзина. СПб.: изд-во т-ва «Книжное дело», 1911. 164 с.
- ³⁹ Новый энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1912–... Т.6. Стб. 550–561.
- ⁴⁰ Там же. Т. 6. Стб. 551.
- ⁴¹ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М.: Большая советская энциклопедия, 1949–1960. Т. 5. С. 154–155.
- ⁴² Скворцов В. В. Становление и развитие библиотековедения как науки // Библиотековедение. 1996. № 2. С. 29–42.
- ⁴³ Григорьев Ю. В. История русского библиотековедения (1700–1860) // Н. Ю. В. Григорьев (1899–1973). М.: Кн. палата, 1989. С. 69–188.
- ⁴⁴ Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л.: Наука, 1981. С. 108.
- ⁴⁵ Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л.: Наука, 1970. С.5.
- ⁴⁶ Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII века : Из истории книжного просвещения. М.: Книга, 1968. С. 44.
- ⁴⁷ Плешкевич Е. А. Формирование концептуальных представлений о начальной истории библиотечного дела в работах М. И. Слуховского // Библиосфера. 2017. № 3. С. 8–14.
- ⁴⁸ Ванеев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР, 1917–1980. С. 120.
- ⁴⁹ Клоссиус В. Ф. Библиотека Великого князя Василия (VI) Иоанновича и Царя Иоанна (IV) Васильевича // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Кн. 2. С. 397–419.
- ⁵⁰ Плешкевич Е. А. «Журнал Министерства народного просвещения» как источник по истории библиотечного дела и библиотековедения // Библиосфера. 2017. № 1. С. 17–24.

Е. С. Русинова

**Оцифровка книжного культурно-исторического наследия:
позитивные представления и противоречивые практики
(болгарский опыт)**

Рассматривается современная ситуация с оцифровкой книжного культурно-исторического наследия в Болгарии. Представлен опыт библиотек в данной сфере, названы преимущества оцифровки, охарактеризованы ее ключевые проблемы. Предложен концептуальный подход к оцифровке: «философия» действия в котором сосредоточена на трех шагах: а) выбор, б) организация, в) выполнение/реализация. Рассмотрен двухэтапный процесс оцифровки, предложены практические шаги для совершенствования деятельности болгарских библиотек по оцифровке книжного культурно-исторического наследия.

Ключевые слова: оцифровка в библиотеках, проблемы, концептуальный подход, болгарский опыт

Eugenia S. Rusinova

**Digitization of the book cultural and historical heritage: positive ideas
and contradictory practices (Bulgarian experience)**

The current situation with the digitization of the book cultural and historical heritage in Bulgaria is considered. The experience of libraries in this field is presented, the advantages of digitization are named, and its key problems are characterized. A conceptual approach to digitization is proposed: the "philosophy" of action, which focuses on three steps: a) selection, b) organization, c) execution/implementation. A two-stage digitization process is considered, practical steps are proposed to improve the activities of Bulgarian libraries in digitizing the book cultural and historical heritage.

Keywords: digitization in libraries, problems, conceptual approach, Bulgarian experience

Позитивная болгарская практика, накопленный опыт, а также существование немалого количества проблем позволяют сделать выводы, обрисовывающие картину проведения оцифровки в ее положительных моментах и сопутствующих ей трудностях. Целью данного изложения является освещение основных этапов успешного процесса оцифровки, представленных на основе проанализированного и обобщенного примера комплексного внедрения оцифровки в одном государстве – Болгарии¹.

Оцифровка как процесс технологической трансформации книжного культурного и исторического наследия не имеет альтернативы. Она обладает следующими основными преимуществами:

- хранение/консервация с возможностью подвергания сохранившихся оригиналов разным процессам реставрации и/или консервации;
- обеспечение доступа как исследователям, так и широкой аудитории;
- популяризация – через возможность практически неограниченного воспроизводства.

Другими словами, процесс оцифровки обеспечивает сохранение оригиналов и одновременно социализацию оцифрованных объектов².

В болгарских условиях оцифровка занимает центральное место в повестке дня библиотечного сообщества, экспертов архивной системы, а также музейных

специалистов. Публикуются статьи и монографии, организуются конференции и семинары.

В библиотечной сфере в целом эта тема является предметом особого внимания. За более чем два десятилетия не прошло практически ни одного научного форума по библиотечной тематике, на котором эта тема не была бы освещена в докладах разного содержания и направленности. Профессионалы делятся опытом, приводятся примеры разных индивидуальных случаев. Иногда наблюдается даже перенасыщение публикациями.

В начале второго десятилетия века было проведено своеобразное подведение итогов, была разработана программа и были намечены основные направления работы в области оцифровки³.

Наиболее значимые результаты достигнуты в рамках проектов, финансируемых на международном уровне, а также с использованием зарубежного опыта (например, при оцифровке фондов Национальной библиотеки). Международные технологические и организационные форматы способствуют инновационным процессам в области оцифровки – примером может служить практика предоставления оцифрованного контента для Европеаны Варненской региональной библиотекой им. П. П. Славейкова, а также практика Столичной библиотеки – София и ряда других библиотек. Разрабатываются успешные региональные проекты (охватывающие деятельность не только библиотек, но и музеев, галерей, архивов)⁴. Объектом внимания являются коллекции библиотечных документов национального и наднационального значения⁵. Предлагаются функциональные решения, основанные на внедренном опыте ведущих библиотек⁶.

Можно также говорить о сложившемся болгарском опыте разработки проектов в области оцифровки⁷.

Анализ разных болгарских библиотечных текстов указывает на существующее широко распространенное понимание того, что оцифровка – это что-то успешно происходящее, что это процесс, который происходит регулярно и дает удовлетворительные результаты. Кроме того, интерес часто сводится к поверхностному, в основном вербальному вниманию. Об этом свидетельствуют наблюдения за разными публикациями и событиями.

Концептуальный подход к оцифровке. В то же время в болгарских условиях реализации оцифровки мешают три ярко выраженных дефицита – дефицит финансовых средств, отсутствие государственной политики и отсутствие комплексной идеи (программы) того, что необходимо сделать. Мы хотим обратить особое внимание на этот последний, третий элемент и высказать свои идеи.

Мы обозначим их концептуализацией. В это понятие мы включаем деятельность по организации процесса оцифровки в следующих этапах/шагах:

- определение содержания понятий, которыми будут пользоваться в работе;
- определение и уточнение целей и задач, связанных с оцифровкой;
- определение временных рамок и отдельных этапов процесса;
- определение объема (масштаба) оцифровки;
- разработка основных организационных принципов и этических правил, применимых в данной области.

При формулировании предлагаемых шагов мы опираемся на понимание оцифровки как процесса с фиксированным началом (уже оставленным позади) и без конца, который базируется на четких принципах и правилах. Мы придерживаемся подхода всеохватной связи и субординации между отдельными шагами, этапами и действиями.

Предлагаемый подход необходим по нескольким причинам:

- для того, чтобы упорядочить хаотичную речь и действия по теме;
- для того, чтобы определить организационные шаги, необходимые при внедрении такого технологического процесса, как оцифровка;
- для того, чтобы подчеркнуть необходимость введения однозначных понятий и критериев.

В качестве иллюстрации последнего укажем на необходимость определения того, что означает понятие (каково его содержание, т. е. объем понятия) книжное культурно-историческое наследие (ккин). Не останавливаясь далее на этом аспекте, отметим лишь, что это понятие составляет неотъемлемую часть критерия ценности. Последний критерий совершенно необходим, особенно в тех случаях, когда понятие „книжное культурно-историческое наследие“ распространяется на книжное творчество целой эпохи (например, так называемого Возрождения, т. е. периода XVIII–XIX вв.). Вследствие отсутствия правильного определения возникает более ограниченный аспект – аспект определения редких и ценных книг (коллекций). Отсутствие четких определений понятий «книжного культурно-исторического наследия», «редких и ценных книг» дает возможность не только всякого рода спекуляциям с терминологией. Более того, именно здесь возникают трудности при выборе критерия, по которому объекты должны быть оцифрованы в приоритетном порядке.

Двухэтапный процесс оцифровки. Концептуализация предполагает организацию двухэтапного процесса. Не вдаваясь в подробности, отметим, что «философия» действия в нем сосредоточена на следующих трех шагах: а) выбор, б) организация, в) выполнение/реализация.

Первый этап мы также будем называть вводным (предварительным).

Его суть сводится к выполнению всех подготовительных работ для фактического процесса оцифровки. Настал момент сформулировать исходную позицию (тезис, концепцию). Этот, по сути, фундаментальный процесс сопровождается созданием гипотезы/гипотез, если это необходимо. В его рамках определяются также потребности (проблемы, на которых фокусируется процесс).

Одной из основных операций на этом этапе является процесс сбора информации. В то же время этот этап представляет собой процесс исследования идей, проверки содержания концепций и т. д. Это, а также уточнение понятий, критериев и других дополнительных вопросов, подразумевает проведение системы исследований. Для этой цели применяется широкий спектр методов, применяемых в библиотечной сфере⁸.

Теоретически проведение комплексного исследования предполагает использование наблюдения, опросов, интервью и экспериментов. Анализы проводятся с использованием разных подходов (методологий и методов), таких как SWOT, DEA, Gap и т. д. Исследования проводятся дифференцированно по темам

и применяются к разным аудиториям. Работа идет как с аудиторией (пользователями), так и с экспертами. В первую очередь основной упор делается на экспертное мнение специалистов из библиотек, а также архивов и музеев; в целом, тех, кто хранит/предоставляет книжное культурное-историческое наследие. В эту группу входят также библиотекари низового уровня, т. е. те, кто принимает непосредственное участие в обслуживании. С точки зрения аудитории изучаются сегменты разных возрастов, профессий и другие параметры.

Для точного формулирования концепции, соответственно, для формулирования гипотезы целесообразно провести предварительное тестирование (проведение панельного исследования).

Важными акцентами на первом этапе также являются: теория, парадигма и реальность.

Второй этап охватывает подготовку самого процесса оцифровки. Он включает в себя следующие этапы/ шаги:

- определение используемых понятий; важным условием является терминологическая ясность; уточнение содержания обязательно;
- обозначение и определение параметров процесса оцифровки (содержательная характеристика).
- представление (и аргументация) реальных (применимых на практике) критериев;
- разработка конкретной программы, охватывающей все элементы процесса оцифровки (программа является гарантией строгого выполнения технологических процессов).

Далее следует полная организация процесса оцифровки и, соответственно, ее выполнение и реализация.

На этом этапе между этапами «организация» и «внедрение» вставляется этап «контроль и оценка». В процессе выполнения вновь проводится постоянная, через определенные промежутки времени, оценка. Она включает в себя оценку технологического процесса, оценку качества и оценку самой предоставляемой информации.

В ходе второго этапа проводится уточнение некоторых концепций, анализ критериев и показателей и т. д. Также проводится оценка отбора.

Параллельно этот этап сопровождается соответствующими PR- и маркетинговыми мероприятиями, а также презентацией разных результатов. С точки зрения связей с общественностью и маркетинга концептуальный подход требует прояснения того, какая информация будет представлена и какой аудитории она будет представлена, кому будет адресовано соответствующее сообщение и с какими аудиториями будет проводиться работа.

Еще одной сопутствующей деятельностью является обучение пользователей. Оно предполагает создание определенных пояснительных материалов (инструкций и т. п.), ориентированных на пользователей. Очень важным моментом этого является создание сайтов, с которыми легко работать, с четко сформулированными и хорошо выстроенными последовательностями шагов.

Все эти теоретические положения, шаги и практические подходы, которые хорошо известны болгарским библиотечным специалистам, очень часто недооцениваются, игнорируются, не соблюдаются или соблюдаются лишь формально.

В качестве иллюстрации недостатков можно привести некоторые примеры из работы Национальной библиотеки (Национальная библиотека им. святых Кирилла и Мефодия).

Прежде всего, необходимо поднять вопрос отбора – является ли руководящим принципом качество копий (т. е. в первую очередь оцифровываются находящиеся под угрозой исчезновения объекты), или наиболее востребованные, или, как третья возможность, те издания, которые имеют самое большое значение (официальный государственный вестник, статистические ежегодники страны, основные энциклопедические издания).

Сама оцифровка очень часто проводилась небрежно – оцифровывались экземпляры с плохой реставрацией (трудночитаемые), с отсутствующими или поврежденными страницами.

Основными недостатками в работе Национальной библиотеки являются следующие два недостатка:

1. отсутствие общей/генеральной концепции – нет видения относительно перспектив Архива болгарской книги и оцифровки;
2. непонимание интересов пользователей, а также сочетания этих интересов с состоянием фонда национального книжного наследия⁹. Более того, речь идет от имени пользователей, несмотря на то что эти пользователи и их интересы никак не дифференцируются и не изучаются.

Практика также указывает на то, что доступ к цифровым коллекциям зачастую осуществляется посредством просмотра различных презентаций библиотечных богатств, в которых основной акцент делается на ценности коллекции, на чуть ли не великих достижениях библиотечарей в проведении оцифровки, но никаких решений не предлагается для оптимального – легкого и быстрого доступа к оцифрованным материалам.

О пользователях оцифрованных документов. Некоторые аспекты рассматриваемых процессов требуют особого внимания. Первый – выбор того, что будет оцифровано (если есть видение по этому вопросу). Суть действий здесь сводится к следующему:

1. разъяснение основных параметров системы отбора (например, аргументы в пользу выбора одних СМИ перед другими);
2. введение системы первичных показателей, по которым осуществляется отбор.

Второй аспект – пользователи оцифрованных документов. Основное внимание уделяется вопросу о том, кто является пользователем. Без прояснения этого вопроса невозможно проведение ни PR, ни маркетинговой кампании.

Корректность требует указать, что в этом отношении существует величайшая двусмысленность. Большинство объектов оцифровки, относящихся к группе книжного культурно-исторического наследия, представляют собой документы (книги, периодические издания, рукописи, отдельные архивные документы и т. д.), которые доступны немногим (например, из-за языковых ограничений). Логично, что при представлении мероприятий, связанных с оцифровкой таких оригиналов, необходимо делать акцент не столько на содержании, сколько на их общей культурно-исторической ценности. Перед каждой презентационной кампанией

следует задать вопрос, кем конкретно может быть пользователь. Игнорирование этой стороны вопроса является явным критерием незнания проблематики.

Вопрос о пользователе также является ключевым с точки зрения выяснения аудитории библиотечных услуг. Для этого необходим постоянный мониторинг частоты поиска соответствующих библиотечных материалов с уточнением аудитории, на которую эта частота рассчитана.

Здесь мы хотим привести пример региональных библиотек в населенных пунктах, где наблюдается спад числа представителей интеллигенции и демографический спад, а также другие тенденции маргинализации. В таких случаях критерий пользователя как мотив оцифровки становится второстепенным. Его полностью заменяет критерий «культурно-исторической ценности».

Критерий «ценности европейского/мирового значения» также проблематичен. Языковые, культурные и другие барьеры ограничивают прямое общение иностранного пользователя с болгарским книжным культурно-историческим наследием. Распространенное утверждение о том, что то, что интересно/ценно для болгарина, будет интересно и европейцу (будет представлять «ценность»), может быть верным только в том случае, когда существуют четкие ориентиры (критерии, набор актуальной информации) относительно того, к чему из болгарского книжного культурно-исторического наследия действительно проявляется интерес. Здесь мы снова возвращаемся к вопросу о том, насколько важно иметь представление о партнерах, основных тенденциях, актуальных интересах и т. д., существующих на европейском пространстве.

Большое значение имеет также вопрос об ограничениях в оцифровке. Например, существуют писанные и неписанные принципы, согласно которым существуют документы, оцифровка которых на определенных этапах не допускается. Главным аргументом в данном случае является социально-политическая корректность, соблюдение религиозной толерантности, уважение прав личности и групп и т. д. Это особенно касается документов, пропагандирующих расовую, этническую, национальную, религиозную, политическую, сексуальную и т. д. нетерпимость (например, ксенофобские, антисемитские и т. п. тексты и изображения). Отношение к данному типу материалов напрямую связано с политикой всеобщего доступа к оцифрованным документам.

Еще один аспект, заслуживающий особого внимания, – осмысление прошлого и настоящего (местного и зарубежного) опыта.

В качестве примера здесь можно привести процесс внедрения автоматизации библиотек. Одной из главных причин, по которой автоматизация фактически терпит неудачу, является отсутствие концепции, реальных сроков и механизма, обеспечивающего выполнение определенных действий в соответствующие сроки.

Ключевые проблемы оцифровки в болгарских библиотеках. Коротко говоря, основные черты ситуации (узкие места, потенциальные проблемные зоны) можно представить следующим образом:

- отсутствует государственная политика (программа) развития библиотек;
- долгосрочное/стратегическое планирование не входит в повестку дня библиотечного сообщества и отдельных библиотек;

- нет реальных, практических маркетинговых подходов;
- исследовательская деятельность пользователей библиотек сильно недооценена; обратная связь между библиотечными специалистами, пользователями и другими аудиториями игнорируется;
- измерение эффективности и качества работы библиотеки существует только на теоретическом уровне;
- внедрение отдельных библиотечных инноваций (технологий, подходов) является нескоординированным и проводится без контроля¹⁰;
- наблюдается общая нехватка финансовых ресурсов, которые позволили бы беспрепятственно внедрять инновации;
- с минимальными исключениями практические подходы к внедрению инноваций, а также обмен передовым опытом отсутствуют в повестке дня библиотечных форумов – конференций, симпозиумов, круглых столов;
- технология внедрения инноваций недооценена как на уровне библиотечного образования, так и как тема исследования.

В качестве примера существующих проблем можно указать на явное нежелание обсуждать вопрос о том, как и где будут храниться уже оцифрованные оригиналы. Согласно действующей болгарской практике, рассматриваемые объекты не переведены на какой-либо специальный режим, они хранятся на общих основаниях (не подвергаясь процессам реставрации и консервации), и они недоступны не только для публики, но также для общества исследователей. Вопрос о строительстве специализированных складских помещений, соответствующих установленным стандартам и новым европейским практикам, на повестке дня не стоит.

В заключение: никогда не поздно переосмыслить и ввести в действие процесс. Одним из таких возможных шагов является концептуализация процесса оцифровки. Его реализация является средством инициирования организованной, скоординированной, самоконтролируемой и целенаправленной работы по оцифровке.

Проблемы, а также успехи¹¹ болгарской практики могут послужить хорошей основой для понимания параметров процессов оцифровки.

Примечания

¹ Наиболее ранняя публикация по этой теме см.: Rusinova E. Effective and ineffective approaches to the digitization of cultural heritage (lessons from the bulgarian experience) // Дигитализација културне и научне баштине. Белград, 2012. Т. 1. Р. 465–472. Предлагаются решения принципиального характера из практики отдельных ведущих библиотек.

² Rusinova E., Nazarska G. Digitalization of Literary Heritage in the Bulgarian Libraries: Facing Problems and Challenges // Digital Preservation and Presentation of Cultural and Scientific Heritage. Proceedings. 2011. Vol. 1. Р. 161–164.

³ Болгарская библиотечно-информационная ассоциация. Книжное наследие в болгарских библиотеках. Результаты опроса. София, 2011; Болгарская библиотечно-информационная ассоциация. Национальная стратегия и программа сохранения книжного культурного наследия в библиотеках и обеспечения доступа к нему. София, 2013; Цифровое настоящее и будущее: экономические, культурные, образовательные, правовые и технологические последствия : Материалы науч. конф. с междунар. участием, 9–10 апр. 2013 г. / сост. Р. Васильева, С. Станчева. София, 2013.

⁴ Иванова К. Цифровая культурная сокровищница «Север+» – доступ к культурному и историческому наследию в библиотеках, музеях, галереях и местных архивных собраниях // Библиотеки, чтение, коммуникации : Пятнадцатая нац. науч. конф. с междунар. участием. Велико Тырново, 2017. С. 60–69.

⁵ Колева-Званчарова М. Оцифровка литературного и документального наследия в Отделе восточных коллекций: проблемы и решения // Библиотеки, чтение, коммуникации : Пятнадцатая нац. науч. конф. с междунар. участием. Велико Тырново, 2017. С. 199–202.

⁶ Ангелов З., Лазаров В. Н., Георгиев Д. Функциональные решения по созданию электронной библиотеки для областной библиотеки имени Стиляна Чилингирова // Библиотеки, чтение, коммуникации : Пятнадцатая нац. науч. конф. с междунар. участием. Велико Тырново, 2017. С. 229–241.

⁷ Васильева, Хр. Планирование и разработка успешных цифровых проектов книжного наследия. // Библиотеки, чтение, коммуникации : Пятнадцатая нац. науч. конф. с междунар. участием. Велико Тырново, 2017. С. 251–257.

⁸ Эти методы и методики исследования, получившие широкое распространение в западной и российской библиотечной среде, были внедрены еще в 60-х годах XX-ого века в болгарской библиотечной практике. Однако с точки зрения оцифровки в болгарском библиотечном секторе они сильно недооценены и игнорируются.

⁹ Поппетров Н. Оцифровка библиотечных фондов с точки зрения пользователя // Библиотеки, чтение, коммуникации : Девятая нац. науч. конф. Велико Тырново, 2011. С. 280–288.

¹⁰ Русинова Е. Выбор и внедрение инноваций – организационные и коммуникационные аспекты // Библиотеки сегодня – инновационная политика и практика : доклады XXII Нац. науч. конф. Болгарской библиотечной и информационной ассоциации. София, 2012. С. 72–75.

¹¹ Минев Д., Крачанов Ив. Технологические проблемы оцифровки культурного и исторического наследия в Национальной библиотеке имени Ивана Вазова в двухлетней перспективе // Библиотеки, чтение, коммуникации : Двадцать вторая нац. науч. конф. с междунар. участием. Велико Тырново, 2024. С. 39–52; Демирев Э. Варненская электронная библиотека - передовой опыт и перспективы // Библиотеки, чтение, коммуникации : Двадцать вторая нац. науч. конф. с междунар. участием. Велико Тырново, 2024. С. 199–205.

Арутюнян Диана Артемовна, магистрант кафедры медиалогии и литературы, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Arutyunyan Diana Artemovna, Graduate student at the Department of Mediology and Literature, St. Petersburg State Institute of Culture, SPIN-код: 6772-2822, Dijianaarutunyan@mail.ru

Ахти Елена Геннадьевна, заместитель директора по развитию, Центральная городская публичная библиотека имени В.В. Маяковского

Akhiti Elena Gennadjevna, Deputy Director for Development, Central City Public Library named after V.V. Mayakovsky, SPIN-код: 3011-3558, aeg@cgbp.ru

Байтураев Тойчибай Досатович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры библиотечных фондов и библиографии, Государственный институт искусств и культуры Узбекистана

Bayturaev Toychibay Dosatovich, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor at the Department of Library Collections and Bibliography, State Institute of Arts and Culture of Uzbekistan, tyichi56boyturaev@yandex.com

Балковский Андрей Игоревич, магистрант, кафедра информационно-аналитической деятельности, Белорусский государственный университет культуры и искусств

Balkovsky Andrey Igorevich, Graduate student at the Department of Information and Analytical Activities, Belarusian State University of Culture and Arts, virusofficial23@gmail.com

Белогорская Татьяна Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, независимый исследователь

Belogorskaya Tatyana Anatolievna, Ph.D. in Pedagogue, Associate Professor, Independent Researcher, tatyanaibelogorsk@gmail.com

Беляев Николай Сергеевич, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник, Отдел Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом)

Belyaev Nikolay Sergeevich, Ph.D. in Pedagogy, Senior Researcher, Library Department of the Academy of Sciences at the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (Pushkin House), SPIN-код: 8249-9111, Belyaev_77@mail.ru

Боева Галина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Институт бизнес-коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Boeva Galina Nikolaevna, Advanced Doctor in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Advertisement and Public Relations, Institute of Business Communications, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, SPIN-код: 5131-5968, g_boeva@rambler.ru

Буринская Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, независимый исследователь

Burinskaya Elena Nikolaevna, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor, Independent Researcher, valleo@mail.ru

Васильева Влада Дмитриевна, магистрант кафедры медиалогии и литературы, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Vasilyeva Vlada Dmitrievna, Graduate student at the Department of Mediology and Literature, St. Petersburg State Institute of Culture, SPIN-код: 3762-9750, Vasilyeva2k16@yandex.ru

Вигерина Людмила Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и литературного образования, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Vigerina Lyudmila Ivanovna, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Journalism and Literary Education, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, SPIN-код: 7236-1657, livigerina@yandex.ru

Воропаев Александр Николаевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник – заместитель Ученого секретаря Федерального института промышленной собственности

Voropaev Alexandr Nikolayevich, Ph.D. in Philology, Leading researcher – Deputy Academic Secretary of the Federal Institute of Industrial Property, SPIN-код: 5578-9715, av@rupto.ru

Гладкова Екатерина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва

Gladkova Ekaterina Valerievna, Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Department of Russian language, Military Institute (Engineering and Technical) Military Academy name of army general A. V. Khrulev, SPIN-код: 3352-2777, gladius27@mail.ru

Гринченко Наталья Александровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела книговедения, Российская национальная библиотека

Grinchenko Natalya Aleksandrovna, Ph.D. in Philology, Senior research fellow of the Research Department of Book Studies of the Russian National Library, SPIN-код: 1737-5657, books@nlr.ru

Донченко Наталья Григорьевна, доцент кафедры библиотековедения и теории чтения, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Donchenko Natalya Grigorievna, Associate Professor at the Department of Library Science and Theory of Reading, St. Petersburg State Institute of Culture, SPIN-код: 4496-3312, zao-bif@rambler.ru

Есауленко Лариса Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры медиологии и литературы, Санкт-Петербургский государственный институт культуры
Esaulenko Larisa Andreevna, Ph.D. in Philology, Associate Professor at the Department of Mediology and Literature, St. Petersburg State Institute of Culture, SPIN-код: 3387-9294, esaulenkolara@mail.ru

Жилене Екатерина Сергеевна, доктор филологических наук, доцент кафедры медиологии и литературы, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, старший научный сотрудник Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского

Zhilene Ekaterina Sergeevna, Advanced Doctor in Philology, Associate Professor of the Department of Media Studies and Literature, St. Petersburg State Institute of Culture Senior Researcher named after F. M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, SPIN-код: 8432-9440, ebibergan@yandex.ru

Жиркова Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики и литературного образования, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Zhirkova Marina Anatolyevna, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Literary Education and Journalism, Leningrad State University named after A. S. Pushkin; SPIN-код: 3152-2678, manp@mail.ru

Иконникова Екатерина Юрьевна, аспирант кафедры медиологии и литературы, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Ikonnikova Ekaterina Yurievna, Postgraduate Student at the Department of Mediology and Literature, St. Petersburg State Institute of Culture, SPIN-код: 3197-6481, eyikon@mail.ru

Исаченкова Анна Ивановна, кандидат педагогических наук, профессор, Пермский государственный институт культуры, заслуженный работник культуры РФ, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный ветеран

Isachenkova Anna Ivanovna, Ph.D. in Pedagogy, Professor, Perm State Institute of Culture, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Honored Higher Worker of Professional Education of the Russian Federation, Honored Veteran, SPIN-код: 1753-4336, anna_profi46@mail.ru

Кадыров Ильдар Дамирович, аспирант кафедры библиотечно-информационных и цифровых технологий, Казанский государственный институт культуры

Kadyrov Ildar Damirovich, Postgraduate Student at the Department of Library, Information and Digital Technologies, Kazan State Institute of Culture, bkmlfh2011@mail.ru

Кознова Ирина Евгеньевна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук

Koznova Irina Evgenievna, Advanced Doctor in History, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, SPIN-код: 2866-5447, i.koznova@mail.ru

Крымская Альбина Самиуловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры медиалогии и литературы, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Krymskaya Albina Samiulovna, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Mediology and Literature, St. Petersburg State Institute of Culture, SPIN-код: 8845-5324, krymskayaalbina@gmail.com

Кузьмина Нина Георгиевна, методист, Санкт-Петербургское отделение Российского творческого Союза работников культуры

Nina Georgievna, methodologist, St. Petersburg branch of the Russian Creative Union of Cultural Workers, SPIN-код: 8377-6073, Yasnova1966@yandex.ru

Кулев Владимир Эдуардович, начальник отдела информатизации, Библиотека по естественным наукам РАН

Kulev Vladimir Eduardovich, Head of the Information Technology Department, Library of Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences, SPIN-код: 3154-3394, kulev@benran.ru

Липатова Дарья Анатольевна, старший преподаватель кафедры медиалогии и литературы, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Lipatova Daria Anatolyevna, Senior Lecturer at the Department of Mediology and Literature, St. Petersburg State Institute of Culture, SPIN-код: 7161-2401, Lipatova_dasha@mail.ru

Лисенко Дарья Александровна, ассистент кафедры книгоиздания и книжной торговли, Высшая школа печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна

Lisenko Daria Alexandrovna, Assistant of The Department of Book Publishing and Book Trade, High School of Publishing and Media, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, SPIN-код: 1873-2820, d1651lisenko@gmail.com

Лисицына Ирина Анатольевна, кандидат культурологии, заведующий отделом анализа и исследования фонда Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук

Lisitsyna Irina Anatolyevna, Ph.D. in Cultural Studies, Head of the Department of Analysis and Research of the Library of Natural Sciences Foundation of the Russian Academy of Sciences, SPIN-код: 4802-5127, lisitsyna@benran.ru

Лопатина Наталья Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального института промышленной собственности, заведующий кафедрой библиотечно-информационных наук Московского государственного института культуры, главный научный сотрудник научно-издательского центра «Наука» Российской академии наук, Почетный работник сферы образования Российской Федерации

Lopatina Natalya Viktorovna, Advanced Doctor in Pedagogy, Full Professor, Senior researcher at the Federal Institute of Industrial Property, Head of the Department of Library and Information Sciences, Moscow State Institute of Culture, Chief Research Officer of the "Science" Research and Publishing Center of the Russian Academy of Sciences, Honorary worker of the education sector of the Russian Federation, SPIN-код: 2447-9113, dreitser@yandex.ru

Лопачева Мария Каиржановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры медиалогии и литературы, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Lopacheva Maria Kairzhanovna, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Media Studies and Literature, St. Petersburg State Institute of Culture, SPIN-код: 7530-7916, lopacheva03@mail.ru

Маадыр Мая Салчаковна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и документоведения, Тувинский государственный университет

Maadyr Maja Salchakovna, Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of General History, Archaeology and Documentation, Tuvan State University, SPIN-код: 1601-4550, ms.maadyr05@bk.ru

Матвеев Михаил Юрьевич, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории библиотечного дела

Matveev Mikhail Yuryevich, Advanced Doctor in Pedagogy, Leading Researcher at the Department of Librarianship History, SPIN-код: 7566-3614, matveev@nlr.ru

Михеева Галина Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры РФ

Mikheeva Galina Vasilyevna, Advanced Doctor in Pedagogy, Full Professor, Chief Research Officer of the Russian National Library, Honored Worker of Russian Culture, SPIN-код: 1659-2852, g_mikheeva@inbox.ru

Мустафаева Наталья Мирзакеримовна, магистрант кафедры медиалогии и литературы, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Mustafaeva Natalya Mirzakerimovna, Graduate student at the Department of Mediology and Literature, St. Petersburg State Institute of Culture, SPIN-код: 2224-2953, ntlmustafaeva@mail.ru

Овсянникова Лариса Александровна, магистр, соискатель ученой степени кандидата наук, кафедра медиалогии и литературы, Французский лицей им. А. Дюма

Ovsyannikova Larisa Aleksandrovna, Graduate Student, Candidate of Science degree at the Department of Mediology and Literature, French Lyceum named after A. Dumas, SPIN-код: 6247-3780, lara.ovsy@gmail.com

Патрушева Наталья Генриховна, доктор исторических наук, заведующий Научно-исследовательским отделом книговедения, Российская национальная библиотека

Patrusheva Natalya Genrikhovna, Advanced Doctor in History, Head of the Research Department of Bibliology, National Library of Russia, SPIN-код: 1935-1650, patrusheva@nlr.ru

Перекрестова Софья Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Сектора Славянского фонда ОФО, Библиотека Российской академии наук

Perekrestova Sofia Vladimirovna, Ph.D. in History, Researcher of the Slavic Fund of the Funds and Service Department, Russian Academy of Sciences Library, SPIN-код: 5497-4810, perekrestova_sofya@mail.ru

Петров Кирилл Владимирович, кандидат филологических наук, независимый исследователь Petrov

Kirill Vladimirovich, Ph.D. in Philology, Independent Researcher, SPIN-код: 1577-9726, kirill435@mail.ru

Петрова Светлана Андреевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и методики его преподавания как иностранного, Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Petrova Svetlana Andreevna, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Methods of Teaching it as a Foreign Language, Северо-Западный институт управления, RANEPA, SPIN-код: 5752-7905, siversl@yandex.ru

Плешкевич Евгений Александрович, доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук Pleshkevich Evgeny Alexandrovich, Advanced Doctor in Pedagogy, Ph.D. in History, Associate Professor, Chief Research Worker, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, SPIN-код: 2288-6644, eap1609eap@mail.ru

Пономарева Нина Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник, Библиотека Российской академии наук

Ponomareva Nina Vasilievna, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor, Senior Researcher, The Russian Academy of Sciences Library, SPIN-код: 5196-0588, nvponomareva@inbox.ru

Резаков Ярослав Олегович, кандидат филологических наук, независимый исследователь Rezakov Yaroslav Olegovich, Ph.D. in Philology, Independent Researcher, SPIN-код: 2503-

9614, ric.darko@mail.ru

Русаков Алексей Вячеславович, кандидат физико-математических наук, заведующий сектором патентной информации, Библиотека по естественным наукам РАН

Rusakov Alexey Vyacheslavovich, Ph.D. in Physics and Mathematics, Head of the Patent Information Sector, Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences, SPIN-код: 6722-6083, rusakov_a@rambler.ru

Русинова Евгения Стефанова, доктор педагогических наук, доцент, Государственный университет библиотековедения и информационных технологий (София, Болгария)

Rusinova Evgenia Stefanova, Advanced Doctor in Pedagogy, Associate Professor, State University of Library Science and Information Technologies (Sofia, Bulgaria), rusinova_evgenia@mail.bg

Самарин Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, заместитель генерального директора Российской государственной библиотеки по научно-издательской деятельности, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН

Samarin Alexandr Yuryevich, Advanced Doctor in History, Associate Professor, Deputy General Director of the Russian State Library for Scientific and Publishing Activities, Chief Research Fellow of the Institute for the History of Natural Science and Technology named after S. I. Vavilov at the Russian Academy of Sciences, SPIN-код: 4719-4284, Samarinayu@rsl.ru

Сапанжа Анна Васильевна, аспирант кафедры библиотековедения и теории чтения, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Sapanzha Anna Vasilievna, Postgraduate Student at the Department of Library Science and Theory of Reading, St. Petersburg State Institute of Culture, Sapanzhaa@yandex.ru

Сарафаникова Анна Андреевна, студент филологического факультета, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина

Sarafannikova Anna Andreevna, Student at the Philological Faculty, Leningrad State University named after A. S. Pushkin, SPIN-код: 3416-1010, St000022936@lgumail.ru

Старковская Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли, Высшая школа печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна Starkovskaya Olga Anatolyevna, Ph.D. of Philology, Associate Professor at the Department of Book Publishing and Book Trade, High School of Publishing and Media, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, SPIN-код: 2833-5669, starkovskaya@mail.ru

Старцева Ирина Леонидовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского Startseva Irina Leonidovna, Ph.D. in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Russian, Foreign Literature and Mass Communications, Bryansk State University named after I. G. Petrovsky, SPIN-код: 5008-4122, kafedra338@mail.ru

Хакимова Муборахон Якубжоновна, доктор философии, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности, Государственный институт искусств и культуры Узбекистана Hakimova Muborakhon Yakubjonovna, Advanced Doctor in Philosophy, Associate Professor at the Department of Library and Information Activities, State Institute of Arts and Culture of Uzbekistan, Hakimovamuborakhon12@gmail.com

Шаравин Андрей Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, почетный работник высшего профессионального образования РФ Sharavin Andrey Vladimirovich, Advanced Doctor in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Russian, Foreign Literature and Mass Communications, Bryansk State University named after I. G. Petrovsky, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, SPIN-код: 2445-2216, ek11ier@mail.ru

Шарафадина Клара Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Военный институт (инженерно-технический) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва Sharafadina Klara Ivanovna, Advanced Doctor in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Russian Language Military Institute (Engineering and Technical) Military Academy name of army general A. V. Khrulev, SPIN-код: 7385-0701, belkaklara@mail.ru

Явшиц Екатерина Валерьевна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник лаборатории языковой конвергенции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Yavshitz Ekaterina Valerievna, Ph.D. of Philology, Junior Researcher at the Laboratory of Language Convergence, National research university «Higher School of Economics», SPIN-код: 9229-6414, kate_yavshitz@mail.ru